

Annotation

Вилли Делайе, героиня романа «Иллюзии», – женщина сильная и независимая, известный адвокат, глава процветающей юридической фирмы. Единственная цель ее жизни – защищать женщин от деспотизма мужчин и от нищеты, на которую обрекал женщин и их детей несправедливый развод. Родилась привычка: в каждой женщине видеть жертву, в каждом мужчине – агрессора и разрушителя. У нее были на то свои причины... Если бы она позволила себе любить, то, возможно, убереглась бы от слепого гнева, который сыграл с ней жестокою шутку...

- [Джессика Марч](#)
 - [КНИГА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [КНИГА ВТОРАЯ](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [КНИГА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)

- [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [КНИГА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
-

Джессика Марч
Иллюзии

КНИГА ПЕРВАЯ

УСПЕХ

ГЛАВА 1

Вилли Делайе сидела у иллюминатора и пристально смотрела вдаль – на бесконечную мертвую пустыню, на ее желтые горячие пески. Она вспомнила старинное арабское изречение, определявшее Руб-аль-Халиф как «пустое место». Огромных богатств, которые были брошены сюда благодаря открытию крупнейших месторождений нефти, оказалось недостаточно, чтобы превратить эту бесплодную пустыню в цветущий край. Даже богатство и удача вместе взятые, думала Вилли, не могут изменить мир.

Сегодня вид этой пустыни, простиравшейся далеко к горизонту, затронул сокровенную глубину ее души, которая оставалась такой же бесплодной и пустой, в которой ничего не взросло. Несмотря на свои успехи, Вилли была не в состоянии заполнить свое личное «пустое место».

Голос стюарда вывел ее из размышлений.

– Мисс Делайе, пилот передал, что через двадцать минут мы пойдем на посадку.

Она отвернулась от иллюминатора и поблагодарила стюарда. Он замешкался, почтительная улыбка появилась на его смуглом восточном лице.

– Вы всем удовлетворены?

– Да, конечно, спасибо.

Да и чем она могла быть недовольна? Боинг 727, принадлежавший Шейху аль-Рахману, был оснащен, конечно, не менее роскошно, чем ее собственная квартира под самой крышей «Пьеррэ». Спала она на шелковых простынях, в отдельном салоне самолета. Вчера к ужину и сегодня утром стол был сервирован ведвудским фарфором, а еда была приготовлена поваром этого самолета. Из Нью-Йорка они летели двенадцать часов. Вилли эти часы не показались утомительными, скорее, она была рада, что наконец ей удалось вырваться из бешеного ритма жизни в Нью-Йорке.

– Довольны ли вы полетом?

Стюард все еще топтался на месте, его глаза жадно разглядывали ее. Вилли поймала этот взгляд и поняла, почему стюард не торопился уходить. Она была красивой женщиной и привыкла к тому, что

возбуждает интерес многих мужчин. Но едва верилось, что служащий клиента, по делу которого она отправилась в столь долгий путь, может позволить себе такую нескромность.

– Простите, – произнес стюард, – могу я вам посоветовать одеться полегче? В салоне работает кондиционер, но по сообщению о погоде, температура на земле превышает сто четырнадцать градусов по Фаренгейту.

Она поблагодарила его за совет, и стюард бесшумно вышел. Вилли открыла сумку, выложила косметичку из слоновой кости. Она сбросила с себя шерстяной костюм, натянула платье и тут заметила, что манжет костюма натер ей запястье. Достав из косметички крем «Алоэ», она смазала им раздраженное место. Затем причесала чудесные, спадающие на плечи золотистые волосы, слегка подкрасила длинные ресницы и подвела свои необычные аквамариновые глаза.

Вилли не была тщеславной женщиной. Когда-то она даже стыдилась своей красоты. Но с тех пор прошло много времени. Жизнь научила ее, что красота, если ею правильно воспользоваться, может быть ценным орудием в арсенале женщины.

Самолет выпустил шасси, и Вилли поняла, что посадка началась. Она поспешила в спальню, достала свой черный марокканский кейс, который лежал в шкафу, села в кресло и пристегнула ремни, подготовившись к посадке.

Стюард открыл дверь самолета, и ее обдало жарким, словно дыхание дракона, воздухом пустыни. Вилли вышла на площадку трапа и огляделась. Вдали она увидела мерцающие огни незнакомого города. Она надела белую шляпу, которую купила вчера, и опустила вуаль, чтобы скрыть лицо.

– От имени Шейха аль-Рахмана, добро пожаловать в Джеддах, – сказал стюард на прощание.

Недалеко от трапа ее ждал длинный белый «мерседес»-лимузин. Как только Вилли ступила на землю, рядом с ней появился смуглый стройный мужчина с пышными усами.

– Ахлан ва сахлан. Добро пожаловать, мисс Делайе. Мое имя Салим Фавзи. Я – личный секретарь мистера аль-Рахмана. Надеюсь, ваше путешествие было приятным?

– Да, спасибо.

– Я буду к вашим услугам, как только понадобится. – Он распахнул дверцу «мерседеса». – Прошу вас...

Из лимузина на нее повеяло прохладой, и она с удовольствием устроилась на его сиденье. Фавзи сел рядом с ней, и она заметила, как из-под полы отлично сшитого пиджака блеснула сталь револьвера.

«Наверняка, провожатый еще и телохранитель», – подумала Вилли.

– Мы сделаем небольшую остановку для таможенного досмотра, – сказал он. – Это быстрая, но неизбежная формальная процедура. Вы гарантируете мне, что не везете крепкие напитки, наркотики или журналы, которые противоречат принципам нашего мусульманского общества?

– Конечно, да, – сказала она, подняв руку настолько, насколько позволил ей рукав платья.

Фавзи кивком указал на ее марокканский кейс.

– Вы наверняка будете чувствовать себя удобнее, если я положу его вместе с остальным багажом.

– Нет, спасибо, – сказала Вилли с улыбкой. – Я и так чувствую себя хорошо.

– Как пожелаете, – проронил он.

Лимузин остановился. Фавзи сопровождал ее через зал ожидания, и Вилли чувствовала на себе горящие взгляды праздно шатающихся людей. Одни из них искали развлечений, другие – случайную работу за несколько реалов. Для жителей Саудовской Аравии женщина в западной одежде все еще была объектом, возбуждающим любопытство.

Фавзи подал свое удостоверение и паспорт Вилли таможеннику в форме цвета хаки. Тот бегло просмотрел документы и поставил все необходимые печати. На арабском Фавзи объяснил, что женщина из Америки является гостьей мадам аль-Рахман. Таможенник кивнул и пропустил багаж Вилли, даже не взглянув на него, чем вызвал изумление у остальных пассажиров, которые были заняты тем, что выворачивали свои чемоданы, пытаясь убедить служащего, что они не везут ничего противозаконного.

Вернувшись к лимузину, Вилли села на прежнее место, а Фавзи занял место рядом с водителем. «Мерседес» плавно тронулся в сторону города.

Поездка по старому портовому городу на берегу Красного моря дала Вилли возможность получить некоторое представление об экономике Саудовской Аравии, о том, как пытается королевство занять достойное место в цивилизации двадцатого века.

Фабрики, выбрасывающие клубы дыма, до неузнаваемости преобразили ландшафт пустыни, который когда-то напоминал кратер луны своим тихим величием. То тут, то там стояли заброшенные фермы, пустые покинутые дома. Эта картина свидетельствовала о резком снижении цен на нефть и ничтожно маленьком государственном доходе.

На одном участке проезжей дороги работали рабочие. Тут же у самого шоссе стояли жалкие лачуги, в которых они жили. Шикарный «кадилак» поравнялся с «мерседесом». С заднего сиденья три пары глаз из-за черной вуали с любопытством осматривали Вилли. Она улыбнулась, возбуждая интерес сопровождавшего женщин мужчины. Но тут «кадилак» резко увеличил скорость и исчез впереди. Уличное движение в Джеддахе как обычно сводило с ума своим шумом и беспорядком. Женщин за рулем не было видно – закон запрещал им водить машины, а водители – мужчины крутили баранку так небрежно, как будто погоняли верблюда.

Вдруг откуда-то раздался пронзительный звук трубы и донесся высокий, резкий голос муллы, призывающего верующих к молитве. Когда-то мулла взбирался на минарет и выкрикивал священные слова молитвы. Сейчас же молитвы передавались по всему городу с помощью громкоговорителей. «Мерседес» резко затормозил. Фавзи с водителем вышли, захватив с собой маленькие подушечки, бросили их на землю и встали на колени. Вилли осмотрелась. Все движение замерло. Все мужчины стояли на Коленях, обратив свои взоры на восток, и молились. Она вздохнула и открыла бар в лимузине, достала охлажденный сок, налила себе немного в хрустальный бокал. Мужчины молились довольно долго. Хорошо, что шофер не отключил кондиционер, подумала Вилли.

После небольшого глоточка освежающей влаги Вилли повернула марокканский кейс замком к себе. Впервые после своего отъезда из Нью-Йорка она набрала шифр, известный только ей одной, и открыла крышку. Содержимое кейса было вполне безобидным: несколько книг и брошюр о нью-йоркских аукционах. Но когда Вилли нажала на

крохотную кнопочку, замаскированную в кейсе, дно приподнялось, и открылось потайное отделение. На черном вельвете, обтягивающем дно тайника, лежали драгоценности: кулон с огромным кровавым рубином, браслет с изумрудами современного дизайна и антикварное кольцо с огромными старинными бриллиантами и сапфирами. В маленьком замшевом футляре были нитки изумительного жемчуга, а рядом – набор изящных колец с бриллиантами и другими драгоценными камнями. Все драгоценности отличались не просто оригинальностью, но неповторимостью. Вилли внимательно рассмотрела их. В таком количестве эти драгоценности могли показаться простыми безделушками. Но у нее не было сомнений в истинной ценности содержимого потайного отдела кейса. Вчера, когда она давала расписку в его получении Гарри Уинстону, то видела заключение ювелира, оценившего драгоценности почти в три миллиона долларов. Она улыбнулась, подумав, что этот кейс был самым дорогим из всего, что ей когда-либо приходилось возить, а драгоценности – самыми дорогими из тех, которые она когда-нибудь надевала сама.

Вилли снова услышала крик муллы и увидела, что мужчины уже закончили молитву. Они поднимались с коленей, собирали свои подстилки и не спеша направлялись к машинам. Она быстро захлопнула кейс и приняла непринужденную позу. Вероятно, Фавзи имел представление о ее миссии, поэтому безопаснее было соблюдать осторожность. Мужчины заняли свои места в машине с таким видом, как будто эта остановка была не больше, чем задержка у светофора.

Путешествие уже начало утомлять ее.

– Нам еще долго? – спросила она и ощутила внезапную тревогу. Неужели ее не довезут до места назначения? Неужели ей может что-нибудь угрожать? Вилли увидела, что они выезжают из города, и это еще сильнее ее обеспокоило.

– Теперь недолго, мисс Делайе, – как будто прочитав ее мысли, сказал Фавзи. – Мадам аль-Рахман проводит уик-энд на загородной вилле. Она подумала, что вам тоже будет приятно провести несколько дней на свежем воздухе.

Вилли свободно вздохнула и расслабилась. Она знала, что сливки общества Саудовской Аравии проводят конец недели на берегу небольшого залива в Красном море, который называется Греческим.

Иметь дом в этом райском местечке было пределом мечтаний и символом благосостояния, так как здесь находилась большая часть королевских владений.

В Греческом жены принцев и богатых бизнесменов могли спокойно отдыхать и наслаждаться прохладой и свежестью морского воздуха. Здесь, вопреки мусульманским обычаям, они имели возможность одеваться по парижской моде, носить бикини и спортивную одежду.

Сидя в прохладном лимузине и глядя на проносившийся мимо монотонный не меняющийся ландшафт пустыни, Вилли снова и снова возвращалась к мыслям о деле, ради которого она приехала в эту страну. Она ясно понимала, что оно станет значительной вехой в ее карьере.

Вся эта история началась с телефонного звонка в ее офисе в прошлый понедельник. Звонил мужчина, который представился Гарри Болдуином. Он отказался обсуждать свое дело по телефону и настаивал на личной встрече. Сказал, что у него есть предложение, которое должно весьма заинтересовать ее. Его загадочное поведение произвело на Вилли большее впечатление, чем обещанная ей баснословная плата, и она выкроила время из своего напряженного графика и предложила ему встретиться уже в среду утром.

Точно в назначенное время Болдуин, оказавшийся высоким блондином, появился в офисе Вилли. Приятный молодой человек, хорошо, но, на ее вкус, кричаще одетый, он смело пересек кабинет и подошел к ее столу.

– Это правда, что никто не делает этого лучше вас? – спросил он загадочно.

– В моей профессии, мистер Болдуин, большое значение имеет определенность, – сказала Вилли и посмотрела так холодно и отчужденно, что он почувствовал себя не очень уютно. – Я не смогу ответить на ваш вопрос до тех пор, пока не узнаю суть дела.

– Я пришел просить вас развести двух супругов. А это вы делаете лучше всех. Не правда ли?

Она ответила ему с иронией, так, как отвечала всегда на подобные вопросы:

– Я делаю это хорошо, только когда вкладываю всю свою душу и сердце. Но происходит это лишь при определенных условиях...

– Я все прекрасно понимаю. Женщины – вы всегда защищаете женщин. Ведь так? Именно поэтому вы нужны мне. А если правильное выразиться, нужны моей сестре.

– Почему же, разрешите поинтересоваться, ваша сестра сама не обратилась ко мне?

– Она не может прийти к вам. Она... она в тюрьме, если можно так выразиться. Но если вы навестите ее там, – Болдуин расстегнул куртку и, вынув из бокового кармана узкую полоску бумаги, положил ее перед Вилли, – то это будет всего лишь маленькой частью вашего гонорара.

Перед ней лежал чек на пятьдесят тысяч долларов, выписанный на ее имя.

Но дело было не только в деньгах. Деньги не являлись решающим фактором для Вилли Делайе. Основное, что влияло на ее выбор всегда, это суть дела, за которое ей предлагали взяться. И поэтому, когда Гарри Болдуин закончил рассказ о замужестве своей сестры, о полной безнадежности ее положения, Вилли решила заняться этим делом немедленно. Всю текущую работу она отложила до конца недели.

Лимузин ехал по пустынной дороге почти час, и наконец Вилли увидела сверкающий океан во всем великолепии и богатые виллы, расположенные вдоль дороги.

Вскоре «мерседес» повернул на аллею прелестного миниатюрного парка, который сам по себе в этой иссушенной солнцем стране свидетельствовал о богатстве. Да, те кто имеет деньги, чтобы купить воду, и знает технологию орошения, могут превратить мертвую пустыню в цветущий сад, размышляла Вилли.

Машина остановилась возле шикарного особняка, подобного классической калифорнийской вилле. Следуя за Фавзи, Вилли поднялась на три ступеньки. Они подождали, пока слуга открыл перед ними массивную дверь из кедрового дерева, и вошли в дом. Стуча высокими каблуками по красивому мраморному полу, Вилли последовала за слугой через галерею, уставленную в изобилии зелеными растениями и свежими цветами, в огромную гостиную с множеством окон.

На стенах висели картины Александра Калдера и Джаспера Джонса, литографии Шагала. Рядом с шедеврами модернизма казались затерявшимися работы Ренуара, а все вместе они контрастировали с

музейными исламскими гобеленами и антикварными медными подносами. Помещение наполнял аромат сандалового дерева, традиционного освежителя воздуха в здешних местах. Слуга улыбнулся и пригласил Вилли присесть на софу, обтянутую нежным розовым шелком.

Вилли и Фавзи прождали минуту, оглядывая атрибуты сказочного богатства. Вилли еще раз задумалась над словами Болдуина, который характеризовал этот дом как своеобразную тюрьму, и про себя с сожалением отметила, что она мало знает о Шейхе аль-Рахмане.

До нефтяного бума, который начался в семидесятых годах, его имя было неизвестно. Но потом, к достоинству своей королевской крови, он стал выступать посредником в любых крупных сделках, будь то продажа рабочей силы или строительство отелей. Фортуна не покидала его на этом пути, и вскоре он стал едва ли не богатейшим человеком в мире. Его сегодняшнее состояние оценивалось в пять-шесть миллиардов долларов.

Он был женат на сестре Гарри Болдуина. Она оказалась одной из самых привлекательных женщин, которых Вилли видела в своей жизни. Ее изумрудные глаза и ярко-красные губы на совершенном овале лица подчеркивали красоту свежей белоснежной кожи. На ее плечи спадал каскад вьющихся черных волос. Она была в бирюзовом, сшитом в египетском стиле шелковом халате, украшенном жемчугом. Когда женщина подошла ближе, Вилли увидела выражение ее глаз, лишенное теплоты и жизни.

– Мисс Делайе, – сказала женщина дрогнувшим голосом, протягивая руку.

Пожимая ее, Вилли почувствовала в этой руке слабую дрожь, выдававшую сильное душевное волнение.

– Миссис аль-Рахман, я счастлива видеть вас.

– Пожалуйста, зовите меня Софией, – попросила хозяйка. – Я жажду увидеть то, что вы привезли мне из Нью-Йорка. – Она провела языком по губам, будто в нетерпеливом ожидании, и села напротив Вилли. Между полами халата показалась стройная, хорошенькая ножка.

Несколько минут, в течение которых Фавзи крутился возле них, Вилли показывала Софии одну за другой драгоценности, описывая

каждую из них так, как это сделал для нее Уинстон – один из лучших ювелиров.

Маленький мальчик в национальном костюме принес им в небольших белых чашечках кофе, ароматизированный кардамоном; горничная держала перед Софией зеркало, пока та примеряла драгоценности.

Наконец София небрежно-равнодушно посмотрела на телохранителя, который надоел ей своей болтовней о драгоценностях и моде, и сказала:

– Нет надобности тебе здесь находиться, Фавзи. Я хочу переодеться и сделать свой выбор. Я уверена, что с нами все будет в порядке, – добавила она неизвестно почему, так как кража в этом царстве пустыни фактически была исключена.

Фавзи поклонился и вышел из комнаты. Как только дверь за ним закрылась, София с облегчением вздохнула.

– Сейчас мы можем говорить, – сказала она тихо. – Драгоценности оставьте на диване. Слуги не знают английского, поэтому мы сможем спокойно поговорить.

Вилли переложила содержимое двух подносов на шелковую подстилку. Рубины, изумруды, бриллианты, сапфиры, жемчуг переливались всеми цветами радуги. Две женщины были похожи на девочек, играющих в магазин, и Вилли улыбнулась при этой мысли.

– Да, – сказала София, – здесь нет ничего особенного, что бы мне очень понравилось. Каждый месяц мне привозят коллекции, подобные этой. Шейх каждый год дарит мне драгоценностей на миллион долларов. И я была бы совершенной душой, если бы согласилась на меньшее. – Она печально улыбнулась.

– Неужели так трудно было поговорить со мной без этого маскарада? – спросила Вилли.

– Я уверена, что ситуацию, в которой я оказалась, трудно представить. Мой муж великодушно предлагает один из своих самолетов, – всего у него их пять, – чтобы привезти сюда одного из моих друзей, по моему выбору. Но друзей становится все меньше и меньше. Ведь время неумолимо летит. В основном, сейчас я общаюсь только с торговцами, европейскими дизайнерами и ювелирами. – Ее голос дрогнул. – Если бы мой муж узнал, для чего я вас вызвала, мне даже страшно представить, что он сделал бы со мной... и с вами.

– Вы думаете, что ваш муж будет против развода?

София вновь печально улыбнулась. Затем она достала из кармана свернутый лист бумаги.

– Прочтите этот документ, – протянула она его Вилли, – и скажите, что вы думаете по этому поводу.

Вилли бегло прочла бумагу, форма документа оказалась ей знакомой. Это был брачный контракт, составленный семь лет назад. В нем было указано, что София Болдуин, которой в то время было девятнадцать лет, согласна на десять лет стать женой Шейха аль-Рахмана. В течение этих лет он обязуется обеспечивать ее одеждой, драгоценностями и выплачивать ей миллион долларов в виде денежного пособия. По истечении данного срока София имеет право развестись со своим мужем. А Шейх обязан перевести на ее счет сумму в размере двадцати пяти миллионов. Но если София расторгнет брак раньше, то она не получит ничего.

– Ну, что вы скажете? – спросила София с полной безысходностью.

– Этот документ был составлен в Нью-Йорке. Вы там поженились? – спросила Вилли.

– Да, у нас есть квартира в Нью-Йорке. Мы живем там, когда у Шейха дела в Штатах.

– Ну что ж, будет очень хорошо, если вы подадите заявление в Америке, – заключила Вилли.

– Послушайте, мисс Делайе, – сказала София резко, – мне показалось, что вы не поняли. Я не собираюсь подавать никуда никакие документы до тех пор, пока вы не гарантируете мне, что я не только разорву соглашение, но еще и получу указанную сумму. Я не собираюсь отказываться от двадцати пяти миллионов долларов, но и не могу ждать еще три года до конца срока.

Вошел слуга, чтобы вновь налить кофе. София быстро взяла кольцо и сделала вид, что примеряет его. Когда он вышел, Вилли заговорила:

– Если ваши отношения не более, чем деловое соглашение, то, по всей вероятности, вы не нуждаетесь во мне.

В зеленых глазах Софии проскользнула тревога.

– Простите меня, пожалуйста, – извинилась она, – вы были настолько добры, что приехали в такую даль, и вы мне очень нужны.

Но... Хорошо. Если кто-нибудь семь лет назад сказал бы мне, что я буду беседовать с кем-либо вроде вас, я бы ответила ему, что он сумасшедший. Когда Шейх захотел жениться на мне, я чувствовала себя самой удачливой женщиной на свете. Я тогда была совсем еще ребенком. Несколько месяцев работала манекенщицей и зарабатывала немного. Когда в первый раз Шейх в мою честь устроил дискотеку только потому, что я сказала ему, что люблю танцевать, я была потрясена. Я никогда раньше не встречала никого, похожего на него. Шейх может быть обаятельным, когда захочет. И он обладает необычной способностью притягивать к себе. Вроде, как с этими драгоценностями. Он сделал мне подарок. Это был бриллиантовый браслет. Он стоил больше всего того, чем когда-либо владела наша семья. Браслет был настоящим и потрясающим, как и сам Шейх. Шейх был богат и имел власть. Я думала, что, выйдя за него замуж, получу все то, о чем мечтаю. – София выложила пачку сигарет «Данхил» и малахитовую зажигалку на инкрустированный кофейный столик. Слегка дрожащими пальцами с длинными алыми ногтями она вынула сигарету и поднесла к губам.

Слова Софии, выражение ее лица напомнили Вилли мать. Но разве не все ситуации, подобные этой, напоминали ей о матери?

– Итак, ваши мечты не осуществились? – с укоризной спросила Вилли.

София покачала головой.

– Я помню вашу фотографию в журнале «Пипл». А в статье о вас говорилось, что вы всегда выигрываете процессы, за которые беретесь.

– Это почти правда. Обычно бракоразводные процессы наносят урон одной стороне. Бывают, конечно, и грязные дела. Бывают и ошибки.

– В моем деле ошибки недопустимы. Шейх наймет армию адвокатов.

– Предоставьте мне позаботиться об этом. Только дайте мне необходимую информацию. Шейх не позволяет вам ходить по своим владениям, заточил вас как узницу. И я просто не представляю, как мы сможем общаться при том образе жизни, который вы ведете. Ведь за вами все время наблюдают...

София долго и пытливо смотрела на Вилли. Потом затушила в пепельнице сигарету.

– Есть еще кое-что, – сказала она, резко вставая, – пойдете, я покажу вам.

София провела Вилли по мраморной лестнице, затем по длинному, покрытому коврами коридору к огромной спальне, в которой пахло духами и гашишем. Эта комната совсем не была похожа на комнату нижнего этажа. Здесь, на толстом, закрывающем весь пол белом ковре стояла огромная круглая кровать, покрытая красным стеганым атласным покрывалом. Перед кроватью стоял высокий, до самого потолка, китайский шкаф. Как только они вошли в комнату, Вилли сразу же обратила внимание на огромный экран телевизора. Бар изобиловал напитками, на столике лежали разнообразные лекарства.

– Присаживайтесь, это самое удобное место в доме, – сказала София, указывая на кровать.

Она вложила в видеомэгнитофон кассету и нажала несколько кнопочек. Вспыхнул экран и зазвучала симфония Бетховена. На экране появилась спальня, где они сейчас находились. Открылась дверь, и вошла София, закутанная с головы до пят в черное покрывало. Глаза ее были затуманены. На серебряном подносе она подала стакан с напитком обнаженному мужчине лет пятидесяти, который полулежал на кровати.

– Мой муж, – прошептала София, – моя «голова». На экране намеренно споткнувшаяся София пролила содержимое стакана на пол. Мужчина вытянул руку и сильно ударил ее по лицу. Его глаза выжидающе смотрели на нее. Она опустилась на колени, моля его о пощаде. Он еще раз ударил ее, затем разорвал на ней покрывало, обнажая ее тело, грудь, лобок, смазанные маслами. У Вилли участилось дыхание. Она смотрела с интересом и отвращением одновременно.

Мужчина, схватив за прекрасные волосы, притянул голову жены к себе и сунул ей в рот свой возбужденный пенис. Он получал удовольствие, и его стоны усиливались и сливались с музыкой. Он стал кричать и шлепать Софию. Затем оттолкнул, забрызгивая ей лицо своей спермой. Потом начал смеяться, довольный, потирая руки. В комнату вошли двое молоденьких слуг, девочка и мальчик, которым на вид было не более четырнадцати-пятнадцати лет. Шейх что-то крикнул им по-арабски, и они сбросили с себя одежду. Затем, поманив девочку к себе, он посадил ее на колени и стал ласкать ее небольшую грудь. В

это время юноша навалился на Софию. Она лежала на полу. Глаза ее были закрыты. Смеясь и крича, Шейх подгонял мальчика, движения его пальцев, проникающих в девушку, входили в ритм с пенисом мальчика, который овладел инертным телом Софии. Когда мальчик кончил, Шейх стряхнул с себя служанку и, потянувшись, взял с постели тонкий кожаный хлыст.

Распалаясь напускной яростью, он хлестнул Софию по груди. Та закрылась руками, и он пнул ее ногой. Она послушно перекатилась на живот и стала на четвереньки. Он вытянул ее хлыстом раз, другой – она стала кричать. Под ее вопли он, смеясь, грубо вошел в нее сзади.

– Хватит, – хрипло сказала Вилли – ее тошнило от увиденного. – Достаточно.

София ткнула кнопку, и экран погас.

– Это кино у нас из приличных, – спокойно объявила она. – Есть масса других. На одной пленке я развлекаю сразу несколько друзей Шейха... господ с экзотическими, так сказать, наклонностями. У Шейха даже есть пленка, где... меня оперируют.

– Оперируют?

София низко опустила голову, но Вилли видела, как на ее стиснутые кулаки капаят слезы. Через минуту она жестко сказала:

– Это была цена, которой куплено вот это...

– Что-что?

София подняла глаза, и Вилли подумала, что в жизни своей не видела такого безутешного, потерянного взгляда.

– Он охолостил меня, как пса. У меня не будет детей, и... я ничего не чувствую.

Вилли резко выпрямилась на стуле.

– То есть, он насильно стерилизовал вас?

– Нет, не совсем это. – София покраснела под пристальным взглядом Вилли. – Это делалось по согласию. Но когда я лежала на операционном столе, я не знала, что доктор вырежет мне клитор, чтобы я не получала удовольствия от любовных игр моего мужа.

Вилли негодовала. Сейчас она поняла весь ужас положения Софии, находящейся в своей золотой тюрьме. Шейх аль-Рахман купил ее девятнадцатилетней девушкой точно так же, как купил бы кусок мяса. Он заточил ее здесь, по своему вкусу сделав из нее собственную проститутку и порнозвезду. И так как общественное мнение

Саудовской Аравии негативно оценивало подобные явления, он женился на ней.

– Я помогу вам, София, – сказала Вилли с той твердостью, с которой дают клятву. – Я заберу вас сегодня с собой.

– Нет, вы меня не поняли. Люди Шейха, его слуги, они делают все, что он им говорит. Я не могу поехать. Я не имею права здесь водить машину. И я не имею права покинуть страну без его разрешения. Он... он угрожает мне. Он сказал, что убьет меня, если я попытаюсь сбежать от него. Он может это сделать, вы знаете. Он будет клеветать на меня, скажет, что я сбежала к любовнику. Закон здесь все ему позволял и продолжает позволять. – Она посмотрела вдаль. – Старые Шейхи используют тот же способ, чтобы обновлять свои гаремы. И делается все, чтобы исключить неверность жен.

А вы когда-нибудь изменяли ему? – спросила Вилли. София горько улыбнулась.

– Вы имеете в виду кассету? Это уже не имеет никакого значения. Может быть, мое сердце и могло бы полюбить другого, но тело мое уже мертво.

Вилли всем сердцем жалела эту прекрасную женщину. Она оказалась брошенной в ад, соблазнившись огромным богатством.

– Я возьмусь за ваше дело, – сказала Вилли, – но обещайте, что постараетесь выбраться отсюда в Нью-Йорк, где вы будете в безопасности. Там я смогу защитить вас, используя закон. Закон Запада.

Шейх запланировал поездку в следующем месяце. Он собирается взять и меня с собой. Фавзи не спускает с меня глаз, но я думаю, что смогу от него скрыться.

Как у вас с деньгами? Смогли ли вы скопить хоть немного?

София кивнула.

Я смогу заплатить вам столько, сколько необходимо. Я спрашиваю совсем не поэтому. Вам понадобятся деньги на жизнь. Это будет долгий и грязный процесс, и я хочу быть уверенной, что вы выдержите его.

Я, конечно же, выдержу, если вы сможете выиграть его.

Я выиграю. Никому не дано права делать то, что делает с вами ваш муж. София улыбнулась.

– Вы говорите не как юрист, а как человек, воспринявший это дело как свое личное.

Вилли взяла женщину за руку и сказала:

– Я всегда отношусь к своей работе, как к личному делу. А сейчас, если у вас есть комната для меня, я хотела бы немного отдохнуть.

София устроила ее в угловой комнате, из окна которой был слышен шум волн, бьющихся о берег. Сняв туфли, Вилли растянулась на кровати и закрыла глаза. Ее мозг прокручивал стратегию этого процесса, который, несомненно, будет одним из самых громких дел в ее профессиональной жизни. К своему удивлению, она думала о том, какие превратности может готовить романтическая любовь. Все женщины, которые проходят через двери ее офиса, когда-то кому-то шептали: «Я люблю тебя». И, конечно же, они верили в то, что эта любовь вечна. Но когда они приходят к ней, все слова, вся их страсть направлены на то, чтобы отомстить или получить побольше денег. В офисе Вилли, в судебных залах, где она ведет процессы, сцены любви, бывшие когда-то прекрасными, теряют весь свой блеск. Жаркие клятвы в вечной любви вскоре обнаруживают всю свою несостоятельность и хрупкость.

В то время, как Вилли пыталась уснуть, шум прибоя, доносившийся из окна, превратился в шепот, ласковый шепот мужчины, который клялся ей в вечной любви. В своем воображении она видела его, улыбающегося и поднимающего ее на руки. Он нежно ласкал ее, страстно обнимал, любил ее.

Но как только она уступила его объятиям, он исчез, испарился, как утренний туман. И когда сознание ее колебалось между сном и явью, она остро ощутила душевную пустоту.

Так происходило всегда. Мечты о любви теряют свою яркость, когда умирает надежда.

«Так и случается со всеми моими клиентками», – подумала Вилли. Так же, как и мираж в пустыне, любовь, которая маячит на горизонте, манит их к себе. Но как только они подходят ближе, мираж исчезает, так же как и все жизненные иллюзии...

ГЛАВА 2

Фирма Делайе занимала весь двадцать первый этаж здания на 375-й Парк-авеню. Кроме Вилли и ее двух партнеров, в фирме работали двадцать два секретаря, различные клерки и еще шесть молодых коллег. Когда-то Вилли даже не могла предположить, что ее карьера пойдет так далеко.

«Закон – это дурной мужской клуб», – жаловалась она одному человеку, который был полностью согласен с ней.

«Действительно, – спокойно отвечал он ей, – если в нашей стране будет работать достаточно женщин, подобных тебе, ситуация может измениться».

Вилли расширяла свою фирму, давала возможность проявить себя молодым талантливым юристам – юристам-женщинам. Она приняла на работу нескольких мужчин лишь для того, чтобы избежать разговоров о дискриминации. Конечно же, все, что она делала, ни в коей мере нельзя было назвать дискриминацией. Таким образом она просто утверждалась как юрист. Мужчины, которые работали в ее фирме, также имели массу возможностей для роста.

Как часто отмечала деловая пресса, фирма Делайе была уникальной и неповторимой в двух отношениях. Во-первых, в этой фирме любая творческая и деловая женщина-юрист могла стать компаньоном через обязательные семь лет работы, и во-вторых, эта фирма специализировалась только на семейных делах, а иначе говоря, на разводах.

Шесть лет назад в Соединенных Штатах работало около семисот специалистов по бракоразводному делу. Сейчас их было уже около двенадцати сотен, и в том числе Вилли и ее блестящие коллеги.

В ее студенческие годы юристы, занимавшиеся разводами, котировались чуть выше, чем медики «скорой помощи». Но Вилли всегда относилась к своей профессии с большой любовью и считала ее очень нужной. «Что ты о себе думаешь, тем ты и являешься» – говорила она во время своего выступления в Гарвардском университете. «Если ты считаешь себя достойным специалистом, то ты и делу добавишь свое собственное благородство. Наша Конституция утверждает право каждой личности на счастье. Когда это

право не может быть осуществлено, то машина правосудия пытается компенсировать потери человека. Я верю, что потеря любви является одной из величайших потерь человека, и работаю я только для того, чтобы смягчить человеческие страдания с помощью закона. Статистика говорит, что разводы происходят через каждые двадцать семь секунд. Я верю, что наше дело является неотложным и нужным, и это обязывает нас работать с большим чувством долга. Вот почему я посвятила себя, отдалась всей душой и сердцем этому делу...»

Было 9.40 утра, когда Вилли прошла мимо своей секретарши, рассеянно поздоровавшись с ней, через длинный коридор к своей угловой комнате. Кабинет ее был большим, внушительным, с видом на город. Этот кабинет был для нее более близким и личным, чем квартира, в которой она жила. Книги на полках, потрепанные от частого чтения, были ее любимцами еще со студенческой скамьи. Картины на стенах она выбирала сама: это были великолепные работы Гормана, Пикассо и Климта. А массивный стол привезла из Лондона. Путешествуя, она любила покупать вещи для офиса так же, как туристы любят покупать различные сувениры. Подарки от клиентов, премии за хорошую работу: антикварный русский самовар и китайский ковер ручной работы – также красовались здесь.

Как обычно, секретарша оставила на столе термос с горячим кофе и свежий букет цветов – сегодня это были тюльпаны. На краю стола лежала кipa свежих газет: «Нью-Йорк таймс», «Уолл-Стрит джорнал», «Кристиан Саундс Монитор». Заголовки важных материалов были обведены красным карандашом. Документы, ожидающие подписи, были собраны в аккуратные стопки на другом краю стола. Вилли плеснула себе немного кофе и включила магнитофонную запись телефонных сообщений. Вдруг она заметила листок бумаги, на котором было написано только имя. Вилли вздрогнула. Она уставилась на эту бумажку, совершенно забыв, что является главой большой фирмы, ощущая себя лишь женщиной. Потом спрятала бумажку. После она подумает об этом. Сделав кое-какую работу, она успокоилась, и возбуждение, которое нарушило нормальное течение ее дня, постепенно прошло. Вилли вызвала свою секретаршу по интеркому.

– Летти, я хочу попросить тебя позвонить профессору Заки Хатему из Колумбийского университета. Он специалист по

исламскому закону... но сначала позвони в департамент по Востоку и получи там консультацию. Затем надо узнать побольше о Шейхе аль-Рахмане и о его жене Софии. Потом позвони Гарри Болдуину и успокой его. Через две недели все будет о'кей.

– Все будет сделано, – не замедлила с ответом секретарь.

– Насчет этого сообщения в Ассоциации адвокатов... я не смогу сделать его...

– Френсис Алоисис Гарриган звонил дважды, сам. Лично.

– Ох. – Во Френсисе Алоисисе Гарригане было все, перед чем Вилли преклонялась, но одновременно и то, что полностью отвергала. Он более, чем кто-либо, научил ее рутинной каждодневной работе в области закона. Но вот как он ее учил, ей не совсем понравилось.

– Позвони снова его Высочеству, – сказала она, – и посмотрим, как он сможет перекроить мой день.

– Хорошо.

Минуту спустя в микрофоне раздался бархатный голос Гарригана.

– Вилли, дорогая. Как хорошо, что вы вспомнили обо мне. Как сегодня поживает нью-йоркский борец за благополучие женщин?

– Прекрасно. Чем могу быть полезна?

– Все работаете? И все, должно быть, на высоком уровне. – Гарриган не спешил. Беседа с лучшим нью-йоркским адвокатом входила в его планы, но не только она.

Я должен вам сказать, как я рад вашей карьере... как я горжусь моей «маленькой протее».

Вилли рассердилась, но она не хотела, чтобы Гарриган почувствовал это.

– Ваша «маленькая протее» благодарна вам. Есть еще что-нибудь, о чем вы хотели бы поговорить?

– Да, дорогая Вилли. Если буду иметь удовольствие провести в вашей компании ленч. Сегодня.

– Сегодня? Я уже...

– Отмените все, пожалуйста, – прервал он ее. – У меня дело на несколько минут, и я хочу обсудить его с вами. Я обещаю вам интересный ленч... не говоря уже о приятной компании.

Она зло улыбнулась.

– Френсис, у вас душа жирного продавца змей...

– Я принимаю это как комплимент... и как согласие. Во «Временах года» в двенадцать тридцать.

Он повесил трубку до того, как она успела что-то сказать. Все еще улыбаясь, Вилли попросила секретаршу отменить дела, которые были назначены на время ленча. Гарригана можно считать ненормальным. И сволочью. Но если у него есть что сказать ей, она хотела бы услышать это.

На пороге кабинета появилась Памела Белзер. Смуглая, холеная, с безупречно гладкой кожей, Памела прекрасно приспособилась ко всем правилам фирмы. Она была первым штатным экспертом фирмы по экономическим вопросам, могла легко и быстро проследить за выплатой алиментов или обеспечением другой поддержки несовершеннолетним детям.

– Простите за вторжение, – сказала она, – но у меня есть сомнения, и мне нужно знать ваше мнение немедленно.

– Присаживайтесь. Все сегодня спешат.

– Посмотрите, – сказала Памела, подавая Вилли кипу бумаг. – Именно верхнюю страницу.

– Что это – государственный долг?

Памеле было не до смеха. Деньги были единственной вещью, с которой она не шутила.

– Это деньги, которых я добиваюсь для Нины Блекмен.

– А... – Дело о разводе семьи Блекмен все еще находилось в начальной стадии. Когда Роб Блекмен, звезда и гордость телевидения, сообщил своей сорокалетней жене, что хочет развестись с ней, Нина сразу же обратилась к Памеле Белзер. Мудрый выбор. Последний трехмиллионный контракт Блекмена дает возможность Нине позволить себе расходы, которые сделают ее жизнь комфортной. Согласно бюджету, который представила Памела, Нина получала в собственность квартиру на юге Сентрал-Парк и ежемесячную помощь в размере двадцати тысяч долларов. Вилли пробежала глазами перечень:

Платежи по кредиту 2200 долларов

Коммунальные расходы 240 долларов

Телефон 650 долларов

Врач 980 долларов

Страховка 1200 долларов

Ремонт 1500 долларов
Прислуга 1200 долларов
Еда и напитки 2100 долларов
Затраты на машину 600 долларов
Развлечения 2000 долларов
Путешествия 1100 долларов
Одежда 2500 долларов
Уход за собой 800 долларов
Частная школа 2000 долларов
Прочие расходы 2500 долларов

– Я догадываюсь, – сказала Вилли, – муж, видимо, не хочет платить?

– Они никогда не хотят платить, – трезво констатировала Памела.
– Но проблема не только в этом. Он угрожает оспорить также и опеку. Мой клиент – такая истеричка, что я не знаю даже, что и посоветовать ей. Поэтому я обращаюсь к вам за помощью.

Вилли нахмурилась. Сам факт оспаривания опеки детей был серьезным делом. Раньше, когда она только начинала практиковать, судьи всегда автоматически передавали детей матери, если не была доказана ее несостоятельность в этом качестве. Сейчас же судьи могли оставить детей с отцом, если у него было достаточно денег и возможностей, чтобы выиграть процесс.

– Кто его адвокат? – спросила Вилли.

– Нед Роуман.

Вилли глубоко вздохнула.

– Я буду выступать против него. Он автор книги о том, как выиграть процесс, используя шантаж. Он доказывает в ней, что процесс можно выиграть в считанные минуты. Да, хоть от него воняет, но он умеет хорошо работать. Как ты думаешь, в самом деле Блекмен хочет забрать у нее детей?

– Я не уверена. Там вырисовывается другая женщина. Сплетни еще не начали распространяться, но Нина сказала мне, что Роб хочет жениться на Глории Хакер – владелице фабрики пиломатериалов. Я навела кое-какие справки. Она, конечно же, не соответствует роли идеальной мачехи, но Нина очень опасается ее. Она боится потерять не только мужа, но и детей, если что-то будет не так.

– Конечно же, ясно, что Роуман захочет запугать ее. Скажите, говорил ли вам Роуман о том, что вы не имеете права определять характер отношений отца с детьми?

– А вы откуда узнали об этом? – воскликнула удивленная Памела.
– Он всегда говорит такие речи, когда готовится к разговору о деньгах. Мужчины выглядят в зале суда не очень хорошо. Он рассчитывает, что сможет запугать Нину и повернуть все против нее.

– А теперь насчет этих сумм. – Вилли кивнула на листок бумаги. – Можем ли мы немного уменьшить их?

– Совсем немного, – сказала Памела. – Но уровень жизни Нины был очень высок в течение последних шести-семи лет.

– Ладно, подгоните цифры и держите оборону. Роуман проиграет. Скажите своему клиенту, чтобы она рассчитывала на нас.

– Спасибо за помощь, Вилли. Вы знаете, я всегда говорю своим клиентам, что лучше, если бы они воспринимали развод как коммерческую сделку, оставили попытки быть добрыми и позволили мне вести переговоры. Всегда говорю!

– Я помню.

Память о первой встрече Вилли с Памелой была еще свежа. «Дела о разводе очень выгодный бизнес. И он становится все более выгодным», – ответила Памела на вопрос Вилли, почему она хочет работать в ее фирме. Это мнение не совпадало с позицией Вилли. Но Памела была высококвалифицированным специалистом – она закончила с отличием юридическую школу в Эйле и упоминалась в «Юридическом вестнике». «Было бы неплохо, если бы эта женщина работала со мной, – подумала тогда Вилли. – Она смогла бы принимать разумные экономические решения». «Все может, конечно же, начинаться с любви, но в конце концов заканчивается деньгами!» – заключила Памела. Вилли, само собой, рассуждала по-другому.

Теперь не хотелось вспоминать об этом. Она пожелала Памеле удачи в деле, которое та вела, и они расстались.

Оставшись опять одна, Вилли взяла бумагу, которую раньше отложила. Она набрала номер телефона, указанный в записке, и, словно восемнадцатилетняя девчонка, слушала гудки.

Наконец знакомый хрипловатый голос ответил:

– Алло?

Она пыталась говорить спокойно.

– Джедд, это Вилли. Я получила твою записку. Чем ты меня можешь обрадовать?..

– Я счастлив, что ты мне позвонила. Как поживаешь?

– Я... прекрасно. А ты? – Как странно, подумала Вилли, что они могут так вежливо разговаривать после того, что случилось...

– Не так хорошо, как мне хотелось бы. Мне нужно видеть тебя. Давай поужинаем вместе. Сегодня.

– Хорошо. – Ответ у нее вылетел раньше, чем она смогла обдумать его.

– Я позвоню тебе сегодня в семь. Ты живешь все там же?

– Нет, у меня квартира в «Пьеррэ».

– А не слишком ли накладно для вас, адвокат? – съязвил он.

– Обсуди это с моим бухгалтером, – с удовлетворением отрезала она и повесила трубку.

Кафе «Времена года» посещали юристы. Оно высоко ценилось как место, где можно вкусно поесть. Вот почему его выбрал Френсис. Вилли не удивилась, когда метрдотель указал ей на стол у фонтана, заказанный им. Френсис любил помпезно преподнести себя и в ресторанах, и в лучших клубах города. Вилли также не удивило, что она пришла первой. Он, вероятно, укрылся в комнате для мужчин или в баре, чтобы своим выходом произвести эффект. Его глупым играм не было конца. Она заказала стакан белого вина и решила подождать Френсиса десять минут, но не более.

– Вилли, дорогая! – экспансивно приветствовал ее Гарриган сразу же после того, как ей принесли напиток. Вы выглядите великолепно.

– Как и вы, – сухо сказала она. Правда, нельзя отрицать, что Сильвер Фокс (прозвище, которым он был обязан своему красноречию и преждевременной седине) немного изменился. И все же он остался таким же, каким она его знала двенадцать или более лет назад. Он неплохо выглядел в своем костюме, который, как ни странно, подходил к багровому цвету его лица. Может быть, у него высокое кровяное давление, подумала она, но, скорее всего, это от чрезмерного потребления алкоголя. На его ногтях был маникюр. И, присутствовал ли он в зале суда или занимался другими серьезными делами – на нем постоянно были его старые очки в роговой оправе. Гарриган, она знала это, как никто другой, любил производить эффект на слушателей, он рожден был для этого и реализовывал свои способности. Она

улыбнулась, когда он уселся на свой стул и подозвал официанта, нахмурив густые брови, с царственным выражением лица.

Получив свою выпивку, Гарриган направил все внимание на Вилли.

– Нет сомнения, что вы были полны любопытства, когда собирались на эту встречу. – Он улыбнулся, чтобы немного смягчить свои слова.

– Нет сомнения, вы угадали. – Она улыбнулась ему в ответ.

– Ах Вилли, Вилли... Это был печальный день, когда вы покинули меня. Я жалею, что не работаю с вами, такой искренней, интеллигентной, упорной и целеустремленной женщиной.

– Спасибо, – сказала она, желая прервать поток его комплиментов.

– ... Вы преклоняетесь перед законом. Но, – он сделал эффектную паузу, – но есть такие тонкости, которым вы научились бы, оставшись в фирме «Гарриган и Пилс». Баланс и пропорция и чувство абсурдности всего. Вот вы сидите здесь, довольная и счастливая своим выбором, вы все еще верите в то, чего нет. Почему так получается, дорогая Вилли? Неужели вы не могли найти другую область применения своему таланту?

Слова Гарригана действовали Вилли на нервы.

– Френсис, дорогой, – сказала она медленно и с нескрываемой иронией, – я уверена, что вы слышали притчу о поваре, который работал в посредственном ресторане. Он готовил пищу, но не хотел ее есть. Я уважаю принципы законодательства, но составлено оно весьма посредственно, и я не хочу опираться только на него.

– Хорошо. Если вы так считаете, – удовлетворенно заявил он, – вы обрадуетесь моему приглашению выступить на Национальной конференции по брачному законодательству. Естественно, я буду председательствовать на этой конференции.

– Естественно. Кому же, кроме вас! Главному архитектору несправедливого законодательства, человеку, который ответственен за обнищание тысяч женщин и детей...

– Ну-ну, Вилли. Ваши голубые глаза хищно блестят. Возможно, у вас понизился уровень сахара в крови. Давайте немного перекусим. – Он кивнул официанту.

– Я не страдаю хроническим недоеданием, Френсис. Я просто говорю правду.

– Ах, да, правду, – вздохнул он. – Хорошо, будьте любезны, закажите что-нибудь на ленч. Жаль, что я вам не смог внушить, что чаще встречаются вещи более ценные, чем истина. – Он внимательно изучал меню, и Вилли знала, что он не продолжит свою речь, пока хорошенько не обдумает заказ.

– Мне, пожалуйста, запеченного в собственном соку тунца, и сразу же «Столичную», – сказал он официанту, который терпеливо ждал. – А вам, Вилли, дорогая?

– Салат и...

– Этого не достаточно для ленча. Не удивительно, что вы такая нервная и импульсивная. Принесите для леди мясо, запеченное в лимонном соусе, и пирожное с орехами на десерт.

Вилли улыбнулась и кивнула головой в знак согласия. Ей вдруг стало приятно, что мужчина позаботился о ней.

– А сейчас, – торжественно сказал Гарриган, – представляете ли вы, о какой возможности идет речь? Вы и подобные вам женщины-адвокаты полностью раскритиковали брачное законодательство. Да еще в прессе. Я даю вам возможность предложить конструктивную альтернативу.

– В чем дело, Френсис? Зачем вам понадобилось это? Конференция, конечно, – широкая аудитория. Но мы уже охватили большую прессу, и законодатели вынуждены будут обратить внимание на эти выступления.

Он вздохнул и сказал с видом оскорбленной невинности:

– Я не выступаю против справедливого распределения прав. Я искренне пытаюсь уловить изменения, которые произошли в нашем обществе. Если, к сожалению, некоторая часть женского населения страдала, то это, в основном, из-за неправильной интерпретации закона. Откуда мы могли знать, как поступал тот или иной судья в каждом конкретном случае?

– Вы знали, – горячо возразила Вилли. – Вы знали, Френсис. Вы даже увидели в этом шаг вперед. Разве не так? Благодаря финансовым возможностям мужчин, закон предоставляет им преимущество при разводе. Бросая жен и детей, они получают большую финансовую свободу, чем в браке. И как вы можете сидеть здесь и говорить мне, что вам это не известно?

Он улыбнулся.

– Лучше сказать, что меня не удивляет это. Вы просили равенства, и вы получили его. Будьте в ответе за свои поступки. Вилли, дорогая, женщины получили то, что хотели. И, если они не достаточно умны, чтобы воспользоваться этим, разве моя в том вина?

Она встала, лицо ее пылало, глаза сверкали яростью.

– Хорошо, Френсис, я выступлю на вашей конференции. Я выскажусь во всеуслышание, в том числе и для вас и вам подобных. Но мне будет плохо, если я еще немного побуду в вашем обществе. – Она поспешно встала и, выходя, столкнулась с официантом, который нес им заказ.

– Леди передумала, – непринужденно объяснил Гарриган. – Вы же знаете, какие леди непоследовательные. Определенно, я придумаю статью, наказывающую за эту черту. – Он улыбнулся и с аппетитом принялся за свой ленч. Слова Вилли, высказанные с такой убежденностью, компетентностью и горячностью, подействовали на него, и он решил как следует подготовиться к конференции, чтобы не попасть в ловушку.

Она шла пешком вдоль Пятой авеню, просто убивая время, не желая возвращаться в офис. Гарриган вывел ее из равновесия, снова всплыли все ее тревоги и беспокойства, которые в последнее время все больше и больше мучили ее. Несколько лет назад, когда мечта ее только зарождалась, она была уверена, что сможет осуществить ее. Цель, подобно сверкающему маяку во всей своей чистоте, манила ее к себе, толкая вперед, через мучительный механизм низшей школы, через прогнившие устои высшей школы к степени доктора юстиции. Теперь она имела степень и все, что ей сопутствует. Френсис Алоисис Гарриган и те, кто разделяли его убеждения, чувствовали себя в своей шкуре более комфортабельно, нежели она в своей. В этом есть доля правды, но только доля. Как посмеялся бы он сейчас над ней, если бы знал, что она признает это. Несомненно, она потеряла чувство уверенности в себе, но пока еще у нее нет другого выбора, как продолжить начатое.

Она замедлила шаг перед магазином на Пятой авеню. Такие остановки не были характерны для нее, она не собиралась ничего покупать. Как и во всем, что делала, в приобретении вещей она старалась быть рациональной. Дважды в год, а не когда придется, она делала покупки, заранее составляя список необходимых вещей. Она

никогда не испытывала потребность швырять деньгами, это не беспокоило ее. Сейчас она остановилась у магазина только потому, что не хотела возвращаться в офис.

В окружающей атмосфере возникло что-то новое, говорившее о наступлении весны в городе. Не цветы, не зелень, а настроение, вызванное теплой погодой, сменившей холодные, серые месяцы зимы. Люди расправили плечи, на которые зимой давила тяжесть пальто, радовали улыбки и разноцветье. Вилли чувствовала перемену вокруг себя и невольно проникалась оптимизмом.

– Можете ли вы дать мне доллар на выпивку, мэ? – мощной рукой задержал ее моложавый, обросший бородой мужчина. – Мне действительно нужен один...

Его откровенность понравилась ей; она открыла свой кошелек, но не нашла меньше пятидолларовой купюры. Нищий заметил ее замешательство.

– Я не могу дать вам сдачу... но я не забуду вас в моих молитвах. – Он улыбнулся и с надеждой смотрел на нее. Она отдала ему деньги.

– Благословляю Америку и богатых людей, подобных вам.

«Богатых людей, подобных мне. Как странно. Может быть, Гарриган прав?» Преодолев многие препятствия, маленькая Вилли Делайе все еще думала о богатых и всемогущих как о «них».

Обед с Джеддом Фонтана не предвещает ничего нового, в очередной раз повторила себе Вилли. Затем посмотрела на часы, чтобы определить, сколько осталось до конца рабочего дня. Еще ни разу она не уходила домой раньше времени. Сегодня по дороге она немного задержалась, покупая бутылку хорошего вина.

В ее квартире, как обычно, было очень чисто, но чувствовался слабый запах старой мебели. Она купила эту квартиру, во-первых, потому, что та была полностью обставлена. Кроме того, ее бухгалтер настоял на том, чтобы она купила именно у Гуда – «он нужный человек». Воздух здесь был хороший, с террасы открывался чудесный вид на Сентрал-Парк и, несомненно, это было чудесным вложением капитала.

Когда корреспонденты женских журналов являлись к ней за интервью, подбирая ключи к ее сердцу, изучая ее, чтобы донести ее образ до многочисленных читателей, они оставались ни с чем. У нее не было подготовленных приукрашенных историй для печати,

интригующих или смешных рассказов о том, как она усердно и долго докапывается до истины, порой натываясь на глухую стену. Но именно без этого она не могла жить. Истина – вот смысл ее жизни, и всю жизнь она посвятила тому, чтобы истина торжествовала.

Возвращаясь к описанию квартиры, необходимо добавить, что Вилли создала у себя уют, оформлено все было с большим вкусом и в современном стиле.

Отвечая на вопросы о своем доме, она называла имя отделавшего его декоратора и отвергала утверждение, что Вилли Делайе – суперженщина. Модные журналы внушали одиноким женщинам, что они, как и их замужние сестры, заслуживают уютного дома и должны стремиться создавать себе комфортабельное жилище. Правда Вилли была не модной. Жить в одиночестве – она не допускала эту мысль даже для самой себя. Казенно обставленная меблированная квартира – это было так далеко от ее желаний, суть которых заключалась в том, чтобы иметь действительно настоящий теплый дом, мужа и детей. А вместо этого она выбрала сугубо деловую, прозаическую обстановку, которая устранила суматоху в ее душе и помогла направить всю свободную энергию на выполнение поглощающей ее целиком работы.

В ее платяном шкафу было много секций. В одной из них висела одежда, которая была необходима для важных встреч. Здесь были развешаны подобранные по цвету шикарные шелковые костюмы на подкладке и платья. В нижнем ящике лежали различные аксессуары. В другом стоял ряд обуви, около дюжины пар удобных и нарядных туфель. В следующей секции так же аккуратно была сложена спортивная одежда и платья для коктейлей.

«Одежда играет большую роль, – всегда говорила Вилли своим интервьюерам. – Но, с другой стороны, тратить много времени на одежду не стоит. Я одеваюсь быстро и с „закрытыми глазами“. Женщине даже больше, чем мужчине, следует одеваться соответственно своему положению и стилю».

Но сейчас, лихорадочно обдумывая, что надеть, она была далека от мысли сохранить свой стиль. Одежда была перекинута из шкафа на кровать, небрежно брошена и смята. Черный шелковый костюм казался слишком мрачным, красный – слишком кричащим, и она остановила свой выбор на чудном платье бронзового цвета.

Затем она начала выбирать чулки. Всегда ходить в чулках она приучилась восемь лет назад, когда ей исполнилось тридцать. Природа одарила Вилли очень красивой фигурой, кроме того, она вообще сохранила молодость. Всегда пользовалась хорошим туалетным мылом и духами, кремами из трав, освежая и смягчая свою прекрасную золотистую кожу.

Она применяла косметику так, как ее научила мама. На щеки наложила розовые румяна, подкрасила тушью ресницы и подвела голубой линией прекрасные, удивительные глаза. Последним штрихом она ловко подкрасила губы и на этом закончила туалет.

Пока оставалось время, она виртуозно скрутила волосы и сделала великолепную прическу. Затем надела выбранный ею наряд и только начала выбирать сережки, как раздался звонок.

Это Джедд.

Она подбежала к двери и стала ждать, когда он поднимется. А затем... затем он появился. Худое аристократическое лицо, словно иллюстрация к греческим мифам. Гладкое и смуглое, оно перерезалось небольшим шрамом, который превращался в ямочку, когда он улыбался. Его черные глаза много обещали, но только лишь обещали... Он был в сером костюме и белой рубашке, выглядел очень изящно и был грациозен.

– Привет еще раз. – Его грубоватый голос воскрешал многое в ее памяти. Она вспомнила, как он целовал ее волосы, вспомнила его руки, так нежно ласкавшие ее, и еще, и еще...

– Привет, привет, – открыто ответила она, мысленно все еще наблюдая их последнюю встречу. – Ты подстригся, – с упреком сказала Вилли.

Он засмеялся.

– Я просто в восторге от того, что ты заметила это. Мой парикмахер сказал, что длинные волосы придают мне вид бродяги, и что с ними я не вписываюсь в сегодняшний день.

– Почему же? – спросила она. – Я думала, что ты просто рекламируешь себя.

– О, Вилли, – он улыбнулся, хотя глаза его оставались серьезными. – Давай не будем начинать... не будем. Давай просто немного побудем мужчиной и женщиной. Что касается меня, то я бы с удовольствием чего-нибудь выпил. А как ты?

Она открыла охлажденный «Монтречет» и наполнила два тонких бокала.

– Будем здоровы, – сказала она и подняла свой бокал.

– За любовь, – сказал он, и его слова повисли в воздухе, ожидая ответа. Она не ответила. Джедд оглядел большую гостиную, обставленную дорогой мебелью. – Очень красиво, но это не для твоей души.

– О? – протянула она, вопрошая, – а для чего же еще?

– Для твоего имиджа. Так же, как и моя стрижка – для моего. Вот сидит Вилли Делайе. Ее жизнь сложилась успешно, и она при деньгах. Но это еще никак на тебе не отразилось, моя Вилли...

И опять он задел в ее душе те струны, которые она так тщательно скрывала.

– Твоей Вилли больше не существует, – сухо сказала она, – и я благодарю Бога, что это так. Благодарю так же, как и за это место, за это платье, за все эти удобства. Я очень занята...

– У тебя нет времени даже для любви?

Его слова прозвучали так возбуждающе и заманчиво.

– У меня его нет для пустых историй.

В небольшом ресторане «Гринвич Виллидж» они походили на трогательных влюбленных из старинного романа, обедая под тихие звуки музыки, которая доносилась из бара. Двое прекрасных, элегантных людей, которых разделяло небольшое пространство.

– Здесь хорошо, – сказала Вилли, – но я ожидала от тебя «Лютек» или «Ле Цирк».

– Да, моя Вилли, – его черные глаза лукаво блеснули, – ты все еще сноб... расставляющий всех людей по полочкам, так, чтобы можно было без забот оперировать ими, как хорошими клише.

– Сноб? Я? Ты сумасшедший, Джедд Фонтана. Ты единственный, ты... и этот самодовольный Палм-Спрингс, крысиная упаковка. Вы думаете, что мир принадлежит вам, и что лучше вас нет никого...

– Может, это и так, – прервал он ее, взяв ее руку в свою. – Может, мы и есть легкомысленные, испорченные козлы. Но каковы вы? Вы отвергаете людей только потому, что они не думают, как вы. Разве это не снобизм?

Вопрос остался без ответа. Джедд вывел ее из равновесия, что с ней случалось редко даже в зале суда.

– А что тебя привело в Нью-Йорк? – спросила она, не отвечая на пожатие его руки, прислушиваясь только к ритму своего пульса. Ей нравилась его прямота, но она не доверяла ему. – Что еще?

– Бизнес.

– Семейный бизнес?

– Ты спрашиваешь об этом как о преступлении, – сказал он тихо с некоторой горечью.

– Имей совесть ответить, если, конечно, она у тебя есть, – сухо добавила она.

Джедд Фонтана пристально рассматривал лицо, которое вот уже столько лет вызывало у него волнение, припухлые губы, созданные для поцелуя и сейчас сжатые так, как только она одна могла это делать. Он хотел забыть о ней, но ничье лицо не могло заслонить в его памяти это.

– Моя совесть чиста, адвокат. Но я удивлен, что после стольких лет, имея дело с законом, ты видишь во всем только белое и черное. А есть и промежуточный, серый цвет, как ты знаешь...

Она наклонилась к столу, не собираясь сдаваться.

– Что я знаю, столько лет работая с законом, так это то, что ты получаешь серый цвет, отбеливая черный.

– Я не согласен. – Он поднял руки в знак протеста. – Нет, это неправда, и ты знаешь об этом. Я никогда не соглашусь с тобой.

Она быстро поменяла тему разговора.

– Ты еще не рассказал мне, что тебя привело сюда.

– Я присматриваю небольшое издательство... думаю купить его.

– Я не знала, что Фонтана интересуются издательским делом.

– Они нет. Но я хочу сделать что-то свое, собственное. Ты должна понять, что...

– Да. Я... Я просто не знаю, чем вызван этот интерес.

– Есть еще многое, чего ты не знаешь обо мне, Вилли. Мы можем исправить это. Я пробуду в Нью-Йорке не меньше двух дней... дай мне шанс начать все сначала...

– Мы уже начинали. – Она сделала паузу. – И не раз...

– Люди меняются, – мягко сказал он. – Любовь делает все возможным. – Он пристально посмотрел на нее, всем своим видом подтверждая искренность своих слов. Но эта искренность не

выглядела достаточно правдивой в ее глазах. Ей всегда хотелось верить ему. Но то, что он называл любовью, никогда не имело продолжения. Так называемая любовь кончалась в один момент, в одну ночь.

Она отвела от него взгляд и обрадовалась тому, что официант прервал их, спрашивая о десерте.

Они молча поднимались в лифте. Она стояла рядом с ним, чувствуя его дыхание и стараясь подавить в себе огромное желание. Ее тело отчаянно хотело его, но ее сознание говорило, что ничего не изменилось, и любить Джедда так же невозможно, как и когда-то.

Когда они подошли к двери квартиры, Вилли, овладев собой, сказала:

– Я приглашаю тебя. Но завтра у меня раннее деловое свидание. – Слова эти прозвучали, как заранее отрепетированные.

Он лениво улыбнулся, зная способ поднять ей настроение и тронуть ее сердце.

– Хорошо, Вилли. Всему свое время.

Он прильнул к ее губам в долгом поцелуе, вызывая у нее приятное головокружение. Потом он ушел.

Комната выглядела печальной и неприветливой. Два стакана стояли на кофейном столике, напоминая о Джедде. Его уже не было. Вилли стала мыть стаканы, и один разбился. Она смотрела на осколки, как на символ разбившейся надежды.

В спальне она быстро сбросила на пол свою одежду и юркнула под холодную простыню в большую пустую кровать. Ее тело все еще трепетало, ее чувства были полны им. Его лицо, его губы, запах его духов, смешанный с острым мужским запахом его тела, преследовали ее. Сегодня не заснуть, она понимала.

Если бы только она могла поверить тому, что он сказал. Если бы только... Но Вилли уже достаточно хорошо знала Джедда Фонтана. И достаточно много о том, что поэты называют любовью.

Ночами, подобными этой, когда ее тело и сердце были в долгом томлении, когда всем существом она жаждала исполненности своей, она спрашивала себя, Когда же перестала верить ему?.. Было ли это ее профессиональным успехом – ведь по долгу работы ей приходилось копаться в душах людей, распутывать клубки их запутанных связей. Это были души, верившие в любовь и утратившие ее. Вилли теперь знала, какой хрупкой и предательски ненадежной может быть мечта.

Или неизбежно то, что она начинала, должно было завершиться разочарованием?

КНИГА ВТОРАЯ

УРОКИ

ПРОЛОГ

Девочка беспокойно заворочалась и проснулась. Потерла глаза, отгоняя сон. Звуки, которые разбудили ее, становились громче: гневный мужской голос, скрежет передвигаемой по полу мебели, плач и стоны женщины. Родители часто ругались, но подобного Вилли еще не слышала. Не проснувшись полностью, она соскользнула с кровати и направилась через темную прихожую к закрытым дверям комнаты родителей. Она нащупала дверную ручку, дверь оказалась не запертой и сразу открылась. Страшная, злоеющая тень скользнула перед ней и быстро пересекла комнату. Вилли отпрянула, но, пересилив страх, заглянула внутрь. Она увидела маму, лежащую на кровати в неестественной позе. Голова ее свесилась набок, ноги раскинуты. Да, это была мама, всегда такая красивая и аккуратная... Но сейчас темная ссадина пересекала ее милое лицо, из носа и рта сочилась кровь, окрашивая красным ее вьющиеся золотистые волосы. Самым ужасным был вид крови на ее обнаженных бедрах и белоснежных простынях.

Девочка была в шоке. Зрелище парализовало ее настолько, что она была не в силах ни шелохнуться, ни крикнуть. Перед ней по-прежнему колебалась мрачная тень. В воздухе стоял слабый, вязкий запах виски. В тусклом свете ночника, висевшего над кроватью, она увидела лицо отца. Он надвигался на нее. Когда Вилли отпрянула, отец закричал!

– Проклятие! Пропади все пропадом!

Он оттолкнул Вилли в сторону и, чертыхаясь, тяжело зашагал прочь. Она услышала, как за ним захлопнулась дверь дома. Мама приподнялась на кровати, как будто собиралась следовать за ним. Увидев Вилли, растерянную, в слезах, она снова откинулась на подушки и натянула на себя простыню.

– Все в порядке, детка, – хрипло прошептала она. – Со мной все в порядке.

Вилли не могла оторвать взгляда от ссадины и крови на ее теле.

Больше всего на свете ей хотелось увидеть мать прежней, красивой и аккуратной. Наконец девочка сбросила оцепенение, пошла в ванную и вернулась с мокрым полотенцем.

– Вытри лицо, – сказала она слишком серьезно для своего возраста. – Я помогу тебе привести себя в порядок.

Она подошла к матери и стала вытирать кровь с ее лица. В эту ночь она навсегда попрощалась с детством.

ГЛАВА 1

БЕЛЛ ФУРШ, ЮЖНАЯ ДАКОТА, 1959

– Поторопись, Вилли. Ты опоздаешь на автобус.

– Я уже готова, мама... Только найду учебник по арифметике.

За окном раздались три коротких гудка. Школьный автобус ждал Вилли. Она выбежала из спальни и схватила завтрак, который ей приготовила мама.

– Сегодня решу сотни задач и получу пятерку, – выпалила Вилли.

– Отлично, детка, – сказала Джинни, поцеловав дочь и провожая ее взглядом. – Будь осторожна, – крикнула она ей вслед.

Джинни вздохнула, наливая себе вторую чашку кофе и обдумывая планы на утро. Ей предстояло застелить кровати, помыть посуду и прочесть новый журнал о кино. А впереди ее ждал день, наполненный пустотой и одиночеством. К горлу подкатил комок, по щекам потекли горячие слезы.

В последнее время она часто плакала. Но только тогда, когда оставалась совсем одна в уютном домике, который построил для них Перри на берегу реки, в глуши дикой волшебной природы недалеко от Спирфиш. Она плакала, когда пыталась убедить себя, что должна быть благодарна судьбе за то, что у нее есть муж, который не пропивает свой заработок, работает в поте лица на шахте. И даже тогда, когда благодарила небеса, пославшие ей такую добрую и красивую дочь, какой была восьмилетняя Вилли.

Однажды, много лет назад жизнь Вирджинии Делайе неожиданно круто изменилась. В то время она была самой хорошенькой девочкой на втором курсе высшей школы Белл Фурша, а Перри был капитаном футбольной команды, и их любовь и брак были восприняты как совершенно естественные. Сейчас это казалось настолько далеким и нереальным, что Джинни с трудом могла вспомнить то время, когда была счастлива.

Когда-то она фантазировала, мечтая выучиться на дизайнера одежды, или представляла себя продавщицей большого магазина, продающей красивые вещи. Реальность свела ее мечты к тому, что она стала шить одежду для Вилли и своей маленькой коллекции кукол по

собственным выкройкам, копируя модели, украшавшие кинозвезд. Домик в глуши, который в свое время был воплощением их с Перри школьной мечты, все больше начинал походить на тюрьму.

Джинни взглянула на себя в зеркало, а потом перевела взгляд на свадебную фотографию, которая стояла на комод из кленового дерева. Сравнивая себя со своим изображением на фотографии, она с удовольствием отметила, что расцвела и стала еще более привлекательной. Ее светлые волосы сохранили натуральный цвет. Из журналов она знала, как с помощью косметики сделать, чтобы ее красивые глаза цвета топаза казались еще больше. „Кошачьи глаза“, как говорил Перри. Она стала более женственной и Пленительной.

Но девушка на фотографии улыбалась и была счастлива. Она торжествовала, потому что достигла единственной цели, которую ставила перед собой, – венчание в церкви в красивом белом платье с красивым, атлетически сложенным парнем. А теперь в зеркале на нее смотрела женщина, утратившая прежнее сияние. Месяцы, годы однообразной, серой жизни погасили огонь в ее глазах.

Джинни еще раз вздохнула и отправилась на кухню собирать Перри завтрак: термос с кофе, мясо, ломоть домашнего хлеба, зеленый салат и кусок сладкого пирога. Все это она аккуратно завернула в воощеную бумагу и уложила в бумажный пакет. Она оделась потеплее, потому что март выдался ветреным, и вышла, надеясь, что их старенький десятилетний „Форд“ заведется быстро. На дворе сияло солнце, и зубчатые очертания Черных гор упирались своими заостренными вершинами в чистое голубое небо Южной Дакоты. Джинни недолго любовалась красотой, окружавшей ее. Она завела машину и осторожно вывела ее на узкую дорогу, следя за тем, чтобы колеса не скользили на все еще не растаявшем льду.

Независимо от погоды, она сотни раз проделывала этот путь до шахты, где работал ее муж, даже тогда, когда Вилли была еще совсем маленькой. Она знала, что, как всегда, через пятнадцать минут Перри поднимется наверх и, как обычно, будет голоден. Не так много лет тому назад, когда она еще училась в высшей школе, золотые копи казались ей глубоко засекреченным местом, таящим половину сокровищ Америки. В ее памяти всплывали романтические истории о французских первопроходцах – первых белых людях, поселившихся в этом штате. Многие французские названия сохранились до сих пор.

Например, Белл Фурш, что в переводе с французского означает „Красивая вилка“. Другим примером была ее собственная фамилия. Когда Джинни проходила в школе историю штата, она с интересом и трепетом читала рассказы о мятежах, кровавых сражениях и всех исторических событиях, происходивших в этих местах.

Теперь ее воображение не возвращалось к смелым людям границы и бандитам, которые верхом на лошадях пробирались через горы и глубокие ущелья.

Давно уже все было по-другому, жизнь стала бесцветной и неинтересной, и ничто не обещало изменений в будущем.

Джинни вновь вернула себя в сегодняшний день и увидела, что уже больше десятка шахтерских жен столпились у входа. Еще давно, когда она ездила на школьном автобусе в Белл Фурш, проезжая это место, она и тогда видела толпившихся здесь женщин.

Неожиданно подумалось, неужели эти женщины так же несчастны, как и она? Джинни припарковала машину и была встречена коллективным „Привет!“ Она смешалась с толпой.

Лаки Нуджет был одним из крупных золотых приисков в западном полушарии. Это богатейшее месторождение золотой руды было обнаружено среди холмов в 1876 году военной экспедицией под командованием генерала Кустера. Сейчас, почти сто лет спустя, минеры проделали глубокие шахты, которые уходили на восемь тысяч футов в глубь земли. Где раньше использовались кирки и лопаты, сейчас работали отбойные молотки. Раньше вся руда выбиралась вручную, сейчас же все делали машины. Были построены десятки помещений для обработки и сортировки руды. Но, несмотря на все это, по-прежнему приходилось выбирать шесть-семь тонн руды, чтобы получить не более унции желтого Металла.

С тех пор, как была найдена первая жила, доход от этого прииска составлял сотни миллионов долларов золотом. Однако рабочие, подобные Перри Делайе, за свой тяжелый и изнурительный труд получали на руки не более ста пятидесяти долларов в неделю.

Не было никакого разнообразия в жизни Джинни: похожие один на другой дни монотонно следовали друг за другом, но надежда на лучшее ее не покидала.

– На днях я видела твою маленькую дочку, Джинни... Она прехорошенькая, – сказала жена Элмера Хоукинса, Грейс.

– Спасибо, Грейс... Как сегодня твоя рука? Немного лучше?

– Да-да. Доктор Морис обещал, что к пятнице, к танцевальному конкурсу, все пройдет. Я купила себе новое платье. А ты? Будешь в своем зеленом, из атласа?

– Я переделала его... Я изменила фасон, и теперь оно выглядит, как новое.

Женщины замолчали, как только показался первый шахтер, уставший и изнуренный тяжелым трудом. Он на ходу снимал наушники, защищавшие его от страшного грохота отбойных молотков. Вслед за ним вышли и другие шахтеры, такие же уставшие и понурые. Среди них был и Перри в своей старой шотландской клетчатой куртке и рабочих брюках. Девять лет тяжелого труда наложили отпечаток на его облик, стирая все то, чем когда-то восхищалась Джинни.

– Привет, Перри, я здесь! – позвала она. Он подошел и небрежно поцеловал ее.

– Что на ленч? Я голоден!

– Мясо... давай сядем в машину.

– Опять мясо? Разве я не сказал, что мне хочется жареного цыпленка?

– У меня не было цыпленка. Я куплю и приготовлю его на ужин, хорошо? – сказала она. – Еще я принесла овощной салат и яблочный пирог. Не пойти ли нам вечером в город? Можно было бы зайти в кино. Мы так давно никуда не ходили...

– Не могу, – произнес он, прожевывая мясо. – Мы договорились встретиться с Джеком и Элмером после ужина...

– Опять? – Это означало, что вот уже который вечер ей снова придется оставаться одной с Вилли. – А ты не можешь отказать им? Ты с ними бываешь больше, чем со мной...

– Брось, Джинни. Ты моя жена, и я бываю дома каждую ночь. Я же разрешил тебе в пятницу пойти на танцы, ты недовольна?

Она не ответила, но больше всего на свете ей хотелось остаться сейчас одной.

После того, как она выкупала и уложила в постель Вилли, уже ночью, Джинни размышляла о том, как бы ей изменить свою жизнь, чтобы она стала более динамичной, целенаправленной и радостной, перестала быть пассивным ожиданием старости и звания бабушки.

Она пыталась найти какой-то выход, но ничего дельного на ум не приходило. Кто, кроме нее самой, мог помочь ей?

Она отгладила свое зеленое атласное платье. Благодаря со вкусом подобранной, блестящей отделке, оно выглядело совсем не таким, как прежде. Повесив его в шкаф, Джинни вернулась в спальню со старым журналом „Серебряный экран“ в руках. С глянцевых страниц журнала на нее смотрели женщины, улыбающиеся и счастливые. И она спрашивала себя, действительно ли они такие счастливые, какими кажутся.

Ее личное счастье было кратковременным. Оно было связано с Перри Делайе, самым популярным мальчиком в младших классах. Джинни была очень талантливой. Она прекрасно кроила и шила, обладала большим вкусом, мечтала стать известным модельером. Но после того, как они с Перри обручились, ей пришлось расстаться со своей мечтой.

Перри стремился закончить физкультурный колледж. Он надеялся в колледже получить спортивный разряд. Его мечтой было стать учителем физкультуры или спортивным тренером. Но разряда он так и не получил. Затем решил поступить в университет, но и из этой затеи ничего не вышло. Тогда, последовав примеру своего отца и деда, он пошел на прииск Лаки Нуджет.

Тогда Джинни была рада тому, что Перри отказался от мысли учиться дальше. Она боялась, что за четыре года, проведенные вне дома, он сможет встретить и полюбить другую. Но об этом она ему никогда не говорила. И была бесконечно счастлива, когда он сделал ей предложение, и они назначили день свадьбы как раз через неделю после того, как она окончила школу.

На свой первый заработок Перри купил участок земли недалеко от Спирфиш с тем, чтобы своими собственными руками построить на нем дом. В конце каждого восьмичасового рабочего дня и все уик-энды он усердно трудился. Джинни всегда была рядом с ним и подбадривала его так же, как на футбольном матче в высшей школе.

Дом, а скорее всего хижина, была закончена в последнюю неделю мая. За день до свадьбы они, накупив продуктов, набили ими холодильник и заполнили комнату букетами чудесных полевых цветов. Они с трепетом ждали своего медового месяца.

О лучшем медовом месяце Джинни и не мечтала. Они с Перри были похожи на двух вырвавшихся на волю птенцов. Они подолгу гуляли в лесу, плавали обнаженными в чистой, голубой и холодной реке и ежеминутно клялись друг другу в любви.

Месяц пролетел мгновенно. Перри вышел на работу, а Джинни приступила к выполнению обязанностей жены. Поначалу ей нравилась их уютная маленькая хижина. Джинни прочитывала все местные журналы и следовала их советам по ведению хозяйства, пользуясь кулинарными рецептами, которые они предлагали.

Со временем ее дом стал хорош, как на картинке. Она ждала ребенка. Перри был так счастлив, так внимателен к ней все эти месяцы. Даже тогда, когда он приходил смертельно усталый, он настаивал на том, чтобы она перед ужином немного отдохнула. Он нежно брал ее на руки и осторожно клал на их большую двуспальную кровать, нашептывая ей слова любви и восхищения.

Джинни знала, что Перри ждет мальчика, сына, мечтает, как будет учить его охотиться, ловить рыбу и играть в футбол. Ее сердце просто рванулось к нему, когда он сказал, увидев впервые дочку „Маленькие девочки лучше“.

Она назвала дочь Вилли. В честь английской писательницы, написавшей книгу „Моя Антония“. Эта книга ей очень нравилась. Читая ее, она плакала и смеялась одновременно. Вилли была прекрасным ребенком, с огромными синими глазами и спокойным характером. Она редко плакала и почти не беспокоила родителей. Даже тогда, когда у нее прорезывались зубы. Когда Джинни надевала ей розовую хлопчатобумажную распашонку, она была похожа на куклу с витрины магазина.

Именно тогда в жизни Джинни что-то произошло, что именно, она не понимала и не могла объяснить. Через год хижина стала тяготить ее, напоминая тюрьму, особенно во время длинных, скучных зимних месяцев. Исключительно в компании дочки и радиоприемника она теперь с трудом заполняла свое время, ожидая возвращения Перри. Она выискивала новые рецепты, часами готовя причудливые блюда, пытаясь привлечь внимание мужа. Но ему все стало безразлично. Когда она в выходные дни просила его пойти куда-нибудь с ней, он говорил, что либо устал, либо ему надо заняться делами по дому. Когда же она предлагала ему просто прогуляться, он смотрел на нее, как на

сумасшедшую. Между тем, он находил время, чтобы поохотиться и пропустить стакан-другой с „мальчиками“ – шахтерами. Но он всякий раз перед тем, как заснуть, занимался с ней любовью, независимо от того, хотела она этого или нет, лишь сам получая удовольствие.

И он не понимал или не хотел понимать, как ей было одиноко и скучно, и невыносимо тяжело. Он не замечал или не хотел замечать, как необходимы были ей его ласки и нежные, тихие слова. Ему просто нужно было ее тело, чтобы удовлетворить свою похоть. Хуже всего было то, что она не могла понять, почему это произошло, в какой момент они перестали быть друзьями и возлюбленными и превратились в совсем чужих друг другу людей, живущих в одном доме и имеющих ребенка. Иногда она думала, что, возможно, ей еще лучше, чем другим женщинам, которых она знала. Она видела, как они жили изо дня в день, работали и отдыхали, и довольствовались тем, что у них было. Постепенно она впала в депрессию.

Она услышала, как входная дверь отворилась и с шумом захлопнулась. По тому, как тяжело ступал по дощатому полу Перри, она поняла, что он пьян. Она быстро скользнула в постель, выключила ночник и притворилась спящей. Он побродил по кухне и вошел в темную спальню. Натолкнувшись на комод и пробормотав проклятия, он начал раздеваться, раскидывая одежду по полу. Затем повалился на кровать, распространяя тошнотворный запах виски и табака, и стал приставать к ней. Она, вся дрожа от гнева, оттолкнула его холодную руку.

– Отстань, – прошептала она, когда он снова попытался обнять ее.

– Что значит „отстань“? – возмутился он. – Ты забыла об обязанностях жены?

Она вскочила и включила свет. Обычно, когда он бывал пьян, она не спорила с ним, а просто уступала ему. Но сейчас ответила:

– Это значит, что я заслужила немного внимания, Перри. И я устала говорить тебе, как я несчастна и как я нуждаюсь в твоём добром отношении.

Он остолбенел, его глаза, затуманенные алкоголем, выражали недоумение.

– Что тебе от меня надо, Джинни? Мне не до шуток. Прекрати свои жалобы, я хочу тебя.

– А я хочу уехать отсюда, – воскликнула она. – Я не желаю торчать в этой хижине всю свою жизнь. Я хочу жить в городе, может, там для меня найдется работа...

– Работа? – переспросил он. – Я приношу домой достаточно денег для того, чтобы ты не работала. Боже мой, неужели тебе понравится, если окружающие будут думать, что Перри Делайе не в состоянии позаботиться о своей семье?

– Если честно, то дело не в деньгах, – ответила она, стремясь, чтобы он понял ее. – Я хочу заниматься чем-то еще, кроме готовки, уборки, ведения домашнего хозяйства. Я хочу видеть людей. Я хочу попробовать себя в каком-нибудь деле.

Он потряс головой, изображая полное недоумение, как будто она говорила на иностранном языке.

– Ты несешь какой-то бред, ты знаешь это? Оставить этот дом... получить работу... я не слышал ничего более глупого, чем твои разговоры. – С этими словами он перекатился на свою сторону кровати и натянул на себя одеяло, показывая тем самым, что разговор окончен.

Джинни выключила свет, но не могла заснуть еще долгое время. Она чувствовала, что сейчас открывалась возможность избавиться от этой безысходности, и не собиралась сдаваться. По крайней мере, так быстро.

Холл клуба был ярко освещен, невзрачные серые стены украшены красными и белыми бумажными вымпелами и связками разноцветных воздушных шаров. Так же, как и в предыдущие три года, Джони Уайтсайд со своим ансамблем играли дикую смесь музыки кантри с современными мелодиями.

Джинни всегда нравилось проводить здесь время. В своем обновленном атласном платье она была самой привлекательной из всех женщин. И Перри танцевал с ней пять раз без ее просьб.

– Ты прекрасно выглядишь сегодня, – сказал он, когда смолкла музыка.

– Ты тоже, – автоматически ответила она.

На нем была белая рубашка и его лучший синий костюм. Чистые вьющиеся волосы блестели, мужественный подбородок был гладко выбрит. Он выглядел очень солидно.

– Перри, – осторожно начала Джинни. – Ты не думал о том, что я тебе прошлой ночью сказала? О нашем переезде в город и об

остальном тоже?

– Я считаю, что об этом даже не стоит говорить. Здесь наш дом, и мы отсюда никуда не уедем. По-моему, тебе не стоит и помышлять о работе... Может быть, пришло время подумать о втором ребенке...

Топазовые глаза Джинни широко раскрылись.

– Нет, я не смогу заново пройти через это. – Она очень любила Вилли, и меньше всего на свете ей хотелось рожать еще одного ребенка. Она чуть не задохнулась от слов Перри и от мысли, что она еще больше будет связана монотонной жизнью в хижине. Она достала платок из своего кошелька и вытерла им лицо.

– Хочешь еще немного пунша? – спросил муж. – Тебе вроде бы жарко?

– Нет, – ответила она, – мне уже хватит пить. Может, тебе тоже достаточно? Вести машину будет очень трудно, на улице гололед и снег. Если бы мы жили в городе, нам бы не пришлось так далеко ехать.

На подбородке Перри вздулся желвак.

– В тот день, когда я не смогу поднять стакан с виски, я погибну, – сказал он и пошел к стойке бара.

Минут двадцать она ждала, пока он вернется, но он усердно пил и травил анекдоты с шерифом Джеком Барнеем и еще двумя мужчинами. И когда к ней подошел Элмер Хоукинс и пригласил ее на танец, она ответила:

– Конечно, почему бы и нет.

Пройдя в танце мимо бара, она отметила, что Перри смотрел на нее и хмурился. Она сказала Элмеру, что следующий танец пропустит, что хочет посидеть и отдохнуть.

Когда Перри наконец сказал, что готов покинуть бар, она не протестовала. Он очень много выпил, и, кроме того, пора было отпустить Полли Хендерсон, которая сидела с Вилли.

В машине они говорили немного, и Джинни вспомнила, как много лет назад, возвращаясь домой со школьных танцев, они не могли наговориться. Им так хорошо было вместе, и казалось, что так будет всегда.

Огни их хижины осветили последний сложный поворот дороги. Перри припарковал машину. Джинни открыла дверцу и, дрожа от холода в своем легком платье и тонких чулках, побежала в дом.

Она рассчиталась с няней и пошла в спальню Вилли. Осторожно приоткрыла дверь и прислушалась к ровному и спокойному дыханию девочки. Затем сняла туфли на высоких каблуках и начала расстегивать пуговицы на платье.

– Дорогая, – сказал Перри, и его голос был хриплым от спиртного и желания. – Давай сделаем это... не будем спешить... мы можем завтра спать допоздна.

– Только не сегодня, – ответила Джинни утомленно, – у меня сейчас не тот период, и я очень устала.

– О, Боже мой, ты всегда уставшая!

– Не кричи так... ты разбудишь Вилли.

– Нет, я буду кричать! И я больше не хочу терпеть этого! – орал он, срывая с нее платье. – Ты не сможешь сегодня прогнать меня!

Он ладонью ударил ее по лицу, отбросил на кровать и навалился сверху...

ГЛАВА 2

Джинни была просто в отчаянии, когда муж два дня не появлялся дома. Перри надругался над ней, но она не мыслила своей жизни без него. Может быть, он где-нибудь на далекой горной дороге разбил машину и лежит в канаве, и замерзает, а может, случилось что-то и того хуже. Не зная, что делать, она позвонила своей свекрови.

– Перри здесь, – сказала та, – но он не хочет с тобой говорить.

Пока Джинни соображала, что ответить, свекровь положила трубку. Теперь тревога уступила место чувству горечи. Перри никогда не отсутствовал так долго и, насколько она знала, никогда не обсуждал семейные проблемы с кем бы то ни было.

Когда Джинни в воскресенье поздно ночью услышала шум мотора его машины, она с облегчением вздохнула. И сразу же подумала, что, если он захочет ее, она ему не откажет. Она поставила остаток жаркого на плиту и приветливо улыбнулась Перри. Но лицо его было непроницаемо. На ее попытки завязать разговор он реагировал невнятным хмыканьем. И когда на десерт она подала его любимый пирог с шоколадным кремом, он пробурчал:

– Нет в жизни ничего лучше, чем хорошая еда.

Его высказывание удивило ее. Перри всегда молча, без лишних комментариев, съедал все, что ему подавалось. Она ждала, что он скажет еще что-нибудь, но он молчал.

Может быть, думала она, он захочет заняться любовью. Она не будет противиться, у нее было уже достаточно неприятностей по этому поводу, она научена горьким опытом. Но он лежал на своей стороне кровати и заснул, ничего не сказав, кроме пожелания спокойной ночи.

В последующие дни она пыталась разбить лед его отчуждения, но он продолжал разговаривать с ней коротенькими фразами, поглощая еду, которую она ставила перед ним, и не прикасался к ней в постели.

Всю неделю она думала о том, как разговорить мужа. Она старалась соблазнить его своим телом, но в ответ он пожимал плечами и говорил ей, чтобы она оделась. Джинни оказалась еще более, чем когда-либо, одинокой. Она не могла понять, почему ее супружеская жизнь зашла в тупик.

В день зарплаты Перри, как обычно, пошел выпить со своими друзьями. Когда он вернулся домой, Джинни ждала его в прозрачной ночной рубашке. Так или иначе, она пыталась закончить холодную войну. Выражение его лица несколько смягчилось, когда он увидел ее. Она была такой же прекрасной и любящей, как в день свадьбы.

– Иди в постель, дорогой, – проворковала она. – Ты наверное устал.

Он подошел к ней.

– Боже, как я соскучился по тебе...

– Я тоже соскучилась по тебе, – сказала она. – Я больше не хочу быть с тобой в ссоре. Ты должен понять, каково мне.

Он сразу же остыл и отстранился.

– А каково мне, ты подумала? – прогремел его хриплый голос гневно. – Как ты думаешь, что я чувствую? Ведь что я ни делал, тебе мало было. Почему ты отвернулась от меня? Почему ты не родила мне сына?

Джинни пропустила мимо ушей обвинения, пытаясь умиротворить мужа.

– Хорошо, – сказал он. – Давай поговорим начистоту. Ты слишком возомнила о себе и пытаешься сделать из меня дурака. Но я тебя предупреждаю в последний раз. Никто не сможет сделать дурака из Перри Делайе. – Он размахнулся и ударил ее по лицу.

– Нет, закричала она. – Никогда не смей поднимать на меня руку!

Он ударил ее второй раз.

– Ты моя жена, и я буду делать с тобой все, что мне захочется. Скоро ты очень хорошо поймешь это.

Оскорбленная до глубины души, Джинни ждала, пока Перри не заснул крепким пьяным сном. Она была рада, что Вилли спала, несмотря на шум. И она не собиралась сдаваться. Слова Перри причинили ей не меньшую боль, чем его кулаки.

Она вышла в кухню и набрала номер телефона шерифа.

– Джек, – сказала она. – Это Джинни Делайе. У нас неприятности, и я хочу, чтобы вы приехали сюда...

Она набросила на себя халат и сидела с застывшим выражением лица за кухонным столом до тех пор, пока не постучал шериф.

– Это сделал Перри, – сказала она, показывая на красные ссадины на своем лице. – Я хочу, чтобы вы за это его наказали.

– Подождите минутку, Джинни, – сказал Джек. – Вы хотите сказать, что подняли меня с постели в столь поздний час только потому, что поссорились с Перри?

– Это не просто ссора, – выдавила она из себя, не находя сочувствия у шерифа. – Перри ударил меня, сильно, и не один раз. Никто не давал права мужчине бить женщину. И вы должны что-то сделать с ним.

– Что за чертовщина происходит здесь? – воскликнул Перри, ввалившись в нижнем белье в кухню.

Барней засмеялся. Его смех напомнил Джинни блеяние овцы.

– Твоя миссис позвонила мне, и я подумал, что произошло какое-то несчастье или еще что-то серьезное. Она же хочет, чтобы я забрал тебя. Ты можешь себе это представить?

Перри хмурился, сжимая и разжимая свои кулаки, и Джинни подумала, что он снова хочет ее ударить.

– Извини за беспокойство, Джек, – промолвил он. – Все в порядке.

Шериф уехал, предупредив Джинни, чтобы она его больше не беспокоила. Иначе он ее накажет. Когда Джинни посмотрела на мужа, она ужаснулась выражению его лица.

– Ты пожалеешь о том, что поступила так, – сказал он. – Завтра каждая собака будет говорить, что Перри Делайе не может справиться со своей женой. Но я докажу им обратное.

Перри не вернулся ни на следующий день, ни через день. Джинни поставила на входную дверь новый замок. Конечно, она не была уверена, что это поможет. Но она должна была что-то предпринять. Она объяснила Вилли, что они с папой поссорились. „Люди познаются в браке, – думала она. – Мне не стоит тревожиться“.

Но Джинни тревожилась. Небольшой запас денег кончился, а Вилли надо было кормить. Джинни была непереносима одна мысль о том, чтобы занять деньги у своей сестры Джанет или у брата Рона.

Это случилось в субботу утром. Джек Барней в сопровождении двух мужчин подъехал к дому.

– Что случилось? – спросила она, выйдя им навстречу. – Что-нибудь с Перри?

– Нет, мэм, – ответил Барней, доставая из кармана листок. – Вот у меня бумага. Перри сказал, что вы и ваша маленькая девочка... ну, в общем, вы должны освободить хижину...

– Что? Что вы сказали? – ее беспокойство усиливалось. – Мы с Перри... мы женаты... я его жена... вы, должно быть, ошиблись...

– Никакой ошибки здесь нет, – сказал шериф, спуская ее на землю. – Перри разводится с вами, а хижина – его собственность. Я и мои люди пришли сюда, чтобы помочь вам собраться.

– Прямо сейчас? Сейчас нам уходить? Это просто дурной сон. Пожалуйста, пусть это будет только сном, – умоляла она.

– Было бы чудесно, если бы это было так. Но я ничего не могу поделать. Перри разрешил вам воспользоваться автомобилем, чтобы вы уехали туда, куда собирались... Я пару дней знакомился с этим делом. Все права на стороне Перри... Извините, – сказал он, но Дженни знала, что извинять его незачем.

Пораженная новостью, словно ударом молнии, она стояла, беспомощно опустив руки, мысли путались в ее голове. Она тупо смотрела на трех мужчин, которые собирали в коробку ее вещи и вещи ее дочери, заглядывая в список, составленный Перри.

– Что случилось, мама? – беспокойно спросила Вилли. – Почему они берут наши вещи?

– Я... Я не знаю... – Джинни не могла пошевелиться. Но когда Барней схватился за ее драгоценную швейную машинку и небрежно опустил ее на землю, она не выдержала. – Остановитесь! – закричала она и бросилась к нему.

Он грубо отстранил ее.

– Отойдите. Или мы будем вынуждены запереть вас.

Проходили минуты. Вилли крутилась вокруг шерифа, словно тигренок, хватая и царапая его.

– Не толкайте мою маму! Не смейте толкать мою маму!

Двое мужчин схватили Вилли.

– Что мать, что дочь – одинаковые, – бормотал Барней. – Лучше уймись, а то тебе не поздоровится.

Когда мужчины закончили собирать вещи, они положили коробки в двухместную машину. Почему-то эту машину Джинни всегда считала своей. Она не выдержала и снова разрыдалась, когда шериф повесил на дверь дома большой замок.

Затем, проводив их взглядом, она постаралась осмыслить, что же все-таки произошло. Еще час, или менее того, назад она была женой Перри со всеми своими проблемами. Сейчас она, покинутая и

бездомная, осталась вместе со своей дорогой Вилли, которая, уцепившись за ее руку, смотрела на хижину, бывшую раньше их домом.

– Что же мы теперь будем делать, мама? – спросила она.

– Мы поедem в путешествие, – ответила Джинни, не представляя себе, кто их защитит и кто позаботится о них, когда кончатся деньги.

Отец не сможет помочь ей. После смерти матери Джинни он переселился в трейлер. И сейчас мисс Этел из салона красоты живет с ним.

Поскольку все же надо было куда-нибудь двигаться, Джинни поехала в город к своей сестре. Джанет встретила ее очень неприветливо. Она с недоумением смотрела на Джинни и Вилли и на их коробки с вещами. Когда Джинни закончила свой рассказ о случившемся, лицо Джанет было непроницаемо.

– Извини, Джинни, – сказала она, – мне жаль, что с тобой это произошло. Я не знаю и не хочу знать, почему Перри оставил тебя. Френк всегда кладет глаз на хорошенькое личико, и я не хочу создавать себе проблемы. Может, тебе обратиться к Рону? – неохотно выдавила она.

Когда перед лицом Джинни захлопнулась дверь, она поняла, что жизнь для нее кончилась. Но только для нее, а не для Вилли. Поэтому она вернулась к машине и поехала к дому своего брата, надеясь, что он и его жена Сара приютят их.

Она ехала по узким улицам Белл Фурша. Ей казалось, что весь город слышал о ее позоре. До сих пор она не знала никого, кто был бы в подобном положении. Правда, иногда Элмер Хоукинс так напивался, что начинал избивать свою жену Грейс. Но Ревен Уотсон или братья Грейс утихомиривали его. Ни одну приличную женщину, насколько она знала, из дома не выгоняли.

Дом Рона находился в конце улицы Сикамор. Джинни позвонила, и ей открыла дверь ее невестка Сара. Она была второй раз беременна, лицо ее покраснелось от кухонного жара.

– О, Джинни... какой приятный сюрприз. И Вилли с тобой. Входи... Я сейчас приготовлю свежий кофе.

Когда Джинни рассказала ей о себе, Сара постаралась утешить и обнадежить ее:

– Бедные вы мои... как ужасно с вами поступили. Как дурно выглядит Перри в моих глазах. Вы можете остаться здесь, мансарда будет в вашем распоряжении столько, сколько вам понадобится.

– Может, лучше дождаться Рона?.. Надеюсь, он тоже согласится? – неуверенно промолвила Джинни.

– Конечно... вы же его семья.

– Знаешь Сара, признаюсь тебе, что я сперва обратилась за помощью к Джанет, но она отказала мне...

– Ох, эта Джанет... она всегда завидовала тебе, дорогая. Другое дело – Рон, он поможет тебе. Держу пари, он поговорит с Перри, если ты позволишь, конечно. Ты должна потерпеть, Джинни. Все будет хорошо.

Дом Сары был неплохим убежищем для Джинни. Она, как и Перри, выросла в этом городе. Их обоих знали, и многие не верили ее рассказам об унижениях, считая ее лживой и капризной женщиной, которая заслужила от своего мужа наказания.

Прошли месяцы. И Джинни поняла, что мансарда – это единственный дом, который был у них с Вилли когда-нибудь. Не раз она думала о том, как тяжело было ей жить наедине со своими мечтами, которые свойственны каждой женщине. Но если бы она знала, что окажется в таком положении, она отбросила бы свои бредовые мечты и постаралась бы стать лучшей женой. Если бы только она смогла попросить у Перри прощения до того, как все это случилось. Если бы...

Нужны были деньги, и Джинни старалась зарабатывать. Сперва она занялась шитьем, но в Белл Фурше был небольшой спрос на портних – многие женщины сами перешивали свои наряды. Тогда она устроилась кассиром в супермаркет, потом секретаршей в торговый центр фирмы Шевроле. И везде ее работа была непродолжительной, так как всегда среди руководителей находился мужчина, который просил ее стать его „подругой“ и бесцеремонно выгонял ее, когда получал отказ, – точно так, как это сделал Перри.

Однажды, когда Перри зашел к Рону, чтобы повидать свою дочь, Джинни попыталась поговорить с ним. Она решилась на это, потому что Перри сразу же после ее отъезда прекратил дело о разводе. Она восприняла это как желание помириться. Но когда она сказала ему о примирении, он рассердился и запротестовал. Он заявил, что по ее

вине он терпит неудобства после того, как выгнал ее, и поклялся, что никогда не даст ей развода и никогда не допустит, чтобы она снова ломала его жизнь.

Вечером Рон одолжил ей денег, чтобы она смогла нанять адвоката. Она посетила Сэма Ренолдза, заплатила ему, и он обещал начать дело о разводе.

Проходили месяцы. Ренолдз объяснил ей, что развод невозможен, пока Перри не даст на него своего согласия.

Джинни обвинила Ренолдза во лжи. Но в действительности же Ренолдз был прав – таков закон.

Когда Вилли вернулась из школы, она застала мать плачущей. Она внимательно слушала маму, пока та пересказывала ей свою беседу с адвокатом, из которой окончательно стало ясно, что у нее нет никакой надежды на развод.

– Это несправедливо, – страстно сказала Вилли. – Отец не заботится о тебе, как дядя Рон о тете Саре. Он даже лишил нас жилья.

– Все это так, – промолвила Джинни, – но таков закон.

– Я думаю, что можно найти какой-нибудь выход, – настаивала Вилли.

Прошло более года. Ренолдз все-таки начал Дело о разводе Джинни и Перри. Он добился еженедельного двадцатидолларового пособия для ребенка. Он также предупредил Джинни:

– Будьте чисты, как снег. Иначе придется распрощаться и с дочерью, и с ее деньгами.

Это разозлило Джинни. И не потому, что ей не нужно было делать такое предупреждение, а просто потому, что это было несправедливо. Перри поступал так, как ему хотелось, и ни один человек в городе не осуждал его. Джинни всегда была о себе неплохого мнения, называя себя „хорошей девушкой“. Сейчас же люди толковали о ней, как о дешевке, с которой можно позабавиться и после этого выбросить.

Ее единственной подругой была Сара, жизнь которой не намного отличалась от жизни Джинни. Имея уже троих детей, она выглядела старше своих лет. Сара вставала в шесть, несмотря на то, что дважды ночью кормила своего младенца. Она приступала к ежедневной работе, однообразной и бесконечной, и оставляла ее на закате. Она благодарила Бога за то, что он послал ей Джинни, которая помогала ей;

она радовалась тому, что может поделиться с ней своими проблемами как с сестрой. Джинни старалась не обижать Сару.

Это произошло в начале марта, ранним утром. День начался, как обычно. Джинни приготовила завтрак и помогла детям собраться в школу. Затем она поднялась к себе наверх и заправила большую двуспальную кровать, на которой спали они с Вилли. В ее комнате всегда было чисто и уютно. Вилли тоже была приучена к порядку и аккуратности. Закончив наверху дела, Джинни пошла в ванную. Утро было холодным, и она решила принять теплый душ. Сперва она вымыла свои роскошные, густые вьющиеся волосы и, расчесывая их щеткой, заметила предательский волосок, один-единственный, отличный от всех, серый и жесткий. Она вырвала его и в зеркале стала внимательно разглядывать свое лицо, отыскивая следы, оставленные временем, особенно последним периодом неопределенности положения со всеми сопутствующими ему проблемами. Озабоченная, она встала под душ и направила струю воды себе на плечи. На эти плечи легли все тяготы ее положения, все трудности, связанные с воспитанием дочери, финансовыми проблемами и многими другими вещами. Вся опасность заключалась в том, что если вдруг она снова захочет помечтать и попытается как-то изменить свою жизнь, то она причинит себе еще больший вред.

– Джинни? – позвала ее Сара, войдя в ванную комнату и усаживаясь на унитаз. – Ты закончила? Господи, как у меня устали ноги... а еще гора глажки.

– Оставь ее, – сказала Джинни, – я поглажу, как только вытрусь. – Она шагнула из ванны и потянулась за полотенцем.

– Как ты прекрасна, – заметила Сара, внимательно оглядывая тело своей невестки. – Ты выглядишь еще совсем девочкой... в отличие от меня, – грустно сказала она, опустив глаза на свои раздобревшие формы.

– О, Сара, – заворачиваясь в полотенце, успокаивала ее Джинни, – у тебя трое детей. А последний родился всего два месяца назад. И кстати, как раз вчера вечером Рон сказал, что ты прекрасно выглядишь в платье, которое я тебе сшила.

Джинни улыбнулась, а так как Сара продолжала печально смотреть на нее, то она обхватила ее полотенцем и стала тормошить.

– О, Джинни, – Сара обняла ее. – Я так тебя люблю. – Она стала гладить ее по спине. По телу разлилось приятное тепло, и Джинни еще теснее прижалась к Саре. Ее тело отвечало на ласки Сары, соски ее груди направились, прикасаясь к жесткому хлопчатобумажному халату Сары.

Она не протестовала, когда Сара взяла ее за руки, повела в мансарду и уложила на кровать. Она позволила ей поцелуи и ласки и еще многое другое, что разбудило в ней желание и подарило удовольствие, о котором она почти забыла.

Для Джинни событие, которое произошло этим холодным утром, было большим открытием. Любовь Сары доставила ей огромное удовольствие. Физическая близость с ней напомнила Джинни, что ее тело все еще способно наслаждаться. Но в то же время Джинни не хотела, чтобы это когда-нибудь повторилось, тем более превратилось в норму.

Сара же, напротив, всеми силами стремилась к этому. Оставаясь наедине с Джинни, она только и желала ее. Джинни не хотела обижать Сару. Поэтому вначале она в безобидной форме отклонила ее притязания. Но Сара не сдавалась.

Однажды вечером, когда Рон и дети были внизу на кухне, она задержала Джинни в спальне. – Я хочу тебя, – прошептала она, страстно обнимая свою золовку. – Я просто не могу находиться рядом с тобой и не прикасаться к тебе. Пожалуйста, Джинни, давай снова займемся любовью.

– Мы не можем, – произнесла Джинни тихо, стараясь отстраниться от Сары. – Держи себя в руках, Сара. Кто-нибудь из детей может войти. Мы не должны делать то, что ты хочешь. Это плохо. – Она взяла невестку под руку и вывела ее из спальни. – Умойся, а я пойду собирать ужин.

Джинни взяла себя в руки. Она светло улыбалась, хозяйничая на кухне, стараясь забыть о разговоре, который чуть не породил конфликт. Она поняла, что ей с Вилли придется покинуть этот дом во избежание неприятностей.

Во время ужина она приняла невозмутимый вид и старалась избегать укоризненных взглядов Сары и вопрошающих Вилли. Занятый поглощением картофеля и мяса, Рон, конечно же, не мог

заметить напряженность в отношениях между Сарой и Джинни, тогда как Вилли ясно чувствовала ее.

После ужина и вечернего туалета Джинни долгое время не могла заснуть. Куда бы им с Вилли уйти? На что им жить, пока она не выиграет процесс? Она отложила немного денег для мистера Ренолдза, и это было все, что она имела.

Утром она была очень озабоченна, хотя у нее и появилась идея. Сара за завтраком держалась холодно и официально. Потом Джинни поехала за покупками в Главный магазин мистера Лена Шарпа. Она купила какие-то мелочи и, получив счет, достала кошелек, чтобы расплатиться. Но там оказалась одна мелочь, не набиралось даже доллара.

– Вы знаете... у меня не хватает денег, – пробормотала она, и ее щеки ярко вспыхнули.

– Я запишу расходы на счет вашего брата, – сказал хозяин магазина, – я знаю, что вы живете с ним и Сарой.

– Спасибо, Лен, – промолвила она, злясь на его усмешку и покровительственный тон, но не позволяя себе ответить резко, что рассердило бы его.

– Надеюсь, что в следующий раз вы придете со своими деньгами.

Опустив голову, она вышла из магазина, не обращая внимания на мужчину, который следовал за ней.

– Эй, ...молодая женщина, – окликнул он ее.

– Вы зовете меня? – спросила Джинни.

– Да, – ответил он. Ему было около шестидесяти, у него была бородка и густые седые волосы, загорелая кожа и мускулистое тело, привыкшее к тяжелому сельскому труду.

– Вы случайно не Вирджиния, дочь Джона Барбера?

– Да...

– Я Бен Каттоу. Мы с вашим отцом были большими друзьями.

– Я помню, – ответила она. У Бена было ранчо в двадцати милях от города. Но никто не видел его с тех пор, как умерла его жена.

– Надеюсь, что ты, Вирджиния, не хотела, чтобы все так вышло. Я сожалею, что у тебя такие неприятности.

Как и все другие жители Белл Фурша, Каттоу знал о происшедшем с Джинни. Он слышал, как Перри ругал свою жену, представляя ее как своевольную, взбалмошную женщину, которая

пренебрегала своими супружескими обязанностями. Но в отличие от других, Каттоу выразил прекрасной молодой женщине, которую вышвырнули из дома, оставив без средств, свое сожаление и понимание.

– Да, это было тяжело, – ответила она, улыбнувшись, благодарная за добрые слова.

– Может, мы сумеем друг другу помочь? Ты, наверно, не слышала, что миссис Ломес на прошлой неделе покинула ранчо. Она уехала в „Пьеррэ“, к сыну. И я остался без хозяйки. Я хотел бы предложить тебе работу, если она устроит тебя.

Вот шанс, чтобы вырваться из дома Сары и стать независимой!

– Я согласна, – быстро сказала она, боясь, что он передумает.

– Ух ты! – Его серые глаза блеснули. – Таким образом ты не сделаешь деньги. Сперва ты должна бы услышать, что я тебе предлагаю: еженедельную зарплату в пятнадцать долларов, комнату и питание для тебя и твоего ребенка. Думаю, это подойдет тебе. На ранчо очень тихо, и тебя никто не будет беспокоить.

– Мне не требуются особые условия. Нам с Вилли нужно жилье и немного денег.

Каттоу помолчал, вспоминая хвастливые рассказы Джека Барнея о том, как они с Перри преподали урок Джинни, показав остальным женщинам в округе, что не стоит идти против воли своих мужей. Еще он подумал, что день, когда мужчина сводит счеты с женой, – самый грязный день в его жизни.

– Считай, что ты работаешь. Ты можешь начать, когда захочешь.

– Спасибо, Бен, ты не пожалеешь. Я буду очень усердно работать, я обещаю. Я могу начать завтра, если ты сможешь мне переехать.

– Я помогу тебе. Завтра в десять утра, после того, как управлюсь по хозяйству.

Джинни вернулась домой.

– Я принесла немного пшеничной муки, – сказала она, избегая взгляда Сары. – Испеку на десерт пирог.

Сара ничего не сказала, но Джинни чувствовала ее гнев и невысказанные вопросы. Когда пирог уже сидел в печи, Джинни взяла тряпку и стала мыть в кухне потрескавшийся линолеум.

Она так и не присела, пока дети не пришли домой. И до тех пор, пока еда не была на столе, она не раскрыла свои планы.

– Кстати, Рон, – потупясь, сказала она за ужином. – Бен Каттоу сегодня предложил мне работу... место домоправительницы на его ранчо. Он обещал платить мне пятнадцать долларов в неделю. Это кроме того, что мы с Вилли будем там питаться и получим комнату. Я глубоко благодарна тебе за то, что ты приютил нас на это время, но сейчас, когда у тебя появился третий ребенок, я думаю, что нам пора съезжать.

– Хорошая новость, – безразлично сказал Рон. – Желаю тебе удачи.

– Так неожиданно, но почему? – спросила Сара, и ее щеки вспыхнули. – Ведь это далеко. Как Вилли будет ездить в школу?

– Нет, не так уж далеко. Школьный автобус заезжает за детьми на Уоткинс Корнер. Это всего в половине мили от ранчо Бена. А если честно, то это вообще не имеет никакого значения. Не правда ли?

Как только Вилли услышала о работе и переезде, она оживленно спросила:

– Я не знаю, это, наверное, забавно жить на ранчо?

После ужина Джинни собрала грязные тарелки, поставила их в раковину и стала мыть горячей водой. Она осталась в кухне одна, так как все члены семьи пошли в гостиную смотреть телевизор.

Она принялась за сковородку и кастрюли, когда позади себя услышала гневный голос Сары:

– Как ты могла, Джинни? Как ты могла так поступить со мной?

Джинни с недоумением посмотрела на Сару.

– Я ничего не сделала тебе плохого, – сказала она спокойным и уверенным тоном. – Нам пришло время уходить. Так будет лучше для всех нас.

– Нет, ты не права, – прошептала Сара. – И это не пустые слова. Ты подарила мне немного счастья и теперь хочешь оставить меня одну. А я прикована к этому дому. И ты совсем не думаешь обо мне.

– Тише Сара, тише. Я забочусь о тебе, и я люблю тебя, как сестру. Но я не могу заниматься тем, чем ты хочешь. Так что будет лучше, если я буду жить в другом месте.

– Ты еще пожалеешь об этом, – с угрозой сказала Сара, и ее лицо пылало от гнева и горечи. – Ты пожалеешь об этом, когда начнется

твой бракоразводный процесс. Как тебе понравится, если я обо всем расскажу? Как ты думаешь, что может случиться? Лучше измени свое решение, или ты проиграешь процесс и потеряешь дочь!

– Ты не сможешь сделать этого, не сможешь. Вилли будет всегда со мной... – Но Сара уже повернулась и вышла из комнаты.

Она снова напомнила Джинни о своих угрозах на следующее утро, когда та возвращала ей ключ от дома.

– Запомни, что я сказала тебе вчера вечером, – предупредила она. – Не думай, что ты сможешь так легко от меня отделаться.

– Прости меня, – сказала Джинни и вышла за дверь. Она любовалась прекрасной природой, пока ехала в грузовике, который прислал за ними Каттоу.

– Тетя Сара расстроилась потому, что будет скучать без нас? – спросила Вилли и сама же ответила на свой вопрос: – С ней будет все хорошо.

Джинни надеялась на то, что с Сарой будет все хорошо, что время поубавит ее гнев и презрение. Она не опасалась того, что Сара раскроет их тайну и расскажет о том, что было между ними. У Сары тоже были дети, и она их тоже могла потерять.

ГЛАВА 3

Зима уступила место весне, и Джинни почувствовала себя почти счастливой. Ее работа была необходима на ранчо. Бен был порядочным человеком, более того, он стал ей товарищем. Он аккуратно платил ей. Комната, в которой они с Вилли жили, была приятной и уютной. В ней стояла добротная дубовая мебель. На стене висел чудесный шерстяной ковер, приобретенный еще женой Бена. Джинни всегда находила время, чтобы побывать в школе у Вилли или посетить своего адвоката.

Когда Вилли слегла с тяжелой ангиной, Бен среди ночи проехал двадцать миль, чтобы привезти доктора, у которого своя машина была разбита. Он терпеливо сидел у постели Вилли и успокоился лишь тогда, когда благодаря антибиотикам упала температура, и девочку перестало лихорадить. На следующий день он пообещал Вилли, что пошлет ее с мамой в горы в Дедвуд, как только она немного поправится.

– Мы не можем допустить, чтобы она болела, – сказал он Джинни.
– Этот чудесный воздух пойдет ей на пользу, да и тебе тоже.

Они жили в мире и согласии. По вечерам сидели в большой гостиной, играли в карты, грызли поп-корн или смотрели телевизор. Бен учил Вилли играть в покер – „будешь играть, как ковбой“, – перемежая свои указания с рассказами о прошедших золотых днях молодости.

– Расскажи мне о „буйном Билле“, – часто просила Вилли, зная, что это одна из любимых историй Бена.

Он прочищал горло и начинал:

– Это произошло второго августа 1876 года. Буйный Билл Хичкок приехал в Дедвуд за две недели до этого случая. Он привез с собой „закон и порядок“, как говорили люди. Билл был азартным игроком, и у него были свои причины приехать сюда – его привлекало золото Блек Хилс. Азартные игры были постоянными его спутниками. Итак, в жаркий августовский день он сидел в баре. В руках он держал две карты: пикового туза и восьмерку. Сидел он спиной к двери. Неожиданно молодой и очень злой Джек Макколл выстрелил ему в затылок. И убежал. Как говорят люди, Коломити Джейн последовала за

ним. Да, – заключал Бен нравоучительно, – мораль этой истории такова: делая высокие ставки, обеспечить себе тыл.

Находясь в безопасности в доме Бена и чувствуя его заботу, Джинни почти забыла, что она здесь лишь домашняя работница. А он старался никогда не говорить о том, как он стал счастливым с тех пор, как Джинни и Вилли поселились у него.

Она, в свою очередь, усердно трудилась, не щадя времени и сил, не требуя никакой дополнительной платы. Бен был настоящим другом, и Джинни платила ему тем же. Когда его начинал мучить ревматизм, она давала ему аспирин и растирала больные места.

Наконец, после трех лет ожидания, Джинни получила приглашение в суд. Когда они сидели за столом в большой, светлой кухне и пили ромашковый чай, она поделилась этой новостью с Беном.

– Я волнуюсь, Бен, – сказала она. – После стольких лет ожидания я, наконец, стану свободной. Я очень волнуюсь.

Бен взял ее за руку. Он откашлялся, и на его лице появилось подобающее разговору значительное выражение.

– У меня к тебе, Вирджиния, серьезные намерения. Я думаю, ты знаешь, что и ты, и Вилли можете жить здесь столько, сколько захотите. Но я хочу просить тебя, чтобы ты подумала... Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Джинни от удивления раскрыла глаза. Она всегда относилась к Бenu, как к товарищу. Правда, она любила его, но как отца. И не могла представить себе, что он думает иначе.

– Сейчас ничего не говори, – продолжал он. – Подумай о том, что я тебе сказал. Независимо от решения суда, я позабочусь о тебе и Вилли, и, когда умру, этот дом и все, что я имею, будет вашим...

– Спасибо, – нежно сказала она. – Я подумаю. – Хотя Бен годился ей в отцы, или даже в деды, она верила в искренность его слов.

Она поднялась в свою комнату, села у окна и задумалась, пристально глядя в небо, усеянное множеством звезд. Если она выйдет замуж за Бена, она никогда уже не будет ничего бояться. Эта весть быстро дойдет до ушей Перри и опровергнет все сплетни и грязь, которой вот уже столько лет поливают ее. Она думала о том, как воспримет эту весть Перри, который столько лет живет без нее. Как он оценит ее выбор – ведь она не любит Бена как мужчину.

– Мама... почему ты не спишь? – Вилли сидела на кровати и терла глаза.

– Бен сделал мне предложение, – ответила Джинни. Вилли всегда благосклонно относилась к Бену и удивилась, почему мама так грустно сообщила ей об этом.

– Ты согласна?

– Это не так просто, родная. Если я выйду замуж за Бена, то мне не придется больше думать о деньгах. Бен будет заботиться о нас обоих. А ты скоро захочешь иметь столько красивых вещей и...

Вилли вскочила с кровати и крепко обняла мать.

– Бен хороший человек, но не выходи за него замуж, если ты этого не хочешь. Не делай этого только ради меня. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

Джинни никогда еще не была в здании суда Белл Фурша. Оно произвело на нее не меньшее впечатление, чем она ожидала. Вся его атмосфера говорила о том, что здесь происходят важные и значительные события. После стольких лет ожидания она обретет, наконец, определенность, получит возможность начать новую жизнь, без Перри и всего того, что разрушило их любовь.

Бен в своем выходном костюме сел так, чтобы она могла видеть его. Он выглядел очень торжественно. Когда она взглянула на него, он одобряюще кивнул ей и сказал:

– Предложение остается в силе, Вирджиния. Я все еще хочу помочь тебе. Я сделаю все, что смогу.

Он разговаривал с ее адвокатом и согласился выступить свидетелем. Это было на руку Джинни, потому что Бен пользовался в Белл Фурше хорошей репутацией.

Вилли также была здесь, несмотря на все возражения Джинни, которая считала, что она еще слишком мала для таких впечатлений.

– Я хочу быть с тобой. Я хочу видеть, как суд оправдает тебя, – сказала девочка.

Попытка Джинни выглядеть самоуверенной провалилась. Как только Перри со своим адвокатом появились в зале суда, она похолодела от страха.

– Мистер Ренолдз, – промолвила она, потянув адвоката за рукав, – вы уверены в положительном исходе нашего дела?

– Предоставьте это мне, Вирджиния. Я уже говорил вам, что мы в нашем деле не можем быть до конца уверенными... Мало кто нас поддерживает в этом зале. Но если все, что вы рассказали, – правда, то мы можем надеяться на лучшее. Наше дело слушается последним. Это значит, что до конца недели оно завершится.

После открытия заседания выступил Ренолдз. В конце речи он обратился к суду с просьбой дать Джинни развод на основании тех доводов, которые он привел, а также присудить ей денежное пособие за опеку и воспитание Вилли. Далее он вызвал Джона Барбера в качестве первого свидетеля. Отец Джинни подтвердил, что она была хорошей девочкой, которая встречалась только с Перри Делайе, парнем, за которого она мечтала выйти замуж.

Адвокат Перри, Джошуа Скидмор, спросил отца Джинни, сможет ли он поклясться на Библии, что его дочь до замужества была чистой и непорочной. Больше вопросов к отцу не было, и его отпустили.

Следующим свидетелем, которого вызвал Ренолдз, был Бен Каттоу. Он очень хорошо охарактеризовал Джинни как молодую женщину с прекрасным характером, которая любит свою дочь и хорошо о ней заботится. Он подтвердил, что Джинни много работает и не имеет за пределами ранчо никаких интимных связей. И что он был бы счастлив и горд, если бы у него была такая дочь. Скидмор осторожно приблизился к Бену.

– Конечно, Бен, – сказал он вкрадчиво, – я и на минуту не подвергаю сомнению ваши слова, но разве не могла миссис Делайе занять дружка на вашей территории, где так много площади и столько работников?

– Нет, – выпалил Бен. – Это невозможно. Вы хотите поймать меня на слове. Вы переходите границы.

– Вопросов больше нет.

Последней свидетельницей Ренолдз была Вирджиния, собственной персоной.

– Итак, Вирджиния, – сказал он, – расскажите нам о распорядке вашего дня, когда вы жили со своим мужем.

– Хорошо, – начала она. – Я каждый день, всю неделю вставала в половине шестого утра. – И дальше она начала рассказывать о своих ежедневных обязанностях и невинных развлечениях, как то радиопередачи и иллюстрированные журналы.

– Можете ли вы утверждать, что, по мере своих сил, были хорошей женой?

Она на секунду запнулась, обдумывая вопрос, который вот уже столько лет, изо дня в день, задавала себе.

– Я... Да, я старалась изо всех сил.

– Теперь расскажите нам о ваших семейных проблемах. – Джинни знала, что этот вопрос возникнет, но сейчас ужаснулась ему. Ренолдз предупреждал ее, что она не вызовет к себе симпатии суда заявлением, что отказывала Перри в его супружеских правах. Будет лучше, если она сконцентрирует внимание суда на том, что он ее избивал. Запинаясь, она рассказала суду о том, как однажды, когда они вернулись с танцев, Перри был сильно пьян и стал домогаться ее.

– Я в тот день плохо себя чувствовала... У меня были... месячные... – сказала она, заливаясь с головы до пят краской. – Но, когда я отказала ему, Перри просто озверел... Он избил меня... и изнасиловал... проснулась Вилли... и я думаю, что она слышала, как он орал и избивал меня. Перри тут же ушел из дома. И это было не раз...

Подбадриваемая своим адвокатом, Джинни подтвердила, что она не хотела расторгать свой брак даже после того, как муж снова избил ее.

– Итак, – сказал Ренолдз, – Перри Делайе бросил вас и вашего ребенка, не заботясь о вас и не давая вам ничего, кроме тех еженедельных двадцати долларов, которые его заставили платить.

– Да, это правда.

– Спасибо, Вирджиния.

Джинни секунду передохнула, пока поднялся Скидмор и задал ей вопрос.

– То, что вы рассказали, весьма печально, – начал он. – Теперь позвольте мне напомнить вам и радостную сторону дела. Вы утверждаете, что старались быть хорошей женой. Означает ли это, что вы всегда охотно разделяли любовь Перри, кроме того времени... ну, скажем, когда вы не могли?

– Я... не совсем так... иногда я была очень уставшей.

– Более уставшей, чем ваш муж после тяжелого рабочего дня, муж, который усердно трудился, чтобы содержать свою семью?

– Протестую, Ваша честь, – поднялся на ноги Ренолдз. – Вопрос унижает моего клиента.

– Протест отклоняется, – произнес судья. – Утверждение ответчика, что этот брак распался вследствие того, что истица отказывалась выполнять супружеские обязанности, является правильным. Вот какой вывод мы можем сделать сегодня.

– Спасибо, Ваша честь, – улыбнулся Скидмор. – Я изменю свой вопрос. Правда ли, Вирджиния, что в течение лет, прожитых с мужем, вы часто отказывали ему и без веских на то причин?

Глаза Джинни, искавшей правильный ответ, лихорадочно забегали, оглядывая зал суда. Она хотела ответить правдиво, но не в ущерб своему делу.

– У меня были причины, – неуверенно сказала она.

– Предоставил ли, образно говоря, „кров и хлеб“ ваш муж вам и вашей дочери?

– Да, но...

– Бил ли он вас до того инцидента, о котором вы рассказали и который явился следствием раздражения и недовольства, постепенно накапливавшихся в нем?

– Нет, но...

– Так в чем же причина, Вирджиния? – спросил он, подобно клоуну, развлекающему ребенка.

– Я была несчастна... Мне было одиноко в этой хижине... мне не с кем было поговорить... Перри никуда со мной не ходил... – Джинни, потеряв самообладание, отчаянно путалась в словах. А Скидмор всячески поощрял ее бред, улыбаясь и демонстрируя преувеличенное внимание.

– Вы были несчастны... – сказал он в заключение. – Даже несмотря на то, что ваш муж делал все, что требуется от мужчины, вы решили и его сделать несчастным? Так?

– Оставьте ее в покое! Отстаньте от моей мамы! – закричала Вилли. Все головы повернулись к девочке, которая вскочила со своего места и бросилась к Джинни.

– Прошу соблюдать порядок! – судья стукнул молотком, чтобы прекратить гомон присутствующих.

– Прошу порядка, – повторил он и обратился к Джинни. – Суд не потерпит такого рода выходки. Так как вы не смогли обеспечить спокойное поведение вашего собственного ребенка, суд вынужден обвинить вас в неуважении к нему.

– Садись, родная, – прошептала Джинни, – пока мы не создали себе проблем.

– Но, мама, – протестовала Вилли так, что все могли ее слышать, – они о тебе говорят неправду, и это нехорошо.

– Иди детка, ты должна тихо сидеть. – Ренолдз отвел Вилли от матери и посадил ее на место. – Извините нас, Ваша честь, – сказал он.

Вилли слышала рассказ об отвратительном поведении своего отца, о его недостойных поступках, и сейчас в ее глазах он выглядел врагом. И она удивлялась, почему мама ничего не говорит об этом, почему она сидит тихо и готова в любой момент расплакаться.

– Хорошо, Вирджиния, – продолжал Скидмор, улыбаясь еще шире, – несомненно, это вы научили ее вести себя так. В своем заявлении вы просили пощадить чувства ребенка, и вы также просили от моего клиента, после всех пережитых им страданий, денежную помощь на ее воспитание. Поведение вашей дочери показывает, что вы ее недостаточно хорошо воспитываете. Я утверждаю, что вы такая же плохая мать, как и жена...

– Лгун! – Вилли закричала снова, лицо ее покраснело от негодования и возмущения. – Она хорошая мать! Все, что вы сказали, не касается ни ее, ни меня. Это касается его! – И она указала пальцем на своего отца.

– Прошу соблюдать порядок. – Судья снова ударил молотком. – Выведите этого ребенка из зала. Суд еще раз предупреждает Вирджинию Делайе о недопустимости неуважения к нему. Суд выслушал суть дела. Объявление решения переносится на понедельник.

Ренолдз взял Джинни под руку и вывел ее из зала суда, уступая дорогу Вилли и Бену Каттоу.

– Мы проиграли, не так ли? – спросила она несчастным и в то же время удивленным голосом.

Адвокат откашлялся.

– Я не уверен в этом. Не могу отрицать, что у Перри есть сильные доводы, свидетельствующие против вас и подчеркивающие слабые стороны вашей позиции. Но если он не сможет достаточно убедительно доказать вашу несостоятельность как жены и матери, то вы имеете все шансы оставить себе дочь и даже получить некоторое денежное пособие. Сейчас, что касается моего гонорара...

– Джинни, – прервал его Каттоу, – я отвезу сейчас тебя и Вилли домой. – Его челюсть затряслась, когда он обратился к Ренолдзу. – Вы получите деньги, когда закончите свою работу, – сказал он коротко.

– Почему, Бен? Почему ты так разговаривал с Ренолдзом? – спросила Джинни, когда они расположились в грузовике.

– Я не хочу вмешиваться в это дело и не имею на это никакого права, но у меня создалось впечатление, что адвокат Перри больше старается для своего клиента, нежели твой для тебя. Мне кажется, что он хочет „поймать рыбу без наживы“, не утруждая себя. И, как мне кажется, у него нет четкого плана действий...

– Он прав, мама, – согласилась с Беном Вилли. – Его адвокат был более подготовленным. Почему ты наняла такого?

Джинни смутилась. Ей было противно говорить Вилли, как ограничена она была в выборе, но сейчас она откровенно сказала:

– Я могла позволить себе нанять только Ренолдза. И я получила то, за что платила.

– Но если он не так хорош, почему ты не отказалась от него? – настаивала Вилли.

– Я надеялся, что ты обратишься ко мне, Джинни, – быстро сказал Бен. – Я никогда не имел дела с адвокатами, но я могу завтра поехать в город... поговорить с Сетом Холлисом. Он помог оформить мне сделку, когда четыре или пять лет тому назад я купил у Джека Лоннигена участок для пастбища. Может быть, он сумеет помочь тебе...

– А что, если не сумеет? – спросила Вилли. – В этом зале до нас никому нет дела, мама. А что, если судья скажет, что я должна жить с ним? Мы не можем позволить им разлучить нас... ни в коем случае. Мы с тобой будем как дерево, у которого отрезали ветку.

– Что же мы можем еще сделать, моя сладкая? Ведь судья отложил решение до понедельника.

– Мы можем убежать. Мы можем покинуть это место и уехать куда-нибудь далеко... пожалуйста, мама, пожалуйста, скажи, что мы можем сделать это.

– Ах, родная, я не знаю...

– Может быть, ребенок прав. Может быть, нет иного выхода. Закон в этом городе, к сожалению, стоит на стороне Перри. Я очень не хочу потерять тебя, Джинни, но благодать не свалится к нам с неба. Поэтому лучше обсудим этот план...

Субботнее утро выдалось ясным и солнечным. Небо было синим и прозрачным. Лишь на западе виднелись легкие полосы белых облаков. Воздух, сквозивший из окна возле кровати Джинни, был холодным и чистым. Немного резко, но приятно пахло свежескошенной травой и цветами.

Несмотря на то, что вчерашний день закончился неудачно, сегодня Джинни чувствовала себя немного лучше. И все лишь благодаря тому, что Бен обещал помочь ей. Бен был человеком, который мог поддержать ее и стать ей опорой. Она зевнула, потянулась и с любовью посмотрела на свою спящую дочь. Вилли спокойно лежала, брови у нее были словно нарисованные; длинные и тонкие пальчики были сжаты в кулачки, которые уютно прижались к лицу. Ее дыхание было ровным и спокойным. Но, когда Джинни наклонилась, чтобы поцеловать ее, она вздрогнула.

– Что? Что случилось? – спросила она спросонья.

– Ничего, родная... ты можешь еще немного поспать. Джинни погладила дочь по спинке, и Вилли постепенно расслабилась и снова заснула. Не раз Джинни сравнивала детство Вилли со своим, с тем давно прошедшим временем, которое она проводила в беззаботных играх и на смену которому пришла тяжелая каждодневная борьба за выживание. Она должна победить, она поклялась себе в этом. Но пока не представляла себе, как и когда это произойдет.

Она долго стояла под теплым душем, мысленно благодаря Бена за то, что у них постоянно есть горячая вода и стараясь не замочить волосы. Затем она обтерлась полотенцем и посмотрела на себя в большое, во весь рост, зеркало. Она была еще в полном порядке и выглядела совсем юной, как сказала бы Сара. Сейчас, когда Вилли так быстро расцвела, они, скорее, были похожи на двух сестер, чем на мать с дочкой. Но какой от этого толк, если они жили, как старые девы-служанки.

Расчесывая волосы, Джинни почувствовала приятный аромат кофе. Готовить завтрак было ее делом, а не Бена. Она быстро застегнула бюстгалтер, надела рубашку, натянула джинсы и побежала на кухню. По дороге она крикнула Вилли, чтобы та вставала.

Вилли прошла в ванную комнату, сняла свою ночную пижаму и повесила ее на крючок. Повернув кран, она открыла воду и

попробовала ее рукой. Потом встала под теплый душ. Быстро и собранно она начала мыться так, как учила Джинни, начиная с лица и ниже, всю длинную и стройную фигуру, минуя нежную молодую грудь, которая уже начала оформляться. Мама рассказывала ей, смущающейся и краснеющей, о том, как становятся женщинами, но она постоянно прерывала ее, легкомысленно объявляя, что ей все уже известно. У Вилли не было ни малейшего желания разговаривать о таких непонятных, секретных вещах. И если честно, она совсем не мечтала стать женщиной, так как видела на примере своей матери, как нестабильна и неизведана женская судьба.

Когда-то папа любил их обеих. Это было так давно. Те моменты уже потускнели в памяти, и она изумленно думала: „Неужели это когда-то было?“ Но Вилли запомнила его искренний громкий смех, ласковое выражение его лица, когда он называл ее „своей принцессой“. Она хорошо помнила долгие прогулки с ним, когда он учил ее узнавать животных, деревья и цветы. Тогда он любил и маму тоже, пока они не поссорились; тогда уже стало не до смеха и не до любви. После того, как он покинул их и унес с собой свою любовь и доброту, они столкнулись со всей жестокостью этого мира. Затем отец снова появился и направил всю свою силу на то, чтобы унижить и уничтожить маму. Вилли начала презирать его силу, мечтала о том, чтобы она обернулась против него и смогла бы ранить его так же сильно, как ранила их.

В кухне Джинни и Бен уже допивали свой утренний кофе.

– Ты будешь завтракать, как обычно? – спросила Джинни у Бена, – яйца, колбасу и горячий пирог?

– Позже, дорогая. Конюх попросил меня зайти в конюшню и посмотреть нового жеребца. Он что-то плохо выглядит. Мне все равно нужно ехать в город, может, придется привезти доктора Вильсона. Вы с Вилли начинайте есть без меня. Оставьте мне немного в сковородке.

– Как скажешь. – Джинни вытащила из холодильника батон жирной колбасы, нарезала около дюжины кусочков и положила их на горячую сковородку. Затем в большой китайской миске она развела муку, яйца, молоко и сахарную пудру, замесила тесто и поставила его подходить. Она уменьшила огонь под раскалившимся противнем и вдруг услышала шум автомобиля, ехавшего позади дома по дорожке из гравия. Кто это может быть так рано, изумилась она.

Она накрыла еду белой батистовой салфеткой и вышла во двор. У машины Джинни увидела Рона. Он захлопнул дверь своего „форда“ с такой силой, словно хотел его поломать, и решительно зашагал к дому.

– Привет, – сказала она и только теперь обратила внимание на его вид. Его глаза были красными и распухшими, а одежда похожа на одежду охотника, воевавшего с целым племенем команчей.

– В чем дело? – спросила она, – что случилось?

– Ты! – крикнул он. – Ты, сука! Сара рассказала мне, что ты сделала. Она рассказала мне, как ты соблазнила ее и заставила делать аморальные вещи. А я, дурак, жалел тебя, когда услышал, что судья назвал тебя плохой женой и плохой матерью! Сара говорит, что не может спать со мной, потому что привыкла к тебе, ты сделала из нее лесбиянку и ты заплатишь за этой. Я пойду в понедельник на заседание суда и расскажу судье все о тебе...

– Нет, Рон, нет... ты должен выслушать меня! Это было совсем не так, как тебе рассказала Сара. Я тебе клянусь, не так.

– Ты обвиняешь мою жену во лжи? – Он размахнулся, собираясь ударить Джинни.

Безумный крик остановил его руку в воздухе. Вилли в своей ночной пижаме, с горящими от ненависти глазами, держала винтовку Бена и целилась прямо в своего дядю.

– Нет, – кричала она, – как только ты ударишь мою маму, я убью тебя!

– Нет, Вилли, положи эту игрушку на пол, или ты кого-нибудь ранишь, – сказал Рон с некоторым страхом в голосе. – У нас с мамой секретный разговор, и это совершенно тебя не касается.

– Нет, касается! Ты хочешь навредить нам... я слышала.

– Сделай, что он говорит, дорогая, а то ты натворишь много бед, – промолвила Джинни.

– Отдай мне ружье, а то я сдам тебя шерифу, – сказал Рон.

– Я не боюсь тебя! – Вилли опустила ружье дулом вниз и выстрелила в пол недалеко от ног Рона. Пуля пробила в полу большую дыру. Комната наполнилась едким пороховым дымом. – Второй выстрел я сделаю в тебя, – пригрозила девочка дяде, – так что лучше убирайся отсюда по-хорошему.

– Что за чертовщина здесь происходит? – воскликнул Бен, врываясь в кухню. – Ты в порядке, Джинни?

– Он обижает маму. – Вилли кивнула на своего дядю. – Я услышала, как он кричит на маму, и взяла из шкафа твое ружье. Он хотел ударить ее, а я его остановила.

– Молодая леди поступила правильно, – спокойно сказал Бен. Затем он повернулся к Рону. – А ты побыстрее уноси ноги с моей земли, пока я не послал за полицией.

– Я уйду, – угрюмо сказал Рон. – Но в суде узнают об этом. Об этом и еще о многом другом. Ты в этом городе конченный человек, Джинни, это я тебе говорю.

Он повернулся на каблуках и пошел к машине. Бен посмотрел на Вилли.

– Положи ружье обратно в шкаф, девочка, – сказал он твердо, – и пока ты не вырастешь и не разберешься в жизни, Никогда никому не угрожай.

– Но, Бен... – Вилли начала объяснять, почему она взяла винтовку, как неприятны ей были слова, которые Рон говорил ее матери, и что она хотела уберечь мать от еще одной обиды.

– Я все понимаю, – мягко сказал он. – Отец подарил мне это ружье, когда мне исполнилось семнадцать, но прежде чем подарить, он долго учил меня, как с ним обращаться. Дело в том, что это оружие, а не игрушка. Последний раз я стрелял из него лет шесть-семь назад... убил старую крысу, которая перед амбаром грелась на солнышке, – но все равно, всегда держу его чистым и готовым к бою.

Вилли отнесла ружье на место и вернулась в кухню.

– Я очень сожалею насчет дыры в полу, но я только хотела показать ему, что мне совсем не до шуток.

– Ну что ж, ты ему показала. – Бен одарил ее улыбкой. – Пол можно починить, человека же починить не так легко. Так что лучше применять другие способы для того, чтобы защищать кого-то.

– Какие способы?

– Ну, например, защищать людей от самих себя. Сила заключается в убеждении. А можно также, в исключительных случаях, обращаться к правосудию, если оно будет справедливым...

Вилли замолчала, обдумывая слова Бена. Как мог Бен говорить о законе, советовать обращаться к правосудию, чтобы найти защиту, после того, что случилось с мамой? Если закон и сделал что-нибудь, так это ранил ее, угрожал ей, выгнал из дома, унизил, испортил

репутацию, а сейчас даже хочет разлучить их. Но она не решалась спорить с Беном. Человек может убежать от закона, как намереваются сделать они, но от себя он никуда убежать не может.

Джинни вернулась к плите и продолжила готовить завтрак, хоть ей было и не до еды. Чтобы как-то отвлечься, она все время двигалась, суежилась. Подав еду на стол, аккуратно расставила тарелки и села рядом с Беном и Вилли.

Все трое ели молча. Выражение лица Бена как будто говорило о том, что ему известны мысли Джинни.

– Не стоит надеяться сейчас на провидение, Джинни, не стоит, если даже твой собственный брат хочет выступить против тебя. Не имеет значения, что он скажет... Адвокат Перри достаточно умело использует это.

– Мы должны убежать, мама, – настаивала Вилли. – Мы непременно должны, ну, пожалуйста, мама, давай поедем сегодня же.

Джинни молчала, парализованная страхом, сомнениями и нерешительностью. Она знала, что Бен и Вилли правы, но не могла представить себе, куда им ехать.

– У тебя есть какие-нибудь родственники в других штатах? – спросил Бен. – Кто-то, кто сумел бы на время приютить вас?

Джинни покачала головой. У Перри был дядя в Вайоминге. Но он и раньше ей не помогал, а теперь и тем более не станет.

– Мы можем поехать в большой город, – убеждала Вилли, придумывая план, который мобилизовал бы Джинни и помог бы ей покинуть Белл Фурш, где каждый, казалось, был на стороне Перри.

– Ты можешь шить и продавать одежду, мама. Ты всегда говорила, что люди в больших городах тратят на одежду огромные деньги. Пожалуйста, мама, скажи „да“.

Слова Вилли разбудили в Джинни фантазию, которая долго дремала в ней.

– Вы думаете, я смогу? – спросила она, ожидая одобрения от Бена. – Вы в самом деле думаете, что я смогу?

Пожилой хозяин ранчо пытался найти слова поддержки, слова, которые благословили бы в путь этих двух людей, которые стали смыслом его жизни.

– Я никогда не жил в большом городе, но я слышал, что там больше возможностей. Важно одно – чтобы вы были вместе. Это самое

главное.

– Хорошо, – сказала Джинни. – Мы едем. Бен вытащил из кармана связку ключей.

– Возьми машину... Это избавит вас от лишней траты денег на билеты, и вы успеете далеко уехать, прежде чем кто-либо хватится вас. Я собирался ее продать, но сейчас, я думаю, она сослужит вам лучшую службу. Поедете на ней, куда решите.

Через два часа Джинни и Вилли уже собрали свои вещи и были готовы ехать. Одежды у них было немного, пожитки были скудными. У них не было чемоданов, и Бен дал им две дорожные сумки. Втроем они стояли возле машины, и Вилли стала проявлять признаки беспокойства. Бен переминался с ноги на ногу в самой грязи. Джинни обняла этого человека, который стал их единственным настоящим другом.

– Поезжайте, – сказал он дрогнувшим голосом. – Постарайтесь не упустить время до темноты. – Он обнял мать и дочь и помог им сесть в машину.

Джинни повернула ключ, и мотор завелся. Она переключила скорость на первую, нажала на педаль газа и, помахав рукой Бену, двинулась в город – единственное место, которое она всю жизнь считала домом.

Спустя два часа они были уже далеко от Белл Фурша. Эти места Джинни проезжала впервые. На небе не было ни единой тучки, солнце безжалостно било в глаза. Но отдаленный звук грома напоминал о том, что где-то, в нескольких милях отсюда, идет дождь. Беглецы имели возможность любоваться захватывающей красотой природы. В отличие от матери, с ее мягкими линиями овального лица, делающими ее похожей на юную девушку, у Вилли, наследовавшей многие черты отца, был острый подбородок и выдающиеся вперед скулы, и лицо казалось не по годам серьезным. Светло-коричневый оттенок кожи, светлые, с медным отливом, густые пышные волосы подчеркивали строгую красоту девушки. Приходило в голову, что Вилли как будто сделана из более твердого материала, чем Джинни, которая выглядела хрупкой и божественно красивой.

Когда Джинни стала жаловаться на жару, Вилли открыла бутылку с водой и наполовину наполнила маленькую металлическую кружку.

– Выпей немного воды, мама, и тебе станет прохладней.

Джинни с благодарностью взяла кружку. Она выпила воду и оставшиеся несколько капель налила себе на голову. С головы капельки соскользнули на щеки, и она размазала их по всему лицу. Она провела рукой по волосам и вспомнила, что многие сравнивали ее волосы с волосами Мэрилин Монро.

– Почему ты не играешь со своими куклами, дорогая? Это поможет тебе скоротать время.

Вилли начала копаться в одной из дорожных сумок и достала оттуда Марлен и Лауру, двух кукол, которых Джинни купила ей за пять долларов и десять центов. Джинни говорила, что это куклы Вилли, но сама с удовольствием играла с ними, наряжая в очаровательную, модную одежду, которую шила из кусочков материи, украшала их цепочками и блестками, которые специально для этого покупала в магазине. Она любила сочинять истории, героями которых были ее куклы. В своих красивых одеждах, под руку с прекрасными кавалерами, они ходили в шикарные рестораны и престижные клубы, отправлялись в романтические поездки в Париж или Монте-Карло. Сама Вилли редко играла в куклы, но ей нравилось наблюдать, с каким удовольствием играет с ними ее мать. Когда Джинни шила новые платья брюнетке Марлен и блондинке Лауре, глаза ее блестели, губы что-то шептали, ее воображение рождало новые истории. Платья были такие красивые, каких еще не видели в Южной Дакоте. Молодые люди, которые сопровождали ее героинь, выглядели очень импозантно, каждый день брились, пользовались хорошим одеколоном и курили дорогие сигареты. Они не были похожи ни на одного мужчину из Белл Фурша. Хотя Вилли иногда и претендовала на кукол, ей больше нравилось читать и играть в интеллектуальные игры.

Она посадила Лауру к себе на колени и погладила по светлым волосам.

– Она не такая красивая, как ты, – сказала она Джинни. – Просто она выглядит хорошенькой в нарядах, которые ты сшила для нее. Когда-нибудь и у тебя будут красивые наряды.

– А они действительно выглядят шикарно, – сказала Джинни, радуясь возможности отвлечься от реальности.

– Новый друг Лауры – продюсер. И он дал ей возможность попробовать себя в кино... Конечно, это чудесно. И...

Автомобиль зашипел, загрел, резко задергался, но продолжал ехать.

– Черт возьми, Вилли, не хватало еще этого. Что будет, если мы остановимся здесь? Что, если...

– Не беспокойся, с нами будет все в порядке, – заверила ее Вилли. – Ты будешь, как я сказала, зарабатывать шитьем. Мы можем поехать в Голливуд, если, конечно, ты этого хочешь...

– Это было бы чудесно, – вздохнула Джинни. Она поправила упавший на лоб локон и вдруг вспомнила о картине, которую видела в „Модерн Скрин“: Теб Хантер сидит на берегу голубого озера под чистым звездным небом и потягивает приятный холодный коктейль. Лицо его выражает полное удовольствие.

Она не знала, возможно ли то, что предлагала Вилли, но сама она ничего не могла предложить, у нее не было никаких собственных идей. Единственное, что она знала наверняка, – это то, что они должны уехать так далеко от Южной Дакоты, как только позволит старый автомобиль Бена. И она постаралась снова погрузиться в кукольные фантазии.

Но по мере того, как мили и прошлое оставались позади, Джинни охватывал страх перед новым, неизвестным будущим. Она долгое время не была счастлива и связывала это со своим прежним укладом жизни, с лицами и местами, которые видела каждый день. Сейчас ей попадались дорожные указатели с названиями таких городов, как Ларамье, Санденс, Коди, – названиями, которые могли бы вызвать в ней радужные воспоминания об уютной и спокойной жизни с Перри в его хижине. Но они не вызывали у нее никаких эмоций, а оставались просто надписями. Они не содержали никакого смысла, не приглашали остаться женщину с ребенком. Они лишь напоминали о том, что у нее есть только старый автомобиль и двести долларов в кармане.

Она проглотила комок, подкативший к горлу, когда показалась вывеска „Добро пожаловать в Вайоминг“, и продолжила свой путь. Когда машина подъехала к перекрестку, Джинни посмотрела направо, затем налево, внимательно изучая надписи на указателях, чтобы сделать выбор.

Неожиданно она резко нажала на тормоза, и машина со скрипом остановилась. Джинни положила голову на руль и заплакала.

– Это сумасшествие, – рыдала она. – Куда нам ехать, Вилли? Я не знаю, я просто не знаю.

– Нет мама, ты знаешь, – твердо сказала Вилли, взяв за руку мать и умоляя ее хоть один раз быть сильной и ничего не бояться.

– ...Мы можем. Мы просто должны... Потому что, вероятнее всего, это единственный шанс остаться нам вместе. – И добавила через секунду: – Я хочу увидеть, что нас ждет в конце той дороги.

– Какой? – Джинни посмотрела на свою дочь глазами, полными слез. Взгляд ее выражал сомнение. – Куда мы едем?

Солнце садилось, оставляя вдоль одной из дорог золотую полосу.

– Вон по той дороге, мама, – сказала Вилли с уверенностью, которая, кажется, рождалась ее неисчерпаемой надеждой. – Давай поедem к солнцу.

ГЛАВА 4

Хозяин бензозаправки в Лас-Вегасе был добрым малым, но новости, которые он сообщил, осмотрев машину, удручали.

– Коробке передач – крышка, мэм. И все, что я могу... – После перечисления механизмов, починка которых была необходима, он предложил им пятьдесят долларов за автомобиль.

На глаза Джинни навернулись слезы. Она надеялась остановиться здесь, чтобы починить машину; а заодно и посмотреть эти чарующие места. Но конечной ее целью был Голливуд.

– А мы думали поехать в Калифорнию... у нас нет денег, чтобы добраться туда каким-нибудь другим транспортом...

Механику стало жаль молодую женщину с дочерью. Обе красивые, как на картинке, одна такая печальная, а другая – не по годам серьезная.

– Послушайте, – сказал он, – я знаком со многими шоферами, которые бывают здесь проездом. И я держу пари, что смогу найти кого-нибудь, кто был бы рад подвезти вас просто так, за компанию.

– О, Боже, спасибо, это было бы замечательно, – улыбнулась Джинни сквозь слезы и поблагодарила его за помощь. – Но что мы будем делать до отъезда?

– Нет проблем, недалеко отсюда мотель. Если пойдете прямо по дороге, то дойдете до него минут через десять. Вы сможете снять там дешевую комнату на денек... Думаю, что завтра вы уже уедете. Потом можете поразвлечься, попытать счастья в казино, может быть, вам повезет, и вы выиграете кучу денег... – Он ободряюще улыбнулся.

Их девятидолларовая комнатуха в мотеле „Сансет Вью“ была пропитана сыростью и пахла плесенью, но Джинни была настолько возбуждена предстоящим путешествием, что не замечала этого. Пятьдесят долларов в кошельке и обещание механика заставили ее забыть, в каком неопределенном положении они находились. Пока Вилли распаковывала одежду, аккуратно развешивая ее на вешалки в шкафу, мать направилась в душ.

Она развернула кусок мыла и мыльной пеной удалила дневной макияж. Затем намылила густые светлые волосы, тщательно

прополоскала их, помечтав о лимонном соке, который придаст бы волосам блеск. Освеженная и оживленная, она завернулась в обтрепанное серое полотенце и выбрала одежду для своего первого вечера в этом городе: розовый ангорский свитер, последний подарок Перри, сделанный на Рождество, и белую в складочку юбку, которую сшила сама.

– Все отлично, – улыбнулась она, – теперь не мешало бы перекусить сэндвичами и кофе, который мы купили.

Он еще теплый. Если я сегодня выиграю, то мы завтра пообедаем в настоящем ресторане.

– Я не знаю, мама, насколько хороша эта идея. А что, если ты проиграешь? Ведь мы могли бы купить на эти деньги автобусные билеты?..

– А может быть, я выиграю, – предположила Джинни, предаваясь мечтам о том, что это станет началом их новой жизни и положит конец несчастьям.

Она уже верила в эту идею так же, как в то, что в ее кошельке лежали пятьдесят долларов.

Вилли не могла понять ее внезапного возбуждения, ее неопределенного „может быть“, как и не понимала вечную готовность матери к поражению. Обычно Вилли настаивала на своем мнении, доказывая свою правоту. Но сейчас она проглотила все слова, которые могли бы погасить энтузиазм матери.

После того, как они покончили со скудной едой, Джинни не переставая болтала, питая свое воображение возможностью удачи, надеждой изменить судьбу к лучшему и получить то, чего им не доставало. Ей все казалось возможным – для чего же они здесь, в этом очаровательном, неповторимом месте? Ничего, что комната была мрачной, а сэндвичи не свежие и сухие, Джинни Делайе, никогда нигде не бывавшая дальше Южной Дакоты, сейчас была здесь, в Лас-Вегасе. А завтра они продолжат путь в Калифорнию.

Позже, когда Джинни оделась, Вилли села на кровать, поджав под себя ноги. Ей всегда нравилось смотреть, как Джинни прихорашивается перед зеркалом, хотя сама всегда протестовала, когда мать пыталась подкрасить ее лицо.

Сперва Джинни тщательно расчесала волосы, заставляя сиять их золотыми огоньками, ловким движением собрала их в пышный пучок,

затем снова расчесала, искусно укладывая маленькие завитушки вокруг лица.

Она достала дешевую пятидесятицентовую косметичку. Выложила на стол тюбик крема, старенькую, абрикосового цвета коробочку с золотистыми тенями, темно-коричневый карандаш и флакон с тушью.

Один за другим она использовала эти предметы, оценивая каждый раз результат своего труда в потемневшем зеркале.

Вилли была уверена в том, что ее мама и так прекрасна, без всякой косметики, но нельзя было отрицать, что она стала просто очаровательной, когда закончила свой туалет.

Она была похожа на кинозвезду с обложки журнала „Модерн Скрин“.

– Как я выгляжу? – спросила Джинни, интересуясь мнением Вилли.

– Прекрасно, мама. Как всегда.

– Спасибо, дочка. – Она в последний раз поправила волосы. – Пожелай мне удачи, – бросила она через плечо. – И не забудь закрыть за мной дверь.

Днем Лас-Вегас не произвел на Джинни большого впечатления. Сейчас же, вечером, город ожил, неосвещенные в дневное время витрины словно по волшебству засверкали миллионами ярких, разноцветных огней, движущихся и переливающихся повсюду, сколько хватало глаз. Это напомнило ей о веселом карнавале, многолюдном и шумном, о желании наконец пристать к берегу, забыть о проблемах, сыграть в рулетку и выиграть.

Джинни направилась к отелю „Сендс“, о котором механик отозвался, как о „классном месте“. Огромная афиша, висевшая перед ним, оповещала о том, что Диана Уорик и Ред Баттонз давали два ночных представления. Она шла по проходу, смежному со стоянкой машин, прошла мимо швейцара в надежде, что она выглядит именно так, как подобает выглядеть посетителям таких больших отелей. Коридорный направил ее в казино, оказавшееся гораздо больше и оживленнее, чем те, которые ей когда-либо приходилось видеть в кино. Так много людей, клубы сигаретного дыма!

– Извините меня, – она тихо обратилась к седому мужчине, перед которым лежала большая куча фишек, – не сможете ли вы рассказать

мне о правилах игры?

– Не смешите, – Пробормотал он, даже не удостоив ее взглядом. – Здесь не детский сад, леди.

Джинни сконфузилась, смутилась, густо покраснела и быстро отошла.

– Это нехорошо, – протяжно произнес низкий голос. Она обернулась и увидела высокого, смуглого мужчину, у которого были светло-серые глаза и вьющиеся волосы. Одет он был в белый западного покроя костюм и ковбойскую шляпу.

Подумав, что его замечание относится к ней, Джинни стала извиняться.

– Нет, что вы, – улыбнулся он, лукаво прищуривая глаза. – Я обратился к нему, к тому, что толчется у стола.

Он не имел права так ответить, тем более вам, такой прекрасной леди. Это не по-джентльменски.

Джинни снова покраснела, но теперь уже от удовольствия. Незнакомец выглядел таким красивым и достаточно богатым. Он сразу же напомнил ей мужчину из ее фантастических грез.

– Меня зовут Харли Т. Вун, но вы можете называть меня Хэнком. Если вы еще не потеряли желания получить урок игры, я с радостью преподам его...

И он все показал ей. Он научил ее, как играть в рулетку, смаковать фантастические напитки, которые разносили слуги, обслуживающие это казино, но большее внимание уделил тому, как наслаждаться и беззаботно проводить свободное время, которого у нее не было вот уже столько лет.

Время быстро пролетало, хотя в казино не было ни часов, ни окон, ничего, что указывало бы на его течение. Джинни объявила, что она совершенно не устала, потому что ей сегодня было так весело.

– Да, – согласился Хенк, – но мы должны признать, дорогая, что уже ночь... через пять-шесть часов я улетаю... Как насчет небольшого ужина у меня в номере?

Джинни заколебалась, но только на мгновение. Она чувствовала себя, как Золушка, которой не хотелось, чтобы этот чудесный вечер кончился. Кроме того, ей было интересно посмотреть, как выглядят номера в таком фантастическом месте.

И она не разочаровалась. Она охала и ахала, пока Хенк сопровождал ее в „десятицентовом“ путешествии по своему номеру. Они начали осмотр с хорошо обставленной, застеленной толстыми коврами гостиной, затем перешли в ванную комнату с разноцветным кафелем и красивыми полками, а затем в спальню с огромной кроватью и огромным телевизором напротив нее.

– Держу пари, все это стоит целого состояния, – сказала Джинни.

– Не стоит ни цента, – объяснил Хенк. – Подарок управляющего казино. Конечно, я не могу сказать вам, как много денег оставляю здесь каждый раз, когда приезжаю. Вот таким путем они и зарабатывают деньги.

– О, Господи, – сказала она, не совсем представляя, каким богатством надо обладать, чтобы позволить себе так беззаботно транжирить деньги.

– Но в этот раз я заключил лучшую из всех сделок... Я встретил вас. – Хенк позвал слугу, и тут Джинни почувствовала, что она достаточно голодна и не отказалась бы от бифштекса.

Одетый во все белое слуга принес еду и шампанское, поставил столик перед окном, из которого открывался вид на освещенный рекламными огнями город.

После ужина Хенк взял розу из хрустальной зеленой вазы и подал ее Джинни.

– Она прекрасна, но до вас ей далеко... Комплимент вызвал слезы на ее глазах. Так давно она не слышала от мужчин подобных слов. Затем он приблизился к ней, обнял, взял ее лицо в ладони и поцеловал. Она почувствовала тепло и уют, здесь, в этой приятной комнате, с этим богатым и красивым мужчиной. В отеле было полно женщин, но он выбрал ее. Совсем, как Золушку. И ей так не хотелось возвращаться в свой мотель. Пока нет.

Она не думала, что произойдет потом, а сейчас он снова целовал ее. Затем взял за руку и повел в спальню.

– Я буду очень счастлив, если вы разрешите мне распаковать эту чудесную бонбоньерку, Джинни, дорогая.

Она согласилась, и он снял с нее свитер и юбку. Ей хотелось бы, конечно, чтобы ее нижнее белье было красивее, но Хенк, восхищенный ее бархатной кожей и прекрасной формой груди,

казалось, не обратил на него внимания. Он выключил свет, разделся и лег, горя желанием.

В отличие от Перри, Хенк был любовником из романа. Он покрывал ее поцелуями и говорил очень приятные слова. Он раздвинул ее ноги и стал ласкать, вызывая у нее желание, терпеливо добиваясь ответного чувства. Когда дыхание ее участилось, он вошел в нее.

– О, Боже, – прошептал он, целуя ее шею, – ты так прекрасна... так изумительна.

Движения его сначала были медленными, он ласкал ее чудесное тело, бедра, ноги до тех пор, пока она не застонала от удовольствия.

– Теперь ты, сладкая, – шептал он, – теперь ты, – целуя ее грудь и сильнее прижимаясь к ней. Тела их слились в безумном экстазе. – Ты божественна, – закричал он, придя в дикий восторг и, расслабленный, вытянулся рядом.

– Прекрасная Джинни, – шептал он, обнимая ее одной рукой, положив голову на подушку.

Она тихо лежала, пока не поняла, что он спит. Осторожно она сняла его руку и вышла в ванную, чтобы причесаться и привести себя в порядок. Когда она вернулась за одеждой, он открыл глаза и сонно спросил:

– Куда вы собираетесь, прекрасная леди?

– Я уйду... я должна успеть до того, как проснется моя дочь. Она будет беспокоиться.

– Вы мне вот что скажите, – протянул он, – вы не против подождать меня немного, пока я приготовлюсь, и тогда я возьму вас в аэропорт. Я вызвал машину. Она сейчас будет...

Возвратившись в мотель „Сансет Вью“, Джинни подумала, что за то короткое время, которое она отсутствовала, она успела перелететь из одного мира в другой. Впервые в жизни сев в лимузин, Джинни почувствовала себя кинозвездой, но все закончилось так быстро.

– Следи за собой, милая, – Хенк легко поцеловал ее в шею и вложил несколько купюр в руку. – Это плата за наши победы.

– Боже... спасибо... спасибо за все.

– К моему удовольствию, – сказал он, помахав ей, как только черный блестящий лимузин тронулся с места.

Джинни повернула ключ и, открыв дверь своей комнаты, тихонько вошла.

– Мама, мамочка, это ты? – позвала Вилли.

– Да, детка, спи.

Вилли села на кровати. Она плохо спала ночью.

– Где ты была? – с укором спросила она. – Я так тревожилась за тебя.

– Мне жаль, милая, – Джинни подошла к кровати и обняла дочь. – Но я уже здесь... – немного взволнованно сказала она, раскладывая на одеяле и считая деньги, которые на прощанье дал ей Хенк.

– Триста долларов... Разве это не хорошо? Сейчас ты засни, мы поговорим позже.

У Вилли было много вопросов, связанных с деньгами. Они не давали ей покоя. Но больше всего она сердилась на свою мать, которая забыла о ее существовании. Ей хотелось кричать и обвинять мать. Как может она быть такой беззаботной? Но, зная, какой хрупкой была Джинни, Вилли сдержала свои чувства и уснула, натянув на голову одеяло. Джинни сбросила одежду, юркнула в постель рядом с дочерью и быстро заснула.

Они крепко спали и опоздали вовремя освободить комнату мотеля. С аппетитом позавтракали в кафе, съев свежие сэндвичи и вафли и запив их апельсиновым соком. Джинни убедительно просила Вилли съездить в „Сендс“, чтобы полюбоваться его роскошью.

– Я думаю, сейчас нам надо пойти и купить билеты на автобус, мама, – сказала Вилли. – Мы не можем отказаться от поездки и тратить здесь деньги. Нам они понадобятся там, в Калифорнии.

– Не думай о деньгах, детка. Кругом так много денег, я собираюсь достать немного их и для нас. Во всяком случае, мы заплатим за комнату, и если я сегодня ночью смогу раздобыть пару-другую сотен, тогда нам ничего не останется, как уехать. Мы утром же купим билеты на автобус, я обещаю.

– Но, мама...

– Никаких „но“, родная... А сейчас доешь вафли. Я хочу вернуться в мотель и привести себя в порядок.

Джинни пристально смотрела на свою последнюю двадцатидолларовую фишку. Ее охватила паника, когда она поняла всю

чудовищность того, что наделала. Она так старалась запомнить все, чему прошлой ночью учил ее Хенк, и даже несколько раз выиграла. Но чем больше она старалась, тем больше теряла. В отчаянье она посмотрела вокруг. Может быть, в казино окажется еще кто-нибудь, такой же хороший, как Хенк. Она подошла к высокому мужчине, который заказывал себе виски.

– А... Вы не нуждаетесь в компании?.. Для удачи? – спросила она.

Незнакомец даже не улыбнулся, он стал жадно рассматривать ее.

– Что случилось? – спросил он. – Проиграла все свои деньги?

– Допустим, – сказала она, уже сомневаясь в правильности своего решения познакомиться с этим мужчиной. Он не выглядел ни дружелюбным, ни добрым.

– Хорошо, – резко сказал он и сунул ей стодолларовую фишку. – Считай, что мы договорились.

Джинни улыбнулась в знак благодарности. Начало было прекрасным. Она возвратит деньги, которые проиграла, и вернется в мотель.

Но удача отвернулась от нее и покинула вместе с Хенком. Все, что она получила от казино и незнакомца, – это разнообразие бесплатных напитков. Он был азартным игроком, и чем больше он проигрывал, тем злее становился. Когда Джинни сделала ставку и проиграла, он сказал:

– Если ты хочешь продолжить, то должна обещать мне пойти со мной на вечеринку.

Она кивнула в надежде, что позже у него пропадет охота развлекаться.

Он победно засмеялся, когда выиграл подряд несколько крупных ставок. К Джинни же удача не возвращалась. И когда она проиграла последние деньги, она настороженно посмотрела на своего компаньона.

– Достаточно, – сказал он. – Сейчас мы отправимся к моим друзьям, и ты поможешь нам по-настоящему хорошо провести время.

Он обнял ее, сильно сжимая плечи.

– Можешь быть уверена, я верну свои деньги.

Она отпрянула, испугавшись его слов и выражения лица, с каким он их произнес.

– Не надо... Я не хочу идти ни на какую вечеринку... Оставьте меня...

– Тебя ждет ад, – прорычал он, переходя на крик. – Ты взяла у меня деньги, ты, маленькая бродяжка, и сейчас должна заплатить свой долг!

– Что-нибудь не так? – спросил один из крупье.

– Держу пари, здесь действительно что-то не так. Если девица появляется в таком месте, не жди от нее ничего хорошего. Ей удалось подцепить меня на крючок и выкачать из меня пару сотен. А сейчас она хочет смыться.

– Неправда, я ничего такого не делала, – запротестовала Джинни, вытирая слезы, которые текли по ее щекам. – Я только... вы должны верить мне... я только пришла сыграть...

– Да, – кричал мужчина, – на мои деньги!

– Я сожалею, что так случилось, сэр, – спокойно сказал крупье. – Дом возместит вам ваши убытки. Пожалуйста, пройдемте со мной... – Он подал знак, и два рослых парня, блюстители порядка, вышвырнули ее из казино.

– Впредь здесь не показывайся, а то мы засадим тебя за решетку, – пообещал один из них, выталкивая ее на улицу.

Продолжая всхлипывать, она села на обочину, забыв, что на ней лучшая ее юбка. Ошеломленная и загнанная в тупик, она старалась осмыслить, что с ней произошло, что привело ее к такому плачевному финалу. Что делать ей теперь, без денег в кармане и не имея шансов достать их? Как рассказать Вилли о том, что она все потеряла?

– Что вы сидите на земле, как пресмыкающаяся?

Джинни подняла голову и увидела долгоязого мужчину в джинсах и легкой куртке. Лицо у него было открытым, добрым и уверенным. Загорелый, с прозрачно-голубыми глазами и волосами, тронутыми сединой, человек улыбался ей.

Она покачала головой.

– Я не знаю... Я только хотела выиграть немного денег, но он подумал...

– Я знаю, что он подумал. Я был там. Я вышел убедиться, что вы в порядке. Угостить вас чашечкой кофе?

Джинни с благодарностью кивнула, несмотря на то, что один раз уже обожглась, доверяясь незнакомому. Но лицо этого человека выражало сочувствие и доброту, а она так в них нуждалась.

– Меня зовут Вебб Фоули, – сказал он, когда они сели за маленькой столик ночного кафетерия. – Я летаю из Калифорнии в Вегас. На своем собственном самолете. Вожу пассажиров... Не хотите ли вы рассказать мне, что вы тут делаете?

Джинни посмотрела на него. Глаза ее были еще мокрыми от слез. В ярком свете ламп кафетерия лицо Фоули выглядело честным и открытым, в нем было мальчишеское озорство и еще что-то, что напоминало ей Бена. Медленно, с остановками, она рассказала ему о Перри и Вилли, об их побеге из Южной Дакоты и о последних двух днях в Лас-Вегасе.

– Это все... о моей попытке достать деньги... – безнадежно закончила она.

Ответ Вебба был бескомпромиссным и решительным.

– Лучшее, что вы можете сделать, – это уехать из этого города. Вегас не годится для такой приличной леди, как вы... а тем более, для вашей дочери.

Она согласно кивнула.

– Я знаю, но...

– Я отвезу вас, – подытожил он быстро. – Не волнуйтесь, на этот рейс у меня только один пассажир, так что хватит места для вас и вашей дочери. Вам понравится Палм-Спрингс... Это чудесное место.

– Но я думала поехать в Голливуд. Вилли сказала, что я смогу там зарабатывать шитьем для богатых людей...

– Немало богачей и в Палм-Спрингс. Много там и приезжих. Поверьте, Джинни... Дайте мне возможность как другу позаботиться о вас и вашей дочери. Безвозмездно. Что вы теряете?

Джинни согласилась с тем, что терять им нечего. Зато она была безгранично рада, что нашелся кто-то, кто позаботится о них хотя бы немного.

ГЛАВА 5

– Вот мы и прилетели... Под нами Палм-Спрингс.

Джинни и Вилли припали к иллюминатору, горя желанием увидеть место, где собирались начать новую жизнь, где будет их „новый дом“.

Окруженный большим пустынным пространством и серо-пурпурными горами Палм-Спрингс выглядел таким же нереальным и прекрасным, каким представляла его Джинни в своих фантастических мечтах: белые, словно сахар, дома с крышами из красной черепицы, бассейны с плавающими в них рыбками, окруженные газонами с сочной зеленью и изящными пальмами.

– О, – вздохнула Джинни, – это великолепно.

– Согласен, – сказал Фоули. – Когда я был еще мальчиком, большую часть этой пустыни занимали поселения индейцев. Отовсюду люди приезжали лечиться в здешний санаторий. Затем двое приезжих, Чарли Фаррелл и Ральф Беллами, остались здесь и открыли игорный дом. Он называется „Рэкет Клаб“. Как говорили их голливудские друзья, это положило начало новой истории. Индейцы до сих пор владеют половиной этих земель, санаторий преобразовался в отель „Дезерт Инн“, множество небольших отелей – в магазины, известные под названием „Палм Каньон Драйв“.

– Боже, – прошептала Джинни, – как мне нравится.

– Больше никаких вольностей, – предупредил Фоули, – ничего предосудительного чтобы не было. Преимущества, которые вы сможете извлечь здесь, – это свежий воздух и хороший климат. Найдите себе работу и, может быть, нового мужа, и все будет хорошо. После того, как мы приземлимся, я познакомлю вас со своей подругой. Лаура работает в одном из клубов, и у нее есть в городе дом. Думаю, что вам подойдет комната в нем, и вы воспользуетесь ею, пока не найдете работу.

Приземлившись, Фоули направил самолет к ангару. Он помог пассажиру своего маленького самолета выгрузить большой и тяжелый багаж и дал некоторые указания ожидавшему его механику.

– Сюда, леди, – сказал он Джинни, указывая на небольшую стоянку в дальнем отсеке летного поля.

Он погрузил их вещи в свой джип и повез Джинни и Вилли в город, на ходу рассказывая обо всем, что они видели по дороге.

– Посмотрите на горы. Там одно место называется „Надежда Боба“... Дальше здесь, слева, – отель „Джен Аутри“... А „Дезерт Инн“ – в двух милях южнее... а это – место, где проходят соревнования по гольфу, сюда съезжаются все звезды...

Вилли слушала Вебба не очень внимательно, так как она была полна собственными впечатлениями. Вокруг открывался мир, который так отличался от всего, что она до сих пор видела. Новые сияющие машины, аккуратно, словно женихи, одетые мужчины, которых, казалось, ничто в мире не заботило. Она посмотрела на Джинни, которая была поглощена повествованием их нового друга.

Вебб выглядел так, что ему подходило любимое определение Бена „меткий стрелок“, поэтому Вилли не решалась доверять ему. Она относилась к нему так же, как и к этому новому месту, – настороженно и выжидающе. Это с ней случалось всегда, когда она принимала чью-либо помощь и заботу.

– Сейчас вы увидите нечто такое... – сказал Вебб, сворачивая с основной дороги и въезжая в большие железные ворота. Он остановился рядом с человеком в униформе.

– Посылка для мистера Фонтана, – сказал он. – Меня зовут Вебб Фоули.

Один из служащих посмотрел в список.

– Вы можете проезжать, а леди пусть подождут.

– О, пропустите их, – попросил Вебб. – Хотя бы разрешите взять с собой ребенка... она моя племянница, – сымпровизировал он. – Через десять минут мы выйдем.

Внутренне протестуя, Джинни вышла из джипа, а Вебб тронулся по извиляющейся автомобильной дорожке, вдоль которой росли прекрасные пальмы. Они ехали к огромному дому из камня, стекла и красного дерева. Это был дом с фантастическими изгибами и причудливыми выступами, его цвет и оттенки гармонировали с натуральным, естественным цветом окружающей его богатой зеленой листвы и роскошных цветов, за которыми тщательно ухаживали садовники и которые орошались множеством разбрызгивателей.

– Что это за место? – тихо спросила Вилли, оглядываясь.

– Я думаю, что ты будешь поражена, – улыбаясь, сказал Вебб. – Этот дом принадлежит Сэму Фонтана. Его семья обычно проводит здесь отпуск, отмечает дни рождения и другие торжества. Сегодня здесь намечается большая свадьба... его дочь выходит замуж... за одного... из этих мест. Поэтому она, – он указал на сумку, – так нужна. Взгляни, – он щелкнул замком. Сумка была набита стодолларовыми купюрами.

Вилли никогда не видела так много денег.

– Вы хотите сказать, что ему эти деньги прислали?

– Конечно, десять тысяч баксов. Их выдал банк в Вегасе по особому случаю. Мистер Фонтана получил, сколько хотел. Скорее... нас ждут.

Служащий, тоже в синем, но, по всей видимости, более высокого ранга, чем встретивший их у ворот, как отметил про себя Вебб, отослал их в другое крыло дома.

Вилли никогда еще в жизни не видела ничего подобного. Красно-белый полосатый навес, который мог согнуться для целого цирка, возвышался рядом с тщательно ухоженным газоном. Под ним стояла дюжина столов, накрытых розовыми скатертями. Столы были сервированы китайским фарфором, хрусталем и серебром и украшены живыми цветами.

Гости на свадьбе были совершенно ослепительны. Мужчины в черном, женщины в дорогих нарядах и со сложными прическами; их драгоценные украшения сверкали и переливались под лучами позднего, заходящего солнца. Они сидели вокруг сверкающего своей голубизной бассейна и пили коктейли.

– Посмотрите, – возбужденно сказала Вилли. – Это Пол Ньюман! А мужчина рядом с ним... Это не...?

– Да... это вице-президент Соединенных Штатов, собственной персоной. Спокойно, Вилли, ты еще не то увидишь, смотри повнимательней и запоминай.

Что за человек был Сэм Фонтана, удивлялась Вилли, если такие важные люди посетили его дом? Она старалась все запомнить, как посоветовал ей Вебб.

Тут же недалеко, в беседке, образованной зарослями бугенвиллии и ибикуса, расположились музыканты в белых костюмах. Они играли медленную, романтическую мелодию. На фоне этой мелодии, звона

хрусталя, шума и смеха Вилли услышала свой внутренний, до сих пор еще не знакомый ей голос. Он говорил: вот люди, которые наслаждаются жизнью. Здесь те, кто существовал в маминых мечтах и фантастических историях. Но здесь они были реальными. Это стало открытием для Вилли. Ее поразило не то, что эти люди расточают свои богатства, а то, что они вообще существуют.

Вебб что-то сказал человеку в униформе, и через несколько минут к нему подошел высокий, тяжеловесный мужчина с вьющимися седыми волосами и подстриженными усами.

– Вы опоздали, – сказал он, нахмурившись и не давая Веббу возможности оправдаться. – Я хотел получить это до того, как соберутся гости.

– Сожалею, мистер Фонтана, но банк не имел возможности всю сумму выдать вчера. Я получил деньги сегодня утром...

– Неважно, Сэм Фонтана может позволить себе в день свадьбы дочери все прощать. – Обратив внимание на Вилли, Фонтана достал из сумки золотую монетку и протянул ей.

– Вот вам, молодая леди... в честь невесты.

– Спасибо, – торжественно сказала она, переполненная впечатлениями от чудес, которые видела.

– Считайте себя приглашенной. – Он улыбнулся ей, и, не зная, почему, она почувствовала облегчение от того, что настроение Сэма Фонтана переменилось.

– Пойдемте, фоули, – нетерпеливо сказал он, – я как раз собирался произнести тост в честь невесты. Возьмите стакан и выпейте за здоровье моей дочери. – Он поручил одному из своих людей позаботиться о деньгах, а сам пошел к эстраде.

Как по волшебству, наступила мертвая тишина.

– Добро пожаловать в мой дом, – начал он. Его густой баритон не нуждался в микрофоне. – Родные мои и друзья мои, представляю вам мою любимую дочь Лизу.

Невеста, стройная брюнетка, была одета в легкое кружевное платье в старинном стиле, ее прекрасные волосы были подхвачены паутинкой, расшитой жемчужинками. Она подошла к отцу.

– За невесту. – Сэм поднял стакан и выпил. Затем он обнял свою дочь, и Вилли увидела слезы на его глазах.

– Это счастливый день для всей семьи Фонтана, – продолжал Сэм. Эмоции переполняли его. – Я бы очень хотел, чтобы моя дорогая Амелия дожила до этого события. А сейчас я хочу поздравить моего нового сына Чарлза с тем, что он вошел в нашу семью. С сегодняшнего дня Чарли – один из нас. Это означает, что он вберет в себя все хорошее, что есть в роду Фонтана. Я подчеркиваю, все хорошее... так как ничего плохого у Фонтана нет!

Он сделал паузу, послышался смех и аплодисменты.

– Сейчас брат Лизы, мой сын Джейм Эстебан Диего Доминго, – вы все его знаете, как Джедда, – скажет несколько слов счастливой Паре.

Вилли следила за тем, как Джедд Фонтана, худой и красивый, в строгом костюме, легко, с грацией настоящего атлета, поднялся на сцену. Вилли подумала, что он должен быть смелым и лихим. Джедд поднял бокал.

– За Лизу, – провозгласил он. – Я желаю тебе успехов во всем. Чарли... сделай ее счастливой, ты будешь передо мной за нее в ответе. – Его голос звучал так страстно, с таким пылом, что все слушали его внимательно. Несмотря на свою молодость, Джедд Фонтана определенно пользовался авторитетом. Слова „будешь передо мной в ответе“ в его устах меньше всего напоминали пустую угрозу. Вежливо поклонившись, он пригласил невесту на танец.

Очарованная этим великолепным молодым Человеком с горящими черными глазами, прекрасной улыбкой, горделиво посаженной головой, Вилли наблюдала, с какой нежностью и любовью вел он в танце свою сестру. Эти люди действительно любят друг друга, думала она. Какое же счастье, когда в семье один к другому относится с уважением и нежностью. Ее глаза следили за Джеддом. Они с сестрой кончили танцевать, и теперь вместе смеялись над анекдотами, которые Джедд рассказывал. К ним присоединился жених. Джедд повернулся и встретился глазами с Вилли. Он улыбнулся, и можно было подумать, что он беседует с ней.

– Джедд, – позвал его отец, и он ушел.

– Нам нужно идти, – сказал Вебб. – Твоя мама ждет нас.

Вилли не противилась; она побывала в волшебном царстве, видела прекрасную свадьбу, любящих людей – все то, что она в своем

воображении называла настоящей семьей. Только это были не иллюзии, это была реальность.

Вебб подвез их к скромному оштукатуренному домику и дважды позвонил. Из дома вышла женщина небольшого роста с рыжеватыми волосами, в розовом сарафане. Она обняла Вебба и осыпала поцелуями его лицо.

– О,– улыбнулся он, – меня не было только два дня.

– Но два дня – это так долго, – объявила она. – Я всегда беспокоюсь, когда ты летаешь на этом ящике. – Она, подбоченясь, отошла и стала изучающе смотреть на его спутниц. Ее большие зеленые глаза выражали невысказанную ревность.

Вебб поймал ее взгляд и снова улыбнулся.

– Я чист, Луиза, дорогая. Ты ведь знаешь, что я однолюб. Это Джинни Делайе и ее дочь Вилли. Они „сидели на мели“ в Вегасе, и я предложил им помощь. Джинни нуждается в работе и в комнате. Я самовольно предложил ей твою свободную комнату, пока она не найдет другую. Джинни и Вилли... это мои друзья, Лаура, моя единственная и неповторимая... ручаюсь своей головой, поверь. – Он ласково и с любовью погладил рыжие волосы женщины.

– Он прав, – сказала она, пожимая руку Джинни. – Я вас приглашаю остаться. Вебб принесет ваши вещи сам.

В доме было чисто и уютно, хотя мебель оставляла желать лучшего.

– Располагайтесь сами, как вам удобно, – сказала Лаура, – а мы с Веббом сейчас выйдем и купим на ужин курочку для всех нас. Вы пока позаботьтесь о себе. Все к вашим услугам.

– Они действительно хорошие люди, – сказала Джинни, когда Вебб и Лаура ушли, – я думаю, нам здесь будет хорошо.

– Я так же думаю, мама. Ты отдохни, а я распакую вещи.

Свадьба в семье Фонтана, красивый молодой человек, который на минуту обратил на нее внимание, – все это проносилось в памяти Вилли, пока она распаковывала их небольшой багаж.

В комнате, которая предназначалась им, стоял раскладывающийся диван, небольшой секционный шкафчик, радиоприемник и торшер, скомбинированный из разных пород дерева. Она освободила

небольшую часть шкафа для их одежды, а остальные вещи аккуратно разместила на двух пустых полках.

Годы жизни в чужих домах научили ее довольствоваться самым малым, не нарушать покоя и тишины, быть вежливой и даже, по возможности, не болеть, чтобы не отвлекать окружающих необходимостью заботиться о ней.

Убрав в комнате, Вилли вышла на кухню и наполнила два стакана холодной водой. Один она подала матери.

– Теперь, мама, – торжественно сказала она, – ты должна быть счастлива... иначе кто-то ответит мне.

– Сожалею, но мы не принимаем.

– Сейчас нет покупателей.

– Мы не заключаем договора с отдельными лицами, только с фирмами.

Последние три часа Джинни слышала „нет“ в различных вариантах. И неважно, как оно произносилось, – вежливо, с раздражением или снисходительностью, – смысл был один – нет работы и нет дохода.

Прошлым вечером Лаура предложила познакомить ее с менеджером местного клуба, где она работала. И пока Джинни колебалась с ответом, Вилли решила за нее.

– А как же мечта быть модельером? Ты должна попытаться. Ты так долго желала этого.

Джинни обошла несколько ателье, пошивочных мастерских и магазинов, но никто ею не заинтересовался. Сейчас она остановилась перед витриной на Палм Каньон Драйв. Витрина была проста: единственный манекен со скучающим взглядом, одетый в черное платье и черно-бурую шубу. Неужели, живя в таком климате, кто-нибудь нуждается в шубе, недоумевала Джинни.

К двери была прибита дощечка с золотой надписью: „Заказ и пошив одежды“. Возможно, это как раз то место, где она может показать свои способности как швеи, так и дизайнера. Джинни перевела дыхание и вошла.

Продавщица интеллигентного вида бросила взгляд на нее и снова устремила внимание на клиентку, стоявшую перед ней.

– Это очень оригинальный фасон, миссис Коллинз, – убежденно сказала она. – Вы будете единственной в таком наряде на вечере в местном клубе.

Джинни присела на край изящного, отделанного позолотой стула и ждала, пока клиентка не купила необходимую ей вещь и не покинула магазин.

– Да? – спросила продавщица, обращаясь к Джинни. – Чем могу быть полезной?

– Я ищу работу, – объяснила Джинни. – Я хорошая швея и умею кроить...

Женщина удивленно смотрела на нее.

– Я могу показать вам прямо сейчас. – Джинни засуетилась, выкладывая из сумки разнообразные модели одежды для кукол, которые она захватила с собой.

– Здесь одежда на разные случаи, например, эта – для занятия спортом, а эта – для...

Губы женщины стали подергиваться.

– Подождите, – сказала она, унося кукольную одежду в заднюю часть магазина.

У Джинни появилась надежда. Наконец кто-то обратил внимание на ее изделия. Она замерла в ожидании.

– ...Может, это шутка?

– Нет, я думаю, она говорила серьезно. Одежда на все случаи... Разве это не забавно?

К великому ужасу Джинни, две женщины захихикали. Она заглянула в щель между занавесками и увидела свои миниатюрные модели, небрежно разбросанные по столу.

Униженная и оскорбленная, с полными слез глазами, она выбежала из магазина, оставив там свои драгоценные создания. Она бежала, не останавливаясь, до самого дома Лауры.

– Что случилось, мама? – встревоженно спросила Вилли, увидев лицо матери. – Что произошло? Ты не смогла найти работу?

– Нет, детка... Никто не заинтересовался моими моделями. Они только... посмеялись над ними. – Джинни, словно маленькая девочка над сломанной игрушкой, заплакала.

Вилли почувствовала себя виноватой в том, что мать плачет. Ведь это она послала ее искать работу и невольно сделала из нее

посмешище. Потом она разозлилась.

– Не думай об этом, – зло сказала она. – Они просто глупые... Возможно, они еще пожалеют об этом... Подождем...

Она прильнула к Джинни, и они сидели обнявшись, пока мать не успокоилась.

– Полежи немного... Отдохни. А я тем временем приготовлю ужин.

Джинни свернулась калачиком на их раскладном диване и закрыла глаза, стараясь забыть пережитое унижение. Она думала о том, что и здесь ее ждут те же неудачи, которые преследовали в Белл Фурше.

Вилли еще некоторое время посидела с мамой, пока не убедилась, что та заснула. Услышав, что дыхание Джинни стало ровным, она укрыла ее светлым одеялом и нежно вытерла слезы на ее лице.

– Пусть это тебя не тревожит, мама. Мы переживем и это, – словно давая клятву, шептала Вилли. – Нет ничего такого, что бы нам было не под силу.

ГЛАВА 6

– Мисс... Где вы?

Джинни носилась вокруг клубного плавательного бассейна, который примыкал к террасе. Она перебежала площадку, сооруженную из красного дерева, и направилась к девочке, которая лениво развалилась в кресле.

– Чем могу быть полезной вам? – спросила Джинни, дежурно улыбаясь, как делала это уже два года с тех пор, когда она впервые пришла сюда на работу.

– Я хочу лимонного сока со льдом и немного картофельных чипсов.

– Сейчас принесу, – Джинни вернулась в закусочную, чтобы исполнить заказ. По дороге ее остановил один из старейших членов клуба.

– Что я могу сделать для вас, мистер Корнелл, – спросила она.

– О, Джинни! – улыбнулся он. – Ты можешь много сделать для меня, если только захочешь... Но пока я вынужден довольствоваться свежим полотенцем.

– Хорошо, сейчас принесу.

Раньше, до своего приезда в Палм-Спрингс, Джинни никогда не задумывалась над тем, как богатство изменяет людей, насколько богатые люди отличаются от всех остальных. Богачам не страшен возраст. С годами они не теряют вкуса к жизни, и, чем больше им лет, тем больше они стараются получить от нее. Вот, например, Рэйндольф Корнелл. Ему, по крайней мере, семьдесят. Он годится ей в отцы, а может быть, и в деды. В Белл Фурше он считался бы стариком, который проводил бы свои дни в ожидании чего-то, смотрел телевизор или рассказывал о старых добрых временах. Здесь же он загорелый, в хорошей форме мужчина, который наравне с молодыми флиртует и заигрывает с женщинами, и она не могла бы сказать, что эти ухаживания были ей неприятны – напротив, внимание к ее персоне доставляло ей определенное удовольствие. Ей было приятно, что, несмотря на свои тридцать четыре года, она еще могла нравиться.

Тем ни менее, она никогда не принимала ухаживания достаточно серьезно, потому что всегда помнила предупреждение Лауры:

– Зарплата в этом заведении невелика, но корректное поведение и дружеская улыбка будут всегда твоими самыми лучшими помощниками. Никогда даже не помышляй о том, чтобы вступить с кем-нибудь из членов клуба в интимные Отношения, – особенно с женатыми. Ты можешь позволить себе лишь легкий, ничего не обещающий флирт, иногда можешь принять небольшой подарок. Однако, если кто-то будет чересчур настойчив, ты должна четко определить дистанцию. Тебе все ясно?

Джинни хорошо усвоила это предупреждение. Она никогда не переходила границ служебных отношений. Работа хоть и не была тяжелой, но Джинни иногда уставала от ее однообразия. Солнце и свежий воздух придали ее коже здоровый цвет, а движение – упругость ее телу. Это еще больше подчеркивало ее привлекательность. Она великолепно выглядела в своей форменной одежде – белых шортах и майке с эмблемой клуба, – и она знала об этом.

В закускойной Джинни сделала заказ и дождалась, пока его принесли. Потом она зашла за полотенцем для Корнелла в другую комнату, где Лаура вела учет белья. Она сравнивала бирки на полотенцах с номерками в ее учетной книге.

– Опять бумажная рутина? – поддразнила ее Джинни. – Это единственное, что ты делаешь с наслаждением.

– Да, – улыбнулась Лаура. – Это неприятная и нудная работа, но кто-то ведь должен ее выполнять.

Недавно она получила повышение – стала менеджером, и на ее коротком белом пиджаке появился новый символ – золотая коса. Она сидела в своем офисе и жаловалась на медленно текущее время и новые обязанности, к которым она еще не привыкла.

– Джинни, ты не попросишь Вилли поработать в субботу? Моих девочек не будет, и мне понадобится ее помощь.

– Ты можешь рассчитывать на нее. Вилли никогда не откажется от возможности подработать. Иногда мне кажется это неправильным. Она много занимается и постоянно думает, как бы собрать деньги на колледж. В ее возрасте все мои мысли в основном были направлены на мальчиков и вечеринки. А Вилли... Она такая серьезная.

– Это не беда, Джинни. Будь спокойна. Она умная девочка. Ты увидишь – она многого добьется.

Джинни нравилось, что Вилли обладает здравым смыслом, но ее беспокоило, что дочь чрезмерно поглощена учебой и все время проводит за письменным столом. Поэтому она была всегда довольна, если Лаура предлагала Вилли какую-либо работу в клубе в качестве официантки или уборщицы. Она считала, что это отвлекает дочь и идет ей на пользу.

К шестнадцати годам Вилли стала миловидной девушкой с прекрасной фигурой. Джинни питала надежды, что ее дочери понравится один из молодых богатых завсегдатаев клуба. Она считала, что ее дочь достаточно умна, образована и обаятельна, чтобы составить достойную пару богатому наследнику. Хотя сейчас они и были более или менее обеспечены, и им не приходилось думать, где достать несколько долларов на еду, тем не менее Джинни надеялась на то, что Вилли, выйдя замуж, обеспечит себя на всю жизнь. Несколько человек уже делали Вилли предложение, но она всех отвергла: один испорчен, другой слишком богат, а у третьего – в голове ветер...

– Я ненавижу тригонометрию, – воскликнула Вилли.

– Я тоже, – согласилась с ней ее лучшая подруга Шерил. – И еще мне не нравится Марго Вильямс и то, как она себя ведет.

– Мне тоже. А еще я терпеть не могу брюссельскую капусту, – добавила Вилли.

– Не говори так, Вилли. Ты же знаешь, я не люблю, когда о еде говорят плохо.

– О'кей, извини, – сказала Вилли, выпрыгивая из „мустанга“, который Малколм Виннавер подарил своей дочери на семнадцатилетие.

– Увидимся завтра. Сейчас мне надо идти. Я бы пригласила тебя, но мне еще многое надо успеть сделать.

– Ладно, Вилли, – надулась Шерил. – Но ты учти, если ты мне не составишь сегодня компанию, то я нарушу свою диету. Я вернусь домой и съем целый килограмм шоколадных пирожных. И если я не смогу влезть в свое голубое платье в пятницу вечером, это будет твоя вина. Ты же знаешь, что у меня встреча с Робби Мейсоном. Представляешь, какое горе будет, если я не влзу в голубое платье или оно мне будет слишком тесно? Ты же не хочешь, чтобы это было на твоей совести?

Вилли засмеялась. Она достаточно хорошо знала Шерил, чтобы всерьез принимать ее слова.

– Это не будет на моей совести. Ты не должна нарушать диету и не должна встречаться с Робби. Сегодня мне предстоит стирка, а потом я должна заниматься. Завтра экзамен по истории.

– Очень хорошо, – буркнула Шерил, – мне ничего не остается, как ехать в свой пустой маленький дом. Пока.

Вилли улыбнулась и помахала вслед отъезжающему „мустангу“. Шерил была хорошей девушкой, хотя и немного эксцентричной. И, конечно, она была не виновата в том, что у ее отца было много жен и подружек.

Вилли прошла по дорожке, выложенной белой плиткой, к коттеджу, заглянула по дороге в почтовый ящик и открыла дверь. В доме вкусно пахло кофе и бисквитами. Благодаря усилиям мамы коттедж, в котором они поселились, приобрел очень уютный вид и стал для них настоящим домом. До них бывший хозяин сдавал отдельные комнаты жильцам, но Вебб убедил его продать Джинни дом целиком и в рассрочку и сам первый подписался под договором. Мысль о том, что через несколько лет коттедж станет их собственностью, доставляла Вилли большое удовольствие. Она очень любила этот дом со светлыми просторными помещениями: солнечную кухню, две уютные спальни, камин, выложенный кирпичами, и отделанную кафелем ванную. С двух сторон дома располагались два прелестных садика. Этот дом был лучшим из всех, в которых когда-либо жила Вилли.

Их с матерью походы по комиссионным мебельным магазинам увенчались покупкой подержанной плетеной мебели, которую, немного подремонтировав и подкрасив, они покрыли собственноручно сшитыми яркими накидками. Жизнь их устроилась лучше, чем они могли предположить. Теперь у них всегда было вдоволь еды, и денег еще хватало на редкие поездки. Общаясь с такими хорошими людьми, как Вебб и Лаура, Вилли почти перестала вспоминать дни, проведенные в Белл Фурше. Ей нравилось здесь, в Палм-Спрингс, даже несмотря на то, что у нее была всего одна подруга – Шерил. Их считали немного странными, наверное потому, что они всегда держались в стороне и вели себя независимо и даже вызывающе.

Джинни всегда убеждала Вилли быть более общительной и веселой, не избегать других детей, но дочь не слушала советов. Поэтому для матери было приятной неожиданностью, когда Вилли подружилась с Шерил. Мать Шерил была итальянской актрисой, и фильмы с ее участием иногда показывали по телевизору поздно вечером. После развода она вернулась домой в Тоскану, убедив Шерил, которой тогда было пять лет, что ей будет лучше остаться с отцом в Америке.

В то время ее отец был преуспевающим голливудским режиссером. Всю свою жизнь он посвятил карьере и собственным удовольствиям. Годы мало изменили его. С дочерью он обращался без родительской нежности. Однажды Вилли была приглашена к ним на обед, и Малколм оказался дома, что само по себе было большой редкостью. Во время обеда он засыпал ее откровенными комплиментами, восхищаясь ее утонченным вкусом и стройной фигурой. Постепенно комплименты перешли в сальности, и Шерил стала предупредительно покашливать. Малколм повернулся к ней и одарил ее сардоническим взглядом.

– Ах, да, – заметил он. – У моей Шерил тоже была хорошая фигура, такая же, как и у ее матери, но характер и обжорство замаскировали ее слоем жира.

Шерил стукнула по столу кулаком и вышла вместе с Вилли, которая потом долго удивлялась, зачем людям иметь детей, если они с ними так плохо обращаются.

У Шерил всегда было много денег, но это не мешало ее дружбе с Вилли. Вилли любила свою мать, и они были неразлучны. Благодаря помощи друзей они смогли построить для себя новую жизнь. Но, несмотря на это, Вилли беспокоила судьба ее матери. Она видела, какими глазами Джинни смотрела на Лауру и Вебба, когда те были вместе. Ее взгляд выражал тоску и жажду любви. Вилли не возражала бы, если бы мать нашла хорошего человека – спутника жизни. Однажды она попробовала возобновить разговор о разводе, но Джинни попросила ее никогда больше не возвращаться к этой теме.

В ванной Вилли вывалила на пол из корзины грязное белье и рассортировала его. Потом она взяла одну из кип и загрузила в стиральную машину, которая стояла в маленькой кладовой рядом с кухней.

Затем она достала из морозильной камеры аккуратно завернутый пакет с котлетами и оставила их размораживаться. Почистив пять небольших картофелин, она аккуратно нарезала их в сковородку. Подлив туда же немного молока и положив кусочек масла, прикрыла сковороду крышкой и поставила в духовку на медленный огонь.

Потом помыла и нарезала листья салата, добавила нарезанных помидоров и поставила готовый салат в холодильник.

В ожидании обеда Вилли разложила на полу в гостиной историческую карту. Она знала, что может неплохо сдать завтрашний экзамен и без подготовки. Но у нее была мечта, и, чтобы осуществить ее, ей надо было много трудиться. Вилли не могла точно сказать, когда эта мечта стала целью ее жизни. Она точно знала, чего хочет, – стать таким человеком, который поможет Джинни, когда это будет необходимо, воздаст ей должное за ту боль и страдания, которые пришлось пережить матери.

Школьный юрист миссис Уиндем считала Вилли очень перспективной ученицей, но она удивленно подняла брови, когда Вилли заговорила с ней о юриспруденции.

– Вилли, дорогая, – сказала она, – не лучше ли тебе подумать о более подходящей для женщины специальности. Например, стать учительницей...

Вилли упрямо покачала головой.

– Я не хочу быть учительницей, миссис Уиндем. Может быть, кому-нибудь эта специальность и нравится, но я хочу стать юристом.

– Хорошо, дорогая, – уступила школьный юрист. – Но, видимо, ты не совсем хорошо представляешь себе, с какими трудностями это связано. Юридические колледжи принимают мало женщин, – но, допустим, тебя приняли. Где ты возьмешь деньги, чтобы платить за обучение? Допустим, что кто-то тебе поможет. А что потом? Есть ли у тебя связи, чтобы после окончания найти работу? Эта специальность, как правило, передается из поколения в поколение. А кто твои родители? Видела ли ты в нашем юроре хоть одну женщину адвоката? Ты хорошая ученица, Вилли. Почему бы тебе не использовать открытые перед тобой возможности? Если тебе не подходит карьера преподавателя, ты, к примеру, можешь стать журналистом. Учительница английского говорит, что у тебя есть к этому способности.

– Какая польза от способностей, если нет возможности заниматься тем, чем хочешь, – возразила Вилли. – Я хочу помогать людям, попавшим в беду – таким, как моя мама. Думаю, что смогу помочь им, используя закон. Я знаю, что это нелегко, но я постараюсь. Должна постараться, миссис Уиндем.

Юрист улыбнулась.

– Я верю в твою правоту. Успеха тебе, Вилли. Со своей стороны, я помогу тебе всем, чем смогу. Рекомендательные письма и тому подобное. Ты позаботься об успешном окончании школы. У тебя, несомненно, хорошие знания для того, чтобы поступить в университет. Желаю тебе удачи.

Вилли не надеялась на удачу. Она оставалась лучшей ученицей класса. Она должна преодолеть все трудности, которые упомянула миссис Уиндем, и все барьеры, которые поставит перед нею жизнь.

Перечитывая статьи Конституции, она услышала звук поворачиваемого в замке ключа и вслед за этим – голос матери.

– О, моя девочка, какой чудесный запах!..

– Котлеты, картофельное рагу и салат. Я поставила сковородку на медленный огонь, наверное, уже все готово.

– Я накрою на стол, дорогая. Ты продолжай заниматься. Ты знаешь, Лаура опять попросила тебя помочь ей в субботу. Я сказала, что ты согласишься.

– Хорошо, мама. – Вилли вернулась к своим учебникам и занималась до тех пор, пока запах жареных котлет не напомнил ей, что пора обедать.

Они разложили еду на плетеном, покрытом стеклом столике, стоявшем во дворе. Их радовал аромат цветов, которые они сами вырастили. Тишину нарушало только щебетание птиц и жужжание насекомых. Воздух был прохладен и чист, на фоне темнеющего неба едва виднелись вершины гор, освещенные лучами заходящего солнца. В такие вечера Вилли чувствовала себя почти счастливой.

Суббота выдалась не по сезону теплой, но Вилли было прохладно в шортах и майке. Ее длинные золотистые волосы были собраны на затылке в хвост, лицо покраснелось. Сегодня, выполняя обязанности официантки, Вилли пришлось побегать. Людей в клубе было больше обычного, весна вынудила многих прервать домашнее заточение. Она часто бросала взгляды на бассейн, в котором плескались под ярким

солнцем и теплым ветерком молодые люди. Это удовольствие ее ожидало позже, когда в шесть часов бассейн закроется, и у нее появится возможность поплавать, а потом, в перерыве перед началом вечерних танцев, она сможет закутить в баре.

Вдобавок ко всему, для Вилли это была хорошая возможность подработать и отложить немного денег на учебу.

Взрыв смеха возвестил о прибытии Джедда Фонтана в окружении приятелей и поклонниц. Хотя Вилли и относил Джедда к категории людей не ее круга, она не могла не обращать на него внимания. Всегда, когда он появлялся в клубе в выходные дни или по праздникам, она вспоминала свое первое знакомство с ним.

Она следила за ним, надеясь, что он сядет за один из столиков, которые она обслуживала. С тех пор, как она видела его в последний раз, его лицо несколько утратило выражение мальчишеского озорства и приобрело характерные черты классического испанского типа. У Джедда появились манеры аристократа. Ростом чуть выше Вилли, с мощной мускулатурой, он походил на настоящего атлета. Он по-прежнему гладко зачесывал назад волосы, оставляя открытым широкий лоб над заметно выдающимся орлиным носом. Будучи не очень высокого роста, он казался выше благодаря своей хорошей осанке.

Поддержание прекрасной атлетической формы требовало от Джедда незаурядной силы воли и настойчивости, хотя жизнь и так баловала его, и благосклонность фортуны сделала его в отношении к людям легким и доверчивым. Эта черта его характера раздражала Вилли и очаровывала.

Когда он, улыбнувшись и оценивающе глянув на Вилли, попросил ее что-то принести, с ней стало твориться нечто странное: ее бросило в дрожь, руки ослабли, но ей больше всего на свете хотелось, чтобы Джедд этого не заметил.

Она краснела, ненароком слыша в женской раздевалке, как, хихикая, молодые девушки шепотом обменивались о нем мнениями и сплетнями амурного характера. Все услышанное лишней раз убеждало ее в том, что он не похож на остальных повес, наглых и высокомерных, у которых ветер в голове.

Она почувствовала, как у нее затрепетало сердце, когда вся компания уселась за один из столиков, который она обслуживала.

Подойдя к ним, она спросила:

– Подать ли вам ленч?

– Да, – ослепительно улыбнулся Джедд, обжигая ее взглядом. – Но сначала посмотрим в меню.

– К чему это? – хмыкнула сидящая справа от него девушка.

Когда Вилли принесла меню, та же девушка спорила с ним:

– Но этот мужчина – преступник. Мой отец говорит, что он нарушил закон и заслуживает наказания...

– Возможно, это плохой закон, – сказал Джедд – По-видимому, доктор Фишер помогал девушкам решать их проблемы... вместо того, чтобы они ходили по клиникам Мексики... или того хуже.

Вилли стояла молча, боясь пошевелиться, и слушала разговор. Об этом случае, который они обсуждали, она читала во вчерашней газете. Город просто бурлил, узнав новость об аресте доктора. Вилли был симпатичен человек, который брал за аборт минимальную плату, и она была приятно удивлена, что Джедд защищает его.

– Эй, Фонтана, – с улыбкой обратился к нему один из парней.

– Чего ты вздумал защищать доктора! Может, тебе приходилось просить его об одолжении всякий раз, как...

Почувствовав себя неловко от того, что она стала невольной свидетельницей этого разговора, Вилли взяла графин с водой и, медленно обходя стол, наполнила все бокалы.

– Заткнись, Бенсон, – прикрикнул Джедд. – Я говорю сейчас о принципах. Несправедливо сажать человека в тюрьму за то, что он отстаивает дело, в которое верит.

– Эй! Что вы делаете? – вскрикнула Дженнифер оттого, что Вилли стала переливать напиток через край ее стакана. Она так внимательно прислушивалась к разговору, что и не заметила, как стакан наполнился.

– Глупая, неуклюжая девчонка! – неистовствовала взбешенная Дженнифер, промокая салфеткой свои шелковые брюки.

– Все в порядке, – вмешался Джедд. – Ничего страшного не случилось.

– Может быть, официантка пролила воду потому, что тоже была занята раздумьями о том, к кому бы ей обратиться, чтобы решить ту же проблему. Давайте лучше закажем ленч, пока она не залила всех нас...

Земля ушла из под ног Вилли, когда гром хохота обрушился на нее. Она знала, что не может позволить себе роскошь ответить этим негодяям так, как они того заслуживают. Когда смех умолк, она приняла заказ и отправилась в закусочную. Там она с такой силой хлопнула по столу ладонью с листом заказа, что стол затрясся.

– Что случилось, детка? – спросила женщина, принимавшая заказ.
– Тяжелый день?

– Да, – сказала Вилли, мечтая о том, чтобы компанию Джедда обслуживал кто-нибудь другой, или чтобы она сама превратилась в невидимку.

Но чуда не произошло, и, когда заказ был готов, она осторожно понесла поднос к столу, стараясь избежать неловких движений, чтобы снова не привлечь к себе внимание. Только раз она поймала взгляд Джедда. Он улыбнулся ей своей удивительной улыбкой и подмигнул, провожая взглядом, хотя все три девушки, сидевшие за столом, усиленно добивались его внимания.

Нил Коркоран сидел на своем обычном месте за столиком в дальнем конце бассейна. Это был один из постоянных клиентов Джинни. Он отличался замкнутостью и принадлежал к тому типу пожилых людей, которые не привыкли сдаваться. Он был безукоризненно вежлив, педантичен и богат. „Мешок золота“ – по местным стандартам.

Его отец, Терренс, был хорошим товарищем Фина Бойда, человека, который в 1920 году помог преобразовать Палм-Спрингс в курорт. А когда в 1938 году курорт был зарегистрирован как город, он стал его первым мэром. Сразу после этого сюда приехали Терри Коркоран и его брат Кевин, оба плотники, строить дома. Будучи дальновидными, братья Коркоран на заработанные деньги купили участок земли, часть которой позже продали с огромной прибылью для себя. Другая часть, на которой сейчас располагался „Палм Каньон Драйв“, позже еще больше выросла в цене. Выгодно вкладывая деньги, главным образом в небольшие радиостанции и телевидение в Калифорнии и на Юго-Западе, со временем Нил Коркоран приумножил свой капитал.

„Господи, какой он элегантный“, – думала Джинни, приближаясь к столику Коркорана. На нем были белые полотняные брюки и

блейзер, на голове – белая кепка. Он был похож на Рональда Коулмана. Или на Джона Барримора.

– Добрый день, мистер Коркоран. Не хотите ли закусить? Сегодня у нас рыбный салат, который вы любите. Он очень аппетитно выглядит.

– Как мило с вашей стороны, Вирджиния, что вы не забыли. Только благодаря вашей рекомендации я закажу рыбный салат. И бутылочку сока, пожалуйста. Ваша дочь – прелестное создание, – сказал он. – Вы должны гордиться ею.

– А я и горжусь. – Джинни польстили слова Коркорана, потому что большинству членов клуба была безразлична ее частная жизнь. Она вежливо поинтересовалась:

– Как поживает миссис Коркоран? Надеюсь, она не болеет..

Он грустно покачал головой, и она почти физически ощутила его печаль и одиночество.

– С ней не все в порядке. – Он посмотрел в глаза Джинни. – Вы очень внимательная и замечательная женщина. Мы должны как-нибудь побеседовать с вами за чашечкой чая...

Его слова озадачили Джинни. Отходя от столика, она подумала, что Коркоран слишком воспитан для того, чтобы его приглашение означало обыкновенный флирт. Возможно, он был сейчас одинок и несчастен, хотя вторая жена должна была бы удовлетворить его, ведь он женился всего через три месяца после того, как внезапно умерла его первая жена.

Они приходили сюда на ленч почти каждый уик-энд. Шерон Коркоран редко улыбалась, хотя и не была обделена щедрым вниманием со стороны своего мужа. Она одевалась богато и изысканно и жила в прекрасном доме. Странная женщина, заключила Джинни. Или просто избалована хорошей жизнью. И какой он, должно быть, внимательный и добрый, что потакает всем ее капризам.

– Ну и счастливый ты человек! – произнесла Шерил, с аппетитом жуя горячий чизбургер. – Здесь столько еды, и ты можешь есть все, что захочешь.

Обычно посетителям не разрешалось находиться в кухне бара, но Лаура, конечно же, позволила Вилли с Шерил поесть там. Когда Шерил слишком увлеклась молочными конфетами, Вилли твердо остановила ее.

– Здесь же полно калорий. Ты сама сказала, чтобы я тебя останавливала, помнишь?

– Это было на прошлой неделе, – заметила Шерил. – Сегодня вечером я надеялась встретиться с Робби и пойти с ним на танцы, но он сказал, что на выходные уезжает к своей тете. Жаль! Мне все-таки кажется, что он просто не хочет встречаться со мной. Ну, мог же хотя бы придумать более подходящий предлог...

– Да, предлог неподходящий. Зря ты все это затеяла, Шерил. Почему ты так не ценишь себя?

Шерил повела бровью и напонила слова отца о ее полной фигуре.

– Да ладно, Шерил, не стоит из-за этого переживать. Если о тебе так думает твой отец, это не значит, что и остальные того же мнения. Неужели ты хочешь из-за этого отравить себе жизнь? У многих отцы такие ужасные! Мой отец... – Ее голос сорвался.

Шерил перестала жевать. Все, что она слышала от Вилли о ее отце, это то, что он не живет с ними уже много лет.

– А что твой отец? – спросила она с нескрываемым любопытством. Мы с тобой так давно дружим, но ты никогда мне о нем ничего не рассказывала.

„Мой отец, конечно, порядочная свинья“, – подумала Вилли, но вслух не смогла произнести этих слов.

– Я не хочу говорить о нем. Это было очень давно...

– Он, наверное, ушел по той же причине, что и моя мать. Не так ли, Вилли?

– Да, похоже на это, – согласилась Вилли, надеясь перевести разговор на другую тему.

– Наверное, все-таки хорошо, что все так заканчивается, когда любовь умирает. Ведь совместная жизнь превращается в сущий ад, – заключила Шерил. Вилли посмотрела на подругу, обдумывая ее слова, которые были очень похожи на правду.

– Где ты слышала это? – спросила она.

– Малком Виннавер – величайший в мире автор слов о любви. Это сказал он, когда разводился с Шейлой.

Мой отец очень демократичен на этот счет. Его бросают, он бросает... – Шерил снова принялась за конфеты. – Я все жду счастья, но почему-то все бросают меня, – горько заключила она.

– Я никогда тебя не оставлю, – горячо воскликнула Вилли. – Мы же лучшие друзья.

Шерил грустно улыбнулась.

– Я знаю, это ты сейчас так думаешь. Но все проходит. Такова жизнь...

Их разговор прервал мужской голос.

– Прошу прощения... – Это был Джедд Фонтана.

– Посетителям запрещено здесь находиться, – сказала Вилли.

– Я знаю. Я только на минутку. Хотел поговорить с вами, мисс...

– Меня зовут Вилли. У меня сейчас перерыв. Клуб закрывается в семь и...

– Мне известно, как вас зовут. – Он улыбнулся. – Я узнал об этом в первый же день, как только вы приехали. Я не хотел бы казаться навязчивым, но не могли бы вы выйти на минутку?

Вилли бросила взгляд на Шерил, которая энергично толкала ее ногой под столом.

– О'кей. Но только на одну минутку. И что же вам надо? – спросила она, когда они вышли из кухни.

– Разрешите, я снова представлюсь. Меня зовут Джедд Фонтана...

– Я знаю, – ответила она.

Он улыбнулся с таким видом, как будто был уверен в этом все время.

– Послушайте, – сказал он мягко. – Мне искренне жаль, что так получилось. Дженни не имела права говорить с вами в таком тоне. Я сказал, чтобы она извинилась, но...

– Но она, конечно, и не подумала воспользоваться вашим советом.

– Иногда Дженни вообще не думает, – сказал Джедд, продолжая улыбаться. – Это, конечно, не покупка прощения, но я хотел бы дать это вам... – Он вытащил из кармана сложенную десятидолларовую бумажку. Вилли посмотрела на купюру. Она нуждалась в каждом пенни, и десять долларов для нее были целой кучей денег, но она не могла позволить Джедду подкупать себя таким путем.

– Не надо, – холодно произнесла она. – Если вы думаете, что с помощью денег можно сделать все, вы ошибаетесь и выглядите не лучше, чем ваша подружка. Работая здесь, мне иногда приходится сталкиваться с хамством, но свои чувства я ценю не меньше, чем вы свои, и не продаю их ни за какие деньги.

– Боже мой! – воскликнул он, и его черные глаза восхищенно заблестели. – Я знал, что ты чудо, Вилли... Но сейчас я вижу, как ты не похожа на других девушек. Извини за то, что я предложил тебе деньги. Но я не имел в виду то, о чем ты подумала. Разреши, я попробую предложить их тебе другим путем. Пожалуйста.

У Вилли перехватило дыхание. Она почувствовала, как бешено забилось сердце у нее в груди. Она не могла вымолвить ни слова и только молча кивнула ему в ответ.

– Мы ведь друзья, не так ли? – Он взял ее ладонь в свою и нежно пожал ее. Вилли почувствовала, как краска смущения заливает ее лицо. – Завтра я возвращаюсь в школу, но мы еще обязательно увидимся. Это я обещаю тебе.

– Ты никогда не говорила мне о том, что знаешь Джедда Фонтана, – сказала ей чуть позже Шерил. В ее голосе звучала обида.

– Я не была с ним знакома и не разговаривала до этого. Если не брать в расчет его слова „Принеси мне клубный сэндвич“.

– Быстренько сообщи мне, он назначил тебе свидание? Он такой великолепный экземпляр.

– Нет, Шерил, он не назначал мне свидания. Зачем Джедду Фонтана встречаться со мной? И вообще, мне кажется, что все это следует прекратить.

– Ты зря так говоришь. Не надо ценить себя низко. Ты хороша собой и умна... Господи! Я так хотела бы быть похожей на тебя.

– Я вовсе не ценю себя низко. Я просто пытаюсь реально смотреть на вещи. Мы ведь одинокие подружки, разве не так?

Шерил грустно улыбнулась.

– Да, это так. Но ты не должна быть одинокой. Честно.

– Я всего лишь официантка, и у меня нет денег, – сказала Вилли.

– Поверь, Вилли, дело не в деньгах. Посмотри на меня, я далеко не бедна, и мой отец – известный человек. Но я всегда буду одинокой. Мы совершенно разные. В тебе есть что-то особенное. Даже Малколм так считает. Любой парень хотел бы быть с тобой, в том числе и Джедд Фонтана.

ГЛАВА 7

Отсюда все видно как на ладони, восхищалась Вилли, глядя вниз на великолепную панораму, которая открывалась перед ними. Не видно ни конца, ни края, изумлялась она, прикрывая ладошкой глаза от ослепительного утреннего солнца и пытаюсь разглядеть горизонт, подернутый дамкой. Скалы вокруг сверкали искрящимся белым снегом.

– О, Вебб, какая прелесть! – сказала она вслух. – Мы так благодарны тебе за то, что ты привел нас сюда! Это лучший рождественский подарок, какой только можно себе представить.

– И притом самый доступный, – улыбнулся Вебб. – Когда ты сказала вчера вечером, что Рождество без снега это не Рождество, я позвонил Санта-Клаусу, и он сказал мне: „Вебб Фоули, ты завтра же возьмешь своих прекрасных дам в горы. Мать-природа обеспечит вам снег“.

– Это великолепно! – сказала Джинни. – Но я думала, что умру от страха, когда мы поднимались сюда по канатной дороге. Ты же не предупредил меня, что это так страшно.

– Это совсем не страшно, – возразила Вилли. – Так чудесно было проехать прямо по небу.

– Всего шесть тысяч метров, – сказал Вебб. – Я видел проектные документы в 1962 году, когда строили эту канатную дорогу. Этот канат протягивали с помощью вертолета. Хорошо получилось, не правда ли?

– Правда, – согласилась Джинни. – Боже мой! Вы так много для нас делаете, ты и Лаура. Вы так добры к нам. Я не знаю, как бы мы без вас жили. – Ее глаза светились неподдельной благодарностью.

– Я думаю, не пропали бы. Всегда нашлись бы добрые люди, готовые помочь.

Во всем чувствовался праздник. В доме аппетитно пахло жареной в специальном соусе свининой и чудесным тортом, который испекла Джинни, потратив целый фунт масла и шесть яиц. На улице ярко светило солнце, и было семьдесят градусов по Фаренгейту. Цвели жимолость и мимоза. Все ярко контрастировало с тем зрелищем зимы, которое открылось им всего полчаса назад.

Празднично выглядела и гостиная. Она была украшена золочеными и разноцветными гирляндами. В центре стояла роскошная шотландская ель, которую Вебб принес накануне. Точно такую же он принес, когда они вместе справляли свое первое Рождество. Сейчас ель была украшена игрушками, ее мохнатые лапы обвивали разноцветные бусы и ленты. Включили огоньки, и елка засверкала, распространяя вокруг себя неповторимый лесной аромат.

Джинни пришла в восторг от подарка Вилли – ожерелья с искусственным бриллиантом, который выглядел совсем как настоящий.

– О, дорогая, оно великолепно. Но ты, наверное, заплатила за него целое состояние. Ты не должна бы...

Вилли истратила двадцать пять долларов из своих сбережений и сожалела только о том, что бриллиант не настоящий.

– Раскрой теперь свой подарок, родная. Я умираю от желания узнать, понравится ли он тебе. – По вечерам Джинни проводила долгие часы за шитьем, чтобы успеть закончить к Рождеству белое шерстяное платье для своей дочери.

Вилли аккуратно раскрыла сверток, чтобы оберточную бумагу и ленту можно было использовать еще раз.

Платье было замечательное, простой и оригинальный фасон. Про себя Вилли отметила, что мама всегда угадывает, что может ей понравиться.

– Оно чудесно, мамочка! Спасибо. – Она обняла и поцеловала Джинни.

В дверь позвонили. Это оказался мальчик-разносчик с длинной белой коробкой в руках. Когда Джинни раскрыла ее, все увидели дюжину красных роз.

– От кого они? – спросила Вилли. Джинни нашла записку и прочла ее вслух.

– „Счастливого Рождества прекрасной леди. Могу ли я надеяться, что вы составите мне компанию в новогодний вечер?“ – Внизу стояла подпись „Нил Коркоран“.

– Это кто? – спросила Вилли. Розы – цветы с намеком, а мама никогда не упоминала о каком-либо мужчине.

– Это один из членов клуба... – задумчиво произнесла Джинни. – Он выглядит настоящим джентльменом.

– Он женат? – нахмурилась Вилли.

– Жена бросила его... Господи! Что мне делать? Он приглашает меня провести с ним новогодний вечер... – Она взяла в руки розы и горделиво улыбнулась, – Какие прекрасные розы! Мне никто никогда не дарил таких.

– Я рада за тебя, – сказала Лаура. – Кое о чем мы догадывались.

– Что ты посоветуешь мне, Лаура? Я имею в виду, что он член клуба, а я...

Лаура приготовилась повторить правила поведения персонала с гостями клуба, но, увидев счастливое лицо Джинни, прикусила язык.

– Ты хорошо знаешь этого мужчину? – спросил Вебб, заметив замешательство Лауры.

– Я... Я беседовала с ним в субботу. Однажды, после закрытия клуба, мы выпили с ним кофе... Он очень вежлив и никогда не позволяет себе ничего лишнего. В чем дело, Вебб? Ты не хочешь, чтобы я ходила туда? – с мольбой в голосе спросила Джинни.

– Это хороший шанс для тебя, – успокоил ее Вебб. – Но будь осторожна. Я слышал, что его развод сопряжен с некоторыми осложнениями. Обещай, что обязательно обратишься ко мне, если возникнет такая необходимость.

– Обещаю, – энергично закивала Джинни и с облегчением улыбнулась. Но на душе у Вилли было беспокойно. Джинни выглядела такой счастливой. Ей подарили цветы и назначили свидание. Это, конечно, приятно, но может ли она встречаться с мужчиной, будучи все еще замужем? Вилли так хотелось, чтобы ее мать была счастлива! Должен же быть способ, чтобы сделать ее свободной. Пока Вилли размышляла об этом, Вебб заявил, что ему пора уходить.

– Так быстро? – удивилась Джинни. – Но почему?

– Работа, – коротко ответил Вебб.

– Какая же работа в Рождество?

Но прежде чем он успел ответить, вмешалась Лаура. Она уже обсуждала с ним эту тему.

– Работа на Сэма Фонтана – вот какая. По его поручению Вебб должен лететь в Мехико в любое время суток. Мне не нравится это. Мне это совсем не нравится. По крайней мере, он хотя бы признал, что поступает плохо...

– Мне хорошо платят, – резко ответил Вебб, вставая и давая тем самым понять, что разговор закончен.

При упоминании имени Фонтана екнуло сердце Вилли, и перед ее глазами всплыла картина знакомства с Джеддом и его недостижимым отцом в окружении сильных и могущественных людей, которые пришли, чтобы выразить почтение Сэму.

Почему Лаура против того, чтобы Вебб работал на Сэма? Вилли была озадачена. Может, она думает, что Сэм занимается каким-нибудь незаконным бизнесом?

Вилли обняла Вебба на прощание и поблагодарила за то, что он сделал их Рождество по-настоящему праздничным. Потом она пошла на кухню, чтобы вымыть посуду и спокойно обдумать новости, пока мама с Лаурой беседуют в гостиной. Вдруг она услышала стук в дверь, выходящую во двор. Это была Шерил.

– Счастливого Рождества! – сказала она, вручая Вилли коробку конфет.

– Счастливого Рождества! – тихо ответила Вилли, глядя в припухшие и покрасневшие глаза подруги. Она не стала спрашивать, почему Шерил не в Лос-Анджелесе с отцом, где предполагала провести этот день.

– Хочешь торта? – спросила Вилли. – А, может, свинину под соусом, если ты голодна?

Шерил покачала головой и опустила на стул.

– Мой отец в своем амплуа, – с горечью сказала она. – Позвонил мне вчера, чтобы пожелать счастливого Рождества и сказать, что не может приехать домой из-за работы.

– Очень жаль, но не стоит так горевать. – Вилли обняла подругу. – Я рада, что ты вспомнила обо мне. Мы вместе проведем Рождество.

– Я так несчастна, – грустно сказала Шерил. – Я не понимаю, почему он так поступает со мной. Но я знаю, что я его совершенно не интересую...

Вилли хотела сказать, что Шерил не права, но, подумав, решила, что так оно и есть, – Малколм не заботился ни о своей дочери, ни о ком-либо другом. Но вслух она сказала:

– Присаживайся ближе к столу. Мы будем праздновать Рождество. Главное, что мы вместе.

В этот новогодний вечер клуб был празднично убран. Зал украшали елочки, присыпанные искусственным снегом и увешанные игрушками, серебряные веночки и разноцветные огни. Гости, одетые изысканно и богато, танцевали под неумолкающую музыку.

В этот вечер Вилли опять согласилась подежурить, чтобы пополнить свои сбережения. Она не была занята чем-либо определенным и, хотя запрещала себе даже думать об этом, в глубине души надеялась снова увидеть Джедда. Со дня их последнего разговора прошло уже порядочно времени, Возможно, он и забыл о нем, однако она помнила каждое его слово, каждый жест. Время шло, и с каждым часом росло ее беспокойство. Ну что ж, зато ее мама сейчас вполне счастлива – веселится, танцует...

Джинни была очень возбуждена, когда одевалась к сегодняшнему вечеру. Ведь с тех пор, как она закончила колледж, это был первый настоящий праздник в ее жизни.

– Ты знаешь, Нил пригласил меня в „Рэкет Клуб“... Разве это не чудесно? Я думала, что он пошутил, когда спросил меня, куда мы поедем. Он и глазом не моргнул, когда я брякнула – в „Рэкет Клуб“. Представляешь себе, Вилли? Я буду в клубе, где бывают Спенсер Трейси и Генри Фонда, и...

Она запрыгала от радости, когда Коркоран заехал за ней на своем черном „ягуаре“. Он преподнес Джинни великолепный букет орхидей. Когда она в растерянности спросила, можно ли взять их с собой, он спокойно сказал:

– Они предназначены для завтрашнего дня, чтобы напомнить вам о времени, Проведенном сегодня со мной. Сегодня вы не нуждаетесь в таком украшений. Вы и так выглядите изумительно.

Он сказал, что они живут в прелестном доме, и сделал Вилли несколько вежливых комплиментов.

– Я обещаю доставить вашу маму домой в назначенный час, – улыбнулся он на прощание. Вилли не ответила на его улыбку. Что-то в нем не нравилось ей, но она пока не могла разобраться в своих предубеждениях. Как бы там ни было, лучше пусть мать немного отдохнет и повеселится, чем проведет вечер в клубе, наполняя чужие бокалы и вытряхивая пепельницы.

Вернувшись в бар, Вилли окинула взглядом зал в надежде увидеть Джедда. И вскоре она увидела его. Он пришел в 11.45 вместе с

красивой молодой женщиной. У Вилли упало сердце, но секунду спустя она успокоилась, узнав в этой женщине его сестру Нину. Вилли не сводила с него глаз, мысленно повторяя про себя: „Я здесь. Я здесь. Взгляни на меня“. И он взглянул. Глаза их встретились. Он улыбнулся, что-то сказал своей сестре и, протиснувшись сквозь толпу танцующих, подошел к Вилли.

– Привет, – сказал он.

– Привет.

– Давай потанцуем, – предложил Джедд.

– Я не могу... Я на работе...

– Всего лишь один танец... во дворе. – Он взял ее за руку и вывел в прохладную звездную ночь.

– Я рад видеть тебя снова, – нежно сказал он.

– Я думала, что ты уже не придешь, – произнесла Вилли и сама удивилась своей смелости. Покраснев, она опустила глаза.

– Я и не собирался, – улыбнулся Джедд. – Дома была вечеринка, но сестра захотела кое с кем встретиться здесь, а ее парня нет в городе, вот я и согласился сопровождать ее.

Он обнял Вилли, и они стали танцевать под музыку, доносившуюся из бара. Вилли и забыла, что на ней не праздничное платье, а всего лишь костюм официантки – светлая блузка и черная юбка.

Внезапно оркестр замолк.

– С Новым годом! – сказал Джедд и прежде, чем она успела ответить, крепко поцеловал ее. У Вилли закружилась голова. Казалось, что земля уходит из-под ног... Ей хотелось прильнуть к нему, но вместо этого она высвободилась из его объятий и попятилась назад.

– Я... Мне надо вернуться... – запинаясь, пробормотала она.

– Не торопись, – сказал он, снова привлекая ее к себе. Лица их сблизилась, и она чувствовала теплоту его дыхания.

– Я хочу, чтобы в воскресенье ты пришла ко мне в гости, Вилли. Пожалуйста, скажи – „да“.

Это безумие, подумала она. То, что она сейчас чувствовала к нему, не предвещало ничего хорошего. Но что же плохого, если они встретятся, поболтают, и она сможет многое выяснить...

– Хорошо, – согласилась Вилли. Глядя в его глубокие черные глаза, она просто не могла сказать „нет“.

В это же время Коркоран впервые поцеловал Вирджинии руку.

– С Новым годом, – сказал он. – Надеюсь, это будет один из многих праздников...

– Боже! Спасибо... – Джинни не верила своим ушам. Нил сказал, что он хотел бы видеть ее снова. – Мне удивительно повезло. Я и представить себе не могла, что когда-нибудь окажусь в таком шикарном месте.

Коркоран улыбнулся.

– Вы такая наивная, Вирджиния. Вы просто прелесть. Вы бы доставили мне массу удовольствия, если бы позволили показать вам новые места и достопримечательности...

– Посмотрите, посмотрите, разве это не Люсил Болл? Как вы считаете, удобно ли будет взять у нее автограф?

– У меня есть идея получше. – Коркоран взял Джинни под руку и повел через зал. Мгновение спустя он уже представлял Джинни очаровательной кинозвезде.

– Я так рада познакомиться с вами, мисс Болл, – волнуясь, сказала Джинни. – Я всегда смотрю ваши телешоу...

Люсил посмотрела на Коркорана.

– Скажите, что будете пить, мой спонсор, и я угощу вас, – сострила она. – Вам хочется, чтобы мы познакомились поближе?

Джинни восхищенно замерла – посидеть за одним столом с такой звездой! Но Нил сказал:

– В следующий раз, Люсил. Спасибо. Я хочу, чтобы Вирджиния весь вечер была только со мной.

Хотя Джинни и была разочарована, слова Нила польстили ей. Даже больше, чем то, что он дал дирижеру десять долларов и попросил сыграть его „Мои глаза смотрят только на тебя“.

Он хорошо танцевал. Наклонившись к ее уху, он спросил:

– Вы бывали когда-нибудь в Париже?

– Нет, – ответила она. – Я нигде не бывала.

– Сейчас в Париже холодно, но весной там будет чудесно. Я думаю, вам понравится там...

Неужели он хочет пригласить ее в Париж, подумала Джинни. Но ведь формально она все еще замужем за Перри... У Джинни слегка кружилась голова – то ли от выпитого шампанского, то ли от его слов.

Она была возбуждена, но мысль о том, что ей необходимо что-то предпринять для развода, причем быстро, не откладывая в долгий ящик, не покидала ее.

– Надеюсь, ты хорошо провела время, мама? – Вилли присела на кровать Джинни и подала ей завтрак.

– Это было чудесно, – сказала Джинни. – Мы танцевали до упаду и пили шампанское. Нил представил меня Люсил Болл. Ты можешь себе это представить? Я – и все эти богачи – сливки общества вокруг... Чудесно, просто чудесно. Ты знаешь, Нил был очень корректен со мной.

Он вел себя так, как будто я одна из этих шикарных дам. Догадайся, что он сделал? Он поцеловал мне руку, как это делают в фильмах. Он обещал скоро позвонить.

– Но, мама... если тебе нравится этот человек, мы должны добиться твоего развода.

– Я знаю, – сказала Джинни. – Я знаю... я все время думаю об этом. Я хочу позвонить твоему деду. Может, страсти в Белл Фурше уже поутихли. А как ты, дорогая? Ты, наверное, очень устала? Мне было неловко от мысли, что в то время, как я веселилась, тебе пришлось работать.

– Не беспокойся, мама. Я совсем не устала. Кроме того, Джедд Фонтана назначил мне на воскресенье свидание.

– Вот так-так! – При упоминании имени Фонтана Джинни выпрямилась и села в постели. Богатый друг. Это как раз то, чего она всегда желала своей дочери. – И когда же вы успели договориться? Ты, оказывается, можешь быть скрытной. Даже с родной матерью.

– Он назначил мне встречу вчера ночью. Так что у меня не было времени рассказать тебе, – ответила Вилли и подумала, что следовало бы рассказать и о том, что она чувствовала, когда ощутила его дыхание на своем лице, или как смотрела на его губы, когда он улыбался...

– Я была готова поспорить с кем угодно, что так все и произойдет. Я видела, как этот парень смотрит на тебя. Смотри, не раскрывай своих козырей до конца, дорогая. Джедд Фонтана уже у тебя на крючке.

О, мама... – Вилли очень не нравилось, когда мать так говорила. Как будто нет в жизни большего счастья, чем подцепить на крючок

мужчину. Вилли как-то обнаружила свадебную фотографию, которую Джинни хранила в самом нижнем ящике комода. На фотографии лица отца и матери светились неподдельным счастьем. Она не могла понять, куда делись эти любовь и счастье, уступив место злости и ненависти.

Когда наступило воскресенье, она предоставила Джинни все хлопоты по поводу своего наряда и прически, уговаривая себя, что надевает новое платье только ради мамы. Но, посмотрев в зеркало, она осталась очень довольна тем, что выглядит ничуть не хуже девушек, которых она видела рядом с Джеддом.

– Он потеряет голову и наговорит тебе массу комплиментов, – сказала ей на прощанье Джинни.

Предсказание сбылось.

– Ты просто восхитительна! – воскликнул Джедд, увидев Вилли. – Я хочу познакомить тебя со своим отцом. Он мировой парень, – сказал он, усаживая ее в свою белую спортивную машину.

– Я видела его пару раз в клубе.

– Отец редко бывает в клубе. Он похож на отшельника. Большим компаниям предпочитает домашнюю обстановку.

Вилли было любопытно побывать в доме Фонтана. И не только потому, что они богаты. Фонтана жили тихо и скрытно. Конечно, при мысли о богатстве Джедда Вилли становилось как-то не по себе. Ему ведь не приходилось беспокоиться о том, как собрать деньги на обучение в престижном колледже. Он знал, что двери любого колледжа для него открыты, и он может выбрать любую специальность. Вилли считала, что люди, которым все достается словно по мановению волшебной палочки, которые и пальцем не шевелят для того, чтобы добиться чего-то, обычно слабы характером.

Перед особняком Фонтана было тихо, но, когда они подошли к двери, Вилли услышала голоса, доносившиеся из дома. В большом холле стояла громадная пихта, упираясь верхушкой в высокий потолок. Она вся была увешана дорогими игрушками и гирляндами, но среди них Вилли заметила и вещи, сделанные детскими руками.

– Посмотри сюда, – сказал Джедд, показывая на куклу с зелеными глазами и тряпичного толстого мишку. – Настоящие произведения искусства, не так ли? Я все это сделал собственными руками, когда мне было шесть лет.

– Красиво, – вежливо сказала Вилли, с удивлением и каким-то облегчением отмечая про себя, что Джедд был в детстве обыкновенным ребенком.

Сэм Фонтана сидел в гостиной перед телевизором с огромным экраном и смотрел футбольный матч. В окружении детей и их товарищей и подружек он был похож на короля со свитой.

– Папа, познакомься, это моя подруга, Вилли Делайе. Сэм, не вставая, протянул руку. Его темные глаза были такие же, как и у Джедда, только более глубокие и проницательные. Он внимательно посмотрел на Вили.

– Добро пожаловать, – сказал Сэм. – Вы пришли вовремя. Мы как раз собирались перекусить.

Джедд представил Вилли другим членам семьи, и они все направились к столу, который, казалось, находился за целую милю от них. Чего только не было здесь! Омлет, бекон, всевозможные колбасы и ветчина, копченый лосось, нарезанный ломтиками не толще бумаги и уложенный в овальные блюда. Вилли насчитала семь сортов хлеба, булок и другой выпечки в плетеных корзинах. Следуя примеру Джедда, она взяла тарелку с золотой каймой и приборы, лежавшие на вышитой салфетке, и стала думать, на чем остановить свой выбор.

Джедд предложил ей мешать апельсиновый сок с шампанским.

– Я сначала выпью просто шампанского, – сказала она. – У нас еще есть время.

Улыбка появилась в уголках его губ, когда он наливал ей шампанского в хрустальный бокал. Они захватили свои тарелки с едой и возвратились в гостиную. Пока они молча ели, Вилли наблюдала за Сэмом, который тоже вернулся к телевизору. Сэм был полностью поглощен игрой, прерывая свое молчание возгласами типа: „Атаковать надо!“ или „Какая глупость!“ Когда наступил перерыв в матче, Сэм встал с кресла и подошел к ним.

– Твое лицо мне знакомо, – сказал он Вилли. – Где я мог тебя видеть?

– После школы я иногда подрабатываю в клубе, – ответила она, ожидая его реакцию. Ей очень важно было понять, как к ней здесь отнеслись. Сэм, довольный тем, что узнал ее, спросил:

– Твоя семья живет здесь поблизости?

– Да... мы живем с мамой вдвоем, около Вэин Роэд.

– Твой отец... он оставил вас?

Она на секунду задумалась, как лучше ответить, и сказала:

– Мои родители в разводе.

Она увидела, как его брови нахмурились, но он сразу же снова придал лицу добродушное выражение.

– Вам, наверное, трудно приходится одним?

– Нет, мы справляемся. – Ей очень не хотелось, чтобы Сэм жалел ее.

– Ты такая молодая и красивая леди. Наверное, ты хочешь выйти замуж?

– Нет. Я хочу поступить в колледж. Он кивнул.

– Учиться – хорошее дело. Мой. Джедд собирается поступать в университет Брауна, как и Рокфеллеры. Джедд работал со мной летом. Я жду от него больших дел.

Вилли вежливо улыбнулась. Может быть, Сэм хотел дать понять ей, что Джедд, его коронованный принц, слишком хорош для нее?

– А какие планы у тебя? – спросил он.

– Я хочу поступить в юридический колледж.

– О, нет, – воскликнул он так, как будто она спрашивала у него разрешения. – Это не дело для женщины.

– Почему бы и нет? – спросила она с вызовом.

– Это грубый и жестокий бизнес. Он похож на футбольный матч, где для победы необходима мужская сила.

– И все-таки это не футбол. Это дело требует намного большего, чем простая физическая сила, – горячо произнесла она. Вилли прекрасно понимала, что, возражая Сэму, она ставит под угрозу свою дружбу с Джеддом. Глупо было спорить, но в Сэме ей что-то напоминало мужчин из Белл Фурша, и это что-то заставило ее продолжать: – Оно требует ума и твердости характера. И мне кажется, что я обладаю этими качествами.

– Так ты считаешь, что ты девушка, которая твердо стоит на ногах? – улыбнулся Сэм.

– Да, я так считаю. Более того, я уверена, что закон нуждается в женщинах. Я думаю...

– Желаю тебе удачи на твоём пути, – перебил ее Сэм. Улыбка сошла с его лица, он встал и вернулся в свое кресло. Вилли подумала, что двери этого дома закрылись для нее навсегда.

– Я не понравилась твоему отцу, – сказала она Джедду, когда он вез ее домой.

– Это глупо, – улыбнулся Джедд. Он видел лицо Сэма, когда Вилли посмела ему возразить. – Он ведь совсем не знает тебя. Просто он очень самоуверенный.

– Разве это значит, что никто другой не имеет права голоса? – спросила она.

Несмотря на спокойствие и подчеркнутую вежливость в доме Фонтана, Вилли чувствовала себя там не очень уютно. Причину она видела в том, что они с Джеддом стоят на разных социальных ступенях, и круг общения у них тоже разный. Понимая это, она чувствовала себя еще более несчастной.

– Почему у тебя возник такой вопрос? Почему у тебя сложилось такое мнение о папе? Мне кажется, что ты относишься к нему с некоторым предубеждением...

– Предубеждением? – вскинулась Вилли. – Ты так считаешь? Хорошо. Но ведь и он отнесся ко мне с не меньшим. – С той же горячностью, что и некоторое время назад в гостиной, она стала доказывать Джедду свою правоту. Слова лились у нее бесконечным потоком, и она все никак не могла успокоиться.

Джедд терпеливо слушал ее и, когда она, наконец, умолкла, сказал:

– Ты не такая, как все, Вилли Делайе. Но ты все равно мне нравишься.

– Спасибо за комплимент, – язвительно сказала она. – Это значит...

– Это значит, что ты мне нравишься – и точка! Но что мы будем делать дальше, я пока не знаю.

Его слова вызвали в ней раздражение и досаду. Он сказал „мы“ так, словно был уверен в том, что нравится Вилли. Ей стало неловко. Когда они подъехали к ее дому, Вилли немного замешкалась, выбираясь из машины. Этого было достаточно, чтобы Джедд обнял ее и поцеловал в губы.

Увидев в окне свою мать, Вилли смутилась еще больше и поспешила в дом.

– Ну, деточка, выкладывай мне все, – спокойно сказала Джинни.

– Да рассказывать, в общем-то, и нечего. Мы встретились, посмотрели футбол и разошлись.

– Как это – нечего? Ты побывала в семье Фонтана и говоришь „нечего рассказывать“? Моя милая, когда парень знакомит девушку со своими близкими, это что-то да значит.

– Его близкие считают, что я недостаточно хороша для них. И в первую очередь – его отец. А его мнение – главное в семье.

– С чего ты взяла это? Он что-нибудь сказал тебе? Обидел тебя? Если так, то я пойду к нему и выскажу все, что я о нем думаю.

За годы неудач Джинни привыкла относиться к себе как к человеку второго сорта. Но она достаточно делала для того, чтобы Вилли не повторила ее ошибки. Она была уверена, что ее девочка достойна лучшей участи.

– Ладно. Не волнуйся, мама, – успокоила ее Вилли. – Что бы там ни было, мне кажется, это не тот человек, за которого я хотела бы выйти замуж.

Когда Джедд вернулся домой, его отец сидел в своем любимом кресле и курил сигарету. В гостиной никого не было, телевизор был выключен. Джедд молча сел рядом с отцом, ожидая, пока тот заговорит. Сэм не заставил себя долго ждать.

– Какие у тебя отношения с этой девушкой? – спросил он.

– Мы друзья.

– Это не ответ, мальчик. Если мужчина хочет иметь друга, он выбирает его среди мужчин. С женщиной можно либо развлекаться, либо иметь по отношению к ней серьезные намерения. Эта девушка... она не выглядит легкомысленной. Разве я не прав?

– Да, папа, но...

– Она тебе не пара, – последовал резкий ответ. Потом Сэм сказал более мягко: – Я тоже был молодым. Я могу понять, почему она тебе нравится. Она красива, умна и достаточно уверена в себе. Но она тебе не подходит.

– Почему ты так считаешь, папа? – воскликнул Джедд. Такая категоричность суждения отца вызвала у него еще большее желание снова увидеться с Вилли. – Потому что она из бедной семьи?

Лицо Сэма потемнело, и Джедд испугался, что сказал лишнее.

– Какой ты глупый. Ты ведь хорошо знаешь меня. При чем тут деньги? У меня их достаточно. Дело в другом. Мужчине нужна такая

жена, которая будет сидеть дома и растить детей. Эта девушка воспитана не в таком духе. Она не знает, что значит быть женой Фонтана.

– Зачем ты ставишь ей в вину то, за что должны отвечать ее родители?

– Ты не должен рассуждать, как неудачник. Я хочу, чтобы ты всегда был только победителем. Одним словом, продолжая с ней встречаться, ты будешь идти против моей воли. Я тебе еще раз повторяю – она тебе не пара. Ты понял меня?

– Да, папа. – Джедд прекрасно знал, что спорить с отцом бесполезно. Ему в таких случаях казалось, что он становится ниже ростом. Он чувствовал себя беспомощным и опустошенным. Ему очень хотелось теперь, чтобы Вилли сама отвергла его.

ГЛАВА 8

Воздух наполняли тяжелые густые звуки органной музыки. Вилли молча наблюдала за тем, как ее мать преступает закон. На юридическом языке ее преступление трактовалось как двоебрачие. Свадебная церемония происходила не в церкви, а в саду у Коркорана, и совершал ее не священник, а муниципальный судья. Все происходящее казалось Вилли святотатством.

„И я являюсь соучастником этого“, – думала Вилли. Ей было неудобно в своем узком платье, и она чувствовала себя очень неуютно от мысли, что является почти сообщницей матери.

Когда Нил стал регулярно посещать их дом, буквально осыпая мать подарками и комплиментами, Вилли поняла, чем может это кончиться. Она пошла в городскую библиотеку с целью изучить бракоразводный вопрос, чтобы спасти мать от двоебрачия. Но долгие часы бесплодных исследований лишней раз подтвердили то, что она уже знала, – ее мать может выбраться из омута, только вернувшись в Белл Фурш.

Господи! Как ей не хватает юридической подготовки, юридической библиотеки! Но Джинни не может дожидаться, пока она станет юристом. Она не должна потерять шанс быть счастливой.

Сейчас, наблюдая за матерью, Вилли тщетно искала на ее лице хоть тень сомнения. Джинни в роли невесты выглядела прекрасно. Глаза ее излучали радость, а сама она была изящная и хрупкая, как камелия, в своем персиковом платье, которое Нил выписал из Парижа. На шее матовым блеском сверкала нитка превосходного жемчуга – свадебный подарок Нила. После стольких лет лишений и бедности Джинни наконец имела то, о чем всегда мечтала и чего ей желала Вилли. Но только не таким путем, подумала Вилли, не таким.

– Дорогие друзья! – произнес судья. – Мы собрались сегодня, чтобы соединить брачными узами эту прекрасную пару. – Эти слова были Джинни до боли знакомы, напоминая тот день, когда она связала свою жизнь с Перри, взяв на себя обязательства, которые потом нарушила. Видит Бог, что она не хотела этого.

Она звонила отцу, чтобы узнать, не улеглись ли в Южной Дакоте страсти после ее бегства. Но тонкая нить ее надежды оборвалась, когда

он сообщил ей, что ее дело не забыто. Более того, было вынесено решение о ее аресте. Он сказал, что Перри после ее отъезда не просыхает. Будучи пьяным, он проклинает Джинни за ее бегство и клянется отомстить ей. Когда отец начал выяснять, где она и что собирается делать, она быстро повесила трубку.

После того, как Нил сделал ей предложение, у нее затеплилась надежда. Ведь с помощью денег можно сделать почти все, а любовь богатого человека помогла бы навести порядок в той путанице, разобраться в которой она не могла. Она обратилась к Грэгу Маккензи, одному из адвокатов, посещавших клуб, и договорилась с ним о встрече. На следующий день Нил как бы случайно заметил:

– Мне стало известно, что ты собираешься встретиться с Грэгом. Надеюсь, ничего серьезного не произошло?

Джинни пришлось отменить встречу. Она не хотела, чтобы ее тайна раскрылась. Она не хотела упускать свой шанс – Нил был первым мужчиной, который в отношении нее имел серьезные намерения, а другого могло и не быть.

Вилли выросла, и Джинни должна была позаботиться о ее будущем. Дочь была достойна того, чтобы учиться в престижном колледже и дружить с таким парнем, как Джедд Фонтана.

Джинни не совсем было понятно неудержимое стремление ее дочери учиться на юриста, зато она прекрасно поняла ее боль, когда Джедд сказал Вилли, что пока они больше встречаться не будут.

– Я ведь говорила тебе, что я пришла там не ко двору, – с горечью сказала Вилли и больше не произнесла ни слова. Когда Джинни видела, как обижена и подавлена Вилли, у нее кровью обливалось сердце. Это послужило веской причиной для принятия ею решения о замужестве.

„Может ли кто-нибудь осудить меня за то, что я выхожу замуж, не имея такого права? Ведь это так необходимо нам обоим. И я сделаю это“, – думала Джинни, и ее глаза виновато смотрели на Вилли. Потом она взглянула на Лауру, на свою единственную подругу, и вспомнила, что нарушила обещание, которое когда-то давала Веббу. Она считала, что ему будет достаточно сообщить, что ее отношения с Нилом стали серьезными, и она попыталась сделать это сразу же после того, как Нил заговорил с ней о женитьбе. Несмотря на поздний час, она пошла к Веббу.

– Его нет дома, – ответила заспанная Лаура. – Он полетел в Вегас с кем-то из рок-звезд. Вернется завтра.

На следующий день, собираясь на работу, она услышала по радио ужасную новость.

– Только что, – говорил диктор, – к нам поступило сообщение о том, что погиб певец Литл Бобби Шафто. Спасатели сообщают, что небольшой самолет, на борту которого находился Шафто, потерпел аварию и разбился. Самолет летел из Лас-Вегаса в Палм-Спрингс. В живых из пассажиров никого не осталось. Погиб также и профессиональный пилот Вебб Фоули. По словам специалистов, он успел выйти на связь перед тем, как самолет упал в каньон Сан-Эндрис. Расследование причин катастрофы продолжается.

Весть о смерти Вебба явилась для Джинни сильным ударом. Но в то же время, как ни странно, это известие приблизило ее замужество. Когда Лаура пришла в себя после известия о свалившемся на нее горе, Нил предложил ей свою помощь в организации похорон. С этого момента он стал более настойчиво говорить Джинни о женитьбе, пока они, наконец, не назначили день свадьбы.

Из парижского каталога он выбрал для нее платье. Джинни носилась по магазинам, покупая необходимые мелочи.

– Тебе нравится? – спрашивала она, показывая ему купленные кружева и ленты, предназначенные для отделки. Нил кивал головой.

Он отвёл ее в салон Элизабет Арден, где ей сделали прическу и привели в порядок ногти. Потом он предложил ей бросить работу в клубе, и Джинни охотно согласилась.

Она поймала себя на мысли о том, что ей приходится соглашаться со всем, что говорил ей Нил. Он никогда не говорил прямо „нет“ или „нельзя“. Свой отказ он мог завуалировать такими словами, что она начинала чувствовать себя смешной и беспомощной, будто она бралась за дело, о котором не имела ни малейшего представления. Легче было просто положиться на него и предоставить ему право принимать решения. Она уже получила урок, узнав на своем опыте, что может случиться, если не поступать так, как того хочет мужчина.

– ...Я объявляю вас мужем и женой. Поцелуйтесь.

– Теперь ты принадлежишь мне, – сказал Нил, нежно целуя Джинни руку.

Вновь заиграл орган. Новоиспеченных супругов стали осыпать конфетами и серпантином.

– Счастья тебе, Джинни! – Лаура первая из гостей подошла ее поздравить.

– Спасибо тебе за все. Я надеюсь, что ты сможешь справиться со своим горем. Для тебя не все еще потеряно, я имею в виду замужество и прочее... – Джинни с надеждой посмотрела на свою рыженькую подругу. Несмотря на хороший от природы цвет лица, сейчас она была бледна, под глазами расплзлись темные круги.

У Лауры дрогнули губы.

– Вебб обязательно был бы здесь. Он всегда желал добра тебе и Вилли.

Джинни обняла подругу, почувствовав ее безысходную тоску и горе.

– Я не представляю, что буду делать, не видя тебя каждый день. Но я надеюсь, ты будешь приходить ко мне всегда, когда у тебя появится свободное время.

Лаура обвела, взглядом большой дом и ухоженный сад.

– Я думаю, ты будешь очень занята всем этим.

– Я... даже не знаю. Нилу так трудно угодить. Он все любит делать по-своему.

Однажды Джинни спросила у своего жениха, какие он любит блюда, собираясь готовить их ему после свадьбы.

– Дорогая. Сердце мое! У меня есть повар и прислуга, и садовник. Они хорошо знают свое дело. Я уверен, что мы сможем найти что-нибудь более приятное, чтобы заполнить твои дни.

Джинни подошла к каждому из гостей – в основном это были коллеги Нила по бизнесу – и обменялась с ними поцелуями вежливости. Из-за известных обстоятельств ей не хотелось, чтобы на их свадьбе было много народу. Ее пугало большое скопление гостей. Она тревожилась из-за того, как будет принята Вилли обществом Палм-Спрингс в роли падчерицы Нила Коркорана. Оно могло и принять ее, и отвергнуть. Второе было бы убийственно для Вилли. Мнение общества – это большая сила. Оно может оказать большее влияние, чем, скажем, публикация в прессе. Учитывая все это, Джинни робко спросила у Нила, не могут ли они ограничиться маленькой, скромной, но устроенной (как он любил говорить) „со вкусом“

свадьбой, и вздохнула с облегчением, когда он не только согласился с ней, но и похвалил за такую прекрасную мысль.

– Я приветствую твоё желание, дорогая Вирджиния. Человек в моем положении... который третий раз женится, должен поступить именно так. Мне кажется, я недооценивал тебя.

Несмотря на то, что на свадьбе было мало приглашенных, все свидетельствовало о богатстве и даже роскоши. Вторая свадьба Джинни была совсем не похожа на первую. Огромное количество цветов – как будто опустошили целую теплицу, белые стулья, увитые лентами, вынесенные в сад, настоящий оркестр, официанты, разносившие настоящее французское шампанское, прелестные маленькие канапэ – ломтики поджаренного хлеба с закуской – и, конечно, свадебный ужин, приготовленный наилучшим и самым изысканным поваром Палм-Спрингс.

Но больше всего Джинни поражало то, что отныне она становилась хозяйкой этого огромного и красивого, построенного в испанском стиле дома, с плавательным бассейном и целыми акрами земли. Она получила богатство и влиятельного мужа. А у Вилли появился отчим, который поможет ей выбрать правильный жизненный путь. И он был на редкость симпатичный. Она вдруг заметила это сейчас, наблюдая, как Нил шел к Вилли, которая сидела в тени большого дерева.

– Могу ли я пригласить на танец свою новую дочь? – Нил жеманно поклонился Вилли.

Она поняла, что он делает это для Джинни. Было бы эгоистично говорить маме что-нибудь плохое о нем. К примеру, о его чересчур приторных манерах, которые он продемонстрировал, приглашая ее на танец. У нее даже мурашки поползли по коже от отвращения, когда он обнял ее за талию и повел в танце.

Танцуя, Вилли увидела Шерил, которая помахала ей рукой. Бедная Шерил! Она располнела еще больше и была немодно одета. После очередной неудачной попытки посидеть на диете она, казалось, еще больше прибавила в весе. Рядом с ней стоял Робби, который прекрасно выглядел в костюме с галстуком и которого Шерил тщетно пыталась уговорить потанцевать. Во всем виноват Малколм, подумала Вилли.

– Ты очень хорошо выглядишь, Вилли, – шепнул ей Нил.

– Спасибо.

– Теперь я чувствую ответственность за тебя и готов отразить нашествие хоть целой армии твоих молодых поклонников.

– Правда? Он улыбнулся.

– Я думаю, мне не придется долго заниматься этим. Потому что, если меня не подводит моя интуиция, скоро появится Он, и вместе с Ним к тебе придет ни с чем не сравнимое чувство... первая любовь...

Вилли не могла дожидаться конца танца, чтобы избавиться от Нила, от его слов и обнимающих ее рук. Ей хотелось поскорее присоединиться к Шерил, которая сейчас что-то с аппетитом уплетала. Наконец музыка смолкла.

– Разве это не прелесть, – блаженно промолвила Шерил, отправляя в рот очередную креветку. Она прикрыла глаза, и ее лицо приняло мечтательное выражение. Справившись со следующим блюдом, Шерил с энтузиазмом принялась за свадебный торт.

– Теперь я догадываюсь, почему ты так стремилась сюда, – рассмеялась Вилли. До этого она не совсем понимала, почему Шерил так обрадовалась, услышав про свадьбу. Каждому свое. О, единственная и неповторимая Шерил.

– Твоя мама великолепно выглядит, – не переставая жевать, сказала Шерил. – Это платье прекрасно подчеркивает ее фигуру.

Но Вилли не смотрела на платье. Она наблюдала за тем, как Нил, танцуя, с чувством собственника скользит пальцами по маминой спине. Вилли знала о сексе, но ей трудно было представить свою мать в объятиях Нила, принимающую его ласки и поцелуи. Она прекрасно понимала, что Джинни нуждается в чем-то, что может дать ей только мужчина, но все не могла поверить, что это будет именно Нил.

С тех пор, как Коркоран начал ухаживать за Джинни, члены клуба увидели ее совсем другой женщиной. Ее походка стала более уверенной, а улыбка – по-настоящему искренней. И Вилли прекрасно понимала, что этим Джинни обязана Нилу, а точнее, его богатству и влиянию.

– За мою Вирджинию! – Нил поднял свой бокал. – Пусть она всегда будет такой же молодой и красивой, как сегодня.

Джинни просияла от его слов, от аплодисментов и внимания к себе со стороны гостей, со многими из которых она едва была знакома.

Какие замечательные люди! Теперь и она одна из них...

– Ты счастлива, моя дорогая? – заботливо спросил Нил.

– Мне с трудом верится во все это, – честно призналась Джинни.

– Может быть, еще немного шампанского – и ты покончишь со своими сомнениями?

– Господи! Может, не стоит? Я и так уже пьяна.

– Так это же прекрасно. Мы скоро исчезнем... – В его словах прозвучал намек, и Джинни покраснела, словно девочка, представив, какой смысл вложил он в эти слова. За все время их знакомства Нил ограничился лишь несколькими невинными поцелуями. Он вообще редко прикасался к ней.

– Всеми свое время, – сказал он однажды. Если бы она не знала, что он был уже дважды женат, у нее могли бы возникнуть сомнения по поводу его мужских способностей. Его спокойствие, отсутствие проявлений страсти в сочетании с приторной вежливостью и даже женственностью как-то не соответствовали ее представлениям о поведении во время медового месяца, который начинался для них.

– Я думаю, пора разобраться с твоим букетом, Вирджиния, – напомнил ей Нил. – Если ты настаиваешь на этом...

Это единственное, на чем она настояла. Нил был против всяких народных свадебных обрядов и ритуалов. Он считал, что участие в них несовместимо с его положением. Но Джинни очень хотелось вспомнить один обычай. Она встала в центре круга, образованного всеми присутствующими, и бросила букетик орхидей в сторону Вилли. Описав изящную дугу, он упал к ногам девушки. Вилли наклонилась, подняла букет и отбросила его в сторону. Цветы попали прямо в необъятную грудь Шерил, которая при этом пронзительно взвизгнула.

– Значит следующая свадьба будет моей! – При этом она подмигнула Робби.

– Счастья тебе, – сухо сказала Вилли. Ее не интересовал ни букет, ни то, что было традиционно связано с ним.

В красивой спальне в доме Нила, а теперь и ее доме, Вилли помогала маме в последних приготовлениях к отъезду. Джинни перешивала свой бежевый костюм, который хотела взять с собой в Лос-Анджелес. Там, в отеле „Бeverли Хиллз“, ей предстояло провести первую ночь своего медового месяца. На следующий день супруги вылетали в Париж, где в отеле „Георг V“ уже был заказан номер.

Проведя неделю в Париже, они должны были отправиться в Жуан-ле-Пен. Там на берегу океана их ждала вилла, принадлежавшая товарищу Нила. Впереди был чудесный отдых. Много дней Джинни сможет любоваться океаном, сидя на террасе виллы, наслаждаясь комфортом и спокойствием, которые будут окружать ее. А по соседству будут жить турецкий принц и французская кинозвезда...

Она все время повторяла Вилли, что первый и последний раз отправляется в путешествие без нее.

Сейчас, когда Вилли отпарывала пуговицы с ее свадебного платья, Джинни вновь сказала:

– Я буду скучать, родная. Я очень хотела бы, чтобы ты была со мной.

– Я тоже буду очень скучать. Но я хочу, чтобы ты хорошо провела время. Только не забывай посылать мне открытки, чтобы я была уверена, что с тобой все в порядке.

– Думаю, тебе понравится жить в доме Нила. Теперь и в нашем доме.

– Думаю, что так, – согласилась Вилли. Она не хотела переселяться сюда до возвращения Джинни, но Нил настоял на этом. Они вместе упаковали вещи и заперли свой маленький коттедж, который так любили. В отличие от матери, Вилли редко плакала. Она всегда старалась быть сильной и твердой. Но, как только они сказали „прощай“ своему дому, уходя в новую и незнакомую жизнь, у нее к горлу подступил комок, и тоскливо сжалось сердце.

Вот и сейчас, помогая матери укладывать вещи, она снова почувствовала волнение. Она смотрела на шелковое белье, которое Джинни так тщательно выбирала в магазинах, готовясь к замужеству, и, не удержавшись, спросила:

– Мама. Ты добилаь того, чего хотела. Скажи мне, ты любишь Нила?

Любит ли она Нила? Джинни казалось, что она давно перестала понимать, что такое слово „любовь“. Давным-давно, в колледже Белл Фурша, когда она смеялась и сплетничала с подружками, ей казалось, что она знает все о любви. Она возбуждалась от одной лишь улыбки Перри, и ее обдавало жаром, когда он прикасался к ней. Да, это была любовь, и вот чем она обернулась... С Нилом все было по-другому. Он обращался с ней, как с настоящей леди.

Она взяла Вилли за руку и села рядом с ней на кровать.

– Милая моя. Нил обеспечит нам хорошую жизнь. Ты поступишь в юридический колледж, чего ты всегда желала. Ты сможешь выбрать любого хорошего парня в этом городе... даже того же Фонтана, который теперь вряд ли посмеет пренебрежительно к тебе относиться.

Вилли с ужасом слушала свою мать, которая описывала прекрасную жизнь, ожидавшую их. „Это из-за меня она вышла замуж, – думала Вилли, – все из-за меня“. Она обняла Джинни и прижалась к ней, как в старые времена. Никогда еще Вилли не любила так сильно свою мать, так осознанно и трезво, как сейчас, когда поняла, каковы настоящие мотивы, побудившие ее выйти замуж за Нила Коркорана.

Эта не была любовь к мужчине, хотя, возможно, Джинни и уважала его. Это не было стремление к богатой и роскошной жизни. Все было сделано для того, чтобы обеспечить будущее Вилли, ведь сделать это самостоятельно Джинни не могла. Только ради нее она вышла замуж и тем самым нарушила закон.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ДЕЛА

ПРОЛОГ

Она стояла, вздрагивая от вечерней прохлады. Она боролась сама с собой. Ей очень не хотелось делать следующий шаг, но она знала, что у нее нет выбора. Скалы вокруг возвышались мрачно и зловеще, стройные сосны на их склонах острыми пиками выделялись на фоне темного звездного неба. Они выстроились в плотный ряд и напоминали грозных часовых, охраняющих вражеский лагерь.

Зачем она согласилась приехать сюда, в это место, которое ей меньше всего хотелось увидеть вновь?

Вилли просила Джинни найти другой путь, но мать твердила, что это невозможно, – он нашел их, и сейчас их будущее было в его руках. Вилли вспомнила прошлое, вспомнила то время, когда они стремились убежать от страшной действительности. И она все больше поражалась человеческой злости и ненависти. Если они потерпят неудачу...

Нет, нельзя даже думать о неудаче, твердила она себе.

Она выпрямилась и зашагала в темноту. Подойдя к старому дому с неотесанной, грубой дубовой дверью, она услышала из-за нее звук работавшего телевизора. Она постучала, но никто не открывал. Постучала еще раз. В ответ по-прежнему молчание. Тогда Вилли повернула дверную ручку и вошла в дом, в котором она не была столько лет.

ГЛАВА 1

БЕРКЛИ, КАЛИФОРНИЯ, 1969

Со своего места на балконе, который оказался прямо напротив университетской библиотеки, Вилли смотрела на море лиц, освещенных факелами, на молодых людей, собравшихся, чтобы услышать добрые вести, которые она готовилась сообщить им. Легкий ветерок развеивал над головами флаги с надписью "Студенты за мир".

Как лидер второкурсников Вилли имела свое собственное мнение о политической жизни Беркли. И поэтому она, единственная девушка, была большинством голосов избрана в студенческое правление. В либеральной атмосфере лидерство пришло к ней, как нечто естественное, неизбежное и само собой разумеющееся. Ее способность говорить и убеждать, ее неутомимый энтузиазм, страсть к реформам и новаторству подняли ее рейтинг и сделали популярной в студенческих кругах.

Движение за права женщин только-только начало набирать силу. Вилли полностью поддерживала это движение и всячески старалась привлечь к нему как можно больше людей.

Она выбрала для своей учебы Беркли, отвергнув предложение Нила помочь в поступлении в один из престижных восточных колледжей. Она предпочла остаться в Калифорнии, достаточно близко от дома, от мамы.

Время показало, что замужество Джинни было удачным. Она сама признавала это, и Вилли могла уже не тревожиться за мамино благополучие. Нил был сама щедрость и мудрость. Может быть, именно теперь Вилли поняла, что ее мать далеко не глупая женщина. Вилли чувствовала облегчение, потому что впервые в жизни она могла не беспокоиться за Джинни.

Президент движения "Студенты за мир" прервал ее размышления. Он представил ее собравшимся студентам как "голос разума Беркли". Она поднялась со стула, взяла свои записи, которые штудировала несколько часов подряд, помолилась про себя и решила, что обязательно должна довести до сознания собравшихся все то, что так глубоко прочувствовала и пережила. Там, где есть неправда, всегда найдутся и силы, и средства, чтобы бороться с ней, лишь бы люди не

теряли интереса и пассивному бытию предпочли бы активные действия.

Вилли встала перед микрофоном и начала говорить.

– Я люблю свою страну, – произнесла она чистым и сильным голосом, – а любить Америку – это значит сказать "нет" войне, конца которой мы все ждем. Я уверена, что наши голоса должны быть такими же громкими и мощными, как голоса тех, кто ввергнул нашу страну в эту бессмысленную войну. Они защищают свои интересы и посылают американских солдат умирать во Вьетнам. Мы должны сказать "нет" войне.

То тут, то там сверкали фотовспышки, студенты внимательно слушали Вилли. Ее выступление снимал оператор местной телевизионной студии. Девушка горячо говорила о тех действиях, которые студенты могут предпринять: организовать сбор подписей за досрочные выборы, объявлять бойкоты.

Вилли мечтала о том, чтобы каждый студент был вовлечен в движение, чтобы все поняли глупость и никчемность этой войны. В Беркли была самая мощная студенческая организация. Некоторых ее членов уже привлекли к ответственности, и они распрощались с мыслью стать врачами, адвокатами или учителями.

Все чаще сюда, в этот студенческий город, приходили вести о том, что многие его выпускники погибли или были покалечены во Вьетнаме.

– Конец кровавой бойне, в которой гибнет наша молодость, цвет нашей нации! – страстно произнесла Вилли. – Эта страна принадлежит нам, молодым, и мы должны заботиться о ее будущем. Мы не пушечное мясо, им наверху надо напомнить об этом. И мы должны это напомнить не только словами, а настоящим делом.

– Вы! Я обращаюсь ко всем вам. Если вы будете молчать перед ложью, то вы сами станете частью этой лжи. Вы, парни, должны сказать "нет" военной службе, если эта служба безнравственна. Откажитесь воевать, и война закончится.

Она обратилась к девушкам:

– И вы, сестры, должны не только плакать и ждать своих любимых, которые уходят на войну. Вспомните пример древних греков, описанный в классической пьесе "Лисистрата", где женщины демонстрировали свою силу, отказываясь от любви ради того, чтобы

мужчины не стремились воевать. Они закрывали двери своих спален для тех, кто предпочитал грабежи и убийства... – Вилли сделала паузу. – Почему мы должны оберегать мужчин от боли или смерти? Если они такие глупцы, что спешат умереть, надо преподать им хороший урок. Надо хлопнуть перед ними ваши двери и не протягивать им руки, если они войну предпочитают любви! Никаких "трах-трах", пока "бах-бах"!

Вилли заморозила толпу. Она хотела, чтобы ее слушали, и толпа слушала ее. Она закончила свою речь, подняв вверх кулак. Команда телевизионщиков стала собирать свою аппаратуру.

Была полночь, когда Вилли вернулась в общежитие. После выступления студенты окружили ее, пожимали ей руку, спрашивали, когда она выступит в следующий раз.

Репортеры с трудом протолкнулись к ней, задавали вопросы о ее политических взглядах и симпатиях, интересовались ее личной жизнью. На первые вопросы она охотно отвечала, вторые – игнорировала, давая понять, что она никого и близко не подпустит к своей жизни.

Лежа на узкой кровати и перебирая в памяти минувший день, Вилли услышала, как зазвонил телефон. Это оказалась Джинни. Она была несколько взволнованна, но вполне счастлива.

– Где ты, детка? Я уже несколько часов звоню тебе. – Не дождавшись ответа, она продолжала: – Помнишь, я рассказывала тебе о мастерской? Так вот, Нил убедил меня заняться бизнесом. Он сказал, что поможет мне во всем. На Палм Каньон Драйв у него есть какая-то недвижимость, и он сказал, что я свободно смогу воспользоваться этим помещением. Разве не мило с его стороны?

– Да, – согласилась Вилли. Она вспомнила, как мечтала Джинни стать дизайнером одежды. – Я рада за тебя, мама, – нежно сказала она. – Наконец твоя мечта исполнится.

– Да, дорогая. Нил обещал обо всем позаботиться... А как ты? Что нового в школе?

– Все хорошо, мама. Сегодня я выступила с докладом о войне. Мне кажется, у меня получилось. Меня слушали.

– Я рада за тебя, дочка. Я по-настоящему горжусь тобой. Ну, сейчас отдыхай. Спокойной ночи.

Засыпая, Вилли подумала, что Нил – первый человек, который попытался осуществить мамину мечту. Когда она приезжала в последний раз на каникулы, она слышала, как Нил сказал Джинни: "Я вижу, что у тебя действительно есть способности к дизайну".

Вилли часто беседовала с Нилом. Однажды она рассказала ему о таланте Джинни воплощать в моделях раз увиденные в журнале или на известных модницах фасоны одежды.

– Хорошо, – сказал тогда Нил жене. – Мы подумаем, чем заполнить твоё свободное время. Как насчет того, чтобы ты серьезно занялась дизайном?

Вилли прикладывала все усилия, чтобы заечь мать этой идеей, но Джинни оставалась пассивной. Вилли понимала, что сдерживает ее. Она боялась новых унижений. Она не могла забыть насмешек продавщицы в ателье. Вилли старалась возродить былой энтузиазм матери, но то, что она не смогла сделать, удалось Нилу.

На минуту Вилли охватила злость и привычное чувство недоверия к своему отчиму. Как легко он сумел с помощью своего богатства заставить Джинни забыть о том времени, когда она была простой официанткой местного клуба. Что двигало им, для Вилли не имело большого значения. Для нее важнее и тревожнее были мотивы, побудившие Джинни выйти замуж за Нила. Теперь Вилли вынуждена была признать, что и она, и Нил хотели одного и того же – дать Джинни возможность осуществить свою мечту.

На следующий день после выступления Вилли на митинге о ней стали говорить. Ее фото было напечатано на первых страницах местных газет. Это лишний раз свидетельствовало о том, с каким воодушевлением было встречено ее выступление. Президенты двух студенческих обществ пригласили ее выступить на следующем собрании, а менеджер местного телевидения предложил принять участие в телевизионной дискуссии на тему "Что говорят об Америке сегодня". Подумав о том, хватит ли у нее времени на подготовку, Вилли приняла оба предложения, решив, что время она найдет.

Вилли привыкла заранее планировать свои дела и неукоснительно выполняла запланированное. При таком напряженном ритме жизни у нее почти не оставалось времени на развлечения.

Став признанным лидером студенческого движения, она, несмотря на это, часто сомневалась в своих способностях и

возможностях. Она много занималась, стремясь знать как можно больше. Она редко ходила на свидания и то, в основном, деловые. У нее не было любовника, хотя в студенческой среде это было делом обычным. Здесь называли это "сексуальной революцией", способом общения, но Вилли не прельщал такой способ общения. Она видела много проблем, которые стояли перед молодежью, и не верила, что свободный от всего секс послужит для их решения. Она верила в то, что девственность и целомудрие – ее главное богатство, и со всей решительностью пресекала попытки отнять их у нее. Но, видя, какая свобода нравов царит вокруг, она прекрасно понимала, что не имеет смысла требовать от всех беспрекословно придерживаться старой морали, запрещающей девушке отдаваться мужчине до замужества.

Настало время окончания колледжа. Вилли распрощалась со своими сокурсниками и села в собственный автомобиль – подарок Нила ко дню завершения учебы. Ей было очень неудобно принимать от него такой подарок, но она подумала, что ее отказ может внести напряженность в отношения Нила с Джинни. По правде говоря, ей нравились удобства и мобильность, которые давала ей машина, так же, как нравился комфорт, который она могла себе позволить благодаря ежемесячной помощи Нила. В конце концов, она успокоила себя мыслью, что никакого благородства в бедности нет, так же, как нет ничего плохого в том, что она пользуется деньгами Нила, – каждый на ее месте поступил бы точно так же.

Она подъехала к общежитию и остановила машину. Студентам-старшекурсникам разрешалось жить вне общежития, снимая комнату в городе, но Вилли это казалось слишком хлопотным, поэтому она до конца учебы оставалась в общежитии. Припарковав машину, она вошла в современное кирпичное здание. Ее маленькая комнатка напоминала келью монахини. На стене висел плакат с фотографией Джона Ф. Кеннеди с цитатой из его выступления: "Не спрашивай о том, что твоя страна может сделать для тебя, а скажи, что ты можешь сделать для своей страны". Ей нравились эти слова, хотя сейчас, когда студенты часто вступали в стычки с полицией, они звучали несколько иронично.

В ее шкафу аккуратно была развешана одежда. Гардероб состоял в основном из вещей спортивного стиля. Вилли очень отличалась от своей матери, которая много внимания уделяла своей одежде и

внешности. Дочь же, наоборот, считала это занятие второстепенным. Ее косметика была нехитрой – никаких ярких и ненатуральных цветов, ничего такого, что кардинально меняло бы ее внешность. Иногда Вилли упрекала себя за желание быть непохожей на свою мать. Как часто она критиковала ее. Ей претило желание матери выглядеть маленьким беспомощным ребенком, вести себя так, чтобы ее не принимали всерьез.

Вилли принялась прибираться в комнате, когда зазвонил телефон. Это была Джинни. Вместо вчерашней радости в голосе ее была паника.

– О, дорогая, как хорошо, что ты дома. Я весь день звоню тебе. Это ужасно, Вилли, ужасно! – Сразу было ясно, как она волнуется.

– Что случилось? – спросила Вилли. Волнение Джинни передалось ей. Ее охватила тревога. – У тебя что-нибудь с Нилом?

– Сегодня утром я видела тебя по телевизору... и в газетах... Что ты натворила, дочка? Ты подумала о последствиях? Что будет, если твой отец увидит тебя?! Он отыщет тебя, а вместе с тобой и меня!

Вилли, наконец, поняла, о чем говорит ее мать. Первым ее чувством была злость. До каких пор они будут прятаться, словно беглецы от погони, и жить в вечном страхе, что их могут поймать!

– Мама, – сказала она, справляясь с раздражением. – Прошло столько лет. Наверное, отец и не помнит, как я выгляжу...

Джинни не слушала ее.

– Он отправит меня прямиком в ад. Как ты не понимаешь этого? А что будет с Нилом? Он ведь бросит меня. – Ее голос звенел от волнения. – Тогда тебе никогда не закончить свое образование. Господи! Мы ведь погибнем, погибнем! Пожалуйста, Вилли, обещай мне, что ты никогда больше не сделаешь ничего подобного. Обещай...

Вилли хотела возразить ей, попытаться убедить в том, что бояться нечего, но Джинни была слишком взволнованна, и Вилли испугалась, как бы ее паника не вызвала истерику. Ей хотелось сказать матери, что та просит слишком многого, однако, почувствовав, как неблагодарно это будет с ее стороны (ведь после всего того, что Джинни для нее сделала, она имела право на такую просьбу), Вилли покорно сказала:

– Хорошо, мама. Я обещаю. Я буду осторожной.

Трудно было дать обещание, но еще труднее было сдержать его. Ведь это означало, что она должна отказаться от своих обязательств,

делать все возможное, чтобы не привлекать к себе внимание, выйти из студенческого актива, ссылаясь на занятость и семейные обстоятельства. Она понимала, как неубедительно все это выглядело. Но она сделала это.

Как горько было ей видеть, что те, кто еще вчера поддерживал ее и шел за ней, теперь отвернулись от нее. Они считали, что она предала и их, и все движение. Она струсила. От ее бывшего лидерства не осталось и следа.

Никогда Вилли не чувствовала себя более одинокой.

ГЛАВА 2

Собрав чемодан и захватив заметки к статье о конституционном правительстве, Вилли села в машину и включила мотор. Ее путь лежал на Юг. Погода выдалась прохладная и пасмурная. Дорога петляла среди холмов, то поднимаясь вверх, то резко скатываясь вниз. Ей приходилось часто переключать скорость, и при каждом переключении коробки передач мощно отзывался мотор. Ведя машину, Вилли получала истинное наслаждение. Ей нравилась быстрая езда. Она любила ощущать на своем лице упругое сопротивление прохладного ветра, который трепал ее волосы, поднимая над головой золотые вихри.

Она ехала в Палм-Спрингс со смешанным чувством. Ей не очень хотелось домой. С тех пор, как они с мамой покинули свой коттедж, в котором прожили столько лет, ей было тяжело думать о другом месте как о своем доме.

Правда, Нил предоставил ей спальню и ванную в пустующем крыле дома, с телефоном, огромным телевизором и музыкальным центром последней модели, но, несмотря на его заботу и всю эту роскошь, она не могла отделаться от чувства, что живет здесь временно, словно ребенок в доме дяди.

Вилли казалось, что замужество ее матери отдалило их друг от друга, все больше и больше увеличивая эту дистанцию. Вилли добилась своего – она получала образование, достаточное для хорошей карьеры. Но существовало и другое, не менее дорогое, что уже невозможно было вернуть. Смерть Вебба... Они стали очень редко встречаться с Лаурой. А Шерил? Ее тоже она потеряла. Подруга поступила в Вествудский университет. Она собиралась заняться кинобизнесом, чтобы быть поближе к отцу и пользоваться его поддержкой.

Время показало, что Шерил действительно была права. Люди, о которых заботишься, рано или поздно уходят, иногда навсегда, оставляя в сердце пустоту. Вилли глубоко переживала потерю близких друзей, с которыми жизнь ее развела. Но было бы еще хуже, если бы она с ними вовсе не встретилась. Только благодаря их помощи и тому, что они с мамой были всегда вместе, им удалось преодолеть

жизненные трудности. И пока Вилли знала, что у нее есть мать, она чувствовала себя сильной и уверенной.

Как только Вилли свернула с берегового шоссе и двинулась по равнине, прохладный ветер сменился на сухой и теплый, облака расступились, открывая путь солнечным лучам. Вилли согрелась, и это ощущение напомнило ей то, которое она пережила однажды, когда смотрела в глаза Джедду. Его образ возник у нее перед глазами.

И в сердце. Воспоминания о разговоре с Сэмом, после которого Джедд перестал с ней встречаться, обожгло ее, словно это произошло только вчера. Джинни пыталась внушить ей, что она лучше других девушек, особенно после того, как она стала падчерицей Нила Коркорана. Но Вилли была равнодушна к ее словам. Деньги и положение Фонтана уже давно перестали производить на нее впечатление. Но, несмотря на высокомерие и избалованность Джедда, он все еще продолжал оставаться для нее светлым воспоминанием, и она доверяла этому юноше настолько, насколько вообще была способна доверять. В доме Фонтана не все шло так же гладко, как и раньше. Как падчерица Коркорана, Вилли общалась с высшим светом Палм-Спрингс и могла слышать всякие сплетни о семье Фонтана. Она знала историю о том, как один из телохранителей Сэма, сев пьяным за руль, сбил мальчика, ехавшего на велосипеде, и был строго за это наказан. Что касается Сэма, то он продолжал заниматься своим бизнесом и своим домом, железной рукой направляя семью, – совершенно в патриархальном стиле, подобно его предкам.

Вилли слышала, что клан Фонтана уходил корнями во времена Максимилиана, когда испанские колонисты пришли на Юго-Запад Америки из Мексики.

Много лет назад отец Сэма, Диего, отчаянный и смелый парень, женился на девушке не своего круга. Его выбор пал на молодую Красавицу итальянско-ирландского происхождения, которой едва исполнилось шестнадцать. Она была так же умна и решительна, как и красива. Вместе со своей молодой женой Диего подался на север в поисках удачи. И он нашел ее в Монтана. Тогда земля стоила очень дешево, и, купив огромный участок, Диего занялся разведением скота. Позже, когда его дела пошли в гору, он прикупил еще земли, и, в конце концов, монополия на скотоводство оказалась в его руках.

Он стал владельцем лесов и гор, богатых различными полезными ископаемыми. К тому времени, когда родился его сын, Диего был единственным крупным землевладельцем в штате. Но Сэм превзошел своего отца в стремлении к богатству.

Самая неприятная черта Сэма, как считала Вилли, проявлялась в его отношениях с недругами и конкурентами. Он беспощадно и методично разрушал их бизнес, пока они не становились полными банкротами. Он делал это с той же легкостью, с какой переставлял фигуры на шахматной доске. К помощи закона он прибегал только тогда, когда тот мог быть на его стороне. В остальных случаях он просто игнорировал его. Ходили слухи, и даже изредка появлялись публикации, где в очень осторожной форме говорилось о том, что Сэм имеет большое влияние на законодательные органы и поэтому может позволить себе смотреть на закон сквозь пальцы.

Что касается Диего, то следует добавить, что он был достаточно противоречивой натурой и, при всей своей решительности и даже жестокости, отличался спокойным нравом и элегантностью, серьезно занимался историей Испании. В отличие от него, Сэм был совершенно безжалостным человеком с сердцем, твердым, как сталь. Вилли хватило одной-единственной беседы с ним, чтобы у нее навсегда отпала охота встречаться с ним вновь. Она сразу поняла, что ее жизненные и моральные принципы далеки от того, что исповедует Сэм.

– Поздравляю тебя, – сказал Нил, обращаясь к Вилли и поднимая бокал с вином. – Твои успехи выше всяких похвал, дорогая! Будучи президентом своей группы, ты должна приложить много усилий, чтобы добиться еще большего. Ты согласна, Вирджиния?

– Что? Ох, извини... поздравляю тебя, дорогая. Я очень горжусь тобой.

Вилли сделала глоток шампанского и посмотрела через стол на свою мать. Благодаря заботе личного парикмахера Арманда, массажу и дорогой косметике, которую так любила Джинни, она выглядела ухоженной, и ее внешность приобрела особый лоск. Но вместе с тем в выражении ее лица появилось что-то новое – озабоченность и тревога. Вокруг рта и глаз образовалась паутина морщинок.

Вилли часто пыталась вызвать мать на откровенный разговор, чтобы выяснить, как ей живется, но все ее попытки заканчивались

безрезультатно. Джинни всегда отвечала, что живет прекрасно, и переводила разговор на другую тему.

Может быть, ее до сих пор тревожила та публикация в газетах? Или она переживает за свой новый бизнес? Может, она боится, что общество Палм-Спрингс будет так же смеяться над ее моделями, как смеялись те продавщицы много лет назад?

– Проходя мимо нового магазина, я взглянула на витрину... – осторожно начала Вилли, но Джинни перебила ее.

– Пока там не на что смотреть, – нервно сказала она. – Витрина еще не готова. Церемонию открытия мы предполагаем провести через два дня.

– Вирджиния, дорогая, – произнес Нил в своей безупречной манере. – Я нанял тебе хорошего специалиста по оформлению витрин, но она жалуется, что ты мешаешь ей работать. Она говорит, что ты все хочешь делать по-своему.

Из этих слов Нила Вилли заключила, что он недооценивает вкус Джинни и не доверяет ему. Мать так и застыла в кресле, посмотрев на Вилли, словно в надежде на поддержку.

– Эта женщина все делает очень хорошо, но она все-таки работает на меня, и я хочу, чтобы она принимала во внимание мои пожелания. Но она все делает по-своему, считая, что я ничего не смыслю в оформлении.

– Ты знаешь, Вилли, какой обидчивой может быть твоя мать, – мягко сказал Нил. – Конечно, ничего страшного не случилось, но мне кажется, трудно найти оформителя, который сделал бы за такой короткий срок все так, как того хочет Вирджиния.

Вилли смотрела на свою мать, которая вжалась в кресло и была похожа на ребенка, застывшего в ожидании, пока взрослые решают, как лучше выйти из затруднительного положения.

– Мама, почему ты не хочешь сама оформить витрину? Я помогу тебе, и ты сделаешь все так, как считаешь нужным. – Вилли взглянула на отчима, который только пожал плечами и улыбнулся.

– Прекрасное решение. Мать и дочь – две красивые женщины вместо одной. – Вилли не поняла, почему, но ее передернуло от этих слов. Что-то неприятное и нездоровое было в этом мужчине. Но Вилли трудно было найти объяснение своим чувствам.

– Ладно, – все так же спокойно продолжил Нил. – С Вирджинией все более или менее ясно. Но как быть с тобой, Вилли? Чем я могу помочь тебе, чтобы ты наиболее полно проявила свои способности?

Вилли уже не раз это слышала и ответила, как обычно, когда он предлагал ей свою помощь.

– У меня все в порядке, Нил. Беркли – хорошее заведение, и я не вижу причин для твоего беспокойства.

– Я знаю, Беркли – хорошая школа, – согласился Нил. – Академическая. Но ты должна знать, Вилли, что правоведение – очень консервативная профессия, и те, кто хочет заниматься ею, должны заканчивать консервативные учебные заведения. В консервативных кругах имя Беркли звучит несколько радикально. У этой школы революционный имидж. И ты, моя дорогая, сделала все, чтобы поддержать этот имидж. Эти кричащие заголовки в газетах, может быть, и окажут тебе в будущем услугу, но сейчас...

– Да, Вилли, – поспешно вмешалась в разговор Джинни. – Нил прав. Для тебя же будет лучше, если ты станешь держаться подальше от газет.

Вилли послушно кивнула головой, с раздражением думая о том, до каких же пор прошлое будет преследовать их.

Когда после обеда Вилли осталась наедине с матерью, та снова повторила:

– Нил прав, доченька. Мы желаем тебе только хорошего. Если ты хочешь стать юристом и получить достойную работу, ты должна послушаться его. Репортеры звонили сюда по нескольку раз на день. В конце концов, я просто перестала снимать трубку. Если ты позволишь Нилу помочь тебе и прислушаешься к его советам, может, тебе и удастся изменить свой имидж.

– Нет, – отрезала Вилли. Она не хотела, чтобы Нил помогал ей. Она не хотела следовать его советам. Он был чужим для нее.

– Хорошо, – покорно сказала Джинни. – Только прошу тебя, будь осторожней. Я не люблю вмешиваться в твои дела и, тем более, критиковать твои идеи... Но Нил говорит, что появление твоего имени в газетах не пойдет тебе на пользу.

Чтобы уйти от неприятного разговора, Вилли предпочла переменить тему.

– Пожалуйста, больше никогда не говори со мной об этом, попросила она. – Лучше скажи, ты уже подобрала название для своего магазина?

– Да, – смущенно сказала Джинни. – Может, это звучит наивно, но я назвала его "Серебряный экран". Так назывались журналы, которые я когда-то читала...

– Чудесно! – похвалила Вилли. – Совершенно в твоём стиле. "Серебряный экран"... Когда же мы приступим к оформлению витрины?

– Завтра с утра. Если ты не передумаешь...

"Серебряный экран" находился на Палм Каньон Драйв, между ювелирным магазином и одним из лучших в Палм-Спрингс магазином головных уборов. Это помещение принадлежало Нилу, и он сдал его Джинни за символическую арендную плату. Его бухгалтер сказал ей, что дело может оказаться прибыльным, если все сделать с головой.

– Обещай, что ты не скажешь, что тебе понравилось, только для того, чтобы сделать мне приятное, – потребовала Джинни, открывая двери магазина. Она включила замаскированные лампы, осветив интерьер, наполнив его розовым отблеском зеркал, отражение в которых благодаря этому рассветному жару польстило бы женщине любой комплекции.

– Электрики оставили здесь такой беспорядок, что у меня не было возможности одеть все манекены.

– Не волнуйся, мама, – сказала Вилли, желая ободрить ее.

Теперь, когда мечта обрела очертания реальности, Джинни боялась, что не сможет справиться с ней.

Вилли плохо разбиралась в одежде и декорациях, но, оглядев магазин, сразу почувствовала какую-то наивность интерьера. Джинни попыталась воспроизвести в магазине стиль Голливуда так, как она себе его представляла. Здесь преобладало два цвета – бирюзовый и розовый. Светлая деревянная мебель была мягко подсвечена розовым светом. В помещении не было прилавков, магазин выглядел, как домашняя примерочная. Выбрав модель и цвет, клиент мог тут же примерить одежду и оглядеть себя в зеркале со всех сторон.

– Великолепно! – сказала Вилли, осмотрев магазин. – Он такой же красивый, как и его название. Это напоминает мне те волшебные

истории, которые ты рассказывала мне в детстве. Я горжусь тобой, мама.

– Тебе и правда понравилось? – застенчиво улыбнулась Джинни. – Ты знаешь, я боялась, что он будет выглядеть банально...

– Это не так, мама. Ты воплотила здесь свою фантазию, значит, ты все сделала правильно. Ну, а как насчет витрины?

Вдохновленная поддержкой Вилли, Джинни заговорила с большим энтузиазмом и уверенностью.

– Надо одеть манекены на витрине. Вот этот я зову Лолой. Я наряжу ее в шифоновое платье и посажу на эту скамеечку. В руках она будет держать портсигар. А рядом, на зеркальном столике, будет стоять фужер с шампанским.

– Это будет чудесно. Почему же ты до сих пор это не сделала?

– Женщина, которую нанял Нил, сказала, что это безвкусно, – ответила Джинни.

Вилли улыбнулась – ее мать всегда отличалась своеобразным вкусом.

– Ты правильно сделала, что не воспользовалась ее услугами. Ладно, давай поработаем.

В течение двух часов они работали, чувствуя себя, как в старые добрые времена. Они прослушали записи музыки, которые Джинни подобрала для своего салона. Она считала, что музыка будет располагать клиентов к домашней обстановке. Вилли с удовлетворением отметила про себя, с какой тщательностью Джинни продумала все мелочи.

Подобранная со вкусом музыка действительно создавала в магазине определенное настроение и атмосферу.

Они вместе вынесли весь мусор, который оставили рабочие. Кое-какую разбросанную мелочь Джинни разложила в шкафы, расположенные в глубине помещения. Затем, посмотрев на часы, она нахмурила брови.

– Господи! Еще так много надо здесь доделать, но нам пора возвращаться домой. Нил заказал столик в "Чи-Чи Клуб" на вечер. Будет Фрэнк Синатра. Кроме нас, Нил пригласил еще несколько своих приятелей, – Джинни бросила взгляд на незаконченную витрину. – Жаль, у нас не хватило времени. Я бы чувствовала себя гораздо спокойнее, если бы здесь все было готово.

– Я останусь и закончу сама, мама, – с готовностью сказала Вилли, обрадовавшись возможности помочь Джинни и сделать что-нибудь такое, чего Нил купить не может. – У меня нет настроения идти сегодня куда-либо.

– Как это мило с твоей стороны, – с облегчением сказала Джинни, но тут же с тревогой добавила: – Нет, я не могу позволить тебе работать. Ты должна отдыхать. Как я оставлю тебя здесь одну?

– Не волнуйся, мама, все будет в порядке, – успокоила ее" Вилли. – Я хочу сделать это. Назовем это моим маленьким вкладом в твоё предприятие. Кроме того, за этой работой я с удовольствием отвлекусь от того, чем я обычно занимаюсь. А когда закончу, вызову такси. Иди, мама, и ни о чем не беспокойся. Желаю тебе хорошо провести вечер.

Когда Джинни ушла, Вилли, постояв некоторое время в раздумье, принялась одевать манекен в шифоновое платье. Ей нравилась эта работа. Она отдыхала, занимаясь непривычным для себя делом. Одев манекен, она подтащила к витрине кресло и усадила в него манекен. Но, взглянув на него со стороны, она пришла к заключению, что он выглядит неестественно и несуразно. Она стала усаживать манекен так, чтобы придать ему более непринужденный вид, но в это время с него соскользнуло платье. Вилли выпрямилась и нахмурилась, недовольно глядя на манекен, и вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Она глянула в темное стекло закрытой двери и увидела Джедда Фонтана, махавшего ей за стеклом.

Вилли тотчас отвела взгляд, сделав вид, что не заметила его. Но тогда он начал махать белым платком. Она пошла к двери и открыла ему.

– Привет, – сказал он, улыбаясь так, как будто они расстались только вчера. Вилли холодно улыбнулась в ответ.

– В чем дело? – спросила она.

Да ладно, Вилли, перестань. Ты должна ответить мне "Привет, Джедд".

– У меня нет времени для разговора с тобой.

– О'кей, Вилли, я все понимаю. Но при чем манекен, которого ты так мучаешь на витрине?

– Я оформляла витрину, пока ты не отвлек меня.

– Ты занялась новой работой?

– Я помогаю своей матери. Она решила открыть свое дело.

– Да, выглядит неплохо. Может, я смогу помочь тебе чем-нибудь?
– Его лицо приняло такое просящее выражение, какое бывает у ребенка, когда он хочет, чтобы ему не отказали.

– Не стоит. – Ее слова прозвучали резче, чем ей хотелось бы. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу.

– Я скучал по тебе. Разреши мне войти, пожалуйста.

"Закрой дверь и не пускай его, – говорил ей внутренний голос, – выгони его вон. Не слушай его слов и не смотри в глубину этих темных предательских глаз". Но Вилли ничего не смогла сделать. Она открыла дверь и постороилась, когда он вошел в магазин.

Джедд сразу же принялся за работу. Крутя манекен, он старался придать ему такую позу, чтобы Вилли было удобнее надеть на него платье.

– Давай попробуем прикрепить платье булавками. Я не думаю, что манекен можно одеть тем же способом, что и женщину.

К своему изумлению, она поняла, что он прав, и удивилась, как она сама не додумалась до этого. Они прикрепили платье с помощью булавок. Придав манекену естественное положение, они усадили его в кресло.

– Неплохо, – сказала она, довольная результатом. – Откуда ты знаешь, что одежду можно прикреплять таким образом?

Он улыбнулся.

– Ты, наверное, забыла, что у меня есть две сестры. Они любят ездить по магазинам, и мне приходится выполнять работу носильщика и шофера. Пока я жду их, я рассматриваю манекены.

– Да, ты наблюдателен, – отметила Вилли.

– Что дальше, босс?

– Теперь нам нужна бутылка шампанского, красивый фужер и портсигар.

– Предоставь это мне, – сказал Джедд и выбежал из магазина.

Через несколько минут он вернулся со всем необходимым.

– Спасибо за помощь, – сказала Вилли. – Все остальное я доделаю сама. Сейчас, я думаю, тебе лучше уйти.

Джедд потупился в нерешительности. Он не ожидал такого поворота событий.

– Ты так считаешь? – вымолвил он. – Ты думаешь, что мне надо уйти теперь, когда я, наконец, снова нашел тебя?

– Зачем ты искал меня, Джедд? Может, потому, что я тоже стала богатой и соответствую твоему уровню?

– Нет! Не говори так. Это меня никогда не интересовало, – запротестовал он. – Ведь ты нравилась мне еще до того, как стала богатой.

– Но я не нравилась твоему отцу, – холодно сказала Вилли.

– Послушай меня, – сказал Джедд и с такой горячностью взял ее за руку, что она даже не попыталась протестовать. – Мой отец – человек со своими традиционными предрассудками, и он считает, что мне подойдет женщина с таким же мировоззрением, как и у него...

– И ты всегда поступаешь так, как того хочет твой отец... – Ее слова прозвучали скорее как утверждение, а не как вопрос.

Джедд задумался. Когда он начал говорить, в его словах уже не звучала прежняя уверенность.

– Я вынужден так поступать, Вилли. В нашей семье так принято. Это очень давняя традиция. Сын должен следовать по стопам отца. И для того, чтобы стать достойным преемником, я должен много и усердно учиться. Это большая ответственность – носить имя Фонтана. Я должен следовать отцовскому примеру, чтобы стать достойным его имени. Это нелегко, но такова суть вещей.

– А что, если твой отец окажется не прав? Что тогда ты будешь делать? Или ты считаешь, что он не может ошибаться?

Джедд нахмурился. Он казался скорее несчастным, чем оскорбленным.

– Разумеется, он может ошибаться. Но я не люблю расстраивать его. Если он говорит, что так будет лучше, то я предпочитаю следовать его советам... Ты не представляешь, как часто я о тебе думал, – он улыбнулся. – А потом я увидел тебя по телевизору. Ты была такой искренней. Такой, какой я всегда тебя знал! Возможно, именно тогда я полностью осознал, насколько мой отец был не прав по отношению к тебе.

Вилли стало не по себе от его слов.

– Значит, ты можешь пополнить свою коллекцию такой оригинальной девушкой, как я, – с иронией произнесла она.

Джедд крепко сжал ей плечи.

– Вилли! Почему ты понимаешь все так неправильно. Все, что я сказал тебе, правда! Я проклинаяю тот день, когда потерял тебя! Ты не

представляешь, что произошло со мной, когда я увидел тебя сегодня. Я не мог не остановиться. Ты так прекрасна... Давай начнем все сначала, Вилли. Дай мне еще один шанс...

Что делать? – пронеслось в голове у Вилли. Можно ли верить ему после всего, что было? Сможет ли он пойти наперекор семейным традициям? Она почувствовала, как в ней начали просыпаться давно забытые чувства. Будто теплый весенний ветерок растопил лед ее сердца, заполняя все горячим летним солнцем.

– Я не знаю, – прошептала она. – Я просто не знаю.

Он нежно провел кончиками пальцев по ее спине.

– Эта встреча – хороший повод для возобновления наших отношений. Давай вернемся к работе. Я хочу показать тебе, каким я умею быть деятельным.

Часы летели незаметно. Вилли казалось, что они с Джеддом никогда не разлучались и сегодня специально встретились, чтобы заняться оформлением магазина. Она с увлечением рассказывала ему о своей учебе, делилась с ним своими мыслями, говорила о том, как много ей приходится заниматься, чтобы осуществить мечту и стать адвокатом.

– Мне не хочется быть зависимой от отчима. Я хочу сама делать свою карьеру.

Джедд кивал головой, будто ему действительно было понятно и близко то, о чем она говорит. Ведь он сам никогда не волновался по поводу денег. Ей казалось, что он вообще не подозревает, откуда они берутся.

– Ты знаешь, – сказал он, – ведь неизвестно, может, к тому времени, как ты поступишь в университет, ты сама найдешь способ платить за свое обучение.

Потом они проголодались и, поискав съестное в задней комнате, нашли кофе и наполовину пустой пакет с пончиками. Довольные, они устроились на пушистом ковре и, прихлебывая кофе, смотрели, как доброжелательно им улыбаются манекены.

Вдруг Джедд встал, ничего не говоря, выключил свет и обнял ее. Он стал целовать ее волосы, глаза, потом добрался до рта. Вилли почувствовала теплоту и влажность его губ, они были нежные и ласковые. Это было так приятно! Казалось, его поцелуи говорят "Я никогда не обижу тебя". Его нежность проникла глубоко и обожгла ее,

воскрешая чувства, которых она давно не испытывала. Она прижалась к его сильному молодому телу, перебирая пальцами пряди упругих черных волос, чувствуя, как постепенно исчезает боль в сердце.

Их губы слились в долгом жарком поцелуе. Она жадно целовала его язык, который оказался у нее во рту. Всепоглощающая страсть заглушила другие ее чувства, оставив лишь одно – желание целовать и обнимать его.

– Вилли... Вилли, – хрипло прошептал Джедд, слегка отстраняясь от ее пылких объятий. – О, Господи! Я так тебя хочу, но...

Услышав лишь слова "я хочу тебя", эхом отозвавшиеся в ее сердце, она еще крепче обняла его. Ее тело было готово выполнить любое его веление. Она целовала его снова и снова... Ее сердце бешено заколотилось, когда она почувствовала его желание и напряжение. Она посмотрела ему в лицо, словно желая запомнить его навсегда. Как часто она думала о нем...

Они быстро разделись.

– Как ты хороша, Вилли! – прошептал Джедд, когда увидел ее обнаженное тело, созревшее для любви. До него это тело не видел ни один мужчина.

"Как прекрасно!" – подумала Вилли, глядя его тело и ощущая твердые и сильные мускулы на его бедрах. Она тихо застонала, когда он начал ласкать ее грудь. Он раздвинул ее ноги, ощутил теплую влажность внутри нее, и она почувствовала, как начинает тонуть в горячем море возбуждения. Она сильнее прижалась к нему и провела ногтями по спине.

– Сейчас, – прошептала она. – Сейчас! – Он вошел в нее, преодолевая сопротивление девственности, и Вилли ощутила острую боль, которая вскоре ушла. Их тела слились и задвигались в унисон друг другу. Она почувствовала, как в глубине ее рождается новое ощущение. Оно стало расти, проникая во все клеточки ее тела, становясь всё сильнее и сильнее. А потом... Потом она познала... Ее красивые длинные ноги обвили вокруг Джедда, она шептала его имя, приподнимаясь и опускаясь в такт оргазма, который словно наводнение захлестнул ее.

Она так крепко прижалась к нему, что ей показалось, будто ее сердце перестало биться, и дыхание остановилось.

– Вилли, моя Вилли... – прошептал он нежно. – Я знал, что у нас все будет хорошо, я знал...

Она так была переполнена прелестью нового ощущения, что не смогла ничего ответить. Как хорошо было лежать в его объятиях! Ей трудно было смириться с мыслью, что им надо встать, а значит, разрушить это прекрасное и совершенное единство... Стало светать.

– Уже утро, – сказал Джедд. – Давай я провожу тебя домой.

Они молча оделись. Потом снова бросились в объятия друг друга. Перед тем, как закрыть дверь, он поцеловал ее.

– В доказательство того, что это не сон, – сказал он, будто читая ее мысли.

Они быстро ехали по пустынным улицам города. Занимался рассвет. Подъезжая к дому Вилли, Джедд притормозил.

– Мне не хочется желать тебе спокойной ночи, – сказал он. – Ведь так долго ждать, пока я снова смогу сказать тебе "привет".

– Я чувствую то же самое, – сказала Вилли задумчиво. – Но я надеюсь, мы сможем скоро куда-нибудь пойти. О, Джедд! Мне так хочется запомнить эту ночь!

– Будет еще много ночей, – сказал он уверенно, почувствовав ее опасения, что это может не повториться. – Но эту ночь я запомню навсегда.

Он обнял и поцеловал ее. Потом, резко вывернув руль, он развернулся, и машина поехала в гору. Доехав до конца подъема, он свернул на площадку, с которой город был виден, как на ладони. Загорался рассвет. Темное небо пронизали пурпурные лучи восходящего солнца.

– Как чудесно! – прошептал он. – Ты и я... и рассвет!

Вилли вздохнула. Впервые в жизни она почувствовала себя удовлетворенной. Она положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

– Ты знаешь, – сказал Джедд. – Это место... наши отношения... наши чувства... Это похоже на открытие Америки. Ты знаешь, я вырос в этом городе. Я могу себе представить, что было здесь пятьдесят лет назад. Горы и пустыня. Еврейка, Элла Кофман, построила здесь санаторий.

– Я знаю, – сказала Вилли. – Вебб рассказывал мне об этом... Пока не пришли "богатые люди" и не скупили всю эту землю по дешевке. За

двадцать или тридцать долларов за акр. Они построили все эти теннисные корты и плавательные бассейны.

Джедд рассмеялся.

– Ты осуждаешь их, Вилли? Не надо. Смотри на все с юмором. "Богатые люди" ведь не занимались просто земельной спекуляцией. Они превратили это место в цветущий город. Они открыли новые горизонты, новые возможности, сделали нужное, необходимое. Они принесли сюда цивилизацию.

Вилли села, ей не хотелось с ним спорить, но она не сдержалась.

– Ты рассуждаешь, как гранд, Джедд. Я бы посмотрела на тебя, что бы ты говорил, если бы родился бедным.

– Тогда бы я не был тем, кто я есть, – спокойно ответил Джедд. – Мои предки были грандами, и я горжусь этим. Я смотрю на эту долину и вижу больше, чем восход солнца. Мне нравится думать о том, что сделали мои предки и люди, подобные им. Скоро это станет и моим делом – находить новые возможности, внедрять новую технологию и технику... Одним словом, нести прогресс.

– Это хорошо, – согласилась Вилли и задумалась. – То, о чем ты говоришь, полностью совпадает с тем, о чем я думаю... за исключением... Трудно сказать, но я чувствую, что мне надо делать, однако пока не вижу способа, как добиться этого.

Было очень тихо. Джедд повернулся и посмотрел ей в глаза.

– Все, что ты сделаешь, будет хорошо, Вилли Делайе, – произнес он. – Но, что бы ты ни делала, всегда оставляй место и для меня.

– Даже если великий Сэм Фонтана будет против? Джедд задумался.

– Мы все со временем вырастем, Вилли. Пройдет время, и некоторые решения я смогу принимать сам.

Вилли почувствовала уверенность в его голосе. Джедд завел мотор и вырулил на трассу. Стало совсем светло. Когда они ехали к ней домой, Вилли молилась о том, чтобы эта ночь не осталась лишь приятным воспоминанием.

ГЛАВА 3

Вилли сладко зевнула и потянулась. Она все еще находилась под впечатлением прошедшей ночи. Пospав всего несколько часов, она тем ни менее выглядела свежей и отдохнувшей. Ее переполняло новое неизвестное ей до сих пор чувство удовлетворенности. За окном под стать ее настроению было солнечно и ясно. Впереди ее ждала новая встреча с Джеддом. Сегодняшний день должен быть удачным, подумала Вилли. Ведь сегодня мечта ее матери, наконец, осуществится. Она была уверена, что все мечты рано или поздно сбываются. Главное только выбрать ту цель, которую ты считаешь верной и необходимой, и безоглядно стремиться к ее достижению.

Она вскочила с постели и, быстренько освежившись под душем, проснулась окончательно. Почувствовав запах свежесваренного кофе, она жутко захотела есть и, натянув шорты и майку, энергично направилась к бассейну, где надеялась за завтраком поговорить с матерью. Однако у бассейна она увидела Нила, сидящего за столом. Его постоянный утренний атрибут – газета, была развернута перед ним, но сейчас он говорил по телефону.

– Условия нашего соглашения вполне ясны. – Слушала Вилли его вежливый, бесстрастный голос. – Если вы находите эти условия для себя неприемлемыми, то это полностью ваши проблемы.

Вилли совсем не хотелось завтракать с Нилом, но, прежде чем она успела повернуться и скрыться в доме, Нил заметил ее и помахал рукой. Внутренне сопротивляясь, она села за столик, налила себе кофе и взяла из вазы апельсин. Продолжая говорить по телефону, Нил с укоризной поглядывал на нее, будто ему было все известно про вчерашнюю ночь. Вилли почувствовала себя неуютно.

– Ты не была с нами вчера вечером, Вилли, – сказал он, вешая трубку. В его голосе слышалось осуждение. – У Синатры прекрасный голос... Твоя мама сказала, что ты была занята. Могу ли я узнать, чем?

– Я встречалась с Джеддом Фонтана, – сказала она и тут же пожалела об этом.

– Хорошо, хорошо, – кивнул Нил, пощипывая усы. Эта его привычка всегда вызывала у Вилли ассоциацию с образом отъявленного негодяя из фильма. – Я понимаю тебя, хотя твоя мама

может и не одобрить этого. Ты молодая девушка, вполне созревшая для любви...

Вилли почувствовала, что начинает краснеть. От такого "дружелюбия" Нила ей всегда становилось не по себе. Она взяла бисквит и принялась есть.

Нил усмехнулся.

– Похоже, ты осталась довольна встречей с молодым мистером Фонтана в магазине твоей мамы. В клубе я слышал, что он пользуется успехом у женщин. Находишь ли ты его... удовлетворительным?

От смущения Вилли не нашлась, что ответить. Его вопросы, больше похожие на намеки, воскресили в ее памяти прошедшую ночь. Сознавая, что попала в ловушку, она огляделась вокруг, словно в ожидании помощи.

– Где мама? – спросила она, пытаясь сменить тему разговора. – Она уже позавтракала?

– Сегодня она отказалась завтракать, – ответил Нил.

– Что-нибудь случилось? – тревожно спросила Вилли, радуясь про себя, что ей удалось уйти от щекотливой темы.

– Думаю, ничего страшного. Просто Джинни вчера немного устала.

Ей показался странным такой ответ. Мама всегда вставала вместе с солнцем и никогда не пропускала завтрак. Вилли торопливо допила свой кофе и встала из-за стола.

– Я пойду к ней. Может, ей что-нибудь нужно? – Не дожидаясь ответа, она быстро направилась в кухню. Кухня была просторной и оборудована по последнему слову техники. Домоправительница с утра занималась чисткой столового серебра.

– Приготовь, пожалуйста, поднос, Елена, – обратилась к ней Вилли. – Кофе, бисквиты и немного апельсинового сока. Я хочу отнести все это маме в спальню.

Домоправительница, кивнув, быстро приготовила, что требовалось.

– Миссис отказалась есть. Двери ее спальни были закрыты на замок. Может, она позавтракает позже – в одиннадцать или в двенадцать...

Вилли опять показалось странным, что мама собирается до полудня лежать в постели. Она всегда говорила, что утро – лучшее

время дня.

– Елена, что с ней? Не заболела ли она?

– Мистер Коркоран ничего не говорил мне о ее болезни.

Вилли взяла поднос и понесла его в спальню, которая находилась в другом крыле дома. Дверь спальни действительно оказалась запертой. Она постучалась, потом еще раз, но никто не отзывался.

Медленно повернув ручку, Вилли вошла в спальню. В комнате было темно, ставни закрыты, и окна плотно зашторены. Удивительно, что Джинни еще не наслаждается солнечным светом. В комнате воздух был спертый, Вилли уловила какой-то незнакомый сладковатый аромат, не похожий на запах духов, которыми пользовалась Джинни.

Когда глаза немного привыкли к темноте, Вилли увидела свою мать, которая лежала, свернувшись в клубочек, на краю огромной двуспальной кровати.

Вилли почувствовала неловкость – будто она ворвалась в чужую квартиру. Это была кровать Нила и Джинни. Это был их мир. Как все здесь не похоже на то, что было у них в старые добрые времена, когда они с мамой жили одни.

– Мама, – тихо и ласково позвала Вилли, чтобы не напугать мать.

– Мама... это я.

– Вилли? – Джинни пошевелилась и резко подняла голову.

– Я принесла тебе кофе. Как ты себя чувствуешь? Джинни приподнялась, опираясь на локоть. Даже в темноте Вилли заметила, что глаза у матери припухшие, и от этого казалось, будто она щурится.

– Все в порядке, доченька, – сипло ответила Джинни. – Слишком много впечатлений после вчерашнего вечера. – Она взглянула на поднос, который Вилли поставила на ночной столик. – Спасибо, родная. Я поем немного позже. Почему бы тебе не пойти и не поплавать, пока я досмотрю свой чудесный сон?

Вилли вышла из комнаты. Было очевидно, что Джинни хотелось побыть одной. Но почему? Правда ли ей хочется поспать, или она скрывает что-то? Может быть, она плохо себя чувствует, но не хочет расстраивать дочь?

"Серебряный экран" был полностью готов к приему гостей в назначенное время. С задней стороны магазина была установлена огромная полосатая палатка. Обслуживающий презентацию персонал прибыл заранее, и в палатке уже стояли стулья и столы, покрытые

розовыми скатертями и сервированные китайским фарфором. Каждый столик украшал со вкусом подобранный букет дорогих цветов. Музыканты, одетые в вечерние костюмы, играли мелодии из кинофильмов. Все заботы по организации приема и составлению меню взяла на себя Джинни. Нил лишь оплачивал счета. О многих вещах Джинни позаботилась задолго до сегодняшнего дня. Она заранее купила икру и шампанское, мясо и коньяк и много всякой всячины, о которой до этого знала лишь понаслышке.

Джинни выглядела великолепно. Вилли не переставала восхищаться ее удивительной неутомимой энергией. Было трудно поверить, что эта красивая энергичная леди была той самой женщиной, которая утром с трудом подняла голову с подушки. На ней было бирюзовое платье, фасон которого она придумала сама. Этот стиль она называла "молния сверкает дважды". Длинные вшивные рукава, глубокие разрезы по бокам и переливающийся черный бисер, украшавший платье на груди. Она сделала стрижку в стиле Вероники Лэйк. С одной стороны волосы скрепляла бриллиантовая заколка – подарок Нила ко дню рождения.

Нил тоже выглядел необычно. В своем вечернем костюме он походил на Джилберта Роланда. Он был очень внимателен и предупредителен к Джинни, во всем одобряя и поддерживая ее. Вилли приходилось отдать должное Нилу – с какой ответственностью он относился к своему браку. Они с Джинни всегда были вместе, и Нил казался любящим и внимательным супругом.

– Ты уверен, что эта была хорошая идея – пригласить журналистов? – нервно спросила Джинни. – Что будет, если им не понравится мой магазин? Я закончу свой бизнес, так и не начав его.

– Не волнуйся, дорогая, – успокоил ее Нил. – Я уверяю тебя, что, кроме поздравлений и хороших отзывов, ты ничего не прочтешь в завтрашней газете. – Он улыбнулся с довольным видом. – Секрет хорошей прессы в хорошей выпивке и еде. А у нас все это есть. Кроме того, владелец газеты мой друг, и статья о твоём магазине, как говорится, уже в портфеле.

– А вдруг что-нибудь не понравится твоим друзьям, которых ты пригласил. Что, если... – продолжала волноваться Джинни, но Нил мягко взял ее за руку.

– Больше никаких слов на эту тему, – сказал он. – Мои друзья восхищены тобой, поэтому они будут восхищаться и твоими моделями. Возьми лучше шампанское. – Он протянул ей полный бокал. – Почему бы тебе не выпить таблетку, чтобы немного расслабиться и наслаждаться вечером?

Вилли, стоявшая рядом, встревожилась, услышав про таблетки.

– С каких пор ты стала принимать таблетки, мама? Не волнуйся, милая, – Джинни нервно рассмеялась. – Таблетки просто успокаивают меня, когда я чувствую напряжение или волнуюсь, как сейчас.

Ответ не удовлетворил Вилли. Неясная тревога закралась ей в душу. Когда Джинни отошла, она спросила у Нила, все ли с мамой в порядке.

– Вилли, дорогая, я могу заверить тебя, что твоя мама вполне здорова. Может быть, Вирджиния немного переутомилась. Новое дело, прием... Мой врач, как, впрочем, и ее, порекомендовал ей принимать в таких случаях мягкий транквилизатор. Он абсолютно безвреден.

Ответ казался убедительным, но смутная тревога в душе Вилли до конца не рассеялась.

Тем временем стали собираться гости. Вилли прекрасно понимала, какое большое значение имеет сегодняшний вечер для Джинни. Дочери было интересно услышать мнение высшего света города о новом деле ее мамы, и она присоединилась к группе женщин, с бокалами шампанского в руках осматривавших магазин. Они перебирали вешалки с платьями, обменивались репликами, оценивая фасоны и щупая ткань.

– Выполнены со вкусом и очень оригинальны, – сказала одна другой. – А что вы скажете?

– Да, – согласилась ее подруга, чуть помедлив. – Они милы и самобытны.

– Они, конечно, не само совершенство...

– Да, безусловно.

– Но в них есть свой шарм... свое очарование.

– Вот это черное, без бретелек, было бы чудесным подарком ко дню рождения Милли, не правда ли?

"Прелестно", "самобытно", "оригинально", "необычно" – слышала Вилли со всех сторон, и, несмотря на то, что произносилось это несколько покровительственным тоном, гости полностью одобряли

бизнес Джинни. Они подходили к ней, говорили комплименты, давали советы, а кто-то даже предложил устроить в городском клубе вечеринку в честь открытия "серебряного экрана" с целью рекламы дизайна Джинни Коркоран. По всему было видно, что прием удался, и высший свет города благосклонно принял магазин Джинни. Ее давнишняя мечта, наконец, осуществилась.

Но где же Джедд? Он охотно принял приглашение Вилли и сказал что с нетерпением будет ждать встречи с ней. К сегодняшнему вечеру она одевалась с особой тщательностью. По настоянию Джинни она выбрала платье персикового цвета из серии "Молния сверкает дважды". Ее светлые волосы эффектно обрамляли красивое лицо, напоминая прически сороковых годов. В этом наряде она выглядела очень женственно и соблазнительно. Ей так хотелось понравиться Джему, вновь увидеть глубокое сияние его темных глаз и еще раз пережить ощущения прошлой ночи.

– Ты удивительно красива, Вилли, – слышалось слева от нее. Но это был не тот голос, который ей так хотелось услышать.

– Спасибо, Нил.

– Я не вижу твоего кавалера. Он придет сегодня?

– Не знаю, – ответила она.

– Жаль, – сказал он. – Хотя меня это и не удивляет. Молодым людям свойственна беспечность. Уделив леди немного внимания, они потом заставляют ее нервничать и переживать. – Он мягко и нежно взял ее за руку и произнес вкрадчивым тоном: – Мне кажется, что тебе нужен мужчина, способный по достоинству оценить твою красоту... Старше, мудрее и опытнее в любви...

Смысл сказанного привел Вилли в ужас. Его прикосновение было до отвращения неприятным. Она освободила руку и сказала, с трудом сдерживаясь, чтобы не нагрубить ему:

– Я постараюсь забыть то, что ты сказал мне сейчас. Ради мамы... Но никогда больше не смей говорить мне подобных вещей.

Она заметила, как на мгновение лицо Нила исказилось, приняв безобразное выражение, которое моментально сменила его вежливая и обаятельная улыбка.

– Честное слово, Вилли, я не понимаю, почему ты обиделась. Твоя наивность восхитительна, но рано или поздно ты должна научиться принимать разумные взрослые решения, – сказал он примирительно и

мягко. Он отошел, оставив ее в мучительных сомнениях. Может, она на самом деле не понимает Нила и предвзято относится к его словам и советам? Она увидела, как он подошел к маме и так же нежно взял ее руку в свои, как только что брал руку Вилли. Может быть, она сама виновата, что понимает все так превратно? Может, его слова следует воспринимать по другому, и кроме добра он ничего ей не желает? Но, вспомнив про его замечание относительно Джедда, она вновь почувствовала раздражение. Он принял ее за одну из случайных девушек Джедда. Пусть он считает ее глупой или, как он выразился, наивной, но она никогда не будет выступать в роли девушки для минутного развлечения.

Время шло. Гости осматривали "Серебряный экран", рассыпая комплименты в адрес Вилли и ее матери. Слушая их, девушка не заметила, как внесли большую корзину, в которой красовался огромный букет из ста чайных роз. Нил отпустил посыльного и достал из корзины два белых конверта. Нил раскрыл один из них и прочел. Послание предназначалось Вилли.

"Дорогая Вилли! Прости за то, что мне не удалось приехать. На нашу семью свалились неприятности, как снег на голову. Я должен быть с отцом. Скоро позвоню тебе. Лолино шампанское держи охлажденным, а воспоминания – горячими. Скоро мы снова будем вместе. С огромной любовью, Джедд".

Второй конверт был адресован Джинни. "С наилучшими пожеланиями успеха, Джедд Фонтана".

Странно улыбнувшись, Нил положил конверты обратно в корзину и вернулся к гостям. Он ничего не сказал Вилли о корзине с цветами.

Часа через два ожидание Вилли постепенно сменилось злостью на Джедда. Гости стали уже расходиться, а его все не было. Как он мог не прийти?! После нежности и горячих слов, которые он вчера говорил ей... После всего, что было между ними.

Она почувствовала руку на своем плече.

– В чем дело, дочка? Ты не похожа на человека, который хорошо проводит время.

– Все в порядке, мама, – сказала Вилли, обернувшись к матери.

– Нет, – возразила Джинни. – Я вижу, ты не в духе. Постоянно смотришь на дверь. Кого ты ждешь, дорогая?

– Джедда Фонтана, – ее голос задрожал. – Похоже, он забыл обо мне.

– Джедд? – Джинни была явно удивлена. – Он не похож на человека, который может забыть о леди. Может, он не пришел, потому что у него есть на то веские причины?

Вилли покачала головой. Посмотрев в глаза матери, она решила не рассказывать ей обо всем, что произошло с ней. Джинни и так от любви хлебнула достаточно горя в жизни. Я справлюсь сама, подумала Вилли, не нужно взваливать на плечи матери еще и собственные проблемы. Поверив словам Джедда и его обещаниям любви, она совершенно забыла об осторожности. Она поклялась себе, что больше никогда не позволит себе расслабляться. Она не допустит, чтобы с ней случилось то же самое, что и с ее матерью. Она не станет жертвой обманутых надежд и мечтаний. В следующий раз она будет умнее. С Джеддом... либо с другим мужчиной.

После долго тянувшейся беспокойной ночи Вилли проснулась рано. Она встала, желая побыстрее покинуть постель, в которой провела мучительные часы, разрушая свои мечты. Она залпом опорожнила большой стакан апельсинового сока, утоляя жажду, от которой проснулась. Одевшись второпях и направляясь к выходу, она надеялась, что никто ей не встретится. Ей не хотелось ощутить ни мамину доброжелательность, ни ироническое любопытство Нила. Но когда она вышла во двор, то, как назло, увидела Нила, который сидел за столиком у бассейна с чашечкой кофе в руках. Казалось, он специально поджидал ее здесь. Она вынуждена была вежливо кивнуть ему, но ничего не сказала, надеясь пройти мимо.

– Ты что так рано встала? – встретил он ее вопросом.

– Надо сходить в магазин, – ответила она, останавливаясь. – Там надо прибрать и кое-что переставить после вчерашней вечеринки.

– Какая ты умница! – похвалил ее Нил. – Ты хорошая девушка, Вилли, и мне нравится твоя ответственность. Ты должна знать, что я забочусь о тебе в твоих же интересах. Я очень хочу, чтобы ты не сомневалась – все, что я делаю для тебя, я делаю от чистого сердца.

Вилли с трудом верилось в его слова, но, вспомнив о маме, она ответила:

– Я очень ценю все, что ты для меня делаешь, Нил. Он широко улыбнулся.

– Мне приятны эти заботы, моя дорогая. Я хочу, чтобы ты была так же счастлива, как сейчас твоя мама. – Вилли переминалась с ноги на ногу, тщетно пытаясь придумать подходящий предлог, чтобы уйти, но Нил продолжал как ни в чем не бывало. – Поэтому я хочу выразить тебе свою обеспокоенность по поводу твоего увлечения молодым Фонтана.

Вилли стало не по себе. Больше всего ей не хотелось говорить с Нилом о Джедде.

– Это не так, – сказала она. – Я всего несколько раз видела Фонтана. Вот и все. – Она думала, что на этом щекотливая тема будет исчерпана, но Нил не собирался заканчивать разговор.

– Я хочу кое-что сказать тебе, Вилли. У семьи Фонтана есть деньги и вес в обществе, но на самом деле эти люди не высокого сорта.

– Что ты имеешь в виду? – спросила озадаченно Вилли, присаживаясь к столу.

Нил улыбнулся снова, довольный тем, что ему удалось заинтриговать ее.

– Я думаю, друг твоей матери, этот ковбой... как его звали? Он мог бы многое рассказать тебе о семье Фонтана...

– Вебб? Что он должен был рассказать? О чем ты говоришь, Нил? – встревоженно спросила Вилли.

– Не надо так волноваться, Вилли, – произнес Нил успокаивающим тоном. – Я думал, ты знаешь, чем занимался Вебб. – Вилли отрицательно качнула головой. – Он был ответственным за перевозку больших сумм денег, что совсем не нравилось нашей налоговой службе. Случилось так, что его трагическая смерть оказалась очень кстати для семьи Фонтана. Он много интересного унес с собой в могилу. У меня есть достоверные сведения о том, что агенты федеральной налоговой службы имели четкие указания задержать самолет и самого мистера Фоули сразу после приземления. Они хотели задать ему несколько вопросов о его связях с Сэмом Фонтана.

Вилли с ужасом смотрела на своего отчима. Внезапно севшим голосом она спросила:

– Ты хочешь сказать, что Сэм Фонтана имеет отношение к смерти Вебба?

Нил пожал плечами, и его лицо стало серьезным.

– Я не из тех, кто разносит слухи, моя дорогая. Хотя я и не отрицаю, что Сэм Фонтана мог принять такое решение, когда агенты слегка прищемили ему хвост... Однако давай лучше оставим эту неприятную тему. Если, как говоришь, ты действительно не интересуешься всерьез молодым Фонтана, то нет нужды посвящать тебя в тайны его семьи.

Потрясенная услышанным, Вилли встала из-за стола, извинилась и пошла к машине. Нил проводил ее своей приторной улыбкой и пожелал удачного дня. Погруженная в свои мысли, Вилли села в машину и поехала в сторону Палм Каньон Драйв.

Она снова и снова спрашивала себя, могло ли все это быть правдой. Нил не мог обманывать. Вряд ли он врал, говоря о таких ужасных вещах...

Вебб – их лучший друг и защитник. Что явилось причиной его смерти? Несчастный случай, как они до сих пор думали, или Сэм Фонтана? Мог ли он убрать его, чтобы самому остаться чистым? Если это так, то он просто убийца, несмотря на все свое могущество и влияние. Кем же станет тогда Джедд, который слепо верит во все, что делает и говорит его отец?! Вилли остановила машину у магазина и, на ходу доставая ключи, направилась в дверям. Ей очень хотелось еще раз взглянуть на результат маминого успеха. В ярком утреннем свете витрина выглядела еще более привлекательной. Люди спешили на работу, а с витрины на них смотрела Лола, откинувшаяся на спинку атласного кресла, в красивом шифоновом платье, с пачкой "Пэл-мэла" в руке и с бокалом и бутылкой шампанского на столике рядом с ней. Прохожие останавливались поглазеть на новую витрину, гадая, что может продаваться в этом магазине. Вилли приятно было смотреть на воплощение маминого воображения и на то впечатление, которое производил магазин. И в самом деле, "Серебряный экран" выгодно отличался своим оригинальным и несколько вызывающим видом от других магазинов, расположенных поблизости и рекламирующих свой товар – будь то платья, туфли, или спортивная одежда, – традиционным способом. На какое-то мгновение Вилли забыла о своих неприятностях, убеждаясь еще больше в способностях своей матери, в оригинальности ее вкуса. А ведь совсем недавно она жила бесцветной однообразной жизнью, украшая ее своими наивными фантазиями. Погруженная в свои мысли, Вилли не заметила длинный

черный лимузин, который подъехал к обочине и остановился в двух ярдах от нее. Она чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда ее окликнули.

– Вилли! Какой сюрприз! – Это был голос Джедда.

– Ты?! Я не думала, что у тебя хватит совести снова заговорить со мной. – Ее голос звенел и срывался от неподдельной обиды и злости.

Брови Джедда поползли вверх, но скоро его лицо приняло обычное выражение.

– Я искренне сожалею, что не смог вчера приехать, – сказал он тихо, чтобы его не слышали прохожие. – Я очень хотел быть вчера здесь, но не смог. Большого я сказать тебе не могу.

– Неужели! – язвительно ответила Вилли. – Можешь уходить и больше вообще не приходить сюда. Ты меня не интересуешь!

Джедд недоуменно нахмурился.

– Я думал, что все объяснил тебе в записке... Она была в цветах...

– В какой записке? В каких цветах? – Теперь удивилась Вилли.

Джедд все понял.

– Ах, Вилли! Теперь ясно, почему ты так набросилась на меня. Я уже выходил из дома, когда папа позвал меня. У него был разговор с "Бьютти". Там у них что-то стряслось, и мы просидели половину ночи, обдумывая, как нам быть. Мне надо срочно лететь туда, и сейчас я как раз ехал в аэропорт. Но я послал тебе цветы и все объяснил в записке... Наверно, что-то напутали...

Вилли смотрела в лицо Джедду, в его глаза, которые мучили и очаровывали ее. Она слушала его и вспоминала тот день, когда Сэм запретил ему встречаться с ней, потому что считал, что она недостаточно хороша для его сына. Но теперь она знала, что это Фонтана никогда не станут достаточно хорошими для нее. Внезапно она приняла решение.

– Все изменилось, Джедд. – горестно произнесла она. От волнения ее голос немного охрип. – Я не хочу больше видеть тебя. Ни сегодня, ни завтра – никогда!

Она видела, как Джедд изменился в лице. Он поднял руку и стал гладить ее по щеке.

– Не говори так, – попросил он. – Я сделаю все так, как ты захочешь. Я обещаю тебе.

– Разве ты сможешь вернуть Вебба Фоули? – вдруг спросила она, отстраняясь от его руки.

– Вебба Фоули? – словно эхо повторил он. – О чем ты, Вилли? Что я сделал Фоули?

– Как раз об этом я и хочу узнать, – воскликнула она. – Вебб был моим другом... и, может быть, он был неправ, выполняя для твоего отца грязную работу, но он не заслужил смерти из-за этого.

Джедд покачал головой.

– Я не могу понять, о чем ты говоришь, Вилли. Какую грязную работу? Смерть Фоули произошла в результате несчастного случая... все знают об этом.

– Нет, – холодно сказала Вилли. – Не все. Несчастный случай можно и подстроить. Мне сказали, что он как нельзя кстати пришелся для твоего отца. Ведь на земле Вебб должен был отвечать на вопросы о той работе, которую он выполнял для Сэма Фонтана.

Джедд старался не терять самообладание, но, когда он заговорил, его голос звучал напряженно.

– Ты ошибаешься. Я не знаю, кто тебе наговорил всю эту чушь, но она явно не соответствует действительности. Мой отец никогда не занимался такими делами. Мне пора идти, Вилли, я опаздываю на самолет. Пожалуйста, верь мне! Мой отец виновен в этом не более, чем кто-либо другой.

– Я сказала то, что думаю, – холодно произнесла Вилли и повернула ключ в замке магазина. Она вошла внутрь и захлопнула дверь перед самым носом Джедда.

ГЛАВА 4

Скрываясь от палящего солнца под полосатым зонтом, Вилли потягивала лимонад и наблюдала за Джинни, которой очень шел костюм с рисунком под леопарда и в тон ему ободок на голове. Комплектов этого стиля было много в "Серебряном экране". Улыбаясь и обмениваясь приветствиями со знакомыми, Джинни переходила от одного столика к другому, чувствуя себя в клубе как рыба в воде.

Было приятно наблюдать за мамой в новой для нее роли модельера и бизнесмена. Хотя прошло немного времени, но она смогла добиться такого успеха на новом поприще и популярности, какая даже не снилась многим шикарным и хорошо одетым дамам Палм-Спрингс. Даже те, кто никогда не носил ничего такого, что можно было бы назвать оригинальным или экстравагантным, считали своим долгом приобрести что-нибудь в "Серебряном экране".

"Следите за "Серебряным экраном". Эта фраза стала регулярно появляться в местных газетах, а название магазина не сходило с уст модниц.

Одна из моделей Джинни – костюмы для женщин, которым за сорок, из черного габардина с высокими плечами и воротником из чернубурой лисицы, распродалась в один момент, несмотря на угрожающую цифру на ценнике – 1200 долларов.

Готовясь открыть магазин, Джинни планировала нанять полдюжины местных портных для воплощения своих идей. Но уже через месяц после открытия магазина она была вынуждена заключить контракт с небольшой фабрикой в Лос-Анджелесе для того, чтобы удовлетворить спрос на свою продукцию.

Вилли была счастлива, следя за маминым успехом. Первый раз в жизни Джинни делала карьеру, а не занималась какой-нибудь конкретной и рутинной работой. У нее был муж, который души в ней не чаял и во всем помогал. И Вилли чувствовала, что в жизни матери для нее остается все меньше и меньше места.

Уже через неделю после начала каникул Вилли поняла, что ее приезд домой был ошибкой. Лучше бы она посещала летнюю школу или занималась сама по европейской программе. Но сейчас уже поздно было что-либо менять, не обидев Джинни. Она с таким энтузиазмом

убеждала Вилли провести каникулы дома, чтобы помочь ей с магазином и, вообще, отдохнуть и расслабиться.

Бывая в клубе, они часто заходили на кухню поболтать с Лаурой. Вилли всегда чувствовала какую-то вину, встречаясь с ней. Лаура так и не смогла до конца оправиться после смерти Вебба. Она очень изменилась, исчезли в ее взгляде живость и радость. Она стала жить уединенно, и стена отчужденности между ними становилась все выше и выше.

Но не только Лаура беспокоила Вилли. Сэм всегда пытался устроить так, чтобы Джедд был подальше от нее. Прошлым летом он отослал его на летнюю работу в Монтана. Джедд никогда не смел послушаться своего отца. Вилли давно решила, что с ним все покончено, но не могла запретить себе думать о нем. Вот и сейчас его не было в городе. Вскоре после памятного разговора с ним она получила письмо, из которого узнала, что это лето он решил посвятить изучению их семейного бизнеса, начав с самых азов. Он работает в торговом центре, принадлежащем компании Фонтана. "Папа говорит, что я достаточно долго бездельничал, и пришло время заняться настоящим делом. Он считает, что, работая здесь, я наберусь полезных знаний и опыта". Письмо заканчивалось словами: "Ужасно боюсь потерять тебя".

Прочтя письмо, Вилли разорвала его и выбросила. Но, как бы она ни противилась тому, Джедд продолжал занимать ее мысли и сердце.

Сидя под зонтиком и обдумывая, чем бы заняться в оставшиеся дни каникул, она вдруг услышала свое имя, произнесенное по громкоговорителю.

– Мисс Вилли Делайе, подойдите, пожалуйста, к телефону в баре...

"Кто бы это мог быть?" – подумала Вилли, быстрыми шагами направляясь к бару. Она не ждала звонка и шла в бар просто из любопытства. Подняв трубку, она услышала знакомый ликующий голос.

– Слава богу! Я нашла тебя. Я бы сошла с ума, если бы не отыскала тебя.

– Шерил! – обрадовалась Вилли. – Где ты?

– Я у Малколма. И жду тебя на ленч. Ты просто обязана прийти.

– Конечно же, я приду. Когда ты приехала? Почему ты не сообщила мне, что ты в Палм-Спрингс?

– Вопросы потом. Обещаю, что на все ты получишь ответ. Пока. – Все еще продолжая улыбаться, Вилли положила трубку. Ее очень обрадовал звонок Шерил, ведь, если не считать нескольких телефонных разговоров, они не общались целую вечность. После окончания колледжа Шерил продолжала учиться. На вопрос Вилли, будет ли она заниматься и летом, Шерил тогда ответила: – Нет, подружка. У меня на лето более интересные планы.

Вилли быстро направилась к своему автомобилю, горя от нетерпения побыстрее увидеться со своей лучшей подругой и узнать, как ей жилось все это время.

Вилли припарковала машину на тщательно подметенной круглой площадке перед виллой Малколма, построенной в голливудском стиле. Посмотрев на роскошный дом, она подумала, что он никогда ни для кого не был счастливым.

Ничто не говорило здесь о том, что Малколм когда-либо имел семью. Кино (он никогда не употреблял слово "кинематограф") занимало всю его жизнь. Оно принесло ему успех. В его сердце не было места для Шерил. Зная это, Шерил всегда чувствовала себя несчастной. Вилли очень удивилась, когда Шерил пригласила ее сюда. Раньше подруга старалась как можно реже бывать дома и встречаться с ней где-нибудь в другом месте.

Вилли позвонила в дверь особняка, приготовившись услышать бодрое "входи". Двери открылись, и Шерил бросилась в ее объятия.

– Вилли, дорогая, как я рада тебя видеть!

– Я не узнаю тебя, – сказала Вилли, отступая на шаг и удивленно поднимая брови. Она не могла поверить своим глазам. – Шерил! Ты ли это? Как ты похудела! Господи! Ты стала похожа на стручок фасоли. – Впервые она заметила, как Шерил похожа на свою мать. – Ты так красива! – воскликнула Вилли с искренним восхищением.

Волосы Шерил золотисто блестели и были уложены в модную прическу. Она была ярко и эффектно покрашена: глаза подведены черным карандашом, на веках тени, ресницы искусно удлинены с помощью туши. Ниспадающая волна волос придавала ей гордый и уверенный вид. Всеми когда-то отвергаемый гадкий утенок стал прекрасным лебедем.

Поворачиваясь в разные стороны, Шерил наслаждалась произведенным впечатлением.

– Я так похудела, потому что... Ладно, об этом я расскажу еще тебе. Входи же! Выпьем чего-нибудь до ленча? Немного белого вина?

Вилли заколебалась.

– Если только ты составишь мне компанию.

– Конечно, с удовольствием. После стольких лет лишений... – Она улыbnулась и внимательно посмотрела на Вилли. – Я знаю, о чем ты думаешь. О всех этих чисбургерах, пирожных и огромном количестве конфет, которые я слопала за свою жизнь. Да, раньше я ела много и никак не могла наесться. Сейчас я ем очень мало. А как поживаешь ты, моя подружка? Правда, ты всегда была худой. Счастлива ли ты? Как у тебя дела на любовном фронте? Что в колледже? Наверное, первая в своей группе? Никого там не подцепила?

Вилли отпила глоток вина.

– Как сказать... Я не могу утверждать, что я счастлива. Но мне неплохо в колледже.

Шерил опять улыbnулась и доверительно сжала руку Вилли.

– Знаешь, впервые с тех пор, как мы знакомы, я не хочу поменяться с тобой местами. Мне нравится моя собственная жизнь. Я стала чувствовать себя гораздо увереннее.

Вилли все больше удивлялась переменам, происшедшим с ее подругой, и она с нетерпением ждала, когда та объяснит их причину. Она все больше убеждалась, что Шерил заранее подготовила что-то вроде сценария их встречи, точно так же, как ее отец заранее обдумывал свои фильмы.

– Не пора ли перекусить? – спросила Вилли, решив не торопить события.

– У нас на ленч будет отварной лосось. Я всегда пользуюсь кухней Малколма, когда бываю здесь. К лососю Рита готовит такой гарнир – просто пальчики оближешь. Пока она накроет на стол, я хочу тебе кое-что показать.

Шерил отвела Вилли в кабинет отца и вручила пачку фотографий. Вилли стала просматривать их. На снимках рядом с Малколмом улыbnались известные актеры и актрисы, прославленные режиссеры, сценаристы и продюсеры и еще какие-то люди, которых Вилли не знала.

– Найди среди них ту, которая обязательно заинтересует тебя, – лукаво улыбаясь, сказала Шерил.

Вилли стала внимательнее приглядываться к лицам и в середине пачки, наконец, нашла тот снимок, на который намекала Шерил. На нем была сфотографирована Шерил в своем новом обличье. На ней была мини-юбка, а в руках – букет орхидей. Ее целовал молодой человек, который показался Вилли очень знакомым. Шерил довольно улыбнулась.

– Ты прекрасно выглядишь, – заметила Вилли.

– А теперь посмотри сюда, – сказала Шерил и в предвкушении реакции Вилли лукаво рассмеялась, протягивая ей брачное свидетельство. Оно было выдано на имя Шерил Луизы Виннавер и Роберта Аллена Мейсона. Вилли от удивления открыла рот.

– Шерил! Вот это да! Ну и ну! – Она была так поражена, что не смогла сказать ничего вразумительного.

– Это будет хорошим сюрпризом для Малколма, когда он явится сюда, – торжествующим тоном сказала Шерил. – Пускай сохранит его в качестве одного из своих сувениров. Если это явилось таким сюрпризом для тебя, я представляю, что произойдет с ним...

– А где сейчас счастливый муж? – спросила Вилли, немного придя в себя. – Я хочу его поздравить.

– Да ну его... – Шерил махнула рукой. – Он поехал к своей матери, моей свекрови. Сказал, что она сейчас на мели, и повез ей кое-что из вещей. Обещал вернуться к вечеру. Ты будешь первым официальным гостем мистера и миссис Мейсон!

– А как Малколм? Где он сейчас?

– Кто знает? – пренебрежительно отмахнулась Шерил. – Кого это интересует? У меня сейчас есть Робби. Пока он не пришел, я хочу рассказать тебе, как мы снова встретились. Это просто хохма! Это произошло в "Беверли Хилз". Все получилось так забавно и романтично...

– погоди, Шерил, – перебила ее Вилли. – Я очень счастлива за тебя, честное слово. И я с удовольствием пообедаяю с вами сегодня вечером. Но почему ты как-то пренебрежительно говоришь о Робби?

– Я? Тебе, наверное, так показалось. – Она лукаво улыбнулась. – Ты ошибаешься. За последнее время я поняла, как была не права по

отношению к тем, кто по-настоящему любил меня. И Робби, безусловно, принадлежит к их числу.

– Выходит, ты добила все, чего хотела, – сказала Вилли с чувством, похожим на зависть. У нее это вышло непроизвольно. Ведь она сама уже потеряла надежду выйти замуж. Тем не менее, она искренне обрадовалась переменам, происшедшим с Шерил.

За ленчем Шерил продолжала оживленно болтать, рассказывая о том, как она встретила Робби, и они решили возобновить свои отношения, а потом признались друг другу в любви. Вместе с радостью за подругу Вилли испытывала чувство печали. Ей казалось, что очередная глава ее жизни подошла к концу. А Шерил, наконец, обрела счастье и уверенность.

Попрощавшись с Шерил, Вилли позвонила матери, сказала ей, что не сможет заехать в магазин и попросила не ждать ее там. Встреча с подругой слишком взволновала ее. Она пожалела, что не находится сейчас где-нибудь далеко от Палм-Спрингс и не может с головой уйти в какое-нибудь новое дело.

Она решила поехать домой и поплавать в бассейне. Ей хотелось дать себе сильную физическую нагрузку, чтобы немного отвлечься от грустных мыслей. Кстати, Нил на сутки уехал в Сакраменто, и она могла побыть в одиночестве. В последнее время он стал слишком навязчивым. Его настойчивый интерес к личной жизни Вилли, все эти вопросы о ее отношениях с молодыми людьми противоположного пола и двусмысленные реплики, сопровождавшиеся сладкой улыбкой, ужасно раздражали ее.

Дома она переделала в цельный купальник, который всегда надевала, когда серьезно занималась плаванием, и нырнула в чистую бирюзовую воду.

Она плавала от одного конца бассейна до другого, рассекая воду уверенными движениями рук. Десять кругов, двенадцать... она остановилась на пятнадцатом и перевела дыхание.

Выйдя из бассейна, она приняла холодный бодрящий душ. Водные процедуры сняли усталость и освежили Вилли. В ванной она оглянулась в поисках фена, чтобы просушить мокрые волосы, но нигде его не нашла. Она подумала, что оставила его в клубе, и решила позаимствовать фен у матери.

Вдруг она засомневалась, имеет ли она право воспользоваться чужой вещью. В ту часть дома, где жили мама с Нилом, она заглядывала крайне редко, зная, что Нилу это не очень нравится. Здесь она не чувствовала ту свободу и легкость, с которой передвигалась по дому, где они раньше жили вдвоем с мамой.

Но, подумав, она решила, что ничего страшного не произойдет, если она воспользуется феном своей матери. Разумеется, Джинни не была бы против, окажись она дома.

Вилли еще раз тщательно осмотрела ванную и, не обнаружив фена, пошла в мамину спальню. Сперва она поискала фен в шкафу Джинни, потом выдвинула ящики ее ночного столика, но фена нигде не было. В одном из ящиков ей попался на глаза черный, свернутый змеей предмет. Она взяла его, думая, что это шнур от фена, и потянула из ящика. Но каково было ее изумление, когда у нее в руках оказалось нечто похожее на плеть, с девятью длинными хвостами. Плеть выглядела зловеще и безобразно. Вилли некоторое время разглядывала ее, а потом с отвращением брезгливо отбросила на кровать.

Ее как будто поразила молния. Она стояла и не могла отвести взгляда от кровати, спрашивая себя, как эта вещь могла оказаться в ящике маминого стола. И она уже знала ответ на этот вопрос и ощущала бессильную ярость... Она отказывалась верить своим глазам.

Вилли понимала, что должна положить плеть на место, закрыть ящик и покинуть комнату, но от охватившего ее ступора не могла пошевелить рукой.

Она продолжала тупо смотреть на эту жуткую кожаную плеть с тянущимися, словно щупальца, плетеными концами, пока ее разбросанные мысли собирались воедино. Немного придя в себя, она снова заглянула в ящик и увидела шкатулку из слоновой кости с тонкой и искусной резьбой, изображавшей различные эротические сценки. Открыв шкатулку, она обнаружила там большое количество разноцветных пилюль и дюжину ампул, в которых распознала амилонитраты. Она вспомнила, что этим препаратом пользовались студенты в колледже для того, чтобы достигнуть необыкновенного, фантастического оргазма.

Вилли отказывалась верить своим глазам. Внутри у нее все сжалось, а ее воображение рисовало дикие непристойные картины того, что происходило в этой комнате между ее мамой и Нилом. У нее

закружилась голова, и она прислонилась к стене. Затем упала на кровать и закрыла лицо ладонями, пытаясь взять себя в руки и сосредоточиться.

Ничего страшного, говорила она себе, возможно, мама с Нилом занимаются своеобразным сексом... Она мало в этом смыслила, но кое-что слышала от своих однокурсников в колледже. Может быть, у нее с мамой просто различные взгляды на это.

Вилли говорила себе, что не имела права заходить сюда и копаться в чужих вещах. Ее мама взрослый человек, и чем она занимается у себя в спальне, это ее личное дело.

Она быстро поднялась, собрала вещи и стала укладывать их в ящик в прежнем порядке. Но тут она увидела большой конверт. Она взяла его в руки, потом положила обратно, затем снова взяла – любопытство одержало вверх.

Она раскрыла конверт и то, что она увидела, привело ее в ужас. Там были фотографии, полные бесстыдной откровенности. На одной из них ее мать лежала на кровати, а ее ласкали двое – незнакомые мужчина и женщина. На другой она сидела на стуле, непристойно раздвинув ноги и перекинув их через руки, в которых она держала эту ужасную плеть и вибратор. На ней были лишь черные чулки. Остальные фотографии были в том же духе. Всего их было около дюжины. Вилли перебирала их, не веря собственным глазам. Она разглядывала подробности с таким вниманием, будто ее под дулом пистолета у виска заставляли делать это.

Вдруг она почувствовала подступившую в горлу тошноту. Она побежала в ванную, но ее стошнило раньше, чем она успела добежать до раковины. Оставляя следы на чистом мраморном полу, она обхватила руками холодную фарфоровую раковину. Она почувствовала ужасную слабость, ее трясло, она ощущала себя разбитой и опустошенной.

Вилли не могла бы сказать, сколько прошло времени, прежде чем она смогла взять себя в руки и, взглянув в зеркало, стала приводить себя в порядок. Все еще дрожа и передвигаясь механически, словно робот, она вытерла пол и с помощью специального дезодоранта освежила в ванной воздух.

Она заставила себя вновь вернуться в спальню, собрать фотографии – свидетельство развратной жизни, которой заставлял

жить ее мать Нил, – и положить их обратно в ящик.

Закончив уборку, она вернулась в свою комнату, расположенную в другом крыле дома, и упала на кровать. Прикрыв глаза ладонями, она постаралась привести в порядок свои мысли. Она прекрасно понимала, в какой ловушке оказались она и ее мать. Но зачем Джинни пошла на это? Что заставило ее, забыв обо всем, следовать извращенным желаниям Нила? Только ее мать могла ответить на эти вопросы.

Она лежала, потерянная и разбитая, утратив чувство времени, и только наблюдала за тем, как меняются цифры на ее электронных часах. Она напряженно прислушивалась, стараясь не упустить момента, когда вернется мать. Но в доме стояла мертвая тишина. Наконец она услышала, как хлопнула дверь, и, с трудом поднявшись, пошла в кухню, где и застала свою мать, наливавшую себе в стакан лимонад.

Джинни с улыбкой повернулась к ней. – Доченька! Ты пропустила чудесный обед в Хелен Палмере. Надеюсь, у тебя были веские причины не приехать в магазин? Господи! Как ужасно ты выглядишь! Что-нибудь случилось?

– Мама! – воскликнула Вилли. Она ощущала нечто среднее между злостью на мать и жалостью к ней. – Я побывала в твоей спальне. Хотела взять у тебя фен... Но вместо него я обнаружила все эти предметы... которыми ты и Нил пользуетесь... И еще я видела фотографии...

Она снова почувствовала приступ тошноты и прижала руки к животу и ко рту, пытаясь перебороть это чувство.

– Мама, я не могу понять... Ты должна объяснить мне... Она в отчаянии смотрела на мать, требуя ответа. Джинни изменилась в лице. Потупив взор, она молчала долгое время, раздумывая над ответом. Когда она заговорила, голос ее был спокойный и ровный.

– Ты никогда не была замужем, детка. Ты не можешь знать, что происходит между мужчиной и женщиной...

– Нет! – воскликнула Вилли. – Я не могу верить тебе. Я знаю, это Нил заставляет делать тебя все эти гадкие вещи! Ради Бога, скажи мне правду! Если это так, мы не можем больше оставаться здесь, если он обращается с тобой, как с обыкновенной проституткой. Мы должны уйти отсюда!

Джинни покачала головой. Ее топазовые глаза были переполнены болью.

– Это не так легко, родная, – она вздохнула. – Когда-нибудь ты поймешь, что в жизни нет ничего только белого или черного. – Она устало прислонилась к столу. – Это не то, что ты думаешь... – Вдруг она посмотрела прямо в глаза Вилли и сказала жестко: – Может, мне нравится все это...

– Нет! – в отчаянии воскликнула Вилли. – Этого не может быть! Ты говоришь так, потому что думаешь, что мы нуждаемся в нем. Это не так, мама! Я знаю, ты вышла за него замуж, потому что хотела дать мне то, чего у нас не было! Но я не нуждаюсь в этом, мама. Мы можем обойтись и без Нила!

– Нет, Вилли. Ты не права. Мне нужен мужчина. О, Боже! Милая, как я люблю тебя! Я не хочу, чтобы ты думала про меня, что я... нехорошая. Пойми, мне трудно быть одной! То, чего желает Нил, мне нравится... – Она пожала плечами, всем своим видом давая понять, что разговор закончен.

Резко повернувшись, Вилли ринулась из кухни. Она больше не в силах была слушать, как легко ее мать рассуждает о своем поведении. Вбежав к себе в спальню, она захлопнула дверь и включила кондиционер. Потом упала на кровать, натянула покрывало и закрыла глаза. Ей так отчаянно захотелось, чтобы как в сказке у нее появился бы сейф, полный денег. Но она прекрасно понимала, что волшебства в жизни не происходят.

Завернувшись в покрывало, словно в кокон, она вспомнила ужасные снимки и слова Джинни о том, что она получает удовольствие от развратных сексуальных оргий Нила. Она с ужасом и удивлением спрашивала себя, действительно ли ее мать довольна такой жизнью?

Потом она вспомнила Джедда и свое сильное влечение к нему. Одно лишь его прикосновение уже возбуждало в ней безумное желание. Кто знает, может, и ей нравится секс?

Вилли сидела в юридической конторе Коллендера, Хоуджа, Ринглей и Вайта – сюда ее направили на практику, и сейчас она ждала, когда ее проинформируют о работе, которую она должна будет выполнять. Обстановка здесь напоминала ей сцену из романов Чарльза Диккенса, скорее всего, "Большие ожидания". Вещи из красного дерева и латуни были старинными, такими же казались и портреты

компаньонов в сером, смотревших из массивных рам сквозь свои строгие очки. Коллендер и Вайт уже умерли примерно десятилетие тому назад, но их имена по-прежнему стояли на золотой дощечке обитых кожей дверей. Контора находилась в Бостоне на Стейт-стрит. Попавшему сюда казалось, что в затхлой атмосфере этого отделанного старым деревом помещения время остановилось. Царивший здесь дух совсем не соответствовал бурному темпу жизни города. Эта контора в юридическом мире Бостона была известна своими традициями. Ее девиз: "Звони и жди".

Думая, что плата будет незначительной, а часы покажутся долгими, Вилли не очень хотела работать здесь. Но все-таки она понимала, что летняя практика в фирме Коллендера, Хоуджа, Ринглей и Вайта придаст ей солидности при поступлении в Гарвардский университет. Ей не хотелось находиться в Палм-Спрингс, и эта учеба давала возможность держаться подальше оттуда.

После того ужасного дня в спальне матери Вилли желала быть вдалеке от нее. Где-нибудь на Востоке. Не в Калифорнии. Она знала, что в разгар лета, без помощи Нила будет невозможно поступить в университет. И прежде, чем попросить его о помощи, она долго и упорно размышляла. И, наконец, решилась. Нил был очень польщен, что Вилли приняла его предложение. Он позвонил нескольким своим друзьям на Востоке, превознося ее школьные успехи. Через несколько дней Вилли была зачислена на подготовительные курсы Гарварда.

Это означало, что для нее открывается страница в жизни, наполненная новыми интересами и успехами. От летней же практики она ожидала большего, чем могла дать, по ее мнению, работа в фирме "Звони и жди".

Около четырех часов пожилой секретарь подвел Вилли к столу Боудлея Хоуджа – одного из компаньонов фирмы.

– Добрый день, сэр! – протянула руку Вилли, как только он поднялся со стула.

Хоудж, попечитель Гарварда, удивленно приветствовал ее. Ему показалось, что он полностью лишился своей бдительности, если позволил девушке проходить практику в своей фирме. С первого взгляда она ему не понравилась.

Хоудж был сухопарым сидящим мужчиной. Его возраст Вилли определила примерно между пятьюдесятью и семьюдесятью.

Хоудж некоторое время разглядывал Вилли сквозь свои очки в золотой оправе. Казалось, он не ожидал, что увидит такую молодую и красивую девушку. Таких он считал легкомысленными и бездеятельными. Он попросил секретаршу принести личное дело Вилли, и чем больше в него вчитывался, тем больше удивлялся.

– Хорошо, мисс Делайе, – сказал он, наконец. – Ваши успехи удовлетворительны. Даже более, чем удовлетворительны. В ваши обязанности будет входить ведение каталогов в нашей библиотеке. И помощь нашим коллегам. Вы будете работать с моим сыном, который тоже проходит летнюю практику в нашей фирме. Моя секретарша представит вас сотрудникам и введет в курс дела.

Сейчас пришло время удивляться Вилли. Разговор был уже закончен, но не было задано ни одного вопроса. Она встала и несколько замешкалась, не зная, что делать дальше. Хоудж встал, сердечно пожал ей руку и сказал:

– Если у вас возникнут какие-нибудь вопросы, не стесняйтесь обращаться к нам. В фирме "Коллендер, Хоудж, Ринглей и Вайт" умеют заботиться о своих сотрудниках.

В первый же день работы секретарша Хоуджа представила Вилли каждому сотруднику фирмы, большинство из которых обзревали ее с удивлением, но радушно. Они вели себя так, как будто не до конца понимали, что она делает здесь, но, из соображений тактики и руководствуясь хорошими манерами, показывали, что рады приветствовать ее; Она познакомилась со своим напарником Боудлеем Хоуджем IV.

Как и Вилли, Бад Хоудж собирался учиться в Гарварде на подготовительных курсах. И так же, как и Вилли, выглядел амбициозно и интеллигентно. Он был высоким и симпатичным молодым человеком. При первой встрече Вилли протянула ему руку и сказала:

– Привет! Меня зовут Вилли Делайе. Я новая практикантка.

Игнорируя протянутую руку, он ответил:

– Да, я вижу.

Его тон говорил, что он уже знает, кто она, и что это не производит на него особого впечатления.

"Высокомерен, как король", – подумала Вилли. Бад явно воспринял ее как посягательницу на свое собственное дело, и она не

могла рассчитывать на хорошее отношение. Но она, пытаясь понять его, не придавала этому особого значения.

В этой фирме ей пришлось сталкиваться с разными мужчинами. Она знала, что здесь – "мужской клуб", ей не раз это повторяли. Что же, теперь она это увидела своими глазами.

К концу первой недели Вилли нашла, что атмосфера в фирме, куда женщин принимали на работу только в качестве секретарш, не совсем соответствовала ее представлениям.

Большинство служащих фирмы, благодаря своему происхождению, составляли элиту. Все они были членами привилегированного бостонского клуба. Непокоримо уверенные в своей избранности, они считали, что наделены особыми полномочиями и не могут совершать ошибок и промахов.

К исходу второй недели Вилли поняла, что Хоудж-старший, вопреки внешним проявлениям, знал всю кухню фирмы больше, чем компаньоны и их коллеги, вместе взятые, а также, несомненно, разбирался в законах лучше других юристов из фирм на Стейт-стрит. Она также поняла, что он великодушно делится своими знаниями, безусловно честен и открыт, в противоположность своему сыну Бадю.

Вилли не могла точно сказать, кто кого невзлюбил первым, но они с Бадом будто были рождены для взаимной антипатии, которая окончательно созрела уже к концу первой недели. Бад "забыл" передать ей поручение одного из молодых коллег написать реферат его, работы. Вилли простила его забывчивость. Просто небрежность и невинная ошибка, сказала она себе. Но, неделю спустя, ее вызвал не кто иной, как сам Хоудж III.

– Мисс Делайе, – сказал он твердо. – Надеюсь, вы были информированы о том, что к вчерашнему полудню вы должны были закончить исследование материала Харкви. Могу ли я вас спросить, где ваш отчет?

Вилли пристально посмотрела на своего руководителя. Разве могло случиться так, что она просто забыла выполнить работу, которую он ей поручил?

– Подождите, подождите, мисс Делайе, – нетерпеливо сказал Хоудж. – Мое дело несколько специфическое! Я написал его в четверг, и Бад любезно согласился передать его вам. Это означает, что у вас

было целых четыре дня, чтобы сделать такую простую работу. Вы можете объяснить мне, почему вы ее не выполнили?

Вилли поняла, что на сей раз это уже точно не случайность. Но, однако, она была уверена – глупо говорить старшему Хоуджу, что сын его сознательно не сообщил ей об этом задании. Она постаралась быстро обдумать ситуацию и дать ответ, который не выглядел бы непрофессиональным или детским. Но она не находила ответа. Наконец она сказала вежливо, но твердо:

– Прошу прощения, мистер Хоудж. Результаты моего исследования будут на вашем столе завтра.

Она вышла из комнаты "синьора руководителя", негодуя. Даже если она просидит всю ночь, в лучшем случае, работа будет готова через два дня. Войдя в комнату Бада, она резко спросила:

– Где оно?

– Что? – весело поинтересовался он, не поднимая головы.

– Это данное Богом дело, которое, как я понимаю, ты должен был передать мне на прошлой неделе.

Выражение его лица ничуть не изменилось, когда он поднял на нее глаза.

– Если ты разберешься в этом беспорядке на моем столе, – сказал он как бы между прочим, – то, надеюсь, ты найдешь, что ищешь.

Вилли не имела никакого желания искать. Что-то в тоне Бада подсказало ей, что бумаг на столе нет. Они, скорее всего, в его столе, специально спрятаны.

– Ну и осел ты, Бад! – сказала она. – Почему ты делаешь такие вещи? Почему ты так настроен против меня? Я не собираюсь конкурировать с тобой. Я здесь только до сентября. Почему ты не даешь мне возможности поработать это время?

Он улыбнулся, не разжимая губ, и выдал ответ:

– Ничего личного, мисс Делайе. Называйте это протекционизмом, или, если хотите, моим взглядом на дарвинизм. Меня заботят только мои собственные интересы. То же самое я советую делать и вам. И я не вижу причин помогать вашему росту и повышать вашу квалификацию.

– По крайней мере, это звучит откровенно. Мне стало все ясно, – сказала она, потрясенная его цинизмом. – Как же вы собираетесь быть адвокатом, не умея быть беспристрастным?

Тонкая улыбка Бада перешла в усмешку.

– Если вы будете служить закону и при этом захотите быть беспристрастной, то ваши клиенты будут иметь не адвоката, а Дон-Кихота.

Она скрыла возмущение, как делала уже не раз. Но злость затаила в себе. Вилли была уверена, что настанет день, когда у нее не будет нужды осторожничать, и тогда она выскажет им все, что думает.

Несколько дней она боролась с собой, чтобы не сделать этого прямо сейчас. Какой это будет славный день, когда она сможет позволить себе сказать все!

С тех пор она старалась избегать Бада, держаться от него подальше, хотя это было не очень легко, так как столы их стояли рядом. Но она очень удивилась, когда узнала, что он уже зачислен на подготовительные курсы Гарвардского университета. Бад понял, что пора прекращать мелкие акты саботажа. Вилли работала у "Коллендера, Хоуджа, Ринглей и Вайта", стараясь показать себя с лучшей стороны. Большая часть ее работы была простой и механической. Вести каталоги в библиотеке, регистрировать, копировать документы. Но, когда она показала, что умеет усердно работать и способна на большее, сотрудники фирмы проинструктировали своих секретарей, чтобы именно ей поступали свежие контракты для предварительной обработки.

Это случилось, когда она, работая с шестистраничным контрактом, обнаружила мелкую ошибку, на которую не обратили внимания два сотрудника, работавшие до нее с документом. Ошибка была совершенно незначительной, маленькая языковая неточность. Но она могла бы, не будь замеченной, поставить под сомнение право клиента на владение важными фондовыми бумагами в сотни и тысячи долларов. Вилли обратила внимание штатного адвоката на эту неточность, и та была срочно исправлена.

Ее старание было вознаграждено похвалой не кого иного, а именно мистера Хоуджа.

Остановив ее вечером в коридоре, когда Вилли уходила позднее обычного, он сказал:

– Мисс Делайе! Позвольте мне заметить, что вы являетесь первой женщиной, которая выполняет работу большую, чем просто секретарь. Мы заметили это. Вы продемонстрировали хорошую инициативу и знание основ юриспруденции. И это замечательно.

Он от души хвалил ее и отмечал ее способности. Затем, когда пыл его поостыл, он уже спокойно сказал:

– Я и мои партнеры будем более, чем польщены, если вы согласитесь поработать у нас будущим летом.

Придя на работу следующим утром, Вилли почувствовала недоброжелательный взгляд Бада, которым он проводил ее к рабочему месту. Он наверняка узнал о ее успехе за вчерашним ужином. Вилли не смогла сдержать довольную, с оттенком триумфа, улыбку и прошебетала обычное утреннее приветствие:

– Доброе утро, мистер Хоудж!

Лицо Бада потемнело, и стало очевидно, что он готовится к генеральному сражению.

До конца лета Вилли остерегалась, как бы хитрости Бада не застали ее врасплох. Но ничего такого не произошло. По крайней мере, она ничего не заметила. Когда мистер Хоудж пригласил ее в кабинет как раз перед "праздником профсоюзов", она терялась в догадках: неужели Бад скомпрометировал ее перед отцом? Неужели тот откажется от своего приглашения на следующее лето? Ее тревоги возросли, когда она обратила внимание на задумчивое выражение лица шефа.

– Мисс Делайе! – сказал он. – Перед тем, как говорить о вашем академическом образовании, я хотел бы побеседовать с вами о единственно непонятном мне за все время вашего пребывания здесь деле. Присаживайтесь, пожалуйста.

Вилли села напротив шефа. Оправдывались ее наихудшие предположения.

– Я, конечно, не могу помочь, – сказал он, – но мне хотелось бы понять, почему у вас сложились такие несердечные отношения с вашим напарником, моим сыном Бадом.

Не имея возможности что-либо отрицать, Вилли не проронила ни звука.

– Для адвоката, мисс Делайе, находить компромиссы и не портить отношений с людьми – это важнейшее профессиональное качество.

Вилли хранила молчание – ее шеф, кроме всего прочего, был отцом Бада.

– Молчание, конечно, может быть очень ценно в некоторых ситуациях, но я попрошу вас ответить на мой вопрос.

– Хорошо, – сказала она, – вы правы. У меня не сложились отношения с Бадом. Я была бы очень рада работать с ним, но он не желает этого. Он делал все, чтобы не дать мне работать, чтобы у вас обо мне сложилось превратное впечатление.

– А почему он так поступал? – Взгляд Хоуджа из-под золотой оправы очков казался неживым.

– Я не знаю, – ответила она правдиво. – Но я предполагаю, что мое появление он воспринял как вторжение на его собственную территорию. Или, может быть, ему не нравится видеть женщину, которая занимается тем же делом, которое он выбрал для себя.

Хоудж смотрел на нее как судья, оценивающий правдивость показаний подсудимого. Затем резко прервал ее:

– Спасибо, мисс Делайе. Благодарю вас за правду.

И это было все? Разговор был закончен без вопросов, без попыток выяснить подробности. Но, что бы она ни говорила, была уверенность в том, что Хоудж не будет симпатизировать ей, так как оппонентом был все же его сын. В Бостоне кровные связи были крепче цемента.

Вилли встала, собираясь выйти из кабинета. Она сделала шаг к двери и вдруг решила, что ей нечего терять, и сейчас она скажет шефу о своем собственном деле.

– Мистер Хоудж! – сказала она, обернувшись и уверенно подойдя к его столу. – Никем, кроме юриста, я быть не желаю. И я верю, что из меня получится хороший специалист. Я хотела бы поступить в Гарвардскую высшую школу, и я вынуждена просить вашей рекомендации. Я уверена, что вам наверняка известно положительное действие такого рода документов...

Хоудж опять посмотрел на нее неживым взглядом.

– Позволю себе еще раз повторить, мисс Делайе, – сказал он спокойно. – Я благодарю вас за откровенный разговор со мной. Всего хорошего.

Ответ Хоуджа на ее просьбу она получила вместе с зарплатой. На конверте была пометка: "Лично и конфиденциально". Внутри оказалась копия рекомендательного письма, которое он написал в приемную комиссию Гарвардского университета, в письме он характеризовал ее как яркую, инициативную и способную личность. И никакого упоминания о "темном пятне" – ее взаимоотношениях с коллегами, в частности, с его сыном, то есть о том, о чем он имел с

нею беседу. Рекомендательное письмо сопровождалось небольшой запиской, написанной от руки в характерном для него стиле.

"Моя дорогая Вилли! Посоветовавшись со своим сердцем и совестью, я признаю себя виновным в том, что всегда выполнял работу, связанную с защитой интересов своих клиентов, лучше, чем работу, связанную с воспитанием моего единственного сына. Я надеюсь, что вы не будете судить о дереве по его ветке, и желаю вам всего хорошего во всех ваших начинаниях.

Я должен, тем не менее, предупредить вас: если юридический факультет Гарварда будет так любезен зачислить вас в ряды своих студентов, вы можете встретиться с моим сыном, которому я имел честь написать почти такое же рекомендательное письмо, как и вам. Вы могли бы изменить отношения с нежелательным соперником, как и получить возможность приобрести некоторую внеклассную профессиональную подготовку в выбранной вами профессии.

С большим уважением

Боудлей Хоудж III".

ГЛАВА 6

За день до начала занятий в Гарвардском университете Вилли переменяла место жительства. Из комнаты в Редклифф, где она жила во время летней практики, когда работала в фирме "Звони и жди", она переехала в комнату на третьем этаже на Хенкок-стрит.

Благодаря письму Хоуджа III, ее без проблем приняли на юридический факультет.

Сейчас она стояла перед дверью своей новой комнаты и вставляла ключ в замочную скважину. Дверь внезапно отворилась изнутри, и перед Вилли предстала молодая женщина, высокая и ошеломительная. Худая, как борзая, тонкая, яркая, живая, чуть нервная, с вьющимися рыжеватыми волосами и темно-кариими глазами. На ней были изумрудного цвета брюки и сочетающийся с ними по цвету мохеровый свитер. Это, наверное, новая соседка по комнате, выбранная из первокурсников деканом, который занимался расселением студентов.

– Сюзи Паркер! – вырвалось у Вилли.

– Моя фамилия Паркмен. Сюзанна, – сказала девушка. – Только мой папа зовет меня Сюзи – я ненавижу это имя.

– Извини. Ты очень похожа на Сюзи Паркер, ты знаешь ее, модель..?

Сюзанна заулыбалась, затем рассмеялась сочным горловым смехом:

– В таком случае, вы прощены... Вилла. Входите и давайте знакомиться.

– Вы можете сразу называть меня Вилли...

– Вилли, да? – Сюзанна Паркмен остановилась с растерянным видом, как бы говоря, что это имя вполне могло принадлежать мужчине.

– Чувствуйте себя как дома, Вилли...

В комнате бросалось в глаза обилие мелочей и разнообразие красок. Сюзанна жила здесь уже несколько дней. Она превратила комнату в настоящую художественную галерею, повсюду стояли вазы с мексиканскими бумажными цветами, подобными тем, которые так искусно покрывают все пространство испанских платков и подушечек ручной работы.

– Мне это доставляет удовольствие, – сказала Сюзанна, наблюдая, как новая соседка рассматривает комнату.

– Я вижу это, – сказала Вилли, которая сама так мало занималась украшением своего прежнего жилища.

– Тебе не нравится моя декорация? – нетерпеливо спросила Сюзанна, зажигая сигарету, хотя одна уже лежала, дымясь, в большой пепельнице венецианского стекла.

– Здесь красиво, – успокоила ее Вилли. Сюзанна не расставалась со своей сигаретой. Несмотря на крепкие плечи, что-то говорило о хрупкости этой очень живой девушки и ее страстном желании понравиться. Это вызывало у Вилли покровительственное отношение.

Наблюдая, как Сюзанна заваривает чай, Вилли вспомнила Сюзи Паркер из журнала "Лучшее во всем".

Вилли давно считала себя человеком, лишенным всякого рода сентиментальности. Историю своей трагической любви она признавала делом безумным, уже законченным и вообще думала о себе, что она выше подобного рода увлечений.

Сюзанна накрыла стол для чая и поставила бутылку "Джек Дэниэл". Вилли отказалась от коньяка, а Сюзанна налила себе немного в чай.

– Не волнуйся, – сказала она. – Это в медицинских целях, чтобы развязался немного язык. Мы можем сейчас рассказать каждая о себе. Можно я начну?..

Она сделала глоток из чашки и, поджав ноги, устроилась на диване.

– Я воспитывалась вместе с четырьмя братьями. В детстве я старалась походить на них. Пока я была маленькой, отец считал, что я глупа, и пытался и меня в этом убедить. За все время, что я жила с ним, играя в футбол и разрывая джинсы, он ни разу не побаловал меня хотя бы куском сахара или еще чем-то сладким. Потом наступил трагический день.

Она замолчала, заново переживая свою драму.

– День, когда я из девочки превратилась в девушку. Мама, видимо, рассказала ему. А он, в свою очередь, сообщил моим братьям. Тут-то все и кончилось. Не было "больше футбола. Не было близости. Дома я чувствовала себя прокаженной.

Вилли увлеченно слушала. Сюзанна выглядела прекрасно и, видимо, была обеспечена. Вилли выглядела не хуже и тоже жила в достатке. Они были близкими и по духу.

– И вот поэтому ты поступила на юридический? – спросила Вилли. – Бороться против дискриминации?

– К черту! Нет. – Сюзанна потушила сигарету пожелтевшими от никотина пальцами. – Я только хочу доказать им, что я ничем не хуже, а может быть, лучше некоторых мужчин. Даже если я и не родилась пастушкой. Только один из моих братьев имеет мозги, достойные упоминания. Он собирался поступить на факультет океанологии. Отец был вне себя от гнева: "Какая польза от этого, сын?" – произнесла Сюзанна, всем своим видом и голосом явно подражая отцу. – "Это полный идиотизм, сын мой!" Во всяком случае, мой брат сделал, что хотел. И это принесло мне пользу. Я убедилась, что не наступает конец света, если вы делаете что-то против воли отца. Я не была убеждена, что поступок моего брата как-то повлияет на мою жизнь – ведь я, в отличие от него, женщина. Когда я сообщила отцу, что хочу учиться на юриста, старик отреагировал так, как будто я собираюсь привести домой мужа-еврея или сделать еще что-то из ряда вон выходящее. Я просто поставила его перед фактом, а он не воспринял это серьезно. "Чепуха, – выразился он. – Пустяки и чепуха".

– Расскажи о своей матери, – попросила Вилли.

– Моя мать никак не могла понять, почему я хочу жить не так, как она. Крепкий дом, неплохой достаток. Мери сама была из хорошей семьи и посвятила себя воспитанию детей, покорно выполняла все обязанности по дому.

Вилли подумала об амбициях Джинни. Ассоциация с тем, что рассказывала Сюзанна, была неслучайной.

– Может быть, это часть проблемы, – сказала она. – Матери хотят научить детей мыслить так же, как они.

Сюзанна закурила сигарету и отпила глоточек "целебного" чая.

– Я не представляю, что она сейчас думает. Впервые я сделала то, что никому из них не нравилось. Я должна получить профессию юриста, а потом...

– Что потом? – перебила Вилли.

Сюзанна посмотрела в окно на улицу с зарослями старых деревьев и старыми деревянными домами.

– Потом... не знаю, – призналась она. – Потом, если мне повезет, я наконец почувствую себя свободной, чтобы делать что-то еще.

Она посмотрела на Вилли и невесело улыбнулась.

– Буду делать все, что мне нравится.

Вилли этого не понимала. Большую часть ее жизни у нее была цель. Она постоянно проверяла себя, выбирая путь, который приведет ее к цели. Она не могла понять, почему Сюзанна Паркмен выбрала профессию юриста. Хотя подсознательно Вилли чувствовала, что скоро все выяснится.

– Почему ты так много куришь? – спросила она, когда Сюзанна вновь зажгла сигарету.

Девушка рассмеялась.

– Не знаю. Может быть, потому, что это очень по-мужски. Вначале я курила только "Кэмэл", они без фильтра. Но табак на языке вызывал у меня отвращение. Поэтому я переключилась на "Мальборо", стала курить с фильтром. Хотя мой брат говорит, что все сигареты такого типа отвратительны, но Джек – она покрутила глазами – я позволю себе иметь собственное мнение о нем... Сейчас Мой брат Тони...

Вилли слушала с увлечением, как Сюзанна болтала о своей семье, о маленьких эпизодах из жизни Паркменов и постепенно открывала для себя ее мир. У Сюзанны были отец с матерью, прекрасный дом и целый выводок братьев. Семья жила в Коннектикуте, лето проводила в Мэне, а зиму в Палм-Бич. Сюзанна наслаждалась достатком, но относилась к этой стороне жизни достаточно спокойно. Вилли чувствовала, что они в этом похожи. Сюзанна была такой же ищущей натурой, нетерпеливой, и она тоже не нашла пока своего места в жизни. Встреча с Сюзанной добавила Вилли опыта, и она думала, что дом и семья – это еще не формула успеха. Но о том, что же нужно для полного счастья, Вилли еще не имела представления.

Первый год учебы в университете оставлял мало времени на раздумья и философские размышления. Работа оказалась не настолько трудной, как это представлялось Вилли, но она занимала почти все время и не позволяла часто бывать дома.

В финансовом смысле Вилли стала меньше зависеть от Нила и больше не посылала ему просительных писем. Вскоре после начала семестра в деканате ей сообщили, что она будет получать стипендию,

учрежденную для женщин-юристов. Она с благодарностью приняла ее и написала маме короткую записочку, объяснив, что теперь не нуждается в денежной поддержке Нила.

Как раз перед Рождеством она ухватилась за случайно брошенное замечание Сюзанны, что неплохо было бы провести вместе каникулы, и напросилась на приглашение в Палм-Бич. Она придумала объяснения для Джинни, которые даже ей самой казались неправдоподобными. Она все больше замыкалась в себе и отдалялась от матери. А правда состояла в том, что она стремилась быть подальше от Джинни и Нила, пока не закончит университет и не начнет работать.

Когда пришла весна, она написала матери, что ей понадобится время, чтобы завершить неотложные дела. А когда наступило лето, она получила приглашение от самого Боудлея Хоуджа III снова поработать в конторе "Звони и жди".

Вилли скучала по матери и чувствовала себя виноватой из-за того, что бросила ее на попечение Нила, но ничего не могла с собой поделаться, вспоминая с отвращением его дом, который никогда не называла своим.

Вилли закрыла глаза, спасаясь от бликующих солнечных зайчиков, скачущих по Чарльз-ривер миллионами сверкающих осколков. Апрельский день выдался холодным. Но бесстрашная команда "Гарвардских темно-красных" скользила по ледяной воде, делая сильные, уверенные взмахи веслами. Усевшись на свою жилетку, Вилли нерешительно произнесла: "Ура, команда" и подула на оледеневшие пальцы. Сюзанна, ее соседка по комнате, а теперь еще и лучшая подруга, ответила, дымя тридцатой за день сигаретой: "Ура тебе". В этом сиплом голосе проскользнула ирония.

– Я думаю, что в этом стремлении мужчин испытывать боль и напряжение есть что-то генетически неправильное. Дай мне двойной "Джек Дэниэл" и сигарету без фильтра, и я покажу тебе, что такое настоящее мужество.

Вилли рассмеялась. Сюзанна все то время, что они были вместе, казалась ей находкой и глотком свежего воздуха. Она обладала даром ко всему относиться с юмором.

– Думаю, на этой неделе они победят, – сказала Вилли, наблюдая за быстрым движением гребцов.

– Кого, к черту, это заботит? – ответила Сюзанна. – Это ерунда! Эти парни ничего не потеряют, будем мы болеть за них или нет. Зачем нас должно волновать, выиграют они эти Глупые гонки или не выиграют? Волнует ли что-то их, когда мы сдаем статьи закона?

Ее голос стал громче, она как будто подражала судье, ведущему заседание.

– Или когда старый Фергюсон на "правонарушениях" обходится с нами подобно маркизу де Саду. Прольет ли хоть один из этих парней слезу, добиваясь руки девушки-студентки юридического факультета? Нет, моя дорогая, даю слово, нет.

Вилли улыбалась. Она любила Сюзанну такой вот, разговорчивой. Разговорчивость привлекала ее и в Шерил. Она уже научилась различать, когда их слова следует принимать всерьез, и знала цену сказанному.

Вилли и Сюзанна были очень разными. Но вместе они составили изумительную комбинацию, это сразу бросалось в глаза. Бледно-розовые цвета блондинки Вилли удачно дополнили яркие краски Сюзанны. Они обе не походили на большинство молодых женщин, которых можно было видеть на Гарвардской площади, или тех, что приезжали на выходные из Веллесли, Хоулиоки и других колледжей. Они гордились этой своей самобытностью.

– Самолет, на котором должна прилететь моя мать, будет в семь часов, – вдруг сказала Вилли. – Боюсь, что не успею встретить ее.

Сюзанна не была любопытной, но Вилли знала, что ее подруга удивляется, почему же она не навещает свою мать, о которой подолгу любит рассказывать.

Когда Джинни позвонила и сообщила, что собирается в Нью-Йорк, она дала понять, что хотела бы побывать также и в Бостоне. Вилли ухватилась за эту возможность побыть с матерью вдвоем. И сейчас она немного волновалась в ожидании предстоящей встречи.

– Ты не откажешься с нами пообедать? – спросила она Сюзанну.

Та взглянула на Вилли, удивленно подняв брови.

– Ты правда этого хочешь? По твоим рассказам я поняла, что твоя мать – леди-динамит. Неужели ты не хочешь побыть с ней наедине? Поговорить, что-то вспомнить?

– Ты права, поехали.

Они сели в темно-синий "крайслер", который Джордж Паркмен подарил дочери в день окончания колледжа, и отправились домой. Машина Сюзанне не нравилась, этот подарок ее даже разочаровал. Ей всегда хотелось иметь что-то спортивное, заметное. Типа "феррари" или "ягуара", подаренных отцом ее братьям. Свое разочарование она выражала, всячески ругая "крайслер".

– Получай, сукин сын, – ворчала она, пиная машину ногой или останавливаясь так резко, что визг тормозов разносился по всей округе.

Джинни ждала в "Хемпшир-хаус". Среди клубной мебели, традиционно обитой кожей с ее специфическим запахом, и ореховых панелей она походила на камелию в декабре. Джинни была в белом габардиновом костюме с горностаевым воротником. Образ "роковой женщины" мог быть заимствован из фильма с Джоан Кроуфорд в зените славы. Вилли про себя улыбнулась. Мама, конечно же, знала, как себя подать. Вилли заметила, что и света, благодаря Джинни, казалось больше, – она сама светилась ярче неоновой лампы.

– Мама, – произнесла Вилли нежно. Обняв ее, Вилли заметила, как похудела ее мать, какой она стала хрупкой и маленькой.

– Дай мне наглядеться на тебя, дорогая, – сказала Джинни, отстраняясь. – Господи! Если б тебе не пришлось в голову стать адвокатом, то, видит Бог, ты с легкостью могла бы стать моделью или кинозвездой.

Сидящий рядом мужчина при этом восклицании Джинни с интересом оглянулся. Он поставил стакан, приподняв очки, посмотрел на Вилли и сказал:

– Действительно, вы правы.

Вилли смутилась, усадила свою мать на стул и уселась сама спиной к выпившему господину. Заказали напитки.

– Как поживаешь, дорогая? Ты счастлива, все ли у тебя в порядке? Я так много думаю о тебе.

В словах Джинни было столько неподдельной обеспокоенности и искренности, что Вилли почувствовала угрызения совести.

– Со мной все нормально. А как дела у тебя? Как самочувствие? Как поживает Нил? Я очень беспокоюсь за тебя, мама...

Джинни взяла Вилли за руку.

– Давай об этом после. Расскажи мне лучше, что ты делала все это время и чем собираешься заняться. Как учится твоя подружка? Она симпатичная?

– Сюзанна замечательная. Она тебе понравится. Завтра мы можем пообедать у нас дома.

– Это было бы чудесно, – сказала Джинни, широко улыбаясь.

Но через мгновение она импульсивно произнесла: – Я не хочу, Вилли, чтобы что-то между нами осталось невыясненным. Ты вполне взрослый и самостоятельный человек, и твои взгляды уже сформировались. Но для меня ты всегда останешься ребенком.

Любовь в голосе Джинни тронула Вилли до глубины души. Но она вспомнила, что между ними стоял Нил. Она думала, почему с появлением мужчины все в их жизни повернулось вверх дном.

– Я тоже очень скучала по тебе, мама, – сказала Вилли. – Но я все еще не могу понять... как ты можешь... так жить.

Она испытующе посмотрела на мать. Она понимала, что Джинни не хочет обсуждать дела, которые так жестоко их разъединили. Но, в отличие от матери, Вилли не чувствовала необходимости в мужчине.

Джинни ответила осторожно.

– Все теперь обстоит по-другому, дорогая. Нил сейчас не такой... ты знаешь... этого больше нет.

Вилли скептически посмотрела на мать. Чем больше старела Джинни, тем сложнее становилось принимать ее взгляды.

– Но ты же его не любишь, мама. Разве это не так? Тогда почему же ты не уходишь от него. Это все из-за денег?..

– О, дорогая, почему же ты всегда задаешь так много трудных вопросов? Я не знаю... Нил и я, мы поженились. Женщинам, как я, необходимо быть замужем.

Она засмеялась нервным, каким-то извиняющимся смехом.

– Между прочим, это совсем не плохо – иметь деньги. Разве не так? Разве это не то, что дает возможность тебе и мне делать все, что мы хотим?

Вилли вскочила.

– Я могу найти на лето работу, настоящую, за которую прилично платят. Я могу взять студенческий заем. У тебя есть свой магазин. Как только ты покинешь Нила, ты сможешь жить на прибыль от магазина.

Джинни покачала головой.

– Я не знаю... Пожалуйста, дорогая. Мы не можем расстаться сейчас. Давай только... спокойно поужинаем. Я тебе расскажу о Нью-Йорке...

Вилли сдалась. Она никогда не поймет, почему мама говорит, что ей необходимо остаться с Нилом. Но у нее есть выбор – постараться изменить свою мать и сохранить ее или строить свою собственную жизнь отдельно. И чем меньше Джинни стремилась к спасению, тем очевиднее становилось решение Вилли.

Обед в маленькой комнате на Хенкок-стрит удался. Сюзанна поставила весенний букет из нарциссов, и приготовила жареного цыпленка с рисом. Джинни восхищалась интерьером и кулинарными способностями Сюзанны. А та, в свою очередь, восторгалась одеждой Джинни – черным, ладно скроенным вельветовым костюмом, расшитым золотом и бисером. Беседа шла гладко. Вилли с удовольствием слушала, как подруга развлекала ее мать рассказами, похожими на анекдоты, о своей юности в Дариене, штат Коннектикут. Никто не вспоминал о Ниле, только лишь раз Сюзанна упомянула своего отца. Когда настало время прощаться, Джинни поцеловала свою дочь и шепнула ей на ухо:

– У тебя правда чудесная подружка.

После того, как за Джинни закрылась дверь, Сюзанна, словно эхо, повторила комплимент в адрес Джинни.

– Сейчас мне ясно, от кого тебе досталась твоя замечательная внешность и талант. Если бы у меня была такая мать, как у тебя, я бы ездила домой чаще.

– Но дела дома обстоят не так просто, – сказала Вилли и, как бы между прочим, добавила: – Ты ей тоже понравилась.

– Означает ли это, что ты проведешь следующее лето в фирме "Звони и жди"?

– Они опять вызовут меня, – медленно произнесла Вилли. – Но меня это уже не устраивает. Я должна найти на лето лучше оплачиваемую работу.

– У тебя проблемы с деньгами? – спросила Сюзанна. – Если это так, я могу одолжить тебе.

– Спасибо, Сюзанна, – сказала Вилли. – Я благодарна за твое предложение, но собираюсь зарабатывать деньги сама.

Она сказала это с такой твердостью, что Сюзанне показалось, будто была произнесена своего рода клятва – не жить за чужой счет.

Сюзанна отступила назад и посмотрела на Вилли оценивающим взглядом.

– Как далеко собираешься ты зайти в своем желании заработать деньги?

– А у тебя есть предложения? – осторожно спросила Вилли.

– Кое-какие есть... Я думаю, это может заинтересовать тебя, если ты хочешь получить высокооплачиваемую работу на лето.

– Звучит заманчиво.

– Но я предупреждаю тебя, Вилли, что это будет связано с опасностью потери независимости. Как ты на это смотришь?

Вилли заметила озорной блеск в глазах Сюзанны.

– Скажи, что я должна буду делать?

– Ты должна будешь поехать со мной... и встретиться с моим стариком.

Вилли рассмеялась.

– Ты как всегда в своем амплу. Она обняла подругу.

– Вместе мы что-то придумаем.

ГЛАВА 7

– Полный вперед!

Сюзанна резко завела мотор, и машина сорвалась с места.

– Полный вперед! – согласилась с ней Вилли и стала напевать: – Никаких карандашей, никаких тетрадей, никакой зубрежки, скучных статей, никаких подозрительных учительских взглядов...

– Ура, Мэн! Наконец-то приехали! – закричала Сюзанна, сильнее выжимая газ.

– Потиши, потише, дорогая. Я еще слишком молода, чтобы умереть. Я еще не встретила твоего папочку и не имею летней работы.

– Но ты ее получишь, – пообещала Сюзанна. – Там достаточно работы, в Ренджели. И одно слово моего старика – это единственная рекомендация, которая тебе понадобится. Только не говори Джорджу, что нуждаешься в деньгах. Старик не верит, что можно кому-то помочь, кто действительно нуждается в помощи. Мы ему скажем, что ты хочешь работать, чтобы укрепить характер. Он клюнет на это.

– Что-нибудь я еще должна знать? – спросила Вилли.

– Если я скажу тебе – ты просто обалдеешь. Приготовься выслушать, по меньшей мере, два раза рассказ о том, как старый Джордж попал в Ренджели.

– А как старый Джордж попал в Ренджели? – заинтересовалась Вилли.

Сюзанна прочистила горло и зычно и весомо рассказала историю, как молодой Джордж Паркмен был приглашен с группой отобранных молодых экономистов председателем департамента Генри Франклином на четыре дня в глухомань.

– Доктор Франклин был героем и наставником для моего отца. Он автор книги о естественном и Моральном преимуществе капитализма как экономической системы. Он – классик в этой области. Устроившись с комфортом в своей деревянной хижине в Ренджеле, штат Мэн, а затем в небольшой курортной деревушке на восточной границе штата, доктор Франклин читал лекции своим протеже о значении творческого отдыха для коммерсантов.

– "Размышления на чистом воздухе, – говорила Сюзанна, подражая голосу отца, – важное средство добиться успеха для

удачливого мужчины. Этот процесс обычно хорошо протекает вдалеке от рынков, насколько возможно, ближе к природе". Молодой Джордж близко к сердцу принял это учение, – продолжала Сюзанна, – и как только отец взял его в свою брокерскую фирму на Уолл-стрит, он приобрел кусок земли близ озера и построил там себе убежище. Ему повезло, и он быстро нашел жену и стал производить собственных сыновей. Когда родилась дочь – Сюзанна, после трех сыновей, он воспринял это как знак прекратить воспроизводство.

Вилли не смеялась, почувствовав, с какой внутренней горечью Сюзанна закончила свой рассказ.

Дом Паркменов был настоящим произведением, отражающим вкусы своих хозяев, – огромное сооружение, возведенное из камня и дерева недалеко от озера, и занимающее не менее десяти акров. Построен дом был основательно и производил солидное впечатление, хотя ему и недоставало какой-то изюминки. Жена Паркмена, Трейс, – мать Сюзанны, тоже солидная и основательная, обставила дом прочным массивным и дорогим американским антиквариатом, однако многие вещи показались Вилли довольно безвкусными. В общем-то они отражали пристрастия семьи, состоящей в большинстве своем из мужчин.

Когда Вилли познакомилась с Джорджем Паркменом, она сразу же отметила про себя, что пародии Сюзанны, ее высмеивающие характеристики, изображающие отца старомодным и напыщенным, не так уж далеки от действительности.

Она последовала советам Сюзанны и не упомянула об истинной причине, когда говорила ему, что ищет работу на лето. Как Сюзанна и предполагала, ее отец согласился помочь Вилли. После достаточно долгих расспросов и удовлетворивших его ответов Паркмен позвонил Лестеру Роллинзу, владельцу роскошной гостиницы "Голубой окунь", чтобы узнать о работе для Вилли.

Сюзанна оказалась права, и просьба ее отца явилась достаточной рекомендацией для того, чтобы Роллинз согласился принять Вилли на работу на лето.

"Голубой окунь" понравился Вилли с первого взгляда – красивое белое здание, построенное в викторианском стиле. Сюда частенько наведывались любители поохотиться и порыбачить. Вокруг гостиницы раскинулся лес, вдали поднимались скалистые горы, которые навеяли

Вилли детские воспоминания о Южной Дакоте. Ей понравился и владелец гостиницы – маленький жилистый мужчина в очках, имевший облик хозяина из старинных времен, что соответствовало облику его гостиницы.

– Я буду платить вам сто двадцать пять долларов в неделю. Это достаточно большая сумма для наших мест. Плюс еще чаевые, которые вы будете получать независимо от меня. Если вам это необходимо, мы обеспечим вас комнатой и питанием.

Вилли подумала, что ее очень устраивает все, что предложил ей владелец гостиницы. Особенно комната и питание. Она сразу подумала о Сюзанне, и решила, что неплохо иметь какое-нибудь место, где можно укрыться особенно по выходным, когда все мужчины семьи Паркменов находились весь день дома.

Брат Сюзанны, Тони, как ей показалось, проявил к ней более, чем братский интерес, а вот Джордж определенно чувствовал себя гораздо лучше вне женского общества.

– Что я должна буду делать? – спросила Вилли у Роллинза.

– Ну, – протянул он. – Для начала, скажем, вы станете моей помощницей. Мастером на все руки. Будете стоять за стойкой, когда я не смогу этого делать. Помогать хозяйке и заменять официантку, когда это потребуется, ну, и поработаете на кухне, если возникнет необходимость помочь там. Когда вы не будете заняты всем вышеперечисленным, вам придется позаботиться о наших гостях-новичках, которые, возможно, захотят прогуляться или покататься верхом, или сходить на рыбалку. Справитесь?

Вилли быстро соображала. Благодаря Бену Каттоу она умела сидеть в седле. А остальному можно постепенно научиться.

– Да, – ответила она, решив, что справится. – Когда мне следует приступить?

– Я рад, что вы согласились. Тогда завтра в девять утра?

Вилли сообщила о результате своей беседы и горячо поблагодарила Джорджа Паркмена за его содействие.

– Рад помочь вам, Вилли. Это похвально, что вы желаете доказать себе, что можете работать. Но признаюсь, я не понимаю сейчас молодых женщин. Вы, красивая девушка, поступаете, как моя собственная дочь Сюзанна. Почему бы вам обеим не найти себе серьезных молодых людей и не освободить меня от заботы о дочери.

Вся ваша учеба на юриста – бессмыслица. Я должен сказать, что был против этого. И я не собирался платить за обучение Сюзи, нет. Только после того, как она сказала, что свою дурацкую затею будет оплачивать в кредит из состояния своего деда, я согласился и не отступаю от своего слова. Но я постоянно напоминаю ей, что все это никому не нужно... а время уходит и уходит...

Не дав возможности Джорджу до конца развить свою теорию о том, чем "хорошенькие девушки" должны заниматься, Вилли извинилась, объяснив, что устала, и пошла спать.

"Это просто подарок судьбы" – вот как думала Вилли о своей работе после первого дня пребывания в гостинице "Голубой окунь". Во время завтрака и ленча она обслуживала столы, затем, в полдень, она играла в ловитки с двумя двенадцатилетними подростками. Самым неприятным из всего, что ей пришлось делать, была уборка столов после обеда. Она была поражена той чудесной обильной пищей которая подавалась в гостинице в соответствии со вкусами каждого гостя.

На второй день ей пришлось заниматься несколько иной работой. Создавалось впечатление, что она нужна была везде и всем одновременно. И перед тем, как она, уставшая, собралась идти спать, Лестер сообщил ей, что в конце недели она должна быть готова к тому, чтобы повести желающих на рыбалку.

Вилли почти ничего не знала о том, как ловить, или правильнее сказать, удить, рыбу. Ее знания ограничивались несколькими самыми простыми приемами: насаживать на крючок наживу и забрасывать незатейливую удочку, которую делал отец, когда она была совсем маленькой. И она решила все разузнать о рыбалке. На следующий день она посетила местный магазин для рыболовов-любителей, где продавалось все им необходимое.

Вооружившись новой тетрадью и шариковой ручкой, она начала расспрашивать хозяина магазина о рыбной ловле. Несколько покупателей-зевак собрались вокруг красивой молодой женщины, которая, казалось, серьезно думает, что может научиться рыбной ловле по инструкции.

– Можете ли вы посоветовать мне, какую удочку лучше купить?

– Это зависит от того, какую рыбу вы собираетесь удить, – сказал хозяин, растягивая каждое слово.

Вилли не знала, что ему ответить.

– А какая рыба здесь водится?

– Прекрати, Чарли, – вмешался один из покупателей. – Посоветуй молодой леди купить восьмифунтовую удочку и недлинную леску. Я думаю, что эта вам больше всех подойдет, мисс, – обратился мужчина к Вилли. – Если вы начинающая, то лучше всего вам удить речную форель... или "пестрые спинки", можно "красные пятнышки" или "розовые плавники". Эта мелкая рыбешка весит меньше фунта. Ее можно неплохо приготовить. И вам не придется прилагать особого труда, чтобы поймать ее.

– Спасибо большое, – сказала она, записав все советы мужчины. – Я, пожалуй, возьму восьмифунтовую удочку, – обратилась она к хозяину.

– Какого типа вам, бамбуковую или пластиковую? Вилли вопросительно посмотрела на мужчину, который только что просвещал ее.

– Я люблю пластиковую, она легче, – ответил тот.

– Но у пластиковой нет души, – сказал кто-то позади нее глубоким приятным голосом.

Вилли повернулась и увидела высокого, стройного, хорошо сложенного мужчину. Он был одет в сорочку цвета хаки с дюжиной карманов, которые были набиты всякими принадлежностями, необходимыми для рыбной ловли. Лицо его, сильно загорелое, было красивым и мужественным, несмотря на небольшую вмятину, которая несколько портила линию носа. Нос был, видимо, сломан в уже давным-давно забытой драке. Его чистые серые глаза как-то по-особенному искрились.

– Выбирайте бамбуковую удочку, – сказал он, – она приятнее и удачливее.

Вилли была очарована им.

– Спасибо. Я возьму именно такую. Не смогли бы вы посоветовать мне, что еще нужно купить?

– С большим удовольствием, – засмеялся он. – Удочки и катушки с леской – это тело оснастки, а жуки – это поэтическая сущность ее. Подойдите сюда, – пригласил он и подвел ее к стеклянной витрине. – Вот здесь находятся так называемые сухие жуки. Наша местная форель, мне кажется, предпочитает "королевского навозного червя",

коричневого и жирного. Попробуйте их купить, – сказал он. – И прибавьте к ним немного анисового масла и жуков, вот этих, которые продаются здесь, их крылышки переливаются золотыми и серебряными огоньками. Я думаю, что на такую наживку пойдет и другая рыба.

Вилли все тщательно записывала в тетрадь.

– Все гораздо сложнее, чем я предполагала, мистер...

– Называйте меня Мэтт, – сказал незнакомец. Она подумала, что он, возможно, местный гид, – ведь он так хорошо знал о здешней рыбалке.

– Вилли Делайе, – представилась она. – Я очень благодарна вам за помощь. Но, вероятно, еще многому мне надо научиться. Не посоветовали бы вы мне почитать какую-нибудь книгу о рыбной ловле?

Мэтт кивнул головой. – У Чарли есть несколько книг. Они уже покрылись пылью, так как лежат здесь с незапамятных времен. Каждая из них научит вас основным правилам рыбалки. Но если вы хотите изучить ее глубже, то есть научиться большему, чем просто механически забрасывать удочку, пойдите в библиотеку и возьмите книгу Исаака Уолтона "Все о рыбной ловле". Она была написана в 1754 году, но я готов поспорить, что с тех пор никто еще не добавил к сказанному в ней ничего существенного.

Слушая Мэтта, Вилли подумала, что она действительно может получить большое удовольствие от этой своей обязанности.

– Мне бы хотелось узнать еще одну вещь...

– Спрашивайте, Вилли.

– Не смогли бы вы порекомендовать мне хорошее местечко для рыбалки?.. Где-нибудь недалеко от гостиницы "Голубой окунь"?

Мэтт подумал несколько секунд и сказал:

– Попробуйте в местечке "Три вдовы". Это примерно в миле от гостиницы. Если ехать от нее на юг, то как раз после "Уголка Уэсли". Вы узнаете это место – там три гранитных глыбы образуют треугольник.

Вилли снова его поблагодарила и пошла с покупками к кассе, расположенной у выхода. Когда хозяин пробивал чек, она увидела Мэтта, покидающего магазин и посылающего ей прощальный кивок

головой. Вилли была несколько разочарованна тем, что их знакомство было таким коротким.

Два дня спустя Лестер Роллинз нашел Вилли, когда она выгребала золу из большого каменного камина в гостиной. Он сообщил ей, что завтра она должна будет вывезти на рыбалку одного из клиентов. Вилли готовилась к этой рыбалке, насколько позволял ей насыщенный график ее работы. Однако чувствовала, что еще не достаточно хорошо подготовлена. Вечером она поставила будильник на пять часов и легла спать, моля Бога о том, чтобы ее клиент завтра поймал бы хоть какую-нибудь рыбу и чтобы ее неопытность в этом деле не была обнаружена.

На следующее утро Вилли натянула старые джинсы и шотландскую рубашку и обнаружила, что в этом наряде она похожа на сезонную рабочую. Вместе со своим гостиничным клиентом, бесстрастным, лишенным юмора коммерсантом из Нью-Джерси, она двинулась на юг от гостиницы через лес к чистой и быстрой реке, к тому месту, которое порекомендовал ей Мэтт.

Вилли взяла с собой несколько вкусных бутербродов и большой термос с кофе, уложив их в плетеную корзинку и надеясь, что это послужит небольшим утешением в случае, если им не удастся поймать рыбу. Она также надеялась на то, что благодаря снастям клиента, которые выглядели более сложными и дорогими, чем ее, рыбная ловля будет удачной.

– Как вам нравится это место? – спросил ее партнер, как только они увидели, что русло сужается, и течение становится бурным.

– Мне кажется, здесь неплохо.

Они еще не дошли туда, куда рекомендовал ей двигаться Мэтт, но Вилли согласилась остановиться здесь, видя, с каким нетерпением ее клиент жаждет попытать своего счастья.

К радости Вилли, мужчина знал, как обращаться со снастями, и не просил у нее помощи. Так что ей ничего не оставалось делать, как рассуждать о красоте окружающего их ландшафта и чистого неба.

Наблюдая за тем, как ловко он справляется со снастями, Вилли подумала, что неплохо было бы поучиться у него.

Мужчина терпеливо удил в течение двух часов, но ничего не поймал. Поэтому Вилли предложила ему ранний ленч, как заранее и планировала.

– Это место немножечко мудреное, – импровизировала она. – Иногда рыбы здесь так много, что она просто сама запрыгивает в вашу корзину, я имею в виду ведро, а иногда бывает, как, например, сегодня – ничего не ловится.

Она пыталась продлить ленч, но мужчина быстро проглотил свои бутерброды, сгорая от нетерпения снова попытаться удачи.

– Хорошо, – сказала она бодрым голосом. – Давайте пройдем немного подальше на юг. Я знаю одно загадочное место, которое называется "Три вдовы". Оно, конечно, сегодня тоже может быть неудачным, но стоит попробовать...

– Вы говорите "Три вдовы"? – переспросил клиент, очевидно, удивленный ее знаниями местной географии. – Звучит так, как будто это место просто создано для меня...

Вилли про себя улыбнулась. Они шли примерно с милей вдоль бурного потока, пока, наконец, не дошли до трех гранитных камней, о которых упоминал незнакомец из магазина. Тут же невдалеке Вилли заметила одинокого мужчину, удившего рыбу.

– Ну вот наконец мы и пришли, – сказала Вилли. – Я вижу, что кто-то уже опередил нас. Но я уверена, что рыбы здесь будет достаточно и для двоих.

Пока бизнесмен из Нью-Джерси возился со своими снастями, Вилли, не торопясь, направилась в сторону одинокого рыболова. Подойдя поближе, она без труда узнала поношенную шляпу и рубашку цвета хаки. Это был тот самый гид из магазина Чарли, и звали его, кажется, Мэтт.

– Еще раз привет, – воскликнула она, надеясь, что он не из тех фанатов, которые считают, что разговор во время рыбной ловли отпугивает рыбу. Он повернулся и тоже поприветствовал Вилли. Его серые глаза улыбнулись ей.

– Добрый день. – Вилли снова отметила про себя, какой приятный был у него голос. – Я вижу, что вы без труда нашли это место.

– Благодаря вашему описанию и совету.

– И вы не будете разочарованы. Это одно из моих любимых мест.

– Ну, и каков сегодня у вас улов? – спросила она. Он снова улыбнулся.

– Эх, – сказал он, – здесь больше удовольствия получаешь от самого процесса рыбалки, нежели от пойманной рыбы. Он забирает у

вас все ваше терпение, умение, реакцию и интуицию. И, на мой взгляд, "игра стоит свеч".

Вилли ничего не ответила.

– Я был бы рад, чтобы вы присоединились ко мне, если, конечно, вы не против, – продолжил он.

– Я не рыбачу. Я, если можно так выразиться, нахожусь здесь в качестве гида, – сказала она. – Я работаю в "Голубом окуне".

– Понятно. – Серые глаза Мэтта весело блеснули. Вилли смутилась и покраснела, и заговорила так тихо, чтобы ее голос не донесся до клиента, удившего ниже по течению.

– Это только часть моей работы. Но я не знаю толком, как ее выполнить. Однако я стараюсь научиться.

– Тогда позвольте я помогу вам. А заодно и тому джентльмену. Леска его, кажется, запуталась в камнях.

Вилли взглянула в сторону клиента.

– Господи! Мне придется воспользоваться вашей помощью... Но, понимаете, он-то думает, что я прекрасно знаю, что делать. Лучше все-таки пойти туда и разобраться во всем самой...

– Я вас понял, – успокоил ее Мэтт. – Обещаю вам, что ваша тайна останется между нами. Вот, возьмите...

С этими словами он извлек из своих многочисленных карманов новую катушку лески и протянул ей.

– Этот джентльмен, по-моему, пользуется шелковой леской. Она слишком капризна для новичка. Предложите ему вот эту – капроновую.

– О! Большое спасибо, Мэтт! – с благодарностью сказала Вилли и понесла леску своему клиенту.

– Та леска уже не годится, – тихо проговорил ей вслед Мэтт.

– Скажите ему, чтобы он продвинулся ниже по течению ярдов на десять – вон к тому большому дубу.

– А что, там лучше клюет? – спросила Вилли.

– Не имею понятия, – рассмеялся Мэтт. – Просто, так мне легче будет наблюдать за ним.

Несколько последующих дней Вилли следовала инструкциям Мэтта. Клиентов из гостиницы она приводила на то самое место, которое указал ей Мэтт. Он всегда был невдалеке, давая ей полезные советы.

– Собираясь на рыбную ловлю, всегда старайтесь одеться во что-нибудь темное. Хаки для этого – самый лучший цвет. Свет не должен отражаться от одежды. И будьте осторожны, чтобы ваша тень не падала на воду.

Он еще много рассказывал ей об этой местности, чтобы расширить ее кругозор гида.

Вилли хорошо себя чувствовала здесь. Солнечный свет и свежий воздух были чудесны после долгих месяцев, проведенных в классных комнатах и библиотеке. Ей был интересен ее новый знакомый – Мэтт. Поначалу она предположила, что он местный рыболов или гид. Однако, познакомившись с ним поближе, стала замечать, что манера его поведения несколько не соответствует предполагаемым занятиям.

– Как вы занялись рыбной ловлей? – спросила она его однажды, – Это ваша основная профессия?

– Нет, Вилли, – ответил он с улыбкой. – Хотя уверен, что многие так думают.

Вилли хотелось побольше узнать об этом человеке, который чувствовал себя на природе как дома, но в то же время не был похож на сельского жителя. Но она боялась показаться назойливой.

Когда к концу недели он неожиданно пригласил ее провести с ним выходной день, она была удивлена, но в то же время подумала, что это неплохой шанс узнать о нем побольше. Она приняла его предложение.

Вилли расценивала его как приглашение на дружескую встречу. Но когда, проснувшись в воскресенье утром, стала одеваться, то заметила, что непроизвольно уделяет больше внимания, чем обычно, своей прическе, макияжу и с особой тщательностью подбирает рубашку к джинсам. Хотя Мэтт и был, конечно, по-своему привлекательным мужчиной, как, скажем, Кэрри Грант, но ему было, наверное, около пятидесяти.

Это смешно, сказала она сама себе, чувствуя при этом, что приводит себя в порядок с явным желанием понравиться, подчеркнуть все свои достоинства.

Позавтракав, она вышла в условленное время на крыльцо гостиницы. Через несколько минут подъехал "кадиллак" 1947 года выпуска, из которого вышел Мэтт и бодро взбежал по ступенькам ей навстречу. Он приветствовал ее легким поклоном.

– Вы уже готовы?

Когда они спускались по лестнице к машине, она заметила любопытные взгляды и шепот за спиной. Может быть, ей не следует ехать с ним? Или эти утренние зеваки считают их влюбленной парочкой? А вдруг Мэтт замешан в каких-нибудь скандальных историях? Она решила постараться выяснить это.

– Чем бы вам хотелось заняться сегодня? – вежливо поинтересовался Мэтт. – Порыбачить? Сходить куда-нибудь? Или просто побродить по окрестностям?

– А можно всего понемногу? – нерешительно ответила она. – Ведь я плохо знаю эти места.

И хотя Мэтт не спрашивал ее, она рассказала о том, как приехала сюда на лето к Паркменам и как по ее просьбе Джордж устроил ее на работу в гостиницу...

– Значит, вы гостите у старины Джорджа? – усмехнулся Мэтт с таким видом, будто знал все о Джордже Паркмене.

Подъехав к маленькой расчищенной полянке, он остановил машину.

– Я хочу показать вам мое озеро, – сказал он. – Это спокойное место, и там есть сокровища, каких в наши дни осталось немного во всем мире. Но вы должны обещать мне, что не станете показывать его приезжим.

– Слово разведчика... – сказала Вилли. – Этого достаточно.

Мэтт повел ее через лес по длинной извивающейся среди деревьев тропинке. Он шел таким широким шагом, что Вилли приходилось почти бежать, чтобы поспеть за ним. Тропинка все не кончалась и, не выдержав такого темпа, Вилли взмолилась:

– Помедленнее, пожалуйста, а то я выдохнусь раньше, чем мы дойдем до озера.

– Извините, – сказал он, замедляя шаг. – Я не хочу, чтобы вы выдохлись, потому что тогда не сможете рассказать о себе. Чем вы занимаетесь, когда не работаете в гостинице?

– Я учусь в Гарвардском университете на юридическом факультете.

Мэтт удивленно посмотрел на нее.

– Я просто поражен. Должно быть, вы большая умница.

– Это очень мило с вашей стороны так считать...

– Это на самом деле так. Закон – это всегда поле сражения. Для женщин оно было недосыгаемо. Теперь все меняется. Но новаторы должны всегда быть лучше и крепче остальных и обладать мертвой хваткой. Я подозреваю, Вилли, что вы владеете этими качествами. Упорство и целеустремленность написаны на вашем лице.

Обычно Вилли не нравилось, когда ее хвалили подобным образом, но слова Мэтта звучали иначе. Ей было приятно их слышать.

– Можно спросить, почему вы выбрали именно юридический?

Рассказывая ему о себе, Вилли заметила, что делает это спокойно и непринужденно, открывая ему даже больше, чем обычно новым знакомым.

– Супружеская жизнь моих родителей закончилась плачевно, – рассказывала она. – Я стала свидетельницей того, какая несправедливость ожидает женщин, обратившихся в суд. И я уверена, что это происходит потому, что, как вы и сказали, большинство адвокатов и судей – мужчины. Если я стану адвокатом, я думаю, что смогу помочь женщинам, подобным моей маме. А таких по стране – тысячи и тысячи.

– Это очень благородно, Вилли, – сказал Мэтт, и она почувствовала его искренность. – Но позвольте мне напомнить вам слова Оливера Уенделла Холмса, обращенные к молодежи: "Это законный суд, молодые люди, но не суд закона!" Казалось бы, комбинация одних и тех же слов, но как меняется смысл в зависимости от их последовательности. Вы сможете лучше служить вашим клиентам, если поймете смысл и различие этих словосочетаний и приложите все усилия, чтобы служить именно законному суду.

– Вы так хорошо разбираетесь в праве. Случайно, вы не адвокат?

– Был когда-то, – мрачно заметил Мэтт. – Но сейчас я не практикую. Обычно я не рассказываю об этом, но...

Вилли ждала, что Мэтт продолжит, но тот молчал, внимательно разглядывая ствол дерева. Потом неожиданно сказал:

– Посмотрите на эту длинную цепочку муравьев, она свидетельствует о том, что мы сильно наэлектризованы и нас ожидает магнитная буря.

– Что это значит?

– Муравьи... они являются природным барометром. Когда они ползут, как сейчас, можно не сомневаться, что будет магнитная буря.

Мэтт все больше заинтриговывал Вилли. Интересно, почему он не практикует как адвокат? Он шагал по тропинке так энергично и не был похож на человека, который сдался. Может быть, его лишили адвокатской лицензии? Несмотря на то, что она была знакома с ним только неделю, она могла поклясться, что этот человек не способен на темные дела. Так что же произошло? Возможно, он занялся другим делом, что позволило ему проводить свои дни на лоне природы.

– Вот мы и пришли, – сказал он, когда лес кончился. Перед ними сверкало гладью в своей первозданной красе озеро Мэтта.

– Это и есть мое сокровище, не разрушенное и не загрязненное человеком.

В воздухе пахло сосной и жимолостью. От земли веяло прохладой. Вилли почувствовала себя невыразимо умиротворенной, находясь под мощным обаянием этого удивительного человека, который так много обо всем знал. Обычно всегда готовая спорить и мало что принимающая на веру, теперь она с удовольствием позволила Мэтту наставлять себя.

Сидя на двух больших камнях у берега озера, они бросали в прозрачную воду камешки, любовались причудливыми водорослями, среди которых сновали небольшие рыбешки. Их беседа была легкой и непринужденной, как между старыми друзьями.

Он немного рассказал о себе. О том, что родился в семье среднего достатка в Сент-Луисе и что интерес к природе пришел к нему в молодости, когда он оставил работу в юридической конторе и занялся альпинизмом и исследованием пещер. Бродить в темных глухих лабиринтах гор – это то же самое, что скитаться по лабиринтам закона. С одной лишь разницей – первые лабиринты создаются природой, вторые – человеком.

Вилли слушала его с нескрываемым интересом. Он открывал ей совершенно новые вещи, о которых она никогда не задумывалась раньше. А она, в свою очередь, рассказывала ему о себе куда больше, чем кому бы то ни было. Но, конечно же, не все. Даже несколько утратив свою обычную осторожность под влиянием первозданной природы, она все-таки старалась сохранить свои тайны.

Во второй половине дня, когда солнце стало клониться к закату, Мэтт предложил вернуться к машине и немного перекусить.

– Насколько мне известно, Кэт приготовила еды достаточно, чтобы накормить целую армию. Но я так проголодался, что съел бы за две. Вы сами убедитесь в этом.

Он засмеялся, довольный своей шуткой. Кэт? Жена? – размышляла Вилли. – А может быть, сестра? Но почему, собственно, ее должно волновать, кем приходится Мэтту женщина, приготовившая еду? И почему бы ей просто не спросить его об этом?

Ленч оказался настоящим сюрпризом. Вилли думала о сэндвичах, но, вопреки своим ожиданиям, увидела мясо, паштет, фрукты, французские булочки, превосходное вино, а также скатерть в клеточку и такие же салфетки. От долгой прогулки на свежем воздухе в компании Мэтта она сильно проголодалась. И энергично принялась за еду.

Когда они закончили свой ленч, он аккуратно собрал все остатки и закопал их в землю.

– Дань матушке-природе, – сказал он. – А сейчас настало время провести первое занятие. Вы ведь собирались учиться. Хотя можете продолжать вводить в заблуждение ваших клиентов и дальше, как это делали до сих пор... Но, в конце концов, рыбачить не так уж трудно научиться.

Мэтт достал рыболовные снасти и наладил две удочки. Свою любимую, цвета красного дерева, с темно-синей леской и позолоченным крючком он предложил Вилли.

– Это удочка Хейвса, – объяснил он ей, когда они подходили к воде. – Великолепная вещь, сделанная в 1925 году. У нее есть душа, которая чувствует каждое биение вашего сердца, наполняется вашими мыслями и желаниями.

Хотя Мэтт объяснял, как устроена удочка, Вилли, даже не глядя на нее, почувствовала в его словах более глубокий смысл. Он, взяв ее за руку, стал показывать, как пользоваться снастью, а Вилли, полуобернувшись, смотрела на него, чувствуя прикосновение сильных и уверенных рук. Красивое лицо, думала она. И поймала себя на мысли, что он уже не кажется ей человеком в возрасте.

– Большой палец прижимайте сверху... Вот так, правильно. Чуть подальше. Левую руку держите так, тогда вам будет удобнее забрасывать.

Старательно следуя его указаниям, Вилли отвела удочку в сторону и забросила крючок в воду.

– Bravo, – воскликнул Мэтт, – молодчина, Вилли! Давайте попробуем еще раз. Только на этот раз постарайтесь тверже и увереннее держать руку.

Хотя Вилли считала рыбную ловлю бесполезной потерей времени, тем не менее она была полностью поглощена своим первым опытом. После того, как она несколько раз забросила удочку, Мэтт сказал, что теперь они могут перейти к следующему занятию. Он повел ее к тому месту, где река впадала в озеро.

– Будьте осторожны, – сказал он. – Не ударьтесь о скалу и старайтесь не шуметь, чтобы не распугать рыбу.

Около часа они молча, сидя рядом, удили рыбу. За это время Мэтт поймал только две маленькие форели, но всем своим видом показывал, что, если быть терпеливым, придет черед и больших.

Спустя еще десять минут Вилли почувствовала, что у нее клюет. Леска то натягивалась, то ослабевала.

– Поймала, – в волнении вскрикнула она, забыв о предупреждении не шуметь.

Она стала быстро сматывать леску на катушку, удочка словно взбесилась в ее руках.

– Я поймала, помогите мне, Мэтт, я не знаю, что мне делать.

Он от души смеялся, наблюдая ее неловкие движения, и, когда она подала ему удилище, показал, как снимать с крючка рыбу.

– Это чудесно, – сказал он с восхищением, – ваш первый улов, Вилли! Как я завидую вам. Нет ничего лучше чувства, испытанного впервые.

Они поудили еще некоторое время, но, несмотря на то, что Вилли больше ничего не поймала, она была вполне довольна результатом. Она теперь знает кое-что о рыбной ловле и больше не будет чувствовать себя рядом с клиентами гостиницы такой неопытной.

После того, как Мэтт поймал еще три рыбы, более крупные, чем прежде, он сказал:

– Я думаю, на сегодня достаточно. Солнце уже садится, и нам здесь делать нечего. Я попрошу вас немного потерпеть, прежде чем покажу, как разделывать эту чудесную рыбу и готовить ее. Может быть, вам захочется сделать то же самое для ваших гостей.

Мэтт расчистил место под деревом, выложил кругом камни и стал разжигать костер. С ловкостью опытного путешественника он почистил рыбу, включая и ту, что поймала Вилли. Потом аккуратно нанизал ее на металлический прут и пристроил его на камни. Он принес из машины два бензиновых фонаря и зажег их.

– Для уюта, – объяснил он. – Кроме того, они помогут увидеть, когда наш обед будет готов.

Вилли прислонилась к дереву и, прикрыв глаза, вдыхала чистый, пьянящий аромат леса, мешавшийся с запахом жарившейся форели.

– Приятного аппетита, – сказал Мэтт, подавая ей кусок французской булки с форелью, которую своими руками поймала Вилли, и бокал с вином.

Это было похоже на праздник.

– Слушайте внимательно, Вилли. Слушайте звуки ночи...

Она прислушалась. Таинственная тишина ночной прохлады нарушалась только стрекотанием сверчков, кваканьем лягушек и шумом реки.

– Вы ходили когда-нибудь в поход? – спросил Мэтт.

– Нет... Никогда.

Мэтт кивнул, и в мерцающем свете ламп она заметила, что он, такой мужественный и красивый, внимательно разглядывает ее.

– Никогда не поздно набираться опыта. Каждый костер нуждается в своей волшебной истории.

– А знаете ли вы хоть одну из них?

– Целую дюжину, – сказал он, усмехнувшись. – Эти волшебные истории у костра здесь, в Мэне, один из видов искусства. Но можем позволить себе вспомнить только достоверные истории штата. Они, по крайней мере, охватывают три поколения.

Вилли весело рассмеялась.

– Я говорю серьезно, – запротестовал Мэтт, хотя она заметила, что он улыбается.

– История, которую я расскажу вам, чтобы развлечь, связана с Хайремом Чарльзом – негодяем по всем статьям. По крайней мере, таким он был первые тридцать лет своей жизни. Потом он встретил Сару Ли Уинтерс и поступил с ней так, как это делают подонки, воспользовавшись любовью женщины. Любовь у них, между тем, не складывалась просто...

Чувствуя себя уютно в тепле, исходившем от тлеющего костра, Вилли внимательно вслушивалась в приятный, сильный тембр его голоса, рассказывавшего историю. Для нее это было приятным завершением славного дня.

Она лишь один раз почувствовала неловкость – в тот момент, когда выходила из машины у гостиницы.

– Спасибо, – с искренней благодарностью сказала она. – Спасибо за один из лучших дней в моей жизни.

Вырвавшиеся слова озадачили ее, но она знала наверняка, что это правда.

– Можем повторить... Я на несколько дней уезжаю.

– Куда вы собираетесь? – спросила она и тут же смутилась от своей бестактности.

– Честно говоря, я хочу использовать мою удочку в другом месте. И когда я вернусь, мы сможем вместе провести ваш выходной день.

– Мне бы хотелось этого.

Она быстро заснула, чувствуя удовлетворение от хорошо проведенного дня, и последняя ее мысль была о том, что она даже не знает полного имени Мэтта.

ГЛАВА 8

Все последующие дни мысли Вилли были заняты Мэттом. Где он, что делает, один или с кем-нибудь. На третье утро, когда она взяла "Нью-Йорк таймс", которая регулярно доставлялась в гостиницу, она сразу наткнулась на статью, напечатанную на первой странице.

"Верховный суд – за правительственный запрет". Это оказалась статья о деятельности бывшего агента ЦРУ. Говорилось в ней о том, что Верховный суд Соединенных Штатов, собравшись на специальную сессию, большинством голосов, а именно четырем из пяти, поддержал предписание, запрещающее бывшему сотруднику ЦРУ печатать свои мемуары. Как говорилось в газете, эти мемуары содержат несколько довольно щекотливых глав, подробно описывающих кое-какие методы работы агентов, что может оказаться вредным для радикально настроенной молодежи, в частности, для студентов колледжей и университетов, которые могут взять эти методы на вооружение. Суд указал, что публикация такого рода материалов является антиконституционной и расценивается как разглашение государственной тайны. Согласно всем этим соображениям, суд отказывает экс-агенту в праве на свободу слова в данном конкретном случае.

В статье приводилось полностью решение суда, подписанное судьей Мэтью Хардингом. Текст решения был взят в рамочку, и рядом была напечатана фотография того, кто подписал этот документ. С фотографии на нее смотрело лицо Мэтта...

– Почему вы не сказали мне? – без преамбул спросила она, помахав газетой перед ним, когда он пришел навестить ее в гостиницу.

Он рассмеялся, показывая всем своим видом, что доволен ее реакцией, – она разгадала его маленький обман.

– Простите меня, Вилли, – сказал он. – Не берите в голову... Я люблю свою работу, и примите это за обыкновенную плоскую шутку старого Мэтта.

– Я не могу сказать про вас, что вы старый, также, как не могу сказать о шутке, что она плоская.

Независимо от того, был ли он в своей обыкновенной одежде или в мантии судьи Верховного суда страны, он оставался для нее самым

лучшим, самым умным и интересным человеком из всех, кого она когда-либо встречала. Он приехал, чтобы пригласить ее снова провести выходной вместе. И она согласилась.

Но теперь, когда они гуляли по лесу или ловили рыбу, любопытству Вилли не было предела. В течение всего дня она приставала к нему с вопросами о делах в суде, о которых много слышала. Законы, составлявшие основную часть ее образования, выглядели сейчас чудесными и живыми, потому что Мэтт воплощал их. Он формулировал и интерпретировал их и делал это с таким мастерством, что она была просто поражена. Судья Хардинг стал для нее более интересным, чем "старина Мэтт". Он был ближе для Вилли, лишенной свойственных ее матери фантазий.

Когда он на этот раз привез ее вечером в гостиницу, она не стала ждать от него нового приглашения, а предложила сама:

– Мы встретимся в это же время.

– Я ни за что на свете не пропущу эту возможность.

Так случилось, что вторник стал днем их свиданий. Они встречались каждую неделю, и ни один вторник не был похож на другой. Даже если они ходили по одному и тому же маршруту. Беседуя с Мэттом, Вилли всегда открывала что-то новое и полезное для себя. Развлекая ее, Мэтт подражал голосам некоторых птиц и животных, которыми был полон лес. А ночью он называл звезды и созвездия, сверкающие над ними в бархатном небе. Вилли чувствовала, что с каждым разом все больше привязывается к нему.

Когда Сюзанна позвонила ей и спросила, почему она так давно не заходит к ним домой, она сослалась на большую загруженность работой.

– Тони спрашивает о тебе, – подчеркнула Сюзанна.

Вилли ответила с явным безразличием. Сюзанна рассмеялась.

– Я не виню тебя, но мне очень хочется, чтобы ты чаще бывала со мной у меня дома. А что касается того, что мой брат имеет виды на тебя, то тут я ни при чем. Извини за то, что тебе приходится так много работать в "Голубом окуне". Хочешь, я попрошу своего старика поговорить с Лестером, чтобы он дал тебе, наконец, выходной?

– Нет, не делай этого, – поспешно сказала Вилли. – Все не совсем так, тебе не за что извиняться. У меня есть выходные, но я пытаюсь их

использовать с пользой для дела. Например, один из них я посвятила изучению окрестностей.

– Уф! Как это утомительно и скучно. Разве не лучше позагорать на пристани или поплавать в озере? Ведь это намного интереснее.

– Мы обязательно это сделаем, я тебе обещаю.

Как долго тянулись рабочие дни по сравнению с теми, что она проводила с Мэттом! Она ждала их так же, как дети ждут Рождества. Однако она не хотела думать о себе как о ребенке. Вилли знала, что она привлекательна, она часто ловила на себе восхищенные взгляды и слышала реплики насчет своей внешности. Она была несколько удивлена тем, что Мэтт не замечает этого, хотя знала, что нравится ему. Он был старше нее, но с того дня, когда они впервые встретились... Разница в годах постепенно перестала иметь значение. Время, когда они оставались вдвоем, было чем-то особым и личным, хотя они проводили его на природе так же, как и в первый раз:

Как-то в начале августа, когда Мэтт в очередной раз проводил ее до гостиницы, она сказала ему.

– Лето кончается, а я еще не видела, где вы живете. Не хотите ли показать мне это место?

– Да, хочу, – сказал он, немного подумав. – Очень хочу! Пообедаем вместе в следующий вторник? Я заеду за вами в семь.

Вилли ждала этого дня словно праздника, придавая ему большое значение. Она дважды пересмотрела свой летний гардероб, пока не остановила выбор на черном в полоску, без плечиков сарафане и накидке в тон ему. Она собрала волосы на затылке и выбрала бриллиантовые сережки, подаренные ей мамой и Нилом в день, когда ей исполнился двадцать один год. Во время прогулки с Мэттом по окрестным лесам Вилли одевалась гораздо проще. Сейчас же она тщательно занималась собой.

Когда Мэтт появился в гостинице, она заметила, что он также уделил своей внешности больше внимания, чем обычно. Вместо потертой одежды на нем были выглаженные брюки и спортивного покроя рубашка.

– Вы прекрасно выглядите, Вилли! – сказал он.

– Спасибо, – ответила она.

Она была благодарна за комплимент, потому что комплименты обычно делают женщинам, но не детям.

Дом Мэтта был расположен на дальнем берегу "его" озера. Теперь уже "их" озера. Хотя этот дом был примерно такой, как дом Паркменов, выглядел он иначе. Светлые комнаты с огромными окнами, из которых открывался чудесный вид. Стены выкрашены в светло-голубой тон, отчего комнаты казались просторнее и выше. В той комнате, куда он ввел ее, мебели было мало, но вся она была антикварной. Вместе с тем Вилли почувствовала, что эта мебель не просто куплена в антикварном магазине, как это сделал Паркмен, но каждая вещь имела свое значение и смысл как и все, чем окружал себя Мэтт.

Он представил ей свою домохозяйку – Кэт Иохансен, привлекательную женщину лет пятидесяти. Вилли улыбнулась про себя, раскрыв тайну, связанную с именем Кэт. Женщина приветствовала Вилли вежливым "хелло" и холодным оценивающим взглядом.

– Как ароматно пахнет! – сказала Вилли. – Держу пари, что обед будет таким же вкусным, как и все Приготовленные вами завтраки. Мэтт угощал ими меня.

Она хотела, чтобы домохозяйка знала, что Мэтт делился завтраками именно с ней.

– Жареное мясо с зеленым горошком и спагетти, – сказала Кэт. – Одно из любимых блюд судьи.

– Давайте, я покажу вам свой сад, пока совсем не стемнело, – предложил Мэтт.

Сад располагался за домом – цветник в английском стиле. Здесь в изобилии росли цветы, среди которых Вилли обнаружила неизвестные ей сорта герани и лилии. Все цвело и благоухало. Она остановилась у самого куста.

– Какой прекрасный цвет! Я никогда не видела такого.

– Это особый сорт ноготков. Я посадил их прошлым летом. Это их первое цветение.

Вилли восхищенно покачала головой.

– Вы сами занимаетесь разведением цветов? Где вы находите для этого время?

– Всегда можно найти время для вещей, которыми интересуешься. Не так ли?

– Я вижу, у вас широкий круг интересов, вас увлекают такие разные вещи.

Вдруг она задала ему вопрос, который вертелся у нее на языке с того момента, как она вошла в дом.

– А как давно здесь служит мисс Йохансен?

– Около девятнадцати лет, – ответил он с улыбкой. Конечно, он догадался, поняла Вилли, что этот вопрос вызван не простым любопытством. – Кэт начала у меня работать в тот год, когда умерла моя жена. Она больше, чем просто домохозяйка. Кэт – хороший друг. Настоящий друг. Она всегда говорит мне правду, в отличие от других, которые хотят лишь казаться правдивыми.

Вилли не могла с уверенностью сказать, что она почувствовала после такого ответа. Что имела в виду Кэт, когда официально назвала Мэтта судьей? Была ли это простая вежливость, или она хотела подчеркнуть, что Вилли слишком молода для него?

– Посмотрите на мою гордость, – сказал Мэтт, подзывая ее к помидорным грядкам. Он заботливо, внимательно и с любовью рассматривал плоды, висящие на кустах. – Поглядите на это чудо. – Он сорвал созревший красивый помидор и понес его на кухню. Здесь все сверкало чистотой. Кухня была оборудована всем необходимым.

– Порежь его в салат, Кэт, – сказал он.

Блюдо с жареным мясом выглядело на редкость аппетитно. Оно было украшено зеленым горошком, салатом и ароматной свежей зеленью.

Накрыв на стол, Кэт удалилась, но ее незримое присутствие сильно ощущалось в комнате.

Чувство Вилли к Мэтту очень отличалось от испытанного ею ранее. Это было не похоже на то физическое влечение, которое разбудил в ней Джедд. Ее не пронизывало словно током, как это было, когда она встречала его. Напротив, с Мэттом она чувствовала себя уверенной и сильной. И немного изумленной. Несмотря на свое влечение к нему, она не испытывала страха. Она была уверена, что, если он обнимет ее, она откроет ему объятия с радостью, без сомнения и испуга.

Вилли с удовольствием приняла от него бокал с бренди, который он предложил ей после обеда, когда они устроились у большого, почти

во всю стену, пылавшего камина, и Мэтт поставил пластинку с "Временами года" Вивальди.

Устроившись на низенькой скамеечке у камина и поджав под себя свои длинные красивые ноги, Вилли ждала, что Мэтт присоединится к ней. Но, включив стереопроектор, он сел в кожаное кресло и откинулся на спинку, прикрыв веки. Он сидел так, с удовольствием слушая музыку, пока пластинка не закончилась.

Вилли подумала, что вечер получился приятным, но чуть более официальным и менее интимным, чем дни, которые они проводили на лоне природы.

Мэтт посмотрел на часы.

– Может быть, проводить вас в гостиницу? – предложил он, но Вилли не сделала ни одного движения, чтобы встать со скамеечки.

– У меня еще есть время, – сказала она и опустила голову, чтобы скрыть краску, заливавшую ее лицо.

– Спасибо, Вилли... за то, что вы сказали это.

Мэтт подошел к ней и поцеловал в макушку. Вилли смутилась еще больше.

– Спасибо? – повторила она. – Я не горшок жаркого вам передала, Мэтт. Мне так хотелось поговорить еще. А этими вещами я не занимаюсь – вы знаете...

– Я уверен в этом, – сказал он, мягко погладив ее по голове. – Поэтому я и предложил вам вернуться в гостиницу. Лето – замечательное время года, Вилли. Оно очаровывает нас своей зеленью и зрелостью. Мы все полны надежд и обещаний. И полюбить, кажется, так легко. Очень легко. Но мы забываем, что к концу лета все начинает постепенно увядать и исчезать, и возникает большая дистанция между нами и теми, с кем мы вместе проводим время...

Вилли поняла, что Мэтт не хочет делать того шага, которого она ждала от него. Но не могла понять – почему. Может, он считает ее слишком молодой? Или он в очень вежливой форме намекает ей о более существенном – об их различном положении в обществе? Он был сильным и влиятельным человеком, а она, несмотря на свои способности, всего лишь студенткой, и, следовательно, находилась лишь в начале своей карьеры.

– А что, если все это – неправда. Насчет лета... Если оно не последнее, и...

– Милая, прелестная Вилли! – вздохнул Мэтт. – Вы неправильно меня поняли. Я умею любить, но я запрещаю себе любить вас, потому что боюсь потерять вас...

Его слова поразили Вилли. Мэтт желал ее. Но он хотел еще чего-то, что она вряд ли сможет дать кому-то.

Она встала и позволила ему укрыть ее плечи накидкой. Они вместе направились к машине.

– Для меня это больше, чем просто хороший вечер, – сказал он, когда они подъехали к гостинице. – Я послезавтра собираюсь в Вашингтон. Но я хочу, что вы знали, что я очень дорожу дружбой с вами. Я не хочу потерять вас, Вилли. Вы согласны со мной?

Он обнял ее и крепко прижал к себе. Закрыв глаза, она слушала ровное биение его сердца. Случилось то, что она не раз представляла себе. Сильный и скрытный мужчина, который, казалось, никогда не сможет обидеть ее...

Но вместе с тем она знала, что это чувство пройдет, как только уйдет Мэтт. И завтра она снова станет сама собой.

ГЛАВА 9

В последние дни лета лес все еще оставался зеленым и душистым, а озеро – холодным и кристально чистым.

После отъезда Мэтта вторники стали пустыми. Вилли очень скучала. Она снова навестила лес и "их" озеро. Но все очарование этих мест ушло вместе с Мэттом. Ведь он постоянно открывал секреты своих сокровищ.

Поэтому, когда Сюзанна предложила провести у них День профсоюзов, Вилли не стала отказываться и с удовольствием приняла ее приглашение. Она обрадовалась случаю развлечься в шумной компании, хотя вполне могла обойтись и без ухаживаний Тони.

Внешне он был очень похож на свою сестру, но на этом их сходство и заканчивалось. У них было совершенно противоположное мировоззрение, в чем Вилли убедилась, познакомившись с ним поближе. У Тони были свободные взгляды на секс. Когда Вилли отвергла его притязания, он не подумал, что неинтересен ей. Он даже удивился, что она не воспользовалась такой прекрасной возможностью побыть с ним наедине.

– Мне показалось, что у тебя кто-то появился, – сказала ей Сюзанна, когда они загорали на причале.

– Когда?

– Когда ты исчезла из моего поля зрения этим летом. Я представляла тебя с великолепным экземпляром мужского рода, с которым ты шумно веселишься под звездами.

– Нет, – ответила Вилли. – Никаких шумных веселий этим летом не было.

– Плохо. Я, например, познакомилась на прошлой неделе с одним парнем из Йеля... Он приятель Джека. Хочешь верь, или нет, но он действительно мил. Хо! Хо!

– Так в чем же дело?

– Скука начинается в двенадцать часов... Все разбегаются по своим домам.

Быстрым движением Сюзанна вскочила на ноги и прыгнула в озеро, оставив Вилли на растерзание Джорджа Паркмена.

– Ну как, нравится вам работа в гостинице? – спросил он.

– Да, очень. Спасибо еще раз за вашу помощь.

– Больше никаких благодарностей... Я надеюсь, вы запомнили то, что я сказал вам насчет работы женщин. Вы не можете позволить себе тащить ношу, посильную лишь для мужчин.

Вилли находилась сейчас не в том настроении, чтобы скрыть свою досаду.

– Не хотите ли вы сказать, что я скоро надорвусь от напряжения?

Джордж ответил ей язвительной улыбкой.

– Сейчас вы напомнили мне мою дочь, которая говорит точно так же. Ничего подобного я не хотел сказать. Просто существуют определенные законы природы.

Он указал на своего сына Тони и сказал:

– Этот парень имеет прекрасное будущее, Вилли. И мог бы составить девушке неплохую партию.

– Я уверена в этом, – сказала Вилли, поднимаясь на ноги и добавляя с язвительной улыбкой: – А сейчас извините меня, мистер Паркмен. Лучше этой девушке войти в воду и охладиться.

Вернувшись к учебе, Вилли почувствовала облегчение. Она снова приступила к своим обязанностям, к работе, которую любила больше всего на свете. Мэтт позвонил в гостиницу на следующий же день после приезда и повторил свое обещание не терять ее. На прощание он пожелал ей всяческих успехов. Этот звонок еще раз напомнил ей о дистанции, разделявшей их, и о совершенно разном образе жизни, о чем он, как ей показалось, намекнул ей во время их последнего разговора. Он находился в Вашингтоне и принимал решения, которые могли так сильно повлиять на судьбы многих граждан страны. Он лишь не принял того единственного решения, которое могло изменить его собственную судьбу.

Сейчас, будучи студенткой третьего курса, она должна была выбрать узкую специализацию в изучении права. Следует отметить, что за прошедшие два года, помимо усердного изучения общего курса права, она принимала активное участие в студенческой жизни факультета. Как лучшая из десяти студентов своей группы, она получила возможность стать штатным сотрудником престижной газеты "Гарвард Лоу Ревью" и, кроме того, войти в состав студенческого так называемого "Спорного суда", где студентами в театрализованном виде демонстрировалось действие того или иного

закона, со всеми поправками к нему и другими нюансами. Сценарии процессов писались самими студентами, и они же сами выносили решение. Для Вилли не прошли даром часы, проведенные вместе с Мэттом. Она чувствовала себя уверенно на таких заседаниях и понимала, что в этом узком пространстве, ограниченном университетскими стенами, для нее нет ничего невозможного.

Это оптимистическое настроение сохранялось у нее до тех пор, пока она не побывала в офисе "Гарвард Лоу Ревью". Там оно моментально испарилось, поскольку она увидела Бада Хоуджа собственной персоной. Одетый, как и его отец, несколько консервативно, он широко улыбался, разговаривая с редактором, видимо, стараясь завоевать его расположение. Когда он заметил Вилли, его улыбка стала еще шире.

– А вот и пропавшая мисс, которая так и не нашла время посетить "Звони и жди" этим летом.

У Вилли не было настроения разговаривать с ним.

– Я вас только об одном попрошу, Хоудж – припрячьте свои стрелы для другого случая.

– А что вы здесь делаете, разрешите узнать? – спросил он, и улыбка сошла с его лица.

– Я здесь, потому что со вчерашнего дня состою в штате этой редакции, – холодно ответила Вилли.

Бад нахмурился.

– Я слышал, что вы также являетесь членом студенческого суда?

– Верно, – бросила она, забавляясь его недоброжелательностью. Конечно же, он был уверен в своем превосходстве – у него был хороший шанс сделать карьеру в редакции. Но Вилли и не собиралась конкурировать с ним здесь. У нее были другие планы в отношении редакции.

– Не слишком ли это сложно для вас, прекрасная женщина? – спросил он с сарказмом. Его выпуклые глаза зло смотрели на нее. – У древних греков есть слово, точно определяющее чрезмерную гордыню, – высокомерие, вот как это называется. И они предупреждали кое-кого, что...

Вилли перебила его:

– Да, это было высокомерие, которое сокрушило даже сильных и могущественных царей. Они замахивались на слишком многое, но что-

то не помню у греков, чтобы и царицы страдали этим недостатком.

Бад смотрел на нее некоторое время испепеляющим взглядом, потом резко повернулся на каблуках и ушел.

Ее щеки покраснели румянцем от одержанной победы. Она смотрела ему вслед и думала о том, как он похож на старого Бада. Как он старался одержать верх, но получилось наоборот. А в общем-то, стоит ли игра свеч...

Вилли знала, что как воспитанницу Гарвардского университета ее могут пригласить самые престижные фирмы страны. Имея в своем послужном списке работы в "Лоу Ревью" и студенческий суд, она могла надеяться сначала поработать некоторое время судьей, а потом, несмотря на то, что она женщина, заняться адвокатской практикой. Она не собиралась всю жизнь прозябать в пыльных библиотеках и жаждала практической деятельности. Чем труднее, тем лучше. И делать все лучше других. Вот чего ей хотелось. Это было совсем не то, что было на уме у Бада Хоуджа.

Однако Бад был не единственным, кто указывал ей на то, что она замахнулась слишком высоко, начав работать и в газете, и в студенческом суде.

– Ты сошла с ума, – говорила ей Сюзанна.

– Не больше, чем ты! – отвечала ей Вилли, яростно барабаня на пишущей машинке. Она печатала статью. – Но я все равно не вижу поддержки от своей соседки по комнате. Хоть небольших аплодисментов.

– Аплодисменты будут после того, как ты с треском провалишься! – сострила Сюзанна.

– Звучит прекрасно.

– И точно. Вилли обиделась.

– Ты думаешь, я занимаюсь всем этим, чтобы быть на виду? У тебя, и у всех остальных? Ты считаешь меня выскочкой?

– А то нет? – поддела ее Сюзанна, но потом лицо ее приняло серьезное выражение. – Господи! Я понимаю, как важно доказать самой себе, что ты можешь справиться с трудностями. Я сама стараюсь делать это всю жизнь. Но сколько это стоит усилий! Я много думала последнее время об этом... Сколько хорошего я лишилась только потому, что столько времени уделила борьбе со своей семьей... Может быть, и ты много времени тратишь на пустую борьбу?

Вилли чуть не сказала ей, что она рассуждает, как ее отец, но вовремя сдержалась. Она почувствовала разочарование. Она ждала совсем другого от своей подруги. "Ты права, Вилли! Покажи этим сукиным детям, на что способны женщины!" – вот слова, которые ей хотелось бы от нее услышать. Но сейчас она уже не сомневалась, что не услышит их от Сюзанны никогда.

Но Вилли не собиралась останавливаться. Ни за что! И, если не окажется новых причин для борьбы, у нее в запасе всегда будут старые.

Этой ночью она написала письмо Мэтту, подробно рассказав ему о своих делах. Она была немного взволнована своими успехами. Она вспомнила, как однажды Мэтт ссылаясь на цитату из книги Браунинга: "Человеческим достижениям нет предела, так же, как его нет у неба".

Когда она вложила письмо в конверт, то подумала, что ее успехи, о которых она так подробно написала Мэтту, произведут на него впечатление. Она хотела выглядеть в его глазах не просто подающей надежды студенткой, а более значительно. Эта мысль немного смутила ее.

Она вертела письмо в руках, думая, отсылать его или нет. Потом положила его на полочку перед зеркалом, где оно пролежало два дня. Вилли подумывала, не написать ли ей письмо заново, без такого вознесения собственных успехов, но, в конце концов, решила отослать его в первоначальном варианте.

Хотя они и расстались как друзья, Вилли чувствовала, что ее тянет к нему. Она старалась подавить в себе разочарование и даже ревность, когда видела на газетных фотографиях его в сопровождении красивых светских дам. То же самое она испытывала, когда в статьях о нем читала, что он, будучи холостяком, является объектом пристального внимания со стороны многих женщин города.

Ответ на свое письмо, который она вскоре получила, был краток, написан в несколько официальном тоне, и, в основном, касался общих тем. "Вы бросили вызов самой себе, но не забывайте временами останавливаться, чтобы понюхать цветочки на обочине дороги". Лейтмотивом письма была мысль о том, что опыт приходит с годами, и ей надо набраться терпения, не спешить и много работать.

Разочарованная, она скомкала письмо и бросила его в угол. Она долго ворочалась в постели без сна, потом встала, разгладила письмо и

прочла его опять. Он пытался отдалиться от нее, это чувствовалось, но, возможно, это был единственно верный путь. Она бросила вызов, и от нее потребуются огромные усилия, чтобы добиться поставленной цели.

Курсовая работа, которую она писала в этом году, была ненамного сложнее прошлогодней. Но редакторы "Лоу Ревью" требовали от нее гораздо большего, чем все профессора, вместе взятые. Для начала ей было поручено провести юридический анализ статьи, то есть проверить правильность ссылок на те или иные законы и достоверность инцидентов. Работа была ей под силу, но скучна и трудоемка.

В то же время как член "Спорного суда" она должна была выступить вместе со студентами из Бостонского университета. Когда консультант факультета вручил ей ее роль, она с ужасом прочла ее. Дело было связано с некой гипотетической школой Клары Бартон в некоем гипотетическом городе Хулистере. Школьная образовательная система базировалась на том, что преподавание вели исключительно женщины. Школе было отказано в кредитовании со стороны государственного совета по делам школ. Несогласная с таким решением, школа Клары Бартон подала иск. Дело было проиграно, и школа подала прошение в апелляционный суд. Вилли предлагалось выступить против апелляции школы. Ее первой реакцией была мысль, что она не может согласиться участвовать в этом процессе. Как могла она выступить против дела, в которое верила. Просмотрев документ, который ей предложили, она подняла глаза на консультанта Лоуэла Б. Шарпа, нервного старого холостяка, который лишь писал свои книги и никогда не практиковал.

– Есть проблемы, мисс Делайе? – спросил он не без ехидства. – Наверняка вам потребуется помощь...

Вилли прекрасно понимала, что он имел в виду. Она не сомневалась, что Шарп специально для нее отобрал это назначение. Но, если она откажется от него сейчас, ей не дадут другого. Консультант сделал именно то, что всегда делали ее профессора: ставили ей всяческие препоны, потому что она была женщиной, играли на ее гордости.

– Нет проблем, – заявила она, оставляя Шарпа. Его усмешка будто говорила, что он с удовольствием посмотрит, как Вилли провалится на

суде. Ей не с кем было поделиться своими горестными мыслями. Даже Сюзанна все больше отдалялась от нее и казалась погруженной в собственные проблемы.

Но как бы тяжело ни было, Вилли всегда старалась не подавать виду. Она говорила себе, что все идет к лучшему.

Дело, которому она решила себя посвятить, было ее жизнью, и она имела все для того, чтобы добиться успеха.

Потом позвонил Мэтт.

– Ты собираешься домой на Рождество? – спросил он.

– Не думаю, – ответила она. Если она останется на каникулы здесь, то сможет спокойно доделать работу, которой была завалена в будни.

– Тогда у меня есть к тебе предложение. Пара деньков здесь, в Вашингтоне, а потом Рождество в Джорджии...

Приглашение явилось для нее неожиданностью и обрадовало ее. Побывать в Вашингтоне... увидеть своими глазами Верховный суд... Замечательная перспектива провести каникулы. Но она чувствовала какую-то неловкость, ведь она будет с самим Мэттом, представителем высшей касты правосудия. Другое дело, когда они были на природе в Мэне...

– Алло! Нас прервали?

Вилли испытывала противоречивые чувства.

– Нет... просто, я задумалась. У меня много работы, которую я рассчитывала сделать за каникулы...

– К черту работу! У нас еще будет много времени для этого. Поехали, Вилли, пожалуйста... – После паузы он добавил, – я ужасно по тебе соскучился.

Его последние слова все изменили.

Водитель Мэтта встретил Вилли в аэропорту. Это сразу напомнило ей, что она приехала в гости не к простому смертному, а к Верховному судье. Когда она увидела, что в лимузине никого нет, она почувствовала обиду. Неужели Мэтт поступил "благоразумно?" Может, он не хотел, чтобы их увидели вместе в таком людном месте, как аэропорт? Во всяком случае, в Мэне он так не поступал.

Этот вопрос мучил ее всю поездку до дома Мэтта в Джорджтауне. Его жилище представляло собой типичный для Джорджии особняк – красный кирпич и белые ставни. В правом крыле находился огромный

гараж, в котором скрывалась целая коллекция автомобилей Мэтта: желтый "паккард", серебристый "бентлей", редкий бордовый "хисиано-сюзи" и блестящий черный "кадиллак", на котором он ездил в Мэне. Несмотря на то, что снаружи особняк имел величественный и элегантный вид, внутри он просто пленял своей роскошью, изяществом и теплотой. Как и сам Мэтт. Мягко отсвечивало дерево антикварной мебели, а цвета восточных ковров были сочные и живые.

В холле навстречу ей торопливо вышла Кэт Иохансен.

– Мэтт прислал свои извинения, – сказала она, принимая у Вилли пальто. – Он находится на заседании суда по какому-то сложному делу и сказал, что оно, возможно, надолго затянется.

– Спасибо, мисс Иохансен, – Вилли никак не могла заставить себя называть домохозяйку по имени, Она помнила, каким взглядом смотрела на нее эта красивая женщина, которую Мэтт считал своим другом.

Кэт провела ее на второй этаж в очень милую комнату для гостей. Здесь были светлые стены, стояла кровать из красного дерева под балдахин. На ней лежало стеганое покрывало.

– После того, как вы приведете себя в порядок, вы могли бы спуститься вниз на чашечку венского кофе. Мэтт очень любит его в холодные вечера...

Распаковав свои вещи, Вилли неторопливо приняла душ. Надела вельветовые слаксы и мягкий, под цвет им, ангорский свитер. Перевязала волосы на затылке вельветовой лентой и продела в уши золотые сережки. И сошла вниз по ступенькам, покрытым мягким ковром. Оказалось, что Мэтт уже пришел. Они с Кэт сидели перед потрескивающим огнем, смеялись, потягивая кофе.

Пока Мэтт не заметил ее, была возможность понаблюдать за ними. Оба чувствовали себя по-домашнему уютно и удобно. Заметив Вилли, Мэтт поднялся и пошел ей навстречу.

– Вилли, дорогая! – он искренне обнял ее. – Идите сюда и попробуйте неподражаемый кофе, который готовит Кэт.

– У вас прекрасный дом, – сказала она. – И у него есть определенный характер.

– Почти такой же, как у меня, а? О том, что у меня есть определенный характер, говорит пресса. Я приношу извинения, что поздно увидел вас, Вилли. Надеюсь, мы отметим встречу за обедом.

Она наблюдала за Мэттом в этой новой для себя обстановке. Он выглядел другим в черной куртке, белой крахмаленной рубашке и бордовом галстуке, хотя манеры его оставались прежними. В этой традиционной для себя среде, несколько официальный, он подавлял ее, казался могущественным и менее доступным, чем в лесах Мэна. Она мечтала вернуться с ним туда, ловить форель, стоя по колени в воде. Там, пожалуй, только там, они были в волшебной сказке, где возраст и положение не имели никакого значения.

Обед был сервирован в гостиной, отделанной красным деревом. Обеденный стол и стулья в стиле времен королевы Анны. Мягкий свет, сквозь хрустальные призмы люстры падающий на георгианское столовое серебро. Кэт подала превосходное блюдо из жареного ягненка, обложенного молодой спаржей и тоненькими ломтями жареного картофеля, и салат из свежих овощей. Перед десертом Вилли и Мэтт прошли в его кабинет, где ярко пылал камин. Кэт принесла сыр и вазу с фруктами и покинула их. Вилли устроилась у камина, собираясь насладиться сочной грушей. Тихая музыка Генделя, которую включил Мэтт, расслабила ее. Рассказывая анекдоты о своих коллегах в суде, Мэтт держался более свободно и раскованно. Причем, он каждый раз предупреждал, чтобы она никому не рассказывала, что услышит, а не то его "брата" снимут с него шкуру.

– Расскажите мне об этом месте в Джорджии, – попросила она. – Какое оно?

– Небольшой островок земли... Очень живописный, сохранился в первозданном виде. Друзья предложили мне воспользоваться их домом на время нашей поездки. Мы сможем ловить рыбу и охотиться на уток.

– Охотиться на уток? – переспросила она и сморщила разочарованно лоб. – Как вы можете заниматься этим, столько рассказывая о природе?

Мэтт рассмеялся и взял ее за руку. – Охота на уток такая же естественная вещь, как и ловля рыбы.

Ответ не убедил Вилли.

– Я все еще думаю, что нехорошее дело – охотиться ради спортивного интереса.

– Не делайте поспешных выводов, – сказал он. – Дайте убедить вас. И если все-таки у меня не получится это, позвольте напомнить, что по натуре я человек добрый и гуманный. – Он внимательно

посмотрел на нее. – Благодаря моей работе, вы видите во мне идеального, величественного и безупречного человека. Боюсь вас разочаровать, Вилли, но я, прежде всего, человек, а потом уже тот, кем делает меня мое положение.

– Постараюсь понять, – сказала она обиженно. И это прозвучало у нее как у восьмилетнего ребенка, которому Волшебная фея не подарила пасхального зайца.

– Означает ли это, что я могу вновь завоевать ваше доверие?

– Это зависит от того, как вы будете себя вести.

– Хорошо, обещаю, что завтра мы будем обсуждать только высокие темы. Утром мы пойдем в суд, а ленч проведем в кафетерии Сената.

Вилли была умиротворена. Обещания Мэтта было достаточно, чтобы вызвать улыбку на ее лице.

Но Мэтт оставался Мэттом. Когда пришло время ложиться спать, он поцеловал ее в щеку и пожелал спокойной ночи. Она лежала под толстым стеганым одеялом и старалась представить, что чувствовала бы, если бы рядом лежал Мэтт, обнимал и согревал ее страстными поцелуями. Она заснула под впечатлением этих видений, желая, чтобы они воплотились в реальность, так же, как ребенок желает попасть на звезду.

ГЛАВА 10

Проходя через мраморный холл Верховного суда, Вилли почувствовала благоговейный трепет, подобно альпинисту, взобравшемуся на вершину горы. Более того, идя рядом с Мэттом, она сама попала в ауру того уважения, которое он вызывал, – у штата суда, сновавших клерков и посетителей. Она почти чувствовала силу, которое излучало и само это место. Было видно, что что-то очень важное и срочное вынудило людей прийти сюда даже в эти предрождественские дни.

Когда они с Мэттом вошли в его кабинет, Вилли наконец-то увидела перед собой того мужчину, которого впервые узнала на фотографии в газете, а в статье Уинслоу Хомера и Эдварда Хоуппера прочитала, что он "сложная приманка".

Когда Мэтт представлял ее своей секретарше, Вилли почувствовала тот же испытующий взгляд, каким удостоила ее его домоправительница Кэт. Мэтт, несомненно, пользуется успехом у женщин, подумала она, смущаясь от этого открытия.

– Остальной штат распущен на каникулы, – сказал он. – Может быть, вы познакомитесь с ними в другой раз.

Это обещание обрадовало Вилли, как и возможность позавтракать в кафетерии Сената.

– Еда удовлетворительная, хотя все остальное оставляет желать лучшего, – заметил Мэтт.

Вилли была с ним не согласна. Она едва заметила простую мебель вокруг себя и еду, стоящую перед ней, потому что все ее внимание было направлено на людей в кафетерии. То здесь, то там она видела женщин. Их было мало среди множества мужчин, внимательных и сильных. Законодателей. Среди них были люди, известные как умные, полезные, честные. Подобно Мэтту они могли влиять на жизни тысяч, а то и миллионов людей.

– Ваш ленч остынет, – сказал Мэтт.

Вилли кивнула, все еще находясь под впечатлением увиденного.

– Извините, что я так пристально рассматриваю окружающих.

Мэтт рассмеялся.

– Я рад, что вы довольны ленчем, хотя едва попробовали еду.

– Извините, – повторила она. – Мне о столь многом хотелось поговорить. Я...

Она замолчала с открытым ртом, будучи не в состоянии произнесете следующего слова, ее взгляд остановился на знакомом лице. Человек, сидевший за столиком в противоположном конце помещения и разговаривавший с другим мужчиной, был Джедом Фонтана, как всегда красивым и уверенным. Наклонясь над столом, он беседовал с Гаррисоном Фаиргейтом, сенатором-республиканцем из Монтаны. Увидев Джеда, Вилли покраснела от смущения и рассердилась на себя за это. Она все еще помнила желание и страсть, которые испытывала в его объятиях той длинной ночью, и боль и разочарование, которые последовали за этим. Только одного вида Джеда достаточно, подумала она, чтобы испортить ожидаемый праздник. Что привело его сюда?

Тут же она нашла ответ на этот свой вопрос. Сенатор Фаиргейт был лидером оппозиции, выступающей в Сенате против законопроекта, того законопроекта, который, без сомнения, расшатает "империю" Сэма Фонтана и будет помехой его абсолютной власти на этой земле. Он будет бороться против этого законопроекта, используя все имеющиеся в его арсенале средства.

Итак, здесь был Джед, во всем своем блеске, высокомерный, богатый, каким она всегда его знала. Он передавал поручения Сэма и даже, наверное, его приказы, сенатору Соединенных Штатов. Сцена эта наполнила Вилли отвращением.

Она повернулась к красивому, элегантному мужчине, который сидел за ее собственным столом. Мэтт обладал всеми качествами, которых не было у Фонтана. Честный. Скромный. Воспитанный. В его руках власть имела настоящую силу. Он ее конструктивно и целостно использовал, всегда поддерживая ценности, в которые верил, и никогда не употребляя в своих личных интересах.

Она принялась за свой ленч, желая побыстрее с ним разделаться и покинуть это место. Меньше всего ей хотелось, чтобы Мэтт и Джед встретились. Ей не хотелось бы отвечать на вопросы, которые, конечно же, возникли бы в глазах Джеда и которые, естественно, появились бы у Мэтта о характере их отношений. "Совсем, кстати, не таких, каким бы они ему на первый взгляд могли показаться", – думала она сердито.

– Хотите еще кофе? – спросил Мэтт.

– Нет, спасибо. Я желаю еще раз увидеть вашу библиотеку...

В этот момент она заметила, что сенатор Фаиргейт поднялся, пожал Джедду руку и направился к группе коллег, которые собрались в одном из уголков. Вилли отвернулась, надеясь, что Джедд пройдет мимо их столика, не заметив ее.

– Вилли! Какой замечательный сюрприз!

Она повернулась к нему с холодным выражением лица, которое говорило, что эта встреча не желательна для нее и что она больше не испытывает к нему никаких чувств.

– Хелло, Джедд, – сказала она, не делая никаких попыток представить его Мэтту.

Но Джедда это не удивило, он проигнорировал ее взгляд и протянул руку Мэтту.

– Меня зовут Джедд Фонтана, – сказал он. – Я друг Вилли из Палм-Спрингс. Большая честь для меня познакомиться с вами, судья.

– Я рад знакомству со всеми друзьями Вилли, – ответил любезно Мэтт. – Не хотите ли вы составить нам компанию?

Нет, молилась про себя Вилли, оставь меня в покое. Пожалуйста, уходи!

Но Джедд уселся рядом.

– Я не могу передать вам, какая это честь для меня, – сказал он по-мальчишески весело. – Я так преклоняюсь перед вашими взглядами, сэр... Как вы решаете спорные вопросы и...

– И выступаете за принятие законопроекта, – сердитая Вилли вмешалась в разговор, внезапно предположив, что Джедд смог бы воспользоваться положением Мэтта для устройства грязных дел своего отца. – Судья выступает за принятие законопроекта. Ты согласен с его позициями по этому вопросу?

Джедд безмятежно принял ее нападение.

– Я преклоняюсь перед человеком, который отстаивает свое мнение, независимо от того, совпадает оно с моим или нет. – Он посмотрел на Мэтта. – Возражаете ли вы против этого, судья Хардинг?

– Никаких возражений, – согласился Мэтт с улыбкой. – Я не новичок в подобного рода ситуациях.

– Так вот почему ты здесь! – Вилли как бы предъявила обвинение. – Приехал, чтобы узнать, примут законопроект или нет? Тебя обычно

ничто не интересует, кроме благополучия вашего семейства. И законопроект волнует постольку, поскольку он затрагивает интересы вашей семьи.

Наступила неловкая тишина. Мэтт долго и упорно смотрел на Вилли – ее щеки горели, злой взгляд метал искры. Затем Мэтт посмотрел на Джедда, который весь сжался под натиском Вилли, стал как-то меньше, и острее выдавался у него подбородок и плечи. Мэтт глянул вокруг, кому-то кивнул и встал.

– Извините меня, – сказал он. – Судебные дела... Вилли посмотрела на Джедда.

– Как я хочу, чтобы ты исчез из моей жизни. Сейчас ты испортил мне ленч.

– Почему? – запротестовал он. – Ведь не из-за меня у нас все так сложилось. Ты думаешь, что это по моей вине?

– Я просто выразила свое мнение о тебе и твоём отце, – сказала она.

– И что это значит? Она тут же ответила:

– Что ты тот, кто заботится только о себе, своих собственных интересах, манипулятор... гранд, совсем как твой отец.

Ответ Вилли заставил его улыбнуться, он всегда так реагировал, когда она злилась.

– Разве это так плохо? Гранды, если ты хочешь знать, построили эту страну. Америка всегда имела необходимость в них, в нас, если тебе так хочется отнести меня к этой компании. Мы тут все сделали.

– И вас никто не остановит, даже если вы позволите себе нарушить закон, – горячо сказала она.

Джедд снова улыбнулся.

– Я не вижу никого за этим столом, кто бы был правонарушителем. Лучше надо изучать закон.

Вилли посмотрела через голову Джедда и увидела вопросительный взгляд Мэтта из противоположного конца кафетерия. Она встала.

– Я думаю, судья Хардинг уже освободился. Я попросила его показать мне библиотеку, поэтому я не буду терять время, а пойду изучать закон, следуя твоему совету.

– Вилли, подожди! Не уходи так, – он сжал ее руку. Улыбка исчезла, темные глаза стали серьезными. – Нет вероятности, что я тебя

встречу снова. Мне нужно видеть тебя... Одну, я хочу с тобой поговорить.

– Нет, – быстро ответила она. – Нам не о чем с тобой говорить.

Одна только мысль о том, чтобы снова встретиться с Джеддом, привела ее в трепет. Она могла обойтись без него и всю мощь чувств, которые пылали в ней, превратить в злость на него. Она не хотела больше рисковать теперь, когда ее жизнь без него стала намного легче.

– Я не позволю тебе так поступать, – упрямо сказал он. – Я не отпущу тебя, пока ты не согласишься встретиться со мной. Давай пообедаем вместе.

– У меня другие планы на обед.

Джедд внимательно посмотрел в аквамариновые глаза Вилли, затем бросил взгляд в конец помещения, где Мэтт все еще беседовал с группой мужчин.

– Прекрасно. Пообедаешь, затем придешь. В шесть часов в моем отеле "Цветок". Я буду ждать тебя.

Когда рак на горе свистнет, хотела сказать она. Но слова не получились. Она пристально смотрела на него, не отвечая. А затем подошла к Мэтту, который приветливо улыбнулся.

В то время, как Мэтт представлял ее двум членам Сената, она краем глаза заметила, что Джедд покидает кафетерий. Он прошел мимо них хорошо знакомой Вилли легкой походкой, все такой же атлетически стройный и худощавый. Она качнула головой и чуть слышно прошептала "нет". Чистые серые глаза Мэтта изучающе смотрели на нее.

– Я прошу простить, что наш ленч прервался, – сказала она.

В пять тридцать Вилли посмотрела на часы. Она все еще была в библиотеке Мэтта, чувствуя себя дискомфортно. Она сердилась на себя и Джедда, который помешал им с Мэттом. Час назад она попросила Мэтта возвращаться домой без нее, сказав, что хочет еще некоторое время порыться в его обширной коллекции юридических книг. Это была, в лучшем случае, лишь половина правды.

Оставшись одна, она, нервно постукивая пальцами по полированной поверхности библиотечного стола, следила за минутной стрелкой часов и изумлялась себе и злилась на себя. Что хорошего можно было ожидать от этой встречи? Свидание наедине, вдали от надежной опеки Мэтта, только вновь обнажит ее старые раны,

нанесённые Джеддом, его нежностью и обаянием. Наверное, это глупо и рискованно...

Но в пять сорок пять Вилли остановила на улице такси. Она попросила шофера отвезти ее в отель "Цветок". Разве, сказала она себе, не лучше увидеть Джедда и выплеснуть все, что в ней накопилось, чем бороться со своими чувствами в одиночку?

Он ждал в баре у входа, сидя за угловым столиком и потягивая коктейль. Увидев Вилли, он поднялся и улыбнулся, подавая ей стул.

– Я пришла только на пятнадцать минут, – сказала она, желая, чтобы исчезла с его высокомерного, аристократического лица уверенность, которая так мучила ее.

Он кивнул и жестом подозвал проходившего официанта.

– Белого вина? – спросил он Вилли.

– Мне все равно... Я же сказала тебе, что мне скоро надо уходить.

– Бутылочку "Паули-Фуше", – заказал Джедд. – Послушай, Вилли! То, что я хочу сказать тебе, не займет много времени. Я не понимаю, почему ты так несправедлива ко мне. Если только потому, что мне пришлось уехать из Палм-Спрингс после того, как мы были... вместе, так я, думаю, уже объяснил тебе. У нас в доме в этот момент было кризисное положение, и мой отец нуждался во мне. Если ты все еще веришь в причастность моего отца к катастрофе Вебба Фоули, я могу поклясться тебе, что ты ошибаешься.

Когда ты сказала мне об этом, я стал выяснять у отца, какую же работу выполнял Фоули для него. Он сказал мне, Вилли, я передаю его слова точь-в-точь: ничего такого, что было бы противозаконным. Вебб просто время от времени занимался поставкой... частей для машин, к примеру, или чего-то подобного этому. Почему ты не хочешь понять?

– Я понимаю больше, чем ты думаешь, – сказала она. – Та ночь, которую мы провели вместе, была большой ошибкой, Джедд. Я рада, что ты помог мне разобраться в этом.

– Нет, неправда, – сказал он, не замечая официанта, разливавшего по стаканам заказанное им вино. – Это не ошибка! Это было правильно, я чувствую! И ты знаешь это также, Вилли. Если бы только ты могла не сопротивляться и дать волю своим чувствам, ты убедилась бы, насколько я прав. Нам обоим хорошо вместе, Вилли. Мы принадлежим друг другу...

Несмотря на расстояние в несколько футов, она почувствовала тепло, исходящее от него. И сейчас она боролась со своими чувствами, которые проснулись, когда она увидела его темные глаза и чувственные губы, и взволновали ее с еще большей, чем когда-либо, силой.

– Это больше физическое влечение, чем чувства, Джедд, – сказала она скорее себе, чем ему. – Ты и я – из разных миров. Я не имею в виду только деньги. У нас разные мнения по многим значительным вопросам. Мы только уничтожаем друг друга, я уверена, – сказала она почти шепотом. – Я уже видела таких людей...

Он хотел взять ее руку в свою, но она резко вырвала ее, едва не опрокинув стакан с вином.

– Мне пора уходить, – сказала она, и взгляд ее погас.

Джедд некоторое время смотрел на нее изучающе, потом его осенило.

– Ты... ты теперь с ним... с Хардингом? – спросил он, не пытаясь скрыть горечь. – Не в этом ли причина, что ты не хочешь слушать меня?

Упоминание имени Мэтта разозлило Вилли, и это дало ей силы освободиться от магнетизма, исходящего от Джедда.

– Моя личная жизнь тебя не касается, – сказала она. – Ты сделал свой выбор, я поняла это сегодня, когда увидела тебя с Фаиргейтом, и я сделала свой также. Мы с тобой по разные стороны, Джедд... Ты, скорее всего, не можешь понять людей, подобных Мэтту Хардингу, и женщин, подобных мне.

Она встала, собираясь уходить.

– Это была глупость с моей стороны – приходить сюда. Я прошу извинения...

Джедд полностью потерял контроль над собой.

– Пожалуйста, уходи, – крикнул он ей. – Убегай, как ты всегда это делаешь, убегай от своих чувств. Но ты не сможешь убежать от себя, Вилли, никогда. Мы созданы друг для друга, и рано или поздно ты поймешь это!

Вилли, расстроенная, вышла из отеля. Слова Джедда эхом отзывались в ней. "Нет, – говорила она себе, – он не прав. Я свободна от него, свободна..."

До тех пор, пока я снова не увижу его".

Войдя в дом, она почувствовала, что Мэтт ее ждал. Она пролепетала какие-то неопределенные извинения, что-то о потере чувства времени. Затем они прошли в гостиную, отделанную красным деревом, к столу, на котором уже стояло блюдо с превосходно приготовленным Кэт мясом. Поначалу Вилли пыталась скрыть свою напряженность. Но она рассеялась сама собой, стоило пригубить вина и отведать сочную телятину в лимонном соке. По телу разлилось тепло.

Находясь всего один день в доме Мэтта, она успела почувствовать надежное покровительство этого человека, любезность и гостеприимство, подкрепляемое услугами Кэт.

Покончив с мясом, Мэтт и Вилли снова перешли в кабинет с его ярко пылающим камином и классической музыкой, которая была так кстати сейчас.

Вошла Кэт с графином и двумя бокалами. Она поставила их на инкрустированный столик напротив камина.

– Какой чудесный был обед, – сказала Вилли. – Спасибо, Кэт.

– Стараюсь для вас, мисс Делайе. – Домоправительница намеревалась выйти, но остановилась у двери. – Я надеюсь, вы и Мэтт приятно проведете каникулы в Джорджии, – добавила она прежде, чем уйти.

Мэтт некоторое время смотрел ей вслед, очевидно, не одобряя ее слова, но ничего не сказал. Он разлил по бокалам коньяк "Наполеон" пятнадцатилетней выдержки, подал один Вилли и сел на свое любимое место лицом к огню. Он очень долго смотрел на пылающие и потрескивающие угли.

– Вы чем-то поглощены? – спросила она. – Судом? Мэтт улыбнулся только губами, глаза его оставались задумчивыми. Затем он сказал:

– Сегодня я испытал замечательные чувства, Вилли. Я удивительно волновался и вместе с тем злился.

Он смотрел в сторону, боясь встретиться с ней взглядом. Она ждала продолжения.

– Ревность! – вздохнул он. – Впервые в жизни ревность мучила меня. Я думаю, что никогда не испытывал этого чувства. Я не хотел ревновать, это получилось само собой.

Наконец он повернулся к ней. На лице его было юношеское недоумение. Он встал со своего стула и сел рядом с ней.

– Скажи, Вилли, есть ли у меня причины ревновать? Является ли этот красивый молодой человек, которого я видел сегодня, тем, кого ты могла бы полюбить?

Вилли обвила руками Мэтта и сильно сжала его плечи. Его откровение польстило ей и привело в восторг: этот блестящий, выдающийся мужчина говорил с ней как со взрослой, как мужчина с женщиной. Ни одной минуты она не будет обманывать его – хотя вопрос его был непростым. Она не может сказать ему, какое огромное физическое влечение испытывает она к Джедду, когда видит его, хотя всем своим разумом его отвергает и не думает о нем, когда его нет рядом.

Она правдиво ответила:

– Нет, у тебя нет никаких причин ревновать меня к Джедду Фонтана. Было что-то... однажды... но это прошло.

– Он молод, – настаивал Мэтт. – Я никогда, как теперь, не желал стать молодым снова... но нужно смотреть правде в глаза, Вилли, я уже достаточно стар, чтобы...

– Это не важная сторона дела, Ваша честь, – прервала она его. – Я не думаю о том, сколько вам лет. Вы слишком уникальны, чтобы мерять вас мерками времени. Побывав с тобой, узнав тебя...

Она остановилась, подыскивая слова.

– Мэтт, ты единственный мужчина, с которым я себя чувствую хорошо. Мэтт, ты показал мне: что бы ни происходило между мужчиной и женщиной, в ответе они оба, а не только женщина, которой легко поставить западню. Ты помог мне разобраться во многих вещах...

Его взгляд потеплел. Когда он заговорил, голос его дрожал от волнения.

– Это прекрасный подарок, Вилли. Ты позволишь мне надеяться также... на более серьезные отношения. – Он коснулся ее руки и снова посмотрел на огонь. И с нежностью произнес:

– "Сладость – там, где изображается
игра сердечной дружбы.

Приятная игра хвалебных слов".

– Это из поэмы отца Верховного Суда, судьи Оливера Уенделла Холмса, – сказал он. – Стих этот, соответственно, называется "Послеобеденным".

Вилли обратила внимание на слово "дружба". Что Мэтт подразумевал под этим? Отступил ли он опять? Ответ она получила после того, как он допил свой коньяк.

– А сейчас я пожелаю тебе спокойной ночи. Завтра рано утром мы уезжаем.

И так же, как вчера, он ушел, поцеловав ее в щеку и пожелав приятных сновидений.

ГЛАВА 11

Запах цветка щекотал ноздри Вилли, и она чихнула.

– Тише! – быстро сказал Мэтт. – Будь здорова.

– Я устала и замерзла, у меня сводит суставы, – она жаловалась как ребенок.

Они уже несколько часов сидели в засаде в высокой болотной траве. Поначалу они наслаждались дивным пейзажем раннего утра, соленым привкусом морского воздуха, удивительным чувством одиночества, как будто никого кроме них не существовало на свете. Этот остров оказался лучше, чем описывал Мэтт. Он был подобен сказочной стране, созданной природой с щедрой роскошью.

Владелец этого острова и всех его природных богатств купил землю около двадцати лет назад в частное владение. Он вырубил небольшую часть леса, построил пристань, коттедж для прислуги и комфортабельный, но некрасивый дом, который, однако, гармонично вписался в пейзаж с волнистыми песчаными дюнами и зелеными сосновыми лесами.

На Рождество Мэтт сделал Вилли сюрприз. Пока она спала, он украсил прекрасную голубую ель разной мишурой и небольшими антикварными вещицами. Он разбудил ее, пощекотав веточкой омелы, поцеловал и положил перед глазами подарок – книгу в кожаном переплете, первое издание "Автократа за обеденным столом" Холмса.

– Это лучшее в моей жизни Рождество, – прошептала она. – Спасибо!

– Спасибо тебе, – сказал он, – что подарила мне кусочек счастья.

Они провели этот день, гуляя рука об руку по берегу до захода солнца. Это было почти так же, как в Мэне, и даже лучше, потому что они успели познакомиться ближе. Вдали от своей ответственной работы, облачившись в свитер и подвернутые снизу брюки цвета хаки, Мэтт выглядел совсем парнем с серебряными волосами, уверенным и красивым лицом, загоревшим на солнце, и серыми глазами, которые выражали наслаждение.

Более, чем кто-либо другой, Вилли знала, что Мэтт получает огромное удовольствие от всего, что сейчас окружает его, не упуская ничего вокруг себя. В его присутствии Вилли тоже чувствовала

обновление. Дела, которые она оставила дома и которых было так много, уже не угнетали ее, а наоборот вызывали желание взяться за них с новыми силами.

Сейчас, прижимаясь к его ветровке, сквозь которую она ощущала его тепло, Вилли тем ни менее чувствовала некоторое беспокойство, желая очутиться вместе с Мэттом где-нибудь в другом месте. Она все еще злилась на него за эту затею охотиться на уток.

Шум хлопающих крыльев оповестил их о приближении стаи. Вилли со страхом наблюдала, как Мэтт поднял винтовку, прицелился и затем... один за другим прозвучали три выстрела. Птицы в страхе разлетелись, а одна из них оказалась на земле.

– Я ненавижу это! – горячо воскликнула Вилли. – И ты, надеюсь, тоже. Ты называешь себя натуралистом и в то же время лишаешь эту несчастную птицу жизни, возможности летать.

Он ответил серьезно:

– Я действительно натуралист. В полном смысле этого слова. Охота на уток, так же, как и рыбная ловля, является неотъемлемой частью природного процесса. Еще пещерные люди, а затем индейцы охотились в лесах. Охота также укладывается в теорию Дарвина.

Вилли молчала, не в состоянии что-либо ответить. Ее просто взволновала такая рациональность в словах Мэтта.

– Это ненамного отличается от того, что может случиться в вашей университетской группе, – сравнил Мэтт. – Я уверен, что большая часть твоих однокурсников – хорошие люди. Но некоторые из них споткнутся и упадут, подстреленные в вышине, точно так же, как ты видела сейчас. А самые честные, сильные и находчивые останутся, чтобы внедрять закон в практику. Ты женщина, поэтому должна быть особенно сильной. Тебе придется опровергнуть консервативные взгляды, согласно которым женщины не могут претендовать на звание доктора юстиции. Тебе предстоит бороться за это звание, возможно, даже ожесточеннее, чем мужчинам.

Вилли все еще молчала. Она слушала объяснения Мэтта, хотя воспринимала его аргументы как пустой звук. Она не могла заставить себя подписаться под таким приговором и поэтому решила быть просто свидетелем.

– Мир, – наконец предложил он. – Давай закончим на этом наш разговор. Никакой охоты на уток на этой неделе.

– Ты прав, – согласилась она. Глаза ее заблестели. – Ты не смог убедить меня в своей правоте, но ведь ты же приехал сюда поохотиться?

Он коснулся рукой ее щеки.

– Я приехал сюда, чтобы отдохнуть и познакомиться с тобой поближе. В нашем распоряжении весь остров. Я обещаю, что тебе здесь не будет скучно.

– Мне никогда не скучно с тобой, – искренне призналась она. Где бы она ни была с ним, чем бы они ни занимались, он во всем отмечал что-то новое, предлагая смотреть на вещи по-другому.

Уважая ее чувства, он забрал свою единственную птицу, засунул в пакет и пообещал сделать из нее чучело у известного мастера.

– По крайней мере, это будет напоминать мне, что ты не согласна с охотой.

Они вернулись к дому, стоящему на возвышении, откуда открывался чудесный вид на море. Это был огромный дом, состоящий как бы из двух частей, которые соединял просторный застекленный балкон. В каждом крыле находилось по одной спальне. Светлая гостиная была обставлена в современном стиле – шведский обеденный гарнитур и модный диван из белой березы. Стены были выложены белым и красным кирпичом, причем преобладал белый.

Огромный холодильник был забит едой. В его отдельной камере, где поддерживалась постоянная температура и влажность, они обнаружили большой выбор вин. Вилли готовила омлет, пока Мэтт резал салат. Потом они ели на застекленном балконе и любовались прибоем.

После еды они гуляли босиком по берегу. Дул соленый и прохладный ветерок, слишком прохладный для купания. Он бесцеремонно играл золотыми волосами Вилли, закрывавшими ее лицо. Мэтт бодро шагал, задавая свой темп Вилли, которую он товарищески обнимал за плечи.

– Расскажи мне, чем ты занималась во время семестра? – спросил он. – Последнее время ты много и увлеченно рассказывала о своей работе.

– Работа у меня не особенно тяжелая, но ее очень много. Я удостоилась чести попасть в "Лоу Ревью". Но я еще даже не начала работать над своей первой статьей.

– Высоко метишь, Вилли, – сказал он. – И стреляешь быстро и метко. Регулярный труд и удача здесь необходимы. Если ты взялась за дело, которое, как ты говорила, выносится в апелляционный суд, и собираешься подготовить хорошее выступление, то твоя статья будет иметь большой резонанс.

Все, о чем говорил Мэтт, было известно Вилли. "Лоу Ревью" она могла использовать для демонстрации своих способностей. Если она напишет, по крайней мере, одну заметную статью, ну, или хотя бы на среднем уровне, то она может стать реальным кандидатом на должность редактора отдела.

– Есть еще кое-что, о чем мне хотелось бы поговорить с тобой, Мэтт, – сказала она.

– О чем?

– О моем заключении в "Спорном суде". Я не прошу тебя делать мое домашнее задание, – поспешно добавила она. – Но в связи с этим заключительным выступлением у меня возникли проблемы. Меня вынуждают выступить против того, во что я верю.

Она рассказала ему о деле школы Клары Бартон, о том, что должна отстаивать позицию государственного совета по Школьным делам, который отказал этой школе в кредитах.

– Как я могу сделать это! – воскликнула она. – Когда я всем сердцем и душой за то, чтобы все школы получали кредиты. Как я могу выступить против, даже если эта школа гипотетическая.

Мэтт остановился и взял ее за плечи.

– Садись, – сказал он. – И слушай. Она села на мягкий холодный песок.

Пока он говорил, лицо его оставалось серьезным.

– Я знаю, Вилли, что у тебя есть своя позиция, свое целостное отношение ко всему. Эти качества необходимы, но их недостаточно. Еще важнее умение встать на позиции противника и рассуждать с его точки зрения.

– А что, если у противника нет никаких аргументов в его пользу? Что, если я уверена, что дело его безнадежно?

Он слегка сжал ее плечи.

– Вилли, на протяжении всех лет моей работы я не встречал дел безнадежных, как ты их называешь, или "заранее выигранных". Как раз отличие людей, занимающихся юридическими делами, состоит в

том, что они могут и должны найти завуалированные детали и аргументы, не совпадающие с их личной точкой зрения.

Вилли в недоумении смотрела на него. Она не ожидала, что Мэтт станет читать ей лекцию. Она ждала от него поддержки своего мнения о деле в целом.

– Почему я должна браться за это дело? – спросила она. – Я даже и предположить не могу, что, закончив университет, стану заниматься делами, в которые не верю. Если я стану защищать неправоное дело, что же подумает обо мне другая сторона. Я растеряю себя на полпути.

В глазах Мэтта появилось разочарование.

– Ты ошибаешься, Вилли, ты горько ошибаешься, но я надеюсь, что поверишь мне на слово. Дело, которое тебе поручили, – это лучшее, что можно тебе пожелать. Ты можешь выигрывать дело за делом, но, в итоге, проиграешь, мысля так узко, не замечая ничего, кроме собственной точки зрения. Браться только за дела, так сказать, выигрышные, конечно, можно, но цена тогда тебе, Вилли...

Он не стал продолжать.

Всю обратную дорогу до дома Вилли молчала. Она ждала поддержки, а получилось все наоборот. Она была разочарована. Ей одинаково трудно было как чувствовать его недовольство ею, так и поверить тому, что он говорил.

Сыграть в покер – была идея Вилли. Ей снова хотелось увидеть улыбку Мэтта, вернуть его дружеское расположение.

– Я научилась этой игре у настоящего ковбоя, – предупредила она. – Так что готовься проиграть.

– А я играл с настоящим игроком-матросом, так что игра должна получиться интересной.

Они разыскали колоду карт для покера и назначили довольно-таки большую ставку – десять тысяч долларов за белую, пятьдесят тысяч за красную и сто тысяч за синюю фишки. Имея опыт игры с Беном, первые три раздачи выиграла Вилли.

– Вы должны мне полмиллиона долларов, судья Хардинг. Но мы можем решить вопрос денег, если вы перестанете дуться на меня.

– Дуться на вас? – с удивлением переспросил Мэтт. Затем на его лице появилась улыбка, которая так шла ему, и беспокойство Вилли рассеялось. Он подошел к ней и обнял ее.

– Дорогая моя, – сказал он нежно, – я ни минуты не сердился на тебя. Прости меня... Я столько читал тебе морали, это, казалось, необходимо... Поучал тебя, но мне не нужно было этого делать. Ты сама дойдешь до всего на собственном опыте, не на моем.

Он по-дружески взъерошил ей волосы и вернулся на свое место за столом.

– Раздай карты, детка.

Успокоенная тем, что недовольство Мэтта прошло, Вилли сдала карты. По его глазам она поняла, что у него неважные карты. Он глубоко задумался над ними, а она тем временем радовалась – наконец нашлось нечто, что она делала лучше Мэтта.

Тут же она неосмотрительно выложила не ту карту и увидела его торжествующую улыбку, после того, как он раскрыл свои.

– Все одной масти. Что скажешь об этом?

– Скажу, что это больше, чем мои две пары.

Они еще раз сдали, и Мэтт снова выиграл. Через короткий промежуток времени Вилли заметила, что они поменялись ролями. Ее охватило противоречивое чувство. Ей не хотелось следовать правилам, которые, выигрывая, он устанавливал. Не хотелось ни в чем уступать ему, за исключением, может быть, одного – трудно было игнорировать тот факт, что они были на этом волшебном острове одни.

– Как видно, фортуна повернулась ко мне лицом, – сказал он воодушевленно, собирая карты. – Но мне кажется, что я потерял больше, чем выиграл.

– Я думаю, ты прав, – сказала она. – Может быть, тебе следует поднять ставку?

– Отлично, – засмеялся он. – Тем более, что у меня уже пара миллионов в кармане.

Она задумалась, затем, бросив карты, взяла его за руку.

– Мне надо поговорить с тобой еще кое о чем, но я не могу начать.

Она почувствовала, как его пальцы похолодели, сжала их сильнее и накрыла другой рукой.

– Я люблю тебя, Мэтт, и думаю, что ты тоже меня любишь.

Он долго и пристально смотрел на нее.

– С той самой минуты, как увидел тебя, Вилли. Но я хочу, чтоб ты знала...

– Нет, дорогой, – перебила она, прикрыв нежно пальцами его губы и не давая ему ничего сказать. – Не сейчас. Я так сильно хочу тебя.

Он убрал ее руки и порывисто встал. Так внезапно, что у Вилли перехватило дыхание, он поднял ее на руки и понес в спальню, обнаруживая, как трудно ему приходилось скрывать свои чувства и желание. Они раздели друг друга и легли на кровать. Он целовал ее загорелое тело, ласкал грудь, плечи, ноги. И, расслабленная, она получала то, чего так Долго ждала.

Мэтт был прекрасным, опытным любовником. Его губы и пальцы изучали ее, вызывая ощущения, не испытанные ею еще в жизни. Они занимались любовью, словно перелистывали страницы романа, богатого открытиями. Его прикосновения, объятия словно говорили ей, как она любима и желанна. Он обращался с ней как с хрупким цветком, осторожно и нежно открывая его лепестки каждым движением и поцелуем. Она вкушала подаренное им наслаждение и сама отдавала себя всю без остатка.

– Так все по-другому, так прекрасно, – шептала она, сжимая Мэтта в любовных объятиях, переплетая свои ноги с его.

И это действительно было так не похоже на пылкую страсть, причинившую ей когда-то боль и оставившую рану в сердце.

– Мне тоже, Вилли. Если бы я знал, что это будет именно так, я не стал бы столько ждать.

– Что же заставило тебя так долго ждать? – с иронией спросила она.

– Любовь, – ответил он и по-мальчишески усмехнулся. – Она делает меня бескорыстным и благородным. Я думал только о том, что могло быть хорошо для тебя, и не был уверен, что это именно то, что хорошо и для меня.

– О, Мэтт! Мне льстит, что ты так заботишься обо мне, но я уже взрослая, независимо от того, что ты обо мне думаешь. Я знаю, что нет ничего лучше на свете, чем быть с тобой.

Она снова крепко обняла его, думая, как хорошо и легко с ним. И вскоре заснула, уверенная, что Мэтт будет защищать ее, заботиться о ней и охранять ее сон.

Последующие дни пролетели быстро. Они наслаждались друг другом, как любовники и как друзья. Вилли никогда не верила, что мужчина и женщина могут так слиться воедино в блаженной

гармонии. И, убедившись, что могут, очень захотела сохранить это чудо, правда, не знала, как. Работа Мэтта, его жизнь – все было связано с Вашингтоном. И скоро, очень скоро ей нужно будет вернуться к занятиям.

В канун Нового года Вилли настояла на реализации своего плана. Мэтт должен был удалиться, пока она будет заниматься приготовлениями.

– Ты вернешься, когда увидишь черный флаг. Потом пойдешь в свою комнату и будешь сидеть там, пока я тебя не позову.

Она достала из морозильной камеры мясное филе, а из холодильника грибы и специи. Мясо она заправила вином, обнаружив еще одну бутылку превосходного вина для праздничного стола. Потом она надела приготовленный специально для встречи Нового года наряд – белое, длинное, до пят, кашемировое платье с глубоким вырезом. Ленточка белой замши с кулоном из бирюзы украшала ее шею. Включив стереопроектор и поставив пластинку с записью музыки Дебюсси, она позвала Мэтта. Она страстно желала понравиться ему.

Когда он вошел, еще более красивый и оживленный, чем когда-либо, в накрахмаленной белой сорочке и смокинге, глаза его говорили красноречивее всяких слов, что она выглядит прекрасно.

– А ты хорошо поработала, – сказал он, бросив оценивающий взгляд на красиво накрытый стол с горящими свечами и цветами, и бифштексом, аромат которого приятно щекотал ноздри. Комнату наполняли звуки чудесной музыки. В мягком свете колеблющегося пламени свечей, уютно расположившись в удобном кресле, Вилли наслаждалась очарованием момента, ей так хотелось, чтобы он никогда не кончался. Уходил старый год. С появлением в ее жизни Мэтта все стало по-другому. Как было бы хорошо, если бы она встретила его до того, как решила отказаться от своей мечты и веры в любовь.

– Мои комплименты вам, шеф-повар, – сказал Мэтт, поднимая бокал с вином. – Выясняется, что ты скрывала свои кулинарные таланты...

– Я и сама не знала за собой таких способностей, – честно призналась Вилли. – Они обнаружили благодаря тебе. А сейчас я собираюсь сделать тебе заявление. Можешь считать это сделкой...

– Я судья, Вилли, а не окружной прокурор, – засмеялся Мэтт.

– Не будь таким занудой. Я обещаю тебе запомнить все, что ты скажешь, и упомяну все это в заключительном слове на заседании "Спорного суда".

– Отлично.

– Если так, то обещай говорить только правду, одну лишь правду и ничего, кроме правды, сегодня вечером...

– Обещаю, – Мэтт улыбнулся. Его стала забавлять игра, которую затеяла Вилли.

Однажды она уже играла роль лидера, и теперь она снова входила в образ. Когда они закончили обед, Мэтт собрался было помочь ей убрать посуду, но она решительно остановила его.

– Оставь. Это может подождать до утра.

Она открыла бутылку шампанского и разлила его по бокалам.

– За нас! – сказала она, и Мэтт повторил:

– За нас! – Отпив глоток, он заметил: – Хорошая марка...

– Каждая марка хороша по-своему, – ответила она и, подойдя к магнитофону, включила заранее приготовленную запись. Это была не классика, которую они до сих пор слушали, а легкая современная музыка. Как только раздались первые аккорды, она подошла к Мэтту и обвила его руками.

– Ах, Вилли, я так давно не танцевал...

– Это неправда. Я видела снимок в газете, на котором ты снят где-то на приеме в Вашингтоне. Может, скажешь, что этого не было? Мне начинает казаться, что ты просто не хочешь...

Поднимаясь со стула, он растерянно вздохнул и серьезно сказал:

– Мужчины имеют намерения... но женщины действуют по-своему.

– Опять в духе Холмса, – заметила Вилли.

– Снова Холмс, – повторил он, обнял ее и повел в танце.

Она двигалась, закрыв глаза, голова ее покоилась у него на груди. Она вдыхала запах его лосьона, которым он пользовался после бритья, и слушала биение его сердца. Вдруг раздался мелодичный бой часов, и Мэтт вздрогнул.

– Это часы, Мэтт, – засмеялась Вилли. – С Новым годом тебя! – Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его долгим и страстным поцелуем.

– Я хочу показать тебе сегодня, как сильно я тебя люблю, – полный желаний, проговорил он.

– Покажи, – прошептала Вилли и, взяв его за руку, повела в спальню. Она расстегнула свое белое кашемировое платье, и оно скользнуло на пол рядом с ней. Она стояла перед ним обнаженная, ее синие глаза манили его. Он, обняв ее, стал покрывать ее тело поцелуями, шепча слова, которые согревали ей сердце так же, как его поцелуи согревали ее плоть. Она стала нетерпеливо стягивать с него одежду, чтобы быстрее ощутить его тело и слиться с ним в одно целое. Они легли на кровать, ее руки так крепко обвили его шею, словно она никогда не собиралась отпускать его. Он быстро овладел ею, но сдерживал свои движения, лаская ее грудь и целуя, пока она не дошла до состояния экстаза. Потом он стал медленными движениями двигаться в ней, доведя ее до оргазма, затем замер на некоторое время и снова стал двигаться, пока ее дыхание вновь не перешло в короткие отрывистые вздохи. Ее спина выгибалась дугой, она стонала от удовольствия и повторяла его имя. Его движения стали быстрее и тяжелее, она ответила ему тем же, крепко прижимая к себе, и они вместе слились в горячем ритме любви.

Вилли прижималась к телу Мэтта, словно они еще не испытали физическую близость, а только готовились к ней.

– Счастливого Нового года, моя любовь! – нежно сказал он.

– Я очень хочу, чтобы он был счастливым, – задумчиво сказала она. – Но через пару дней нам придется расстаться... Я так не хочу этого, Мэтт... Я мечтаю, чтобы мы все время были вместе...

– И это тебя беспокоит? Дорогая Вилли. Не думаешь ли ты, что расстояние в несколько сот миль может что-то изменить в наших отношениях? Я же сказал тебе, что любовь делает меня благородным. Я желаю тебе всего, о чем ты сама мечтаешь. Я найду способ, чтобы мы были всегда вместе. Я обещаю тебе.

Впервые Вилли почувствовала счастье, в которое она могла поверить.

Было совсем темно, когда она на цыпочках прошла в кухню, чуть не опрокинув на своем пути стул. Еще окончательно не проснувшись, она достала из холодильника сок и налила себе. Глаза еще не привыкли к темноте. В окно заглядывала луна, освещающая таинственным светом все вокруг. Вдруг сквозь шелест листвы она услышала

приглушенный звук. Какое-нибудь животное, заяц или енот, подумала она.

Звук раздался снова, но уже более громкий и зловещий. Ей захотелось бежать обратно, в надежные объятия Мэтта, но ледяной страх приковал ее к полу. Все вокруг нее теряло формы, казалось, темнота поглощает ее...

Если бы она могла вернуться в спальню... Несмотря на холод, ее прошиб пот. Казалось, что от Мэтта ее отделяет бездна, наполненная неясными зловещими тенями и фигурами, рожденными ее тревожным воображением. Из оцепенения ее вывел голос Мэтта.

– Вилли! С тобой все в порядке?

Она стремглав бросилась к нему в надежде найти защиту в его сильных руках, вырываясь из лап пережитого кошмара.

– Что случилось, дорогая? Тебе приснился дурной сон? Она сильно прижалась к нему, а он, успокаивая, стал гладить ее по голове. Когда она заговорила, ее голос был едва слышен.

– Вернулись мои старые видения... Эти кошмары – не плод моего воображения. Это было на самом деле... Мне тогда было восемь лет. Я проснулась от шума... в темноте я услышала шум, потом крик и звуки побоев... Они доносились из комнаты моих родителей.

Сбиваясь и останавливаясь, она рассказала Мэтту то, о чем до сих пор не говорила никому на свете. Историю той ночи в семье, которой уже давно нет, историю, которая сделала ее сиротой и которую она не забудет никогда в жизни.

Когда она закончила, он взял ее за руки, притянул к себе и нежно обнял, словно пытаясь защитить от кого-то.

– Иди ко мне, – сказал он. – Тебе некого здесь бояться. Я обещаю тебе.

Он закутал ее в одеяло и усадил рядом с собой на старый плетеный диван. Они сидели, прижавшись друг к другу, глядя в ночное небо, и он нежно шептал ей: – Смотри, "день накрылся пологом с разбросанными по нему сверкающими звездами...".

Уютно прикинувшись к его груди, Вилли слушала его.

– Холмс... – прошептала она.

– Это из его романа "Вечер".

Понемногу она успокоилась. Ей хотелось сидеть вот так, рядом с ним, долго-долго – всю жизнь. Ночь уже не казалась ей страшной.

ГЛАВА 12

Когда Вилли вернулась в университет, у нее была тайна. Она решила ни с кем не делиться впечатлениями о прошедших каникулах, даже с Сюзанной.

Но, когда она уходила утром на первые в этом семестре занятия, Сюзанны еще не было. Никаких звонков, никаких телеграмм. Это было так не похоже на нее. Соседка по комнате уехала домой на каникулы, больная бронхитом. Может, она все еще болеет? Вилли решила позвонить Паркменам сегодня же вечером.

После лекций она купила жареного цыпленка, батон итальянского хлеба, бутылочку молока и немного фруктов. Поднимаясь к себе в комнату, Вилли безошибочно узнала любимую музыку Сюзанны, которая доносилась из комнаты.

Когда она вошла, Сюзанна лежала на диване и курила сигарету. Ее дорожная сумка лежала на полу еще не распакованная.

– С возвращением. Добро пожаловать! – сказала Вилли. – Я уже начала волноваться за тебя. Как провела время? У тебя все в порядке?

– Все отлично, – ответила Сюзанна. – Кроме одного. Я хочу кое-что сказать тебе.

– Звучит серьезно, – сказала Вилли и, положив свои пакеты на стол, посмотрела выжидательно на подругу. Сюзанна встала и закурила новую сигарету.

– Так вот. Мне нелегко говорить, для тебя это будет как снег на голову, – она сделала паузу. – Я не вернусь больше в университет. Я приехала, чтобы повидаться с тобой и забрать свои вещи. Но я оплачу свою долю за аренду квартиры, – поспешно добавила она. – Я хочу быть честной до конца...

– Меня не интересует вопрос оплаты, – перебила ее Вилли. Сюзанна не отличалась особыми успехами в учебе, но это не повод для того, чтобы бросать университет. – Это безумие! – воскликнула она.

– Я знаю, что ты думаешь об этом. Но я не могу продолжать учебу.

Сюзанна глубоко затянулась и выпустила клуб дыма.

– Подумай хорошо, что ты делаешь, – все еще не веря своим ушам, воскликнула Вилли. – Ты же так хотела учиться здесь. Так

мечтала об этом!

– Это правда. Но все изменилось. Это началось прошлым летом. Все решилось, когда я ездилa домой на каникулы.

– Что... Что решилось?

– Я выхожу замуж.

Сюзанна загасила сигарету и закрыла руками уши. Но Вилли не взорвалась. Она просто смотрела перед собой неподвижным взглядом, открыв рот.

– Закрой рот, – сказала Сюзанна. – Люди вступают в брак каждый день, Вилли. Поступая в университет, я не принимала священства. Я хочу заниматься обыкновенными, нормальными вещами... Дом, семья...

Вилли энергично покачала головой. Это все влияние Джорджа Паркмена. Ему удалось навязать дочери свой взгляд на жизнь.

– Но ты раньше никогда так не размышляла, – вымолвила она наконец.

– Может, я изменилась. Помнишь, прошлым летом я тебе говорила, что познакомилась с товарищем Джека. Он во всех отношениях отличный парень – симпатичный, из хорошей семьи, в будущем его ждет карьера банкира. Одним словом, все, чего хотел мой старик. Да, одни взгляды сменяются другими. Что раньше казалось незначительным, теперь приобрело смысл. И это все потому, что раньше все это было лишь разговорами старого Джорджа о счастье, которого он мне желал, а сейчас оно обрело реальные черты.

Вилли и не старалась скрыть своего разочарования. Слушая Сюзанну, она сравнивала ее любовь с любовью к Мэтту, которая не требовала от нее жертв. Он предоставил ей полную свободу выбора. Ей очень хотелось бы, чтобы у Сюзанны было то же самое.

– Видишь ли, – сказала Сюзанна, доставая из пачки "Мальборо" еще одну сигарету и закуривая ее. – Такова действительность. Я, словно в детство маленькой девочкой, вновь возвращаюсь в семью. Джим понравился и моему старику, и братьям. Ну, а о маме даже говорить нечего... – В ее голосе послышалась мольба. – Мне не надо уже никому ничего доказывать. Скажи, что ты понимаешь меня.

Вилли кивнула. Конечно, это не конец света, но она чувствовала, что теряет больше, чем подругу, – она теряет свою идейную союзницу. Находясь под влиянием обуревавших ее чувств и не прощая

отступничество Сюзанны, она, тем не менее, поняла, что нельзя обижать Сюзанну резким словом или критикой ее поведения. Как и в первый день их знакомства, Сюзанна показалась ей хрупкой и легко уязвимой.

– И ты сейчас уедешь?

– Ох, Вилли, мне так не хочется уезжать! – воскликнула Сюзанна.

– Так не уезжай. Закончи учебу. Осталось всего полгода. Ты выйдешь за Джима, но сперва получи образование. Сделай это для себя.

Сюзанна отрицательно замотала головой.

– Джим не бросит тебя, – продолжала уговаривать ее Вилли.

– Дело не в Джиме, а во мне. Полгода – это очень много. Я могу потерять его. Я думаю, что поступаю правильно. Так же поступила когда-то и моя мать.

Вилли хотелось спорить, убедить ее, что она совершает ошибку, у нее нет гарантий, что брак ее будет удачным, но Сюзанна упорно стояла на своем.

– Я останусь до завтра, – сказала она. – Своему старику я сказала, что мне нужно время, чтобы собраться. Вот так. – Она нервно рассмеялась. – Наконец я хоть что-то делаю правильно. – Она смахнула со щеки скатившуюся слезу и улыбнулась. – Пойми меня, Вилли. Пожалуйста.

– Постараюсь, – сказала Вилли и обняла подругу. – Я ударю в гонг в честь твоего отъезда.

– Мы не потеряем друг друга, – торжественно объявила Сюзанна. – Ведь мое замужество не означает, что мы не можем оставаться друзьями.

Вилли улыбнулась ей. Она очень хотела бы, чтобы эти слова оказались правдой, но сердцем понимала, что не потерять друг друга еще не значит остаться друзьями.

В течение нескольких последующих недель Вилли была в плохом настроении, занятия занимали почти все ее время. Даже при своей огромной работоспособности она стала ощущать себя насытившимся роботом, который движется по одному маршруту – от библиотеки к аудитории.

Чем больше времени проходило с тех пор, как она рассталась со своей соседкой по комнате, тем труднее ей было заполнить

образовавшийся после отъезда Сюзанны вакуум. Вилли привыкла к Сюзанне, к ее низкому смеху, запаху табака и даже к полной окурками пепельнице. Без ее теплоты, умения уговорить пойти погулять или выпить за компанию где-нибудь чашечку кофе Вилли совсем превратилась в отшельницу.

Только еженедельные звонки Мэтта могли поколебать ее железную дисциплину. Она рассказывала ему о своей работе, но время летело стремительно, и так же стремительно уходила в прошлое их жизнь в Джорджии. Его голос звучал менее непосредственно и интимно, чем тогда, когда он шептал ей слова любви, отгоняя ее ночной кошмар. Теперь в интимных отношениях она была лишь со своей работой. Она просыпалась с ней и брала с собой в постель, когда ложилась спать.

Во время их последнего разговора Мэтт сказал, что чувствует, как теряет ее. Он спросил, может ли надеяться на скорое свидание с ней, но она не смогла ответить ему ничего определенного. Она очень любила Мэтта, но он был далеко, в Вашингтоне, а она здесь. Она жила одна, словно монахиня, стараясь за одну неделю выполнить работу, рассчитанную на месяц. Вчера она чуть не заснула в аудитории, а прошлой ночью до пяти часов утра работала над своим выступлением в "Спорном суде".

Сейчас, попав в офис "Лоу Ревью", чтобы отдать последние страницы своей статьи, она услышала так раздражавший ее смешок Бада Хоуджа.

– Привет, Вилли! Ты слышала последний анекдот "Клиффа"?

Стиснув зубы, она проигнорировала его вопрос. За те два года, что она провела в Редклиффе, она слышала немало наивных, безвкусных и пошлых анекдотов от "Клиффа".

Бад не обратил внимания на ее молчание. Он рассказал очередной пустой анекдот от "Клиффа", и мужчины в офисе рассмеялись, повернувшись к Вилли, чтобы посмотреть на ее реакцию. Свиньи, думала она. Молодые, вонючие кабанчики. Она сильнее стиснула зубы и положила папку на один из столов. Затем подошла к каталогу и порылась в нем в поисках нужного ей материала. Она ни на кого не обращала внимания и, когда закончила, обнаружила, что в комнате остался только Бад. Не замечая его, она направилась к двери.

– Прощайте, прекрасная женщина, – крикнул он ей вслед. – Разлука с вами – это такая сладкая печаль.

Заполдень в тишине университетской библиотеки она раскрыла свою папку, в которой держала текст выступления в "Спорном суде". Она порылась в папке, пытаясь найти рукопись, но ее не было.

Она должна быть там! Заключительное выступление было очень важным для Вилли. Она так долго и скрупулезно исследовала это дело, в тексте приводились ссылки и вся документация. Она перетряхнула содержимое папки, но рукописи не было. Она исчезла.

Менее чем через неделю она должна будет встретиться с оппонентами из Бостонского университета. Как будет ликовать профессор Шарп! Нет никакой надежды, что она сможет восстановить по памяти весь текст выступления. А раз так, то на суде ее ждет полный провал.

В сильном волнении она бросилась в аудиторию, в которой сегодня проходили занятия, и обшарила ее всю, не пропуская даже корзин для мусора, но рукописи нигде не было.

Куда она могла исчезнуть? – снова и снова спрашивала Вилли себя. Она вернулась в офис "Лоу Ревью" в надежде отыскать ее там, и вдруг ее осенило – Бад! Ведь она оставила свою папку на столе, а он воспользовался этим и сделал ей очередную подлость. Тем не менее, она осмотрела все столы, выдвигая ящик за ящиком, но поиск ее был безрезультатным. Она была уверена, что кроме него это сделать было некому.

Как сумасшедшая она носилась по университетскому городку в поисках Бада Хоуджа, пока не обнаружила его в кафетерии на Гарвардской площади. Не обращая внимания на удивление и любопытство, выразившиеся на лицах посетителей, она громко сказала ему:

– Вы – презренный негодяй! Но на этот раз вы зашли слишком далеко!

Не ожидавший такого натиска Бад нервно рассмеялся.

– Я знаю, Вилли, какого вы обо мне мнения, но позвольте спросить – что произошло?

– Вы украли у меня текст выступления на "Спорном суде" и, возможно, уже уничтожили его. Но я этого так не оставлю! Вы еще пожалеете, Бад!

Он вскочил на ноги, опрокинув стул, схватил ее за руку и оттолкнул в угол.

– Подождите минутку. Дура! Вы поплатитесь за эту вашу выходку! Я объявляю вам войну! Я никогда не напрашивался к вам в друзья. Но сейчас вы перешли все границы. Я использую против вас все ваши слабости и найду способ сделать вас несчастной. И если вы потеряли свои бумаги, я буду первым, кто не скажет вам слов сожаления. Но я не крал их. Это не в моем стиле.

Он отвернулся от нее и сел на свое место. Вилли выскочила из кафетерия. Бад, без всякого сомнения, врал. Больше никто не мог так беспощадно поступить с ней. Разве можно было ждать от него, что он признается. Если бы все говорили правду, то зачем нужен был бы суд вообще?

Опустошенная и несчастная Вилли вернулась домой. Без милых маленьких безделушек Сюзанны, ее особого внимания к деталям быта, без ее ежедневной тщательной уборки комната выглядела мрачной. Зажатая в тиски своего жесткого расписания, которого требовала от нее учеба, она не знала отдыха, и у нее совсем не оставалось времени, чтобы наводить в комнате порядок. Расстроенная исчезновением текста своего выступления, она сейчас с ужасом смотрела на накопившийся за неделю мусор. Она поняла, что совсем выдохлась.

Не раздеваясь и не разбирая постель, Вилли упала на кровать и проспала шестнадцать часов подряд.

На следующее утро, помятая и голодная, с тяжелой головой, она с трудом поднялась с кровати. Комната выглядела еще хуже. Она должна найти свои черновики и восстановить свое выступление. Вилли быстро приняла душ и выпила две чашки кофе. Затем нехотя принялась наводить порядок в комнате. Она собрала и сложила аккуратными стопками разбросанные книги и листы бумаги, помыла грязную посуду и развесила валявшуюся одежду. Вытирая пыль и подбирая с пола скомканные листки бумаги, она заметила рукопись, выглядывавшую из-за пары ее ботинок. Это был текст ее выступления. Чувство стыда и облегчения одновременно охватили Вилли. Она была уверена, что ее доклад лежал в папке. Как могла она так ошибиться?

Когда она вспомнила лицо Бада и свои гневные слова, ее лицо покрылось краской стыда. Он говорил правду. И эта драгоценная

рукопись не оказалась в папке только из-за ее усталости и небрежности.

Она была далека от мысли извиниться перед Бадом, но ей теперь следовало более серьезно отнестись к его словам об объявлении ей тотальной войны.

Вилли стояла перед "Спорным судом" с текстом своего заключительного выступления в руках. Ее оппонент, тридцатилетний студент Бостонского университета, только что закончил читать апелляцию, которую подала школа Клары Бартон. Претензии состояли в том, что Государственный совет отказался финансировать школу, что явилось вопиющим фактом дискриминации. Вилли нашла аргументы оппонента простыми и неубедительными. Может быть, это потому, думала она, что он не знает смысла понятия "дискриминация". Она была уверена, что сможет справиться со своей задачей. Придя к такому заключению, Вилли решила начать атаку.

– Ваша честь, – сказала она. – Мы только что услышали, что школа Клары Бартон является жертвой дискриминации, которая запрещена законом. От имени Государственного совета я заявляю, что на деле дискриминация не имеет места. Совет отказал в финансировании на основе того, что преподавание, проводимое чисто женским коллективом, приводит к нездоровой обстановке в школе. Что же касается права преподавания, то Совет, не создает никаких преград учителям. Нет ни одной статьи в уставе штата, согласно которой действие Совета можно было бы расценить как противозаконные. Следовательно, школу можно распустить, педагогов освободить от занимаемых должностей, а детей – от посещения этой школы.

Ваша честь! С уважением позволю себе заметить, что суд является экспертом закона, а не экспертом принципов образования. Следовательно, суд должен с почтением относиться к заключению Совета штата и не аннулировать его решение...

Судьей этого гипотетического апелляционного суда был Кен Харпер, молодой юрист с репутацией крайнего либерала. Он был сторонником студенческого радикализма, поощрял способность ни перед чем не останавливаться, и Вилли, безусловно, произвела на него впечатление. Когда она приводила свои аргументы, ей показалось, что Харпер улыбается, и вполне доброжелательно. А краем глаза она

видела профессора Шарпа, утвердительно кивающего головой вслед ее словам.

Судья Харпер объявил о своем решении. Оно было в пользу Вилли. Она сразу же подумала о Мэтте. Пойдя в разрез со своими убеждениями и проделав большую и трудную работу, она добилась успеха. Она все сделала именно так, как советовал ей Мэтт. Чувствуя неприязнь к этому делу, она тем не менее выиграла его.

Но сейчас она давала себе клятву – став Практикующим адвокатом, она никогда не возьмется за дело, в правоту которого не верит.

ГЛАВА 13

Около полуночи Вилли вошла в вестибюль своего дома на Хэнкок-стрит. Отперев почтовый ящик, среди счетов и рекламных проспектов она обнаружила белый конверт с грифом Верховного суда Соединенных Штатов. Ей показалось это странным, так как Мэтт никогда не отправлял ей писем в официальных конвертах. Но, прочитав обратный адрес повнимательней, она поняла, что письмо не от Мэтта, а из Палаты судей Джона Мартина Гиббса. Ее извещали о том, что она как перспективная студентка юридического факультета приглашается в Вашингтон на собеседование.

Приглашение очень польстило самолюбию Вилли.

По мнению Бада, ее работа в "Лоу Ревью" оставляла желать лучшего. Он считал, что она хватается за все сразу и тем самым растрчивает себя, распыляется.

Вилли придерживалась другого мнения на этот счет. Она была абсолютно уверена, что его назначили редактором отдела только потому, что он был мужчиной. Фактически только они двое могли претендовать на этот пост. Их статьи в "Лоу Ревью" были разными по стилю, но безусловно заслуживали внимания.

Статья Бада, с профессиональной точки зрения, была значительнее. Вилли подошла к своей теме несколько легкомысленно, считая, что сможет изложить ее без особого труда. Он, напротив, много времени проводил в офисе, консультируясь у опытных юристов. Но после своего удачного выступления в "Спорном суде" она чувствовала свое превосходство над ним.

Ее очень обрадовало приглашение в Верховную палату юстиции. Бад даже мечтать не мог о таком.

Вдруг ей стало не по себе. Ну, конечно! Только Мэтт мог предложить своим коллегам ее кандидатуру. А раз так, то это предложение не имеет ничего общего с ее успехами, с ее превосходством перед товарищами по университету.

Она позвонила Мэтту, чтобы выяснить, имеет ли он к письму отношение.

– Да, – с готовностью ответил он. – Я говорил о тебе Джону. Но наши отношения не играют здесь никакой роли. Я тебя люблю, но я не

сделал бы этого, если бы не знал твоих способностей. Ты заслужила это предложение. Я просто не представляю, что было бы со мной, если бы ты встретила с другим хорошим судьей, и он сделал бы открытие, которое по праву принадлежит мне.

– Вы ничего не открыли, сэр, – пошутила Вилли.

– Ладно, будем считать, что я нашел способ, чтобы мы были вместе. Больше меня ничто не касается. Ты ведь должна приехать на собеседование, не так ли?

– Конечно, я приеду... и большое спасибо за все...

– Я буду очень ждать тебя, Вилли. Я хочу, чтобы ты правильно поняла меня, – тебя принимают не по моей протекции. Да, Гиббс мой друг, но, в первую очередь, – коллега. Мы редко видимся с ним с глазу на глаз. Он, возможно, будет оценивать твои способности более требовательно, чем я, так что тебя ждет серьезное собеседование. И решать ему, и только ему, справишься ли ты с работой, которую тебе предлагают. Ну как, мне удалось рассеять твои сомнения?

– Думаю, что да, – Вилли вздохнула. – Теперь я уже не сомневаюсь. Ты смог убедить меня.

– Ты сможешь хорошенько щелкнуть его по носу, – Мэтт засмеялся. – Будь уверена в себе. Ты заслужила этот шанс. Женщины этой страны давно нуждаются в выдающемся адвокате... и скоро обретут его. В твоём лице.

Его слова и откровенность тронули ее. Но она знала, что Мэтт опекает ее.

– Мэтт, – сказала она. – Мне нужен твой совет. Ты знаешь, как я дорожу твоим мнением. Пожалуйста, постарайся быть объективным... не возводи меня на пьедестал.

– Ты не права, Вилли. Я очень люблю тебя, но на пьедестал я могу возводить только правосудие. Это единственное, во что я слепо верю. Я, несомненно, вижу твой талант, твои способности. Это факт... – Он остановился, а потом сказал более низким голосом: – Я мечтаю, чтобы ты стала клерком моего сердца...

– Я знаю.

– Правда состоит в том... что Джони Гиббсу нужен хороший клерк. Все в твоих руках, Вилли. Удачи тебе, любовь моя.

Когда Вилли приехала на собеседование с Джоном Мартином Гиббсом, стояла пора цветения вишни. Разузнав о Гиббсе, она уже

имела о нем некоторое представление как о человеке и юристе. Она также знала предположительно круг вопросов, которые он может задать ей на собеседовании. Гиббс был блестящим юристом, у которого ей было чему поучиться. Если она, конечно, пройдет собеседование. Она очень волновалась, хотя Мэтт советовал ей быть уверенной в своих силах. Вилли побаивалась Гиббса, который слыл консерватором, в то время как Мэтт был либералом.

Собираясь на собеседование, она надела темно-серый костюм, а волосы собрала на затылке. Ей бы хотелось носить очки, чтобы скрыть свои глаза. Она специально не накружилась, боясь предубеждения Гиббса, что ему предлагают "просто красивое личико".

Проходя мраморными лабиринтами здания суда и прислушиваясь к стуку своих каблучков, который вторил стуку ее встревоженного сердца, она думала о том, много ли и что именно знает о ней судья Гиббс, как представил ее Мэтт, рекомендуя другу.

Было без пятнадцати десять, когда она назвала свое имя секретарю Гиббса, и ровно в десять он пригласил ее в кабинет.

Внешне он произвел на нее большее впечатление, чем она ожидала, зная его по фотографиям. Ему было семьдесят восемь лет. Серьезный, с лохматой шевелюрой и пышными усами, в жилете с золотой цепочкой, сбегавшей к кармашку для часов, он напоминал Марка Твена, если не принимать во внимание чувство юмора последнего. Подобно другим восьми судьям Верховного суда, Гиббс имел собственный кабинет, который Вилли представляла себе похожим на тот, какой она видела в "Звони и жди". Но здесь перед ней был настоящий музей. На стенах висели картины, написанные значительно раньше, чем открыли Америку. Гиббс восседал за массивным столом, а за его спиной возвышался застекленный шкаф, который, казалось, специально предназначался для того, чтобы служить витриной для этрусских гончарных изделий.

Поначалу внимание Вилли было занято не красотой кабинета. Некоторое время она смотрела только на Гиббса, пытаясь угадать его мысли. Наконец он бросил небрежно "доброе утро" и пригласил ее сесть на красивый резной стул, который, пожалуй, попал сюда из какого-нибудь старого английского поместья. Он молча смотрел на нее своим тяжелым пронизательным взглядом, а потом словно выстрелил из пушки, сразу задав ей вопрос по существу. Для нее он оказался

легким. Она достаточно подробно, чтобы избежать дополнительных вопросов, ответила на него и почувствовала, что волнение понемногу проходит.

Гиббс кивнул головой, но по выражению его лица было трудно догадаться, доволен он или нет ее ответом. Затем он пустился длинно излагать свои консервативные принципы. Вилли слушала, как он критикует "ошибочный либерализм", но, проявив не свойственную ей дипломатичность, воздержалась от возражений, хотя внутренне была не согласна с ним.

Когда он перестал говорить, она подумала, что собеседование, наверное, закончено. Вдруг он резко, не меняя выражения лица, сказал:

– В моей практике редко бывали случаи, чтобы кто-то из моих коллег так интересовался молодыми студентами, как это делает судья Хардинг, рекомендуя вас. Можете ли вы сказать мне, мисс Делайе, почему он так хочет помочь вам?

Ее первой реакцией было возмущение, потом – неловкость. Что она может объяснить коллеге Мэтта? Собравшись с мыслями, она решила сказать все, как есть на самом деле.

– В нашей дружбе нет ничего темного и загадочного, – спокойно ответила она. – Между нами все чисто, и наша дружба только начинает расцветать. Я познакомилась с судьей Хардингом в штате Мэн. Он давал мне уроки рыбной ловли. С тех пор он все время учил меня чему-нибудь новому. Такова природа нашей дружбы.

– Вы знаете, что он хочет, чтобы работу получили вы... значит ли это, что вы будете продолжать учиться и работать над собой? – Он буравил ее взглядом.

– Он сказал, что у него есть свои причины рекомендовать меня.

Гиббс слегка кивнул, не отводя от нее взгляда. Сейчас он видел в ней только женщину.

– Честно говоря, меня несколько удивляет, что между вами и судьей Хардингом существует просто дружба, – произнес он наконец.

– Я очень уважаю Мэтью, но, увидев перед собой такую привлекательную молодую женщину, подумал Бог знает о чем. Что вы скажете, мисс Делайе? Разве я не прав?

Вилли задумалась. Судя по его словам, Гиббс что-то подозревал. Видимо, ее женская привлекательность слишком бросается в глаза. Но,

согласившись сейчас с ним, она не избежит и других вопросов.

Вдруг ей на ум пришли строчки из любимой поэмы Мэтта. Чтобы оградить себя от дальнейших расспросов, она решила прочесть их.

Не называйте его старым,
Его не сбылися мечты,
Его удерживает прошлое,
Оно господствует над ним.
Напрасно не завидуйте тому,
Кто в сердца тишину
Осмелился вдохнуть веселье
И лета красоту...

Гиббс слегка улыбнулся.

– На этом мы, пожалуй, и закончим, – сказал он и неожиданно встал. – Спасибо, что приехали, мисс Делайе.

Собеседование кончилось, и опять по выражению лица судьи ничего нельзя было угадать. Вилли собралась уходить, но, когда она уже была у дверей, он неожиданно спросил:

– Скажите... откуда эти строчки?

– Из "Старого игрока" Оливера Уендела Холмса. Гиббс некоторое время задумчиво смотрел на нее, потом слегка улыбнулся.

– Да, конечно, – произнес он. – Это Холмс. Он слегка, но с почтением поклонился.

Спустя две недели она получила письмо от самого Гиббса, в котором он в нескольких строчках сообщал ей, что счел нужным принять ее на штатную работу, и она должна приступить к ней в конце июня.

ГЛАВА 14

Вилли с нетерпением ждала окончания университета. С того момента, как она получила письмо Гиббса, все ее мысли были заняты Вашингтоном.

На церемонию присвоения ей долгожданной степени доктора юридических наук в Кембридж приехали Джинни с Нилом. Только благодаря такому событию в своей жизни Вилли мирилась с присутствием Нила, обращаясь с ним достаточно вежливо и почтительно. Еще два гостя порадовали ее своим присутствием: Сюзанна и ее муж Джим. Во время церемонии Вилли не переставала думать о том, что может чувствовать сейчас Сюзанна. Не сожалеет ли она о выборе, который сделала.

Позже, когда они отмечали это событие в отеле "Риц-Карлтон" с шампанским и омарами, Сюзанна преподнесла ей подарок – элегантный марокканский кейс.

– Я так рада за тебя, – сказала она. – Ты будешь работать за нас обеих, – добавила она шепотом и крепко обняла Вилли.

Как только Сюзанна узнала, что Вилли ожидает должность клерка у судьи Гиббса, она сразу позвонила своему брату Джеку, который работал в Вашингтоне в конторе ценных бумаг и поручительств и жил с женой в просторном городском доме в Джорджтауне. После разговора с ним Сюзанна сообщила Вилли, что брат приглашает ее в свой дом, где она может жить столько, сколько ей понравится.

С присущим ему великодушием Нил предложил Вилли в качестве подарка к окончанию университета двухнедельное турне по Европе, в которое она может отправиться вместе с Джинни. Несмотря на свое негативное отношение к отчиму, Вилли была тронута его вниманием. Это было чудесно: побыть с мамой наедине, хотя бы и недолго, перед тем, как начать работать у Гиббса.

Но во время обеда Джинни извинилась, собравшись выйти в женскую комнату, и попросила Вилли пойти вместе с ней. Как только они отошли от стола, Джинни поспешно сказала:

– Мы не сможем поехать в это турне, дорогая. Мне очень жаль, но это так. Ты должна будешь получить паспорт, и если кто-нибудь обратит внимание на твою фамилию, могут возникнуть проблемы...

– Какие проблемы? – спросила Вилли, но, вспомнив о тайне, которая была неотъемлемой частью их жизни, она нахмурилась.

– Ты уже не ребенок. Ты приобрела профессию. А нам с Нилом не нужны дополнительные проблемы.

– Дополнительные проблемы? – До сегодняшнего дня Вилли верила словам матери, что дома у нее все в порядке. Сейчас Джинни выглядела нервной и обеспокоенной. – А что, Нил создает тебе проблемы?

– Не совсем так. Я не знаю... но, мне кажется, он перестал интересоваться мною. Теперь у него много деловых поездок и... – Она пожалала плечами. – Пусть это тебя не волнует, дорогая. Сделай мне приятное, откажись от поездки в Европу... Пожалуйста.

Как обычно, Вилли опять уступила матери. Нил удивленно поднял брови, а потом вежливо пообещал взамен путешествия выписать чек на сумму, которая "поможет тебе устроиться в Вашингтоне".

Когда Вилли приехала в Вашингтон, с первых дней ее стало тревожить одно: Мэтт. Хотя они провели чудесный вечер, отмечая начало ее новой работы у Гиббса, она чувствовала, что между ними возникла незримая стена. Каким образом они могли бы поддерживать свои отношения, не компрометируя себя? Мэтт пользовался в городе безупречной репутацией. Он на самом деле до мозга костей был порядочным человеком, и теперь, когда на чашу весов была положена его честь, он надел на себя непроницаемую броню, чтобы скрыть свою связь с молодой и красивой женщиной, которой, к тому же, он дал рекомендацию.

– Меня не столько волнует, что скажут люди обо мне, сколько я не хочу, чтобы ты стала предметом дешевых сплетен, – объяснил он.

Вилли была тронута и разочарована одновременно. Конечно, она слишком дорожила своей новой работой, чтобы приносить ее в жертву, но так хотелось иметь все вместе – и любовь Мэтта, и карьеру, о которой она всегда мечтала.

– Что же нам делать? – спросила она спокойно. – Ведь мы не можем потерять друг друга.

– Мы и не потеряем, – пообещал он. Его решение было традиционным и консервативным. Они смогут встречаться только при обстоятельствах, на его взгляд, безопасных – во время ленчей или званых обедов в его доме.

Вначале все шло нормально. Работа поглощала все время – и дни, и даже ночи. В доме Джека и Тилли Паркменов ей выделили чудесную комнату с ванной. Она жила в семье, о которой можно было только мечтать. Она не чувствовала абсолютно никакой стесненности. Кроме того, здесь часто собирались молодые, привлекательные люди с большим будущим.

Но ее больше беспокоила мысль о том, как Мэтт проводит время. Он все чаще стал бывать среди людей почтенных, играя в гольф или бридж, в том числе и со старым Гиббсом. Этим самым он как бы акцентировал внимание на своем возрасте, отказываясь от своих живых и молодых качеств, которые так выгодно отличали его от коллег.

Входя постепенно в новую жизнь и тоскуя по Мэтту, Вилли стала забывать об осторожности. Ей снова захотелось любви, веселья и интимных встреч. Причины, по которым они скрывали свои отношения, стали казаться ей несущественными. Ей хотелось большего.

Однажды вечером в конце рабочего дня она остановила в зале суда Мэтта, спешащего домой. После нескольких дежурных слов она, понизив голос, сказала ему:

– Это глупо, Мэтт. Я хочу быть с тобой, как и прежде. Лицо Мэтта не изменилось.

– Я тоже соскучился, – сказал он. – Но я не могу забывать о причинах, которые мешают нам быть вместе.

– Ну что ж, тогда позволь, это сделаю я, – сказала Вилли и взяла его под руку. Они вышли и скользнули в черный лимузин, поджидавший Мэтта у входа.

Поужинав в маленьком итальянском ресторанчике, они поехали домой к Мэтту. Кэт встретила их тепло. Вилли почувствовала, что она рада ее видеть.

Еще больше был рад ей Мэтт. В тишине спальни он шептал ей слова любви, нежно целуя ее. Ощущая прикосновения и объятия его сильных рук, она еще раз испытала прекрасные чувства женщины, которая знает, что она любима и желанна.

Утром их разбудил голос Кэт из-за двери. Она пожелала им доброго утра и оставила поднос с завтраком.

– Разве так жить не лучше? – спросила Вилли, с удовольствием уплетая свежую землянику и черешню. – Согласись с этим. – Она весело толкнула его в бок. – Несмотря на все свое величие, судья Хардинг имеет право на личную жизнь. Ты же совсем еще не старый, Мэтт? Скажи, что я права...

– Нет ничего на свете лучше, чем любить тебя. – Он ласково поцеловал ее в плечо. – Но меня очень беспокоят последствия...

Первое "последствие" возникло уже через полчаса, когда Вилли собралась уходить. К ней с озабоченным лицом подошла Кэт.

– Я давно хотела поговорить с вами, – сказала она.

– Да? – спросила Вилли, не веря, что Кэт посмеет ей сказать что-нибудь по поводу ее близости с Мэттом.

– Я хочу сказать вам, как я счастлива, что Мэтт снова полюбил...

– Спасибо, Кэт, – тепло ответила Вилли. – Я не могу передать вам, как много значат для меня ваши слова. Ведь я долгое время была уверена, что вы относитесь ко мне с каким-то предубеждением. Я даже думала...

– Возможно, что в отношении Мэтта у меня некоторое чувство собственника, – улыбнулась Кэт. – Я много заботилась о нем. Я начала работать в этом доме сразу после смерти его жены, и все это время он имел возможность полюбить снова, но мы... были лишь друзьями.

Вилли заметила печаль у нее в глазах. Она была очень признательна Кэт за женскую откровенность.

– Когда с Мэтью случился инфаркт, он был таким беспомощным. Я думала, что он так и не сможет прийти в себя. Но потом он встретил вас, в Мэне...

– Инфаркт? – тревожно перебила ее Вилли. – Он никогда не говорил мне об этом.

Кэт снова улыбнулась и пожала Вилли руку.

– Это потому, что он не хотел вашего сочувствия. Как объяснил нам врач, инфаркт был не обширный и не столь опасный. Несмотря на то, что Мэтью Хардинг силен как бык, он очень легкоранимый... Я думаю, вы это знаете.

Вилли кивнула. Она и сама замечала в нем какую-то мальчишескую уязвимость, странно сочетающуюся с его недюжинной силой. Теперь, благодаря откровенности Кэт, она любила его еще крепче.

Далее произошло следующее событие – в газете "Вашингтон пост" в разделе общественной жизни была напечатана фотография, запечатлевшая момент, когда Вилли садится с Мэттом в лимузин, и подпись под ней "Тайный роман?" Потом шел текст: "Один из самых убежденных холостяков Вашингтона, каким он считался до последнего времени, судья Верховного суда Мэтью Хардинг, был "пойман с поличным" одним из наших корреспондентов. Его спутницей оказалась Вилли Делайе, клерк Палаты судей. Возможно ли, что этот честный и открытый человек, каковым является судья Хардинг, что-то скрывает? Может быть, это просто роман между старым холостяком и женщиной-юристом, красивой и настолько молодой, что годится ему в дочери?"

Вилли скомкала газету и направилась в офис Мэтта. Она расправила на его столе газету.

– Посмотри, что это?

Он улыбнулся, хотя глаза его оставались серьезными.

– Я не ожидал, что это вызовет у тебя такую реакцию... Может быть, это потому, что ты еще "май", тогда как я уже "декабрь".

– Я думала, что мы давно урегулировали вопрос о возрасте.

Она присела на край его стола, убрала с его лба прядь серебряных волос.

– Где он сможет найти доказательства?

– Это его работа, – сказал Мэтт и поцеловал ей руку. – Тем более, что это правда. Если мы собираемся быть вместе, я никому, в том числе и прессе, не позволю смеяться над нашими чувствами. Я хочу быть последовательным и честным до конца. Здесь не слишком подходящее место для того, что я собираюсь сказать тебе, но... Вилли, выходи за меня замуж.

Его предложение застало ее врасплох. Она любила Мэтта всем сердцем и душой и могла поклясться, что также любима и желанна. Но было что-то отталкивающее в самом слове "замуж".

– Какая зловещая тишина, – мягко сказал Мэтт. Она еще никогда не понимала так ясно, как много могут значить слова.

– О, Мэтт! Я... я безгранично рада твоему предложению. Но... ответить, прямо сейчас...

Мэтт! Ради всего святого! Ты всегда такой... мудрый. Такое счастье быть твоей женой. Любая нормальная женщина просто

прыгала бы от счастья. Но почему мы должны торопиться? Только потому, что в газете появилась эта фотография? Мы ведь прекрасно знаем, что значим друг для друга. И нам должно быть безразлично, что о нас думают.

– Я воздержусь от лишних слов. Прости, что напоминаю об этом, но я уже в таком возрасте, когда меня трудно упрекнуть в торопливости. Ведь я понимаю, что у тебя в твоём возрасте все еще впереди.

Вилли обняла его и стала целовать, желая стереть с его лица выражение разочарования и печали. Как объяснить ему, что она еще не до конца разобралась в себе и, любя Мэтта, в то же время не хотела обманывать его неискренним согласием.

– Мне нужно немного времени, – попросила она.

– Время работает не на меня, – ответил он. – Однако будем ждать столько, сколько считаешь нужным.

Вилли была словно в лихорадке. Дело Лоретты Баркер, возбужденное против школьного совета в Фернхилле, штат Иллинойс, целиком поглотило ее.

В первые шесть месяцев работы у судьи Гиббса она приобрела заслуженную репутацию "рабочей лошадки" номер один. И сейчас тщательный и детальный анализ дела Лоретты требовал от нее полного внимания.

Миссис Баркер была преподавательницей. Она подала заявление на развод. Ее муж подал встречное заявление, ссылаясь на инциденты ее дурного сексуального поведения. Еще до того, как дело о разводе было заслушано, миссис Баркер уволили с работы. Школьный совет придерживался мнения – "нет дыма без огня".

Решив защитить миссис Баркер, Вилли направила все свои усилия и знания на то, чтобы выиграть это дело. Но, к ее досаде и разочарованию, оно не вызывало ни у кого интереса. Судья Гиббс просто отложил его в сторону, уверенный в том, что его коллеги поступили бы точно так же.

– Я не могу смириться с этим, – гневно жаловалась она Мэтту, раскачиваясь на стуле перед камином, пока он потягивал свою послеобеденную порцию бренди. – Суд просто игнорирует значимость этого дела, которое длится уже месяц. Никто не хочет понять, насколько оно важно.

Мэтт ждал, пока Вилли выговорится.

– Ты не совсем права, – сказал он, когда она перестала, наконец, сетовать на равнодушные судей. – Наиболее важными считаются дела, касающиеся Пентагона. А твое дело – частный случай. Я понимаю твое горячее желание помочь, возможно, когда-нибудь аналогичные дела потребуют нашего вмешательства. Но не сейчас. Смирись с этим, Вилли.

Она молча обдумывала его слова. Но ее сердце не могло согласиться с такой позицией. Это было несправедливо по отношению к миссис Баркер. Совет школы состоял из мужчин, таких же, как и ее муж. Была большая несправедливость в том, что Верховный суд страны не желал "опускаться" до подобного дела. Сначала Гиббс, а сейчас и Мэтт советовали миссис Баркер подождать. Неужели и она так же поступила бы на их месте?

Снова наступила весна – прекрасная пора цветения вишни. Вилли понимала, что Мэтт не будет ждать ее слишком долго. Год работы у Гиббса подходил к концу и, может быть, скоро наступит время, когда она самостоятельно сможет вести дела. Для этого необходимо сдать экзамены и выбрать одну из фирм, которые ее приглашают.

Тогда она, наконец, покинет дом Паркменов и переселится в свой собственный. Мэтт и Кэт в течение этого года сделали все для того, чтобы ее жизнь в Вашингтоне была приятной и удобной. Мэтт был ее наставником, любовником и лучшим другом. Он разделял ее надежды и поддерживал амбиции, как никто никогда не делал до этого, и она любила его свободно и без опаски.

Работа Вилли у Гиббса заканчивалась. Время шло, и совсем неубедительно звучала причина, которую она выдвигала, отклоняя предложение Мэтта, – она не имеет представления, как создавать семью и вести дом.

Пикник, который они подготовили вместе с Кэт, напомнил ей о тех днях, которые она провела с Мэттом на природе. Они расстелили скатерть, разложили еду и стали беседовать о своем будущем.

– Я надеюсь, что ты еще не отказался от мысли сделать из меня честную женщину, – сказала она, потягивая вино из бокала. – В противном случае, я подам на тебя в суд за нарушения обещания.

– И что же ты решила? – Его ясные серые глаза изучающе посмотрели на нее.

– У меня есть несколько предложений от юридических фирм в Вашингтоне. Я не вижу причин, почему бы не продолжить работу здесь и одновременно не сделать тебя счастливым.

У нас будет прекрасная жизнь, думала она, лежа в объятиях Мэтта и вдыхая терпкий аромат свежескошенной травы. Она представляла себе опытного юриста Вилли Делайе днем и миссис Хардинг, или просто Вилли, возлюбленную Мэтта, ночью. Да, она уверена, что у них может быть прекрасная жизнь. Во всяком случае, лучше, чем та, которую она вела бы, последуй она своему дикому и бессмысленному желанию, которое влекло ее к Джедду.

Джинни сидела, глубоко задумавшись, когда раздался звонок телефона. Это звонила Вилли, которая решила, вернувшись с пикника, сообщить матери новость – свое решение выйти замуж.

Она предвидела реакцию Джинни – ее удачное замужество было всегда пределом мечтаний матери. Она не сомневалась, что Джинни будет рада, хотя Мэтт был немолод, и Вашингтон – это не Голливуд.

– Это я, мама. Прости, что долго не звонила. Я была очень занята...

Ей показалось, что мать ее не слушает. До нее едва доносился приглушенный, подавленный голос:

– Это случилось, Вилли. Произошло то, чего я так всю жизнь боялась. О, Господи! Ведь я предупреждала тебя...

– Что случилось, мама? Ради Бога! Говори же...

– Твой отец... Он объявился! Он увидел в газете снимок – ты и судья... Он узнал про меня и Нила. Он потребовал очень много денег, угрожая судом. Я не знаю, что делать, Вилли. Что будет со мной?

– Деньги? – Вилли была в шоке. Все зря, все пошло насмарку – работа, предстоящее замужество... Перри сделает все, чтобы уничтожить маму. Может ли Вилли сейчас позволить себе выйти замуж за судью Верховного суда?

– Сколько он потребовал? – спросила она.

– Сто тысяч долларов.

Вилли задумалась. Это был обыкновенный, неприкрытый шантаж. Но в противном случае ее мать ждал суд – независимо от того, права она или нет и какова степень ее вины. Может, лучше смириться, не бороться... Тем более, что муж Джинни, вернее, второй муж, богат. Вилли думала, как бы лучше напомнить об этом матери.

– Мама, если ты можешь дать ему эти деньги, может быть, это будет наилучшим выходом из положения?

– У меня нет даже близко к такой сумме. – Джинни расплакалась. – Нил сам ведет всю бухгалтерию магазина. Я могу взять двадцать, от силы тридцать тысяч и обязательно показать ему товар, на который я их истратила.

– Но это ведь не очень большая сумма для него.

– О, моя доченька. Он не дал бы мне ее, если бы я даже во всем призналась ему. Есть только одна надежда, один выход – дорогая, может быть, ты поедешь в Белл Фурш и постарайся переубедить своего отца?

– Я? – Одна только мысль предстать перед Перри вызвала у нее приступ тошноты. – Он не станет слушать меня. Разве не лучше, если вы вдвоем попытаетесь урегулировать ваши разногласия? Я могла бы присутствовать...

В ответ она услышала стон, казалось, идущий из самой глубины души ее матери.

– Он ненавидит меня, Вилли! Он ни за что не пойдет на компромисс. Ты ведь адвокат... да к тому же его дочь. Пожалуйста, родная... я тебя умоляю. Это наш единственный шанс.

Вилли поняла, что у нее нет выбора, она должна пойти навстречу Джинни.

– Хорошо, мама. Я завтра же поеду к нему, а на обратном пути заеду в Палм-Спрингс. – И, хотя она совсем не была уверена в положительном результате своей миссии, она сочла необходимым добавить: – Не беспокойся, мы пройдем с тобой и через это, как делали всегда.

Ее слова немного утешили Джинни.

– Спасибо, милая. Мне стало чуть спокойнее. Вилли знала, что ей не заснуть после такого разговора.

Всю ночь напролет она ходила по комнате, обдумывая сложившееся положение и пытаясь найти хоть малейшую зацепку, чтобы чувствовать себя уверенной. Она старалась представить себе выражение лица Мэтта, когда он услышит обо всем. Рассказав ему эту историю, ей придется покинуть Вашингтон вместо того, чтобы праздновать их свадьбу. Их брак сейчас просто невозможен.

Отчаяние сменилось злостью. Как посмел Перри так поступать после всех несчастий, которые он уже причинил им. Его преследования превратили их в настоящих беглецов. Как мог он добавить к списку своих преступлений еще и шантаж?!

Впервые в жизни Вилли почувствовала к нему смертельную ненависть, и, если бы она сейчас видела его лицо, слышала его гнусные требования, один Бог знает, что бы она с ним сделала за все беды, которые он им причинил.

ГЛАВА 15

Она смогла бы понять Мэтта, если бы он отказался от своего решения жениться на ней после того, как узнает ее историю. Разве возможно для него связать свою жизнь с молодой женщиной, мать которой состоит в двойном браке? Ведь в любой момент это преступление может раскрыться. Однако Мэтт принял это сообщение спокойно, не сделав даже попытки отказаться от своего решения. Он не переставал удивлять ее. Его стойкость была подобна скале, за которой она, окруженная опасностями, находила спокойствие и защиту.

Она стояла у камина в его библиотеке, и когда закончила свой рассказ, он взял ее за руку. На его таком знакомом и все еще красивом лице она не прочла ничего, кроме сострадания и беспокойства за нее.

– Чем я могу тебе помочь? – был первый его вопрос.

Хотя Вилли еще не разработала конкретный план своих действий, она только прикидывала его в уме, в одном она была уверена абсолютно – Мэтта она не вмешает в это дело. Месть и ненависть ее отца, прошлое ее матери, ее невольное соучастие – все это не должно коснуться ни одного знакомого ей человека.

– Это моя проблема, Мэтт. Она была моей еще до того, как мы встретились. Я больше не могу бежать от этого, и я не позволю ему разрушить то, что мы создали.

С твердостью и убежденностью, которых она на самом деле не испытывала, Вилли сказала, что ей придется уволиться и возвратиться в Палм-Спрингс, чтобы, наконец, покончить с тем, что давно требует развязки. Со свадьбой, конечно, придется подождать.

Мэтт попытался спорить с ней, используя все свое красноречие. Он сказал, что она правильно поступает, решив помочь матери, но она не должна винить себя за то, что произошло с ее родителями.

– Давай поженимся сегодня, – настаивал он. – Я могу устроить это. Моя любовь и верность помогут тебе справиться со всеми трудностями.

Но Вилли стояла на своем. Роль Мэтта как арбитра страны и интерпретатора закона была важнее их личной судьбы. Это было время, когда страна переживала моральный кризис, который коснулся

и здания правосудия. В такой момент к избранникам народа и лидерам страны предъявляются особые требования. И если сейчас судья Верховного суда позволит себе жениться на женщине, выросшей в семье, где был нарушен закон, тем более касающийся брака и семьи, это сильно ударит по его репутации. Пойдя на поводу у своих чувств, Мэтт может сильно поплатиться за это. И не только он. Его могут лишиться должности, и тогда его либеральный голос будет сброшен со счетов, в то время как его гуманное мировоззрение и безупречная нравственность так нужны людям.

Высказав ему все эти аргументы, Вилли в конце добавила:

– Когда все уладится, я снова прилечу к тебе, и мы поженимся. Я обещаю... ничто больше не остановит меня.

Скрывая свою грусть, Мэтт пытался улыбаться, провожая ее.

– Ловлю тебя на слове. На этот раз я буду тем, кто возбудит против тебя судебное дело за нарушение обещания.

Вилли припарковала взятую напрокат машину у обочины немощенной дороги у склона горы. Она вышла из нее и долго стояла на ночном холоде, пока не замерзла. Ее тело будто налилось свинцом, и она с трудом заставила себя двинуться по длинной пустынной дорожке к небольшой хижине.

Подойдя к грубой необтесанной дубовой двери, она услышала звук работавшего в комнате телевизора. Постучав, она подождала. Потом снова постучала, но дверь никто не открывал. Повернув ручку замка, она открыла незапертую дверь и вошла.

На нее пахло смесью пригоревшего жира и дешевого спирта. Потом, в свете одинокой тусклой лампы, стоящей в углу, она увидела его. Весь седой, казавшийся изможденным непосильным трудом, в выцветших рабочих брюках и рубашке в пятнах, он лежал на старом порванном диване. Он посмотрел на нее мутным взглядом.

– Кто вы? – спросил хриплым от алкоголя голосом.

– Здравствуй, папа.

Перри приподнялся на локтях и недоверчиво прищурился, как будто перед ним стояло привидение.

– Вилли? – Его голос перешел в шепот, когда он еще раз повторил ее имя. – Вилли...

– Да, папа, – сказала она, почувствовав, как странно ей произносить это слово.

Он некоторое время молчал, потом вдруг оживился, Как будто не было стольких лет разлуки, тревог и разбитого сердца. Он стал суетливо сыпать словами.

– Неужели это ты, моя маленькая Вилли. Входи же... Садись. Вот сюда, рядом со мной. Мне хочется получше разглядеть тебя...

Вилли прошла в комнату, на ходу оглядываясь, и села. Это было не то, что она ожидала увидеть. Хижина, которую он с такой гордостью строил в молодости, имела довольно ветхий, неухоженный и неуютный вид. Человек, который приходился ей отцом, выглядел таким же жалким и несчастным, спившимся и отчаявшимся.

Злость, которая переполняла ее по пути сюда, и твердая решимость во что бы то ни стало уговорить его, чтобы он оставил Джинни в покое, сейчас несколько поугасли, когда она увидела жалкое зрелище, которое представляли Перри и дом, в котором он жил. Она подумала, что он сполна уплатил за все плохое, что сделал в жизни.

– Вчера мне позвонила мама, – сказала наконец она.

Он кивнул, как будто ждал такого начала. Но оказалось, что он просто не слушает ее. Он разглядывал ее, широко раскрыв глаза.

– Боже мой! Ты стала совсем взрослой и такой хорошенькой. Ты всегда была прелестной штучкой... настоящей маленькой принцессой с золотыми волосами...

Его слова "прелестной штучкой" болью отозвались у нее в ушах. Действительно, она была для него всего лишь вещью, которую он с легкостью выбросил. Память об этом снова наполнила ее злостью к нему.

– Она сказала мне, что ты требуешь от нее денег, – сто тысяч долларов...

Он резко выпрямился, и лицо его приняло ожесточенное выражение.

– Это правда, – заявил он. – И никто не сможет заставить меня просить хоть на пенни меньше. Я говорил с юристом, и он сказал мне, что я прав. И тебе это известно лучше, чем кому-либо.

– Но ты можешь сделать по-другому. Если ты хочешь развода, то есть способы, чтобы сделать это, не причинив маме вреда... – В волнении она остановилась. С ее губ готова была слететь просьба "Пожалуйста, папа. Она так несчастна..." Но Вилли вовремя спохватилась.

– Меня абсолютно не волнует развод. Она должна получить то, что заслужила. Эта женщина разрушила мою жизнь, как видишь, и она должна заплатить за это!

На какой-то момент Вилли почувствовала себя маленькой напуганной девочкой, бессильной в борьбе с огромной несправедливостью. Но она взяла себя в руки и стала объяснять ему, что у Джинни нет таких денег.

– Я могу сейчас дать тебе немного – несколько сотен, а потом ежемесячно присылать...

– Нет, ни в коем случае! Я не тот человек, кому можно кинуть подачку. Я не хочу больше слышать о деньгах! Я усердно работал всю свою жизнь, неизвестно для кого и для чего... без семьи... И все благодаря ей. Она унесла мое сердце, душу. Она разбила мою жизнь. Я даже перестал чувствовать себя человеком после того, как она так обошлась со мной. Она разбила мне жизнь. А сама? Нашла себе богача, который заботится о ней и называет своей женой. Ее невозможно оправдать. Она моя жена! И только моя!

Надежда в сердце Вилли гасла по мере того, как она слушала. Его слова, полные горечи, шли из самого сердца, разбитого неудачной женитьбой. В нем не осталось никаких теплых чувств к Джинни, ничего, кроме чувства оскорбленной собственности. Его злость на нее не имела границ. Его единственной целью, поддерживающей в нем жизнь, было уничтожить Джинни.

– Папа, – взмолилась Вилли. – Мама тоже настрадалась. Она, как и ты, очень много работала, и у нее так долго не было дома...

Казалось, Перри прислушался. Воспользовавшись его вниманием, Вилли стала говорить, убеждая его, что за прошлое сполна расплатились все Делайе. Но, когда он заговорил, она поняла, что ее хрупкие надежды оказались тщетными.

– Не говори мне о страданиях, девочка, – с горечью произнес он. – Эта женщина заслуживает всего плохого, что с ней случилось. Но этого недостаточно. Совсем недостаточно. И кто-то должен заплатить сполна. Я докажу, что я прав.

Его голос сорвался, и он затрясся в беззвучных рыданиях.

Несмотря на свою решимость, Вилли стало безмерно жаль его. Она знала, что мать не виновата в том, что жизнь Перри разбилась. И тем не менее это было так. Он выбросил свою семью на улицу, а сам

стал нищим. Трудности и лишения не смягчили его душу и не умерили со временем его гнев.

Он оставался глухим ко всем ее словам. У него был свой взгляд на права и закон. Он остался таким же, каким был много лет назад.

Вилли выложила свой последний козырь.

– А как же я, папа? Я тоже должна расплачиваться?

Перри нахмурился и внимательно посмотрел на нее. Казалось, что он никогда не задумывался над тем, как отразится на дочери его война с Джинни.

– Ты не должна вмешиваться, Вилли. Ты здесь ни при чем. Эта наша борьба.

– О, папа! – с болью и горечью воскликнула она. – Как ты не понимаешь, что я с самого детства была втянута в твои с мамой отношения, в твою борьбу с ней. Я не вынесу больше этого! Каждый раз, причиняя боль маме, ты причинял ее мне...

– Кто же виноват в этом? – упрямо твердил он. – Клянусь Богом, я любил эту женщину. Единственно, чего я хотел от нее, – чтоб она была хорошей женой. Разве это такая уж большая просьба?

Вилли подумала, что наконец он стал разговаривать с ней по-настоящему.

– Может, это не ваша с мамой вина, сказала она, – Все, что хотела мама, – это получить возможность заниматься каким-нибудь своим собственным делом, кроме ведения домашнего хозяйства для тебя и меня. Это не значит, что она плохая жена и хозяйка, папа. Женщина имеет право выбора, даже если она замужем.

Он коротко рассмеялся.

– Господи, Вилли! Ты говоришь, совсем как она. Похоже, вы сделаны из одного теста. Ответь мне, если ты такая умная, – какой я сделал выбор, женившись на твоей матери? Выбор был единственный – чтобы содержать семью, оградить ее от голода, я был вынужден каждый день спускаться под землю, в шахту.

Вилли молчала. Она отчетливо ощущала печаль и опустошенность, поселившиеся в этом доме, где ее родители когда-то любили друг друга.

Ее привлек звук телевизора, по которому транслировали футбольный матч. Игроки команд бегали с мячом, пытаясь забить заветный гол. Яркий пример добровольной баталии, где можно

выиграть. В борьбе же между ее родителями победителей быть не могло – они оба обречены были остаться в проигрыше.

Вилли дотронулась до его руки и почувствовала ее грубость и неотзывчивость.

– Папа, я прошу за себя, не за нее, – сказала она. – Брось все это. Пожалуйста, папа...

Казалось, что ее слова дошли до его сознания. Он накрыл ее руку своей. Она почувствовала, как тепло пробежало по ее телу.

– Видит Бог, я никогда не хотел ранить или обидеть тебя. Способ, который я выбрал, предназначен для нее, и только для нее. Но я просто был...

Он замолчал и отвел глаза в сторону. Она ждала продолжения, но он долго сидел, не двигаясь и не говоря ни слова. Она тоже молчала, давая ему возможность найти решение, которое устроило бы их всех.

Он резко встал и подошел к старому шкафу, чтобы налить себе выпить.

– Я подумаю над этим, – хрипло сказал он.

Вилли облегченно вздохнула. После стольких лет, наполненных злостью и горечью, появилась надежда на примирение.

– Означает ли это "да"? – спросила она с волнением.

– Это означает, что я подумаю над этим, – грубо произнес он, стоя к ней спиной. – Я сообщу тебе. А теперь уходи, дитя мое.

На секунду Вилли замерла в нерешительности. Продолжать ли настаивать на своем или перешагнуть через пропасть, которая лежала между ними и попытаться навести новый мост? Он выглядел таким одиноким со своим стаканом в руке, пристально всматривавшийся в окно.

– Спокойной ночи, папа, – сказала она мягко и вышла из хижины.

Прежде чем направиться к машине, она обернулась, чтобы еще раз взглянуть на дом своего детства, который она покинула много лет назад.

Когда Вилли приехала в Палм-Спрингс и увидела изможденное лицо матери, она поняла, как та переживает.

– Как дела? – нетерпеливо спросила Джинни. – Ты виделась с отцом? Что он сказал?

– Он сказал, что подумает и известит нас о своем решении.

Вилли очень хотелось сказать что-нибудь утешительное, но она не хотела обманывать мать, вселяя в нее напрасные надежды.

– И это все? – спросила Джинни тоном, полным опасений.

– Все, что мы можем сделать, – это сидеть и ждать. А где Нил?

– Он уехал на пару дней по делам. Я представить не могу, что он сделает, когда узнает обо всем.

– Расскажи ему сама. Постарайся, чтобы он понял, как это произошло. И если папа будет снова тебе угрожать, Нил сможет помочь тебе. Если же он отвернется от тебя, то это тоже многое прояснит.

– Я не могу рисковать, – воскликнула Джинни. – Он не поймет и не поможет. У нас не все так хорошо, как кажется. Если он узнает, что наш брак недействителен, он... выгонит меня. О, Вилли, что мне делать!

Снова Вилли испытала знакомое чувство вины перед матерью. Она слишком мало внимания уделяла ее замужеству. Если бы она была уверена, что Джинни будет лучше без Нила... Сама Вилли очень изменилась за последнее время. Раньше она была просто рассерженным ребенком, но теперь она полностью определилась в желании защитить свою мать. Она должна использовать свои способности и знания, иначе ее работа вообще потеряет смысл. Она твердо знала, если Нил, так же, как и Перри, захочет выгнать Джинни, ему не поздоровится.

Уставшая и обессиленная, Вилли легла в кровать. Но ее мозг продолжал работать, перебирая все наихудшие варианты, какими могла закончиться эта история. Сон пришел к ней на рассвете, беспокойный сон.

Ей снилось, что они с Джеддом скачут на лошадях вдоль склонов гор, которые окружали особняк Фонтана в Палм-Спрингс. Они улыбались и были счастливы. Джедд касался ее рукой, как будто хотел снять с нее одежду.

Потом все изменилось. Она скакала в темноте, вокруг вырисовывались неясные очертания остроконечных холмов. Она спешила, словно от этого зависела ее жизнь. Оглянувшись через плечо, увидела человека в черной маске, догонявшего ее на лошади. Ее охватил ужас, было ясно, что, как бы она ни торопилась, он все равно ее настигнет.

Она слышала раскаты грома, чувствуя, как поднимается над лошадьё в такт скачке её тело, а руки наливаются свинцовой тяжестью. Потом молния осветила лицо преследователя. Это был её отец.

Она стала изо всех сил колотить его руками в грудь, и он упал на землю. Он лежал тихо и спокойно, но это уже был не Перри. Это был Мэтт.

Хуже всего было ожидание и неведение. Она винила себя за то, что отступила и не закончила разговор с отцом. Ей следовало более точно выяснить его намерения.

Она знала, что, согласно закону, обвинение, выдвинутое против Джинни, должно быть подано в Южной Дакоте.

Преступление двоебрачия было совершено в Калифорнии. Попытаются ли Перри или его адвокат убедить местную власть дать разрешение на рассмотрение дела против Джинни, или они постараются связаться с Нилом и выкачать из него деньги.

Она заранее ненавидела того адвоката, который мог посоветовать отцу действовать так жестоко и безобразно. Это мог сделать только циничный человек, готовый извратить закон ради денег.

Когда Вилли размышляла в очередной раз над этим, зазвонил телефон. Она услышала голос Перри. Он сказал, что все обдумал и сообщает своё решение.

Оно прозвучало, как удар молнии среди ясного неба.

Открыв утреннюю газету, которую назвал отец, Вилли прочла заголовок и сжала руку в кулак. "Женщина, которая опозорила себя двоебрачием и корчит из себя светскую даму". Ниже была фотография Джинни на открытии "Серебрянного экрана". Рядом с ней была помещена фотография Перри, жалкого и опустившегося, такого, каким он был на самом деле, с подписью: "Брошенный ею муж, который любил её с детства".

Оглушенная и пораженная увиденным, Вилли все-таки заставила себя прочесть историю, которая была совсем не похожа на ту, которую она знала. Джинни представала алчной и испорченной женщиной, которая убежала от простой и добропорядочной жизни на поиски богатства и роскоши. Женщиной, которая лишила мужа единственного ребенка и разрушила семью, после чего жизнь Перри потеряла всякий смысл. Вилли пыталась читать эту статью глазами юриста, стараясь

найти в ней хоть что-нибудь, что бы смогла в дальнейшем использовать против Перри. Но, как она ни старалась, она не смогла найти в ней клевету. Это был просто его взгляд на происшедшее, правда, несколько драматизированный, что вполне объяснимо, поскольку он хотел, чтобы общественное мнение признало его правоту в поединке с женой, которая все еще не получила по заслугам.

Вилли поклялась, что никогда не простит этого Перри. Он разрушил хрупкую надежду на мир, предал ее и заставил встать на самый жестокий из всех возможных путей.

Что было еще хуже, так это то, что сейчас эту историю могли подхватить другие газеты и разнести ее по всей стране. Ящик Пандоры открылся, и Вилли даже представить себе не могла, сколько бед обрушится на них прежде, чем он снова закроется.

Первой ее мыслью было спрятать газету, скрыть ее от Джинни, которая провела ужасную ночь, глуша себя спиртным и таблетками. Но потом она решила, что это не выход. Рано или поздно каждый в Палм-Спрингс узнает все, и Джинни не простят, что она так долго скрывала свою тайну.

Вилли заварила крепкий кофе и понесла в спальню матери. Она подала его ей вместе с газетой.

Все еще одурманенная, Джинни уставилась на продолжение своих кошмаров, которые стали сейчас достоянием всего города. Она закатила глаза и упала на подушки. Ее лицо исказила гримаса страдания. Но она не плакала и не кричала. Все происходило так, как будто она знала, что рано или поздно этот момент наступит, а то, что было до сих пор, – лишь отсрочка.

Искренне переживая за мать, Вилли поступила, как обычно, взяв на себя роль родителя, успокаивая и утешая Джинни, убеждая ее, что все уладится.

– Выпей кофе, мама. Худшее уже позади, разве ты не видишь? Это стало известно всем, и нет больше нужды таиться и прятаться. Теперь наш ход, и мы его сделаем.

Да, они пришли к финишу, думала Вилли, но она была уверена, что самое страшное уже позади.

Она отключила телефон и предупредила горничную, чтобы она никого не впускала и не беспокоила миссис Коркоран. Она оставила Джинни, пообещав, что вернется через полчаса.

Вилли хотела подъехать к газетному киоску, чтобы купить и другие газеты. Нет сомнения, что скоро новость начнут обсуждать по радио и телевидению, и жизнь превратится в сущий ад. Вилли отчаянно молила Бога, чтобы ее мать смогла найти в себе силы пережить свалившуюся на нее беду. А еще она молилась, чтобы ей по дороге не попался ни один знакомый.

Когда она вернулась с кипой газет, стало ясно, что грозовые тучи сгущаются. На стоянке рядом с домом стояла машина Нила.

Вилли заторопилась – мама не должна встречаться с Нилом наедине. Войдя в дом, она услышала гневный голос Нила.

– Я всегда знал, что ты лишь дешевая жалкая официантка. Я знал это, но все равно женился на тебе. Женился!

Ты сделала из меня посмешище! Люди смеются надо мной, но мне совсем не до шуток!

Вилли вбежала в спальню. Джинни все еще лежала под одеялом. Она вся сжалась в комок, он хлестал ее словами, словно плетью. Это зрелище привело Вилли в ярость.

– Довольно! – крикнула она. – Разве вы не видите, как ей плохо!

– О! По-моему, с ней все в порядке, – сказал Нил, понижая голос. – Твоя мама, как всегда, не здорова. Очень удобно, не так ли? Но раз уж ты здесь, Вилли, я хочу, чтобы ты помогла ей собраться. Будучи женой другого человека, она больше не имеет права оставаться в моем доме. Я хочу, чтобы вы обе покинули мой дом до наступления вечера. Возьмите что-нибудь из одежды и личных вещей и ожидайте визитеров из местной полиции.

Вилли не сразу пришла в себя. Совсем не сразу. Много лет назад ее и маму вышвырнул из дома человек, который обещал любить их. И сейчас другой человек, который поклялся, что будет заботиться о маме, делает то же самое.

– Не спешите, Нил, – холодно сказала Вилли, уперев руки в бедра, что придавало ей уверенный и воинственный вид. – Мы, конечно, уйдем. Никто из нас не горит желанием остаться под одной крышей с таким человеком, как вы. Но ни на секунду не сомневайтесь, что на этом все не кончится для вас. У мамы есть права, и я уверяю вас, что она воспользуется ими.

Нил зло смотрел на Вилли, но потом его рот скривила усмешка, как будто он находил ситуацию комичной. Его падчерица, получившая

за его счет юридическое образование, теперь хотела использовать свои знания против него. Усмешка сошла с лица Нила, и он покинул комнату.

Вилли присела на кровать, пытаясь вывести Джинни из охватившего ее оцепенения. Потом она решила, что маме лучше отдохнуть. Она достала из шкафа дорожную сумку и стала собирать в нее одежду. Она складывала только личные вещи Джинни.

Законно или нет, но Джинни была женой Нила. И сейчас Вилли точно знала, что ее отношения с ним закончились. Нил сам отказался от нее. Ну и черт с ним!

ГЛАВА 16

После отвратительного разговора с Нилом Вилли сняла домик и перевезла туда свою мать. Плата за дом была сезонной, поэтому не слишком высокой. Вилли сняла его на все лето. Фактически Джинни все еще оставалась владелицей "Серебряного экрана", но финансовая сторона полностью контролировалась Нилом, что давало ему возможность манипулировать доходами от этого бизнеса.

Вилли решила, что этому надо положить конец, но не знала еще, с какой стороны братья за решение вопроса. Опубликованная Перри статья оказала плохую услугу и Нилу. Пока продолжался публичный скандал, вызванный двоебратием Джинни, он оказывал давление на окружного прокурора Палм-Спрингс, чтобы добиться ее ареста.

Вилли решила быть постоянно рядом и, хотя она еще и не сдала экзамены, позволяющие ей самостоятельно вести практику, она проверяла каждый шаг Нила с юридической стороны, чтобы оградить маму от еще больших неприятностей.

Она долго думала, кого бы ей выбрать для защиты интересов Джинни. Это обязательно должен быть порядочный и принципиальный человек. Если бы Мэтт был практикующим адвокатом, ее выбор несомненно пал бы на него.

Вторым на примете был Кен Харпер, по ее мнению, обладавший высокими профессиональными качествами. Харпер был адвокатом, который работал ради дела, а не ради гонорара. Поэтому именно ему Вилли решила доверить будущее своей матери.

Вилли отправилась в Лос-Анджелес, где в деловом центре находился офис Харпера. Он был не похож на остальные юридические офисы. Его обстановка отличалась небрежностью и беспорядком – разнородная мебель, по стенам в хронологическом порядке наклеены газетные вырезки с отчетом о делах, которые вел Харпер. Там же мелькали его фотографии. В офисе не было секретарш. Молодые служащие сами отвечали на звонки, делились новостями, вели записи. Когда Вилли спросила, где можно найти Харпера, ей указали на двери маленького служебного помещения. Харпер оказался довольно молодым человеком высокого роста. Он был в рубашке с

нарукавниками и занимался тем, что целился скомканной бумажкой в корзину для бумаг. Заметив в дверях Вилли, он смущенно улыбнулся.

– Это помогает мне сосредоточиться, – сказал он. – Чем могу служить?

Вилли представилась. Она вспомнила его – он присутствовал на заседании "Спорного суда" во время ее выступления.

Он прищурился, внимательно глядя на нее.

– Школа Клары Бартон? – тоже вспомнил он.

– Да, – ответила она удовлетворенно. Ей было приятно, что он ее узнал.

– Вы держались молодцом, – сказал он. – Чем могу быть вам полезен?

Вилли достала пресловутую газетную статью и положила перед ним.

– Мы нуждаемся в хорошем адвокате, мистер Харпер...

– Кен, – поправил он.

– Кен, – улыбнулась Вилли. – Моя мама не должна быть арестована, и дело мы должны выиграть. Возьметесь ли вы за него?

Харпер теребил свои длинные волосы, изучая статью.

– Я занимаюсь вопросами обеспечения эмигрантов работой, выступаю против дискриминации меньшинств, борюсь за права незамужних матерей и тому подобное. Палм-Спрингс и женские проблемы – это не совсем то направление...

– Здесь дело не только в женских проблемах, – решительно сказала Вилли. – Суть в том, что молодая женщина в положении моей матери должна обратиться в суд с заявлением о разводе. Но для этого ей необходимо ехать в Южную Дакоту. Разве это не одна из форм дискриминации, против которой вы боретесь? Пожалуйста, Кен... По крайней мере, хоть повидайтесь с моей матерью в Палм-Спрингс. Я думаю, вас это убедит...

Харпер оторвал от листа бумаги клочок и скатал из него шарик, потом другой, потом стал целиться в корзину для бумаг. Наконец он встал.

– Когда едем? – спросил он.

Дело, возбужденное против Вирджинии Делайе, известной как Вирджиния Коркоран, в городе Палм-Спрингс, штат Калифорния,

наделало много шуму. Оно поставило в тупик как окружного прокурора, так и всю общественность.

Несомненно, у штата были более важные и неотложные дела. Но шумиха, которую подняли средства массовой информации вокруг этого дела, заставила администрацию штата ускорить его рассмотрение. Надо было показать людям богатым и со связями, что нельзя сквозь пальцы смотреть на закон, особенно касающийся института брака.

Вирджиния Делайе находилась в сложном положении. Теперь все знали, что она вышла замуж, уже имея одного мужа, которого бросила и обманула. Она неуважительно отнеслась к законам и суду штата Южная Дакота. Окружной прокурор всячески заверял прессу, что на него никто не оказывает давления, и только суд покажет, чего заслуживает Вирджиния Делайе.

Возможно, если бы она сейчас была менее обеспечена, чем во время своего первого замужества, она бы вызвала сочувствие. Но в таком положении как раз находился ее первый муж, которого она, как считалось, бросила. Сама же она оставалась красивой и еще достаточно молодой женщиной, занимающейся прибыльным бизнесом, и все это вместе взятое оборачивалось не в ее пользу. В глазах общественности она выглядела корыстной женщиной, совершившей обман ради собственной выгоды.

Газеты продолжали раздувать скандал, публикуя гадкие статьи. Вилли убеждала мать не обращать на них внимания и не делать никаких заявлений репортерам. Молчание Джинни, ее нежелание участвовать в скандале и достойное ожидание суда давали Вилли некоторую надежду завоевать общее сочувствие.

Столкнувшись с молчанием Джинни, репортеры ограничились описанием хороших манер и образа жизни богачки. В то же время, они с удовольствием перемалывали то, что с готовностью сообщил им Перри, смакуя грязные подробности и требуя обязательного наказания жены, которая бросила его и так долго от него пряталась.

В окружении нескольких оставшихся друзей в своей старой хижине, которую он сам построил, Перри наслаждался всеобщим вниманием к своей персоне, без усталости рассказывая о своей любимой, которая разрушила его жизнь.

Нил ввязался в драку более утонченным, так сказать, светским образом. Вилли предполагала, что с Нилом ей еще придется побороться. Но ей не хотелось чернить его или наносить удар сзади. Между тем Нил нанял легендарного и известного Френсиса Алоисиса Гарригана, по прозвищу "Сильвер Фокс", адвоката с широкой клиентурой, начиная от президента Соединенных штатов и кончая главой господствующей мафии. Следуя совету Гарригана, Нил созвал пресс-конференцию и сделал свой вклад в биографию Джинни. Он заявил что чрезмерно болезненно переживает случившийся факт, поэтому просит представителей прессы быть осторожными в своих суждениях и выводах и до конца оставаться порядочными. Он сказал, что, к великому своему огорчению, причисляет себя к компании мужчин, которые остались в дураках, ослепленные красотой прекрасного женского личика. Да, он целиком отдался своей любви к Вирджинии Делайе и делал все, чтобы обеспечить ей и ее дочери безбедную жизнь. Но это не удовлетворило Джинни и тогда, по ее настоянию, он открыл ей собственный бизнес. У нее нет причин жаловаться на него.

С помощью Гарригана он вылепил образ великодушного и благородного человека, обманутого корыстолюбивой и коварной женщиной.

Когда пресс-конференция закончилась, Вилли обуревали сомнения – правильно ли она поступила, убедив Джинни не делать публичных заявлений и объяснений. Теперь уже поздно было выступать в свою защиту. Все, что они могли сейчас делать, – это отрицать полуправду. Заявление в прессе выглядело бы смешным после этой пресс-конференции. Вилли решила отказаться от примитивной тактики открытой борьбы. При всей своей принципиальности и непреклонности, Вилли не могла не отдать должное Гарригану, который, возможно, сумел бы создать более благоприятную атмосферу для защиты Джинни, чем Кен Харпер.

Ее сомнения усилились после первого же дня заседания суда. Оно прошло неудачно как для Джинни, так и для ее адвоката. Эта ситуация напомнила Вилли аналогичную, которая сложилась много лет назад в Белл Фурше. С той лишь разницей, что тогда ее мать была бедной, измученной, напуганной, никому не известной женщиной – легкой добычей для дешевого адвоката. Сейчас она имела несколько иной

статус, у нее был хороший адвокат, но все по-прежнему складывалось не в ее пользу.

Вилли и Кен решили, что Джинни следует отказаться от суда присяжных. После того, как пресса создала ей негативный имидж, Вилли решила отдать будущее своей матери в руки судьи. Она знала, что, исходя из конкретных обстоятельств, судья имеет право вынести вердикт "невиновна", если даже бесспорно то, как в случае с Джинни, что она умышленно решилась на двоебрачие.

Для Кена Харпера начало тоже было неудачным. Его восприняли как выскочку, который приехал в Палм-Спрингс, чтобы приумножить свою популярность как защитника либеральных и радикальных принципов.

У судьи была хорошая репутация. Он слыл справедливым человеком. Но даже в его отношении к адвокату Джинни чувствовалась предвзятость. Когда Кен попросил у суда разрешения вызвать в качестве свидетелей Лауру и еще несколько человек из обслуживающего персонала местного клуба, которые знали Джинни еще до ее замужества, судья поддержал окружного прокурора, который счел их показания бессмысленными, и отклонил просьбу Кена.

Этим самым был упущен шанс показать, что Джинни не алчная хищница, а обыкновенная труженица и хорошая мать, которая, к счастью, или к несчастью, приняла предложение богатого члена клуба.

Позже Вилли отвела Кена в сторону и сказала:

– Вам не кажется, что идет движение по инерции? Складывается впечатление, что у вас не осталось шанса защитить вашего клиента.

– Не знаю, Вилли, – Кен покачал головой. – Может, вы хотите поискать другого адвоката? Судья не упустит возможности унижить меня. Мне кажется, он специально отклоняет все мои предложения. У меня будто связаны руки. Я не хочу сослужить вашей матери плохую службу, но давайте взглянем правде в глаза – она пошла на двоебрачие...

Вилли прекрасно это понимала. Как и в прошлый раз, все обстоятельства складывались против ее матери. Последствия процесса могли быть самыми удручающими. Спасти Джинни от тюрьмы – это только полдела. Главной целью Вилли было признание невиновности ее матери и несправедливости обвинения. Необходимо это было, главным образом, для того, чтобы расплатиться с Нилом. Вилли надо

было любым способом заставить суд выслушать, какой на самом деле была жизнь Джинни. Если бы суду открылась действительная жизнь матери, а не та, которую нарисовал Перри! Но для этого нужны были существенные доказательства. И только в одном месте Вилли могла добыть их.

– Делайте все возможное, – попросила она Кена. – А я первым же самолетом полечу в Южную Дакоту. Там я обязательно найду то, что нам нужно.

Два драгоценных часа Вилли провела в здании окружного суда. В одной из комнат под пытливым взглядом клерка она ожидала копию судебного разбирательства о разводе, которое Джинни прервала когда-то. Затем, вернувшись в аэропорт, она в течение пяти часов изучала этот документ в ожидании самолета в Лос-Анджелес. С каждой прочитанной страницей росло ее негодование. Она представляла себе, что должна была чувствовать ее мать в те ужасные дни. Вилли словно видела ее – молодую, наивную и испуганную. Она говорила правду, а ее слова выворачивались наизнанку и использовались против нее самой. Она казалась отверженной в здании законного суда. Это был документ, который Кен может представить как доказательство ее реальной жизни.

Когда Вилли вернулась домой, то узнала, что в ее отсутствие их посетил Френсис Алоисис Гарриган. Он предложил Джинни взять "Серебряный экран" в аренду, на что согласен мистер Коркоран, человек широкой и доброй души, как выразился адвокат, и притом совсем не мстительный. Плату за аренду Нил повысил в пять раз, Он сказал, что это реальная рыночная стоимость.

Испуганная и растерянная Джинни показала ей бумагу. Она удивлялась, почему Нил обратился к ней с этим предложением в середине этого ужасного процесса, тем более, что старая аренда была действительна еще на протяжении шести месяцев.

Вилли все прекрасно поняла. Нил подчеркивал тот факт, что у него есть все права обращаться с Джинни, как с посторонним человеком, и у него не осталось перед ней никаких обязательств. Он – хозяин. Повысив плату, он дал ей понять, что он уже не тот человек, который до недавнего времени назывался ее мужем.

– Я позабочусь об аренде, – пообещала Вилли. – У меня есть кое-что для Кена.

Она просидела всю ночь, мобилизовав все свои знания и небольшой опыт для того, чтобы составить заявление в суд. Судья должен принять его.

В здании суда она передала бумаги Кену, и он за полчаса до начала заседания успел пробежать их, кивая Вилли в знак одобрения.

– Сделайте это для меня, Кен. Пожалуйста...

– Я постараюсь, Вилли.

Он с таким чувством читал текст, будто сам написал его. После подробного описания бесплодной борьбы Джинни за свою независимость от Перри в Белл Фурше Кен подытожил:

– Ваша честь! Мы не отрицаем виновность моего клиента в двоебрачии. Да, она официально оформила свои отношения с Нилом Коркораном, что, как известно, в ее положении запрещено законом. Но, как только что стало вам известно, мой клиент – в то время молодая женщина без средств к существованию – пыталась в течение шести лет, шести долгих лет, тяжелых и полных лишений, обрести свободу от человека, который бросил ее и своего ребенка. Ваша честь! Мы особенно настаиваем на том, чтобы суд принял во внимание и учел этот период жизни моего клиента. Даже отъявленному преступнику, находящемуся под защитой нашей Конституции, гарантируется честное ведение процесса и благосклонное отношение судьи, когда это необходимо. Мы утверждаем, Ваша честь, что женщина, которая предстала перед судом, не преступница, а жертва системы, которая сломила ее. Недостатки нашего права позволили Перри Делайе сперва отказаться от обязанностей мужа и отца, а потом, извращая закон, направить всю его силу на то, чтобы помешать этой молодой женщине устроить свою жизнь и жизнь своей дочери. Мы настаиваем на том, Ваша честь, что это – не закон, раз он не смог защитить права Вирджинии Делайе и навлек на нее столько страданий и несчастий. Теперь мы спрашиваем суд, может ли он, зная о ней всю правду, считать ее виновной. Защита просит перерыва.

Судья удалился и менее чем через час вернулся. Когда он объявил приговор, Джинни растерянно повернулась к Вилли.

– Ты свободна, мама, – спокойно сказала Вилли и добавила. – Мы обе свободны...

В течение пяти дней, почти забыв о сне и еде, она готовилась к визиту Гарригана. Она услышала игривую нотку в его голосе, когда

позвонила ему, чтобы условиться о встрече по делу о "взаимных интересах". К ее удовлетворению, он не пригласил ее к себе в гостиницу, а галантно попросил разрешения посетить их дом. Он сказал, что должен сообщить ей кое-что важное. Гарриган был убежден, что он работает, исходя из позиции честности и твердости, но не непобедимости. Он с достоинством принял свое поражение.

Он так и выглядел, когда Вилли открыла ему дверь. Пройдя в комнату и усевшись в кресло, он сказал:

– Мой клиент, естественно, хочет, чтобы был положен конец всем этим публикациям...

– Держу пару, – перебила его Вилли, – они сейчас могут сослужить ему плохую службу.

– Мисс Делайе, – спокойно произнес Гарриган, вставая с кресла и поправляя жилетку.– Сейчас я уйду, но считаю своим долгом предупредить, что у вас не остается другого шанса, как начать судебный процесс, который, как я вам обещаю, будет дорогим и долгим. Продолжение беседы – в ваших интересах. Вы не согласны?

Вилли кивнула. Что-то подсказывало ей, что с этим человеком не стоит драться. Ведь это был сам Ф.А. Гарриган. Но она не испытывала страха перед ним. Скорее, недовольство собой.

– Тогда, молодая леди, позвольте разговаривать с вами, как с умным, способным, но недостаточно опытным адвокатом. Мой клиент рекомендовал мне вас именно так. Иначе я не был бы здесь в это прекрасное утро. В нашей с вами работе требуется больше знаний, чем те, которые мы черпаем из книг. В первую очередь, мы – коллеги. Мы можем быть оппонентами, как, например, сейчас. Дела приходят и уходят, а мы остаемся, чтобы столкнуться друг с другом уже на другой арене. Обслуживая своих клиентов, мы должны с уважением относиться друг к другу. Мы должны быть вежливыми и любезными. Нам необходимо понимать друг друга. Не так ли, мисс Делайе?

Вилли снова кивнула. Ее уши горели. Она чувствовала себя школьницей. Она и раньше слышала эти советы от Бодлея Хоуджа III.

– Прошу извинить меня, – сказала она. – Я была резка. Пожалуйста, продолжим...

– Извинения принимаются. Теперь позвольте сообщить вам, какое предложение есть у моего клиента. Я надеюсь, что вы понимаете, что

он делает его не от страха или слабости, а из желания избежать судебного процесса.

Гарриган со свойственной ему обстоятельностью и любезностью очертил круг вопросов по урегулированию конфликта. Согласно его предложению, "Серебряный экран" освобождается от платы за аренду на десять лет, личное имущество Джинни, включая подарки, которые она получала от Коркорана, остаются ее собственностью, кроме того, она получает денежную компенсацию в размере десяти тысяч долларов. От Джинни требуется подписать документ, который свидетельствует о ее отказе от каких-либо претензий на имущество Нила.

– Мне кажется, что это очень справедливый документ, учитывая сложившиеся обстоятельства, – добавил Гарриган в заключение.

Вилли хотелось рассмеяться ему в лицо, но она хорошо усвоила его урок.

– Да, на первый взгляд, это вполне разумный документ. Мы, как и ваш клиент, против судебного разбирательства. Мы также знаем, что он будет оскорблен и унижен, если выплывут некоторые подробности его личной жизни.

Вилли заметила, как Гарриган заерзал на стуле. Ей был противен метод, которым она сейчас пользовалась. Ей совсем не хотелось раскрывать извращенные сексуальные пристрастия Нила, потому что тем самым она пачкала и свою мать. Но ей хотелось, чтобы этот высокомерный человек, сидящий напротив нее, знал, что если не будет достигнуто договоренности, его клиент может потерять нечто большее, чем деньги. Поэтому она решила наступать.

– Я надеюсь, вы слышали о деле Ренолдз, урожденной Добсон, по которому была подана апелляция в Верховный суд Нью-Джерси.

Не суетясь, рассчитанным движением Вилли положила на столик рядом с портфелем Гарригана папку с драгоценными для нее бумагами, добытыми ею в результате долгих часов работы. Это было дело Линды Добсон, младшего в семье ребенка, которая убежала из дома в штате Огайо и, прибавив себе возраст, вышла замуж за богатого фабриканта Стэнли Ренолдза. Через восемь лет брак был расторгнут. При подготовке дела адвокат Ренолдза обнаружил этот обман, и суд признал брак недействительным. В то же время, Линда Добсон обратилась в суд с претензией на большую часть имущества Ренолдза,

мотивируя это тем, что в течение длительного периода они жили как муж и жена.

Взглянув на Гарригана, Вилли увидела в его глазах недоумение. Это было для него сюрпризом. Хорошо зная Нила, Вилли предполагала, что ему совсем не хочется лишний раз появляться в суде. Однако то, что он предложил Джинни, являлось заслугой Гарригана, который, движимый интересами клиента, хорошо понимал, что шансы проигравшего процесс уменьшились.

Гарриган встал, торжественно поправив пиджак, жилетку и галстук.

– Я прошу прощения, мисс Делайе, но, я думаю, у нас еще много времени впереди. Не будете ли вы так любезны предложить мне завтрак?

– Завтрак? – растерянно спросила Вилли. Она собиралась вести себя дипломатично, но неужели он думает, что она будет ему готовить? Но прежде чем она успела что-то сказать, Гарриган пояснил:

– Деловой завтрак. В моем понимании, это виски. Пожалуйста, стаканчик. Если, конечно, у вас найдется...

Он улыбнулся, и Вилли сразу увидела в нем характерное сочетание чисто ирландского обаяния с острой пронизательностью, благодаря которому он всегда побеждал.

– Принимая во внимание, что мы друг к другу в оппозиции, я надеюсь, вы не откажете мне в двойной порции?

Последующие шесть часов они провели в спорах и обсуждениях. Стакан Гарригана периодически наполнялся. Когда они закончили, он поднялся, все такой же непоколебимый, как скала, снова поправил свой галстук, жилетку и пиджак и сказал:

– Я составлю новые документы. Могу ли я прислать их сюда?

– Их должен посмотреть адвокат мамы, – сказала Вилли. – Я выступаю лишь в качестве заинтересованной стороны.

Глаза Гарригана игриво блеснули.

– И в качестве самой адской стороны. Желаю вам всего хорошего, мисс Делайе. Я уверен, скоро мы увидимся.

Согласно договору, Джинни получила магазин в тридцатилетнюю аренду. Она должна была выплачивать по одному доллару в год. К ней также переходило все оборудование и, фактически, она становилась полновластной хозяйкой предприятия. Ей вернулись все подарки Нила,

которые он делал ей в течение их совместной жизни, включая "кадиллак", драгоценности и меха. Кроме того, Нил должен был выплатить ей семьсот пятьдесят тысяч долларов. Выплату разбили на три срока, чтобы избежать больших налогов.

Вилли была уверена, что судья согласится с этим договором, и наконец-то ни ее, ни Джинни не будет преследовать их тайна.

Но когда эту новость сообщили Джинни, она выглядела довольно странно для женщины, получившей подарок фортуны и, наконец, освободившейся от мужчины, с которым никогда не была счастлива.

– Что случилось, мама? – спросила Вилли. – Ты вся дрожишь. Все кончилось. Больше никто не обидит тебя.

– Не знаю, детка, – вздохнула Джинни. – Это город Нила. Я не знаю, что скажут люди, как они будут смотреть на меня, независимо от того, что решил судья...

– Он сказал, что ты невиновна, – перебила ее Вилли. – И ты знай, что это не собственный город Нила. У тебя будут свои друзья. Тебе не нужны друзья Нила. Ты же видишь, как они неискренни.

Вилли мучительно искала способ помочь маме почувствовать себя более уверенной. Глядя на лицо матери, по которому непрестанно текли слезы, Вилли пыталась быть спокойной и своим примером внушить ей твердость.

– Послушай, мама, – говорила она ей. – Ты должна быть счастлива. У тебя есть деньги, свой бизнес. Ты можешь делать все, что захочешь.

– Я знаю, детка, – Джинни снова вздохнула. – Я не хочу больше ничем беспокоить тебя. Но проблема в том, что я уже не в состоянии ничего делать.

Тревога и беспокойство охватили Вилли. Как помочь маме выйти из депрессии? Вдруг ей пришла в голову одна мысль.

– Может, тебе лучше на время уехать из Палм-Спрингс? Поедем со мной в Вашингтон. Я ничего не хочу обещать заранее, но, возможно, я выйду замуж.

– Ой, детка, как это чудесно! – лицо Джинни прояснилось. – Кто он? Расскажи мне о нем поподробнее. Как же ты молчала все это время? Господи! Если бы я знала об этом...

– Его зовут Мэтт Хардинг. Он судья... ты его видела на фотографии в газете.

Восторг Джинни несколько поумерился.

– Но, милая, он ведь... – она не знала, как выразиться, чтобы не обидеть дочь, но Вилли помогла ей.

– Он старше меня. Это неважно. Он самый прекрасный человек на свете. И мы любим друг друга.

Джинни снова просияла.

– Я догадывалась об этом. У тебя хорошая голова на плечах, не то, что у меня. Ты же знаешь, что я желаю тебе всего самого хорошего...

– Я знаю. У меня все хорошо. Тебе понравится Мэтт. Поедем со мной, я хочу познакомить тебя с ним.

– Я поеду, детка, – согласилась Джинни. – Но мне нужна неделя-другая, чтобы привести все дела в порядок. А потом я буду готова встретиться с твоим... женихом. Я ни за что на свете не хочу пропустить такой момент.

– Мои поздравления, адвокат, – широко улыбаясь, сказал Гарриган. Он передал Вилли несколько документов, включая договор на аренду "Серебряного экрана" и чек на двести пятьдесят тысяч долларов. Он торжественно и с удовольствием заявил, что спорить им больше не о чем, разве что в другой раз и в другом месте. Это покажет время.

После того, как все формальности были закончены и Вилли подала ему его "завтрак", он сказал:

– Встреча с вами напомнила мне библейскую историю о Давиде и Голиафе. Что же касается дела вашей матери, то я подозреваю, что архитектором такой прекрасной защиты был отнюдь не ее адвокат. Слова, которые он произносил, были не в его стиле. Я должен согласиться с тем, что ваша молодость, ваша красота и, еще в большей степени, то, что вы женщина... повлияли на то, что я не дооценил вас и позволил обойти себя. Следовательно, – он театрально вздохнул, – это для меня равно катастрофе.

– Я не знала, что вызову эту катастрофу, мистер Гарриган...

– Зовите меня Френсис. Я настаиваю...

– Хорошо... Френсис. Я думаю, мы достигли соглашения. Несмотря на все ваши усилия в обратном направлении.

– Это правда, Вилли. Надеюсь, мне можно вас так называть? Но мои большие усилия можно оправдать интересами моего клиента.

– Я понимаю.

– Я хочу, чтобы вы работали у меня. Мне бы не хотелось, чтобы ваши мозги помогли моим конкурентам.

При всем своем предвзятом отношении к нему, Вилли поразила его непредсказуемость. Между тем, он продолжал.

– Вы мне нравитесь. Вы образованный и умный человек, и вы оправдаете каждый пенни из сорока тысяч долларов, с которых вы начнете. И, если я не ошибаюсь, что случается со мной довольно редко, в ближайшем будущем вы станете получать гораздо больше. И, конечно, я вам обещаю продвижение по службе. Вы можете начать с отдела корпораций и...

– Я очень благодарна вам, – перебила его Вилли, – но я хотела бы работать не в этой области. Мне неинтересно помогать большим корпорациям богатеть. Тем более, что они и так имеют выбор. Я не хочу работать в больших фирмах. Я хочу помогать людям, которые действительно нуждаются в помощи. Даже если они не могут заплатить...

– Это любимая тема сегодняшнего дня, адвокат, – мягко перебил ее Гарриган. – Сделайте себе вывеску – яркую и привлекательную, и принимайтесь за работу ради спасения человечества. Поверьте, это очень благородно, – сказал он не без сарказма. – И если вы не понимаете то, о чем я говорю, вы будете заниматься делами, которые отнимут все ваши силы, но вы ничего конкретного не добьетесь. Может случиться так, что вы потеряете свой офис, будучи не в состоянии уплатить за аренду. Вам нужно время на профессиональную подготовку. Как я сказал, у вас прекрасный ум. Но вы еще многому должны научиться...

Она знала, что в словах Гарригана была доля правды.

– Спасибо, – сказала она. – Вы мне дали тему для размышления. Но мне еще надо сдать экзамен и решить кое-какие личные дела, прежде чем я начну работать.

– Размышляйте быстрее, – сказал он. А потом добавил более мягко. – Френсис Алоисис Гарриган не предлагает дважды. Даже очень способным.

Он встал и направился к двери.

ГЛАВА 17

Еще немного, и они будут вместе. Вилли чувствовала себя подобно воину, победившему в сражении и изголодавшемуся по любви. Она не звонила Мэтту со времени своего отъезда и сейчас улыбалась, представляя, каким сюрпризом для него будет ее появление.

"Мы так давно не виделись", – думала она, подъезжая к его дому. Любовь Мэтта значила для нее слишком много. Благодарение Господу, все трудности уже позади.

Ее тревоги и напряжение испарились после шестичасового полета. С букетом астр и бутылкой "Наполеона", которую купила в аэропорту, она подбежала к дверям его дома. В нетерпении стукнула три раза дверным молотком.

Кэт открыла дверь.

– Мисс Делайе, рада вас видеть. Я так соскучилась...

– Я тоже, – сказала Вилли, – но теперь я уже здесь. А где Мэтт?

– Он греется на солнышке в саду.

Вилли побежала в сад. Окруженный белыми и золотистыми хризантемами, Мэтт лежал под полосатым тентом на удобном диванчике, глаза его были закрыты.

– Сюрприз, – сказала она и бросилась к нему, целуя его. – О, любимый, как хорошо быть снова с тобой!

Руки его не раскрыли объятий, и, когда он сел, Вилли заметила, как Мэтт осунулся и похудел, а его серые глаза выглядели скорее унылыми, чем приветливыми. С любовью и нежностью она убрала волну серебристых волос, которая как всегда упрямо падала на лоб.

– Я горжусь тобой, Вилли, – сказал он мягко. – Я следил за каждым твоим шагом. Твое имя не упоминалось в газетах, но я видел его между строк. Ты боролась как хищник...

– Все уже позади. – Она вздохнула и крепко обняла его. – Я готова выйти за тебя замуж, я уже свободна, – воскликнула она. – Ты не знаешь, Мэтт, что все это значит для меня... Нет больше этой темной тайны. Сейчас ничто нас не остановит...

– Нет, Вилли, остановит. – На глазах Мэтта выступили слезы. – Пожениться мы не сможем... во всяком случае, сейчас.

– Не сейчас? – переспросила она. Ее бросило в жар, а затем обдало холодом. Вилли испугалась. Что он говорит? И почему он выглядит таким несчастным? – А когда же? – промолвила она, к ее горлу подступил комок.

Он покачал головой, словно говоря "никогда".

– Но... я не понимаю. – Вилли отказывалась ему верить. – Я думала, что мы оба хотим этого. И я готова, правда, готова...

– Но мое время уже ушло. Я стар для тебя.

– О чем ты говоришь? Ты пугаешь меня.

– В твое отсутствие у меня был второй инфаркт. Доктора еле спасли меня.

– Но почему же ты не сообщил мне об этом? Я бы...

– И что бы ты сделала? – Отрезал он жестко. – Сидела бы у моей кровати? Держала бы мою руку? Это совсем не то, о чем я мечтал, представляя нас вместе, Вилли. Ты нужна была своей матери. А я... очевидно, нуждался в том, чтоб Господь Бог напомнил мне, что судья Мэтью Хардинг не бессмертен. Следующий инфаркт наверняка убьет меня.

Эти слова резанули сердце Вилли острой болью, но она не сдавалась.

– Ты не можешь знать этого. Ты же не знаешь, когда может произойти следующий инфаркт, его вообще не будет, если ты будешь беречь себя. Что тебе говорит доктор? Держу пари, он сказал, что ты еще долго будешь жить...

Он улыбнулся, и она снова почувствовала в нем ту искорку, которая разожгла ее любовь.

Но через секунду улыбка на его лице сменилась выражением горечи.

– Ты же знаешь, Вилли, что беречь себя не в моем стиле. А беречь себя с тобой будет просто невыносимо. Так что у нас неравные шансы. Своими я не поделюсь ни с кем, а тем более с тобой, моя сладкая Вилли.

– А что мне делать со своими шансами? – вспыхнула она. – Мы же договорились, Мэтью... Мы согласились взять то, что имеем сейчас. Как говорит твой драгоценный Холмс: "понимание момента иногда стоит опыта всей жизни". В чем же истинная любовь в этот момент? Разве она не драгоценна по-прежнему и сейчас?

– "Профессор за завтраком", – задумчиво произнес он. – Одно из слабых мест. Не пытайся поймать меня на слове. Я все уже решил. Послушай. Я люблю тебя, в этом нет никакого сомнения. Мы провели с тобой прекрасное время. Я связывал с тобой свою жизнь, пока мог надеяться на что-то. Но сейчас... надо мной властно время, и я буду эгоистичным ослом, если позволю тебе ухаживать за своей старостью. Я не хочу, чтобы наши прекрасные воспоминания затмились нерадостной действительностью. Это для меня хуже смерти, и я не могу пойти на такое... даже ради тебя.

Он резко взмахнул рукой, как бы проводя черту между ними и показывая, что все интимные отношения между ними закончились.

Сердце Вилли бешено колотилось.

– А сейчас иди, – сказал Мэтт. – Пожалуйста. Пусть я навсегда останусь молодым в твоей памяти. Уверенность в этом скрасит мою старость.

С кем-нибудь другим Вилли, может быть, и поспорила бы. Но она знала твердость Мэтта. Ничто на свете не могло изменить его решение, смягчить его приговор. Это было не в его правилах.

С полными слез глазами она выбежала из дома на улицу – серую, холодную, дождливую.

Она устроилась у вишневого дерева, которое уже сбросило листву, – именно там, где они с Мэттом когда-то решили пожениться. Вилли смотрела на мрачные воды Потомака глазами, распухшими от слез. Одежда ее вымокла, но она не замечала ни пронизывающего холода, ни хлеставшего по лицу дождя.

Покинутая и несчастная, она вспоминала прошлое. Тот день, когда появился Перри, который собирался перевернуть всю ее жизнь вверх дном, лишит ее всего, чего она уже достигла. Перри бросил ее в ужасную действительность, в которой она ни на кого не могла рассчитывать и где некому было отогнать от нее печаль и опасности.

Сейчас Мэтт сделал то же самое, и ее надежда и радость сменились ужасной болью. Она никак не ожидала этого от него. Перри бросил ее в гневе, и она была ему безразлична. Мэтт же покинул ее не против своей воли, а любя. Но расплата за все была одинаковой. Что хорошего в благородстве и сердечности, если они вызвали ту же боль, что злость и глупость.

Она снова была одна, не имея представления о том, что ее ждет в будущем, ее просто несло по течению. Те планы, которые она строила, сидя под этим деревом, хрупкие иллюзии, которые Мэтт пробудил в ней в один из чудесных весенних дней, разбились этой холодной осенней ночью.

Было уже поздно, когда Вилли подъехала к гостинице. Она вдруг почувствовала себя чужой в этом городе, и ей никуда не хотелось идти. Не хотелось показываться Паркменам, не было никакого желания объяснять им то, что она сама до конца не постигла.

Более того, ей хотелось убежать и спрятаться ото всех, остаться наедине с собой, со своей болью. Вилли знала, что есть только одно средство и одна возможность жить – заняться работой, чтобы не думать и не чувствовать.

Она провела длинную бессонную ночь в своей одинокой пустынной комнате. Когда забрезжил свет наступающего утра, она приняла душ, привела себя в порядок и спустилась вниз выпить чашечку кофе.

Она совсем не хотела есть, просто надеялась, что шум голосов, звон столового серебра и стук тарелок отвлекут ее и помогут скоротать медленно текущее время. Этой бессонной ночью у нее созрело единственно правильное решение.

Когда часы показали, что рабочий день в Калифорнии уже начался, Вилли извлекла из своей сумочки записную книжку и набрала телефонный номер. Услышав в трубке театральный баритон Френсиса Алоисиса Гарригана, она кратко сказала:

– Я принимаю ваше предложение.

– Умное решение, – ответил Гарриган так же кратко.

– И хоть мне еще нужно сдать экзамены, я готова вылететь в Лос-Анджелес немедленно.

– Вы можете сдавать экзамены за счет фирмы, мисс Делайе. Но Лос-Анджелес – это совсем не то, что я вам предлагаю. Я хочу, чтобы вы работали в Нью-Йорке, в моем центральном офисе, и, пожалуйста, приезжайте сразу, как только сможете.

– В Нью-Йорк? – переспросила она.

Ей придется ехать через всю страну, чтобы начать работать. Огорчила мысль, что она будет так далеко от своей любимой мамы.

Но, с другой стороны, хорошо, что в Нью-Йорке ничто не будет напоминать о прошлом.

– Какие-нибудь проблемы? – спросил Гарриган.

– Нет, все нормально, – ответила она.

Все нормально, уверяла она себя вновь после разговора с Гарриганом. Ее будущее определилось сейчас. И если она не разрешит своему сердцу полюбить вновь, то у нее не возникнет больше никаких проблем.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

УБЕЖДЕНИЯ

ПРОЛОГ

Шейх аль-Рахман подошел к столу Вилли, пронизывая ее полным ненависти взглядом.

– Вы поступаете неразумно, защищая мою жену, мисс Делайе. Она моя, и тут уже ничего не поделаешь.

Вилли обратила внимание, как он подчеркнул слово "моя".

– В вашей стране женщина может быть собственностью, сир, но позвольте напомнить вам, что София – гражданка Соединенных Штатов Америки, и я буду отстаивать все права моего клиента, гарантированные нашими законами. Она не хочет быть вашей женой, мистер аль-Рахман, а для меня желание клиента закон. Факты...

– Бросьте. – Властным движением руки он остановил Вилли на полуслове. – Я пришел сюда не для того, чтобы обсуждать с вами Конституцию вашей страны или желания моей жены. Меня все это мало волнует. Я здесь для того, чтобы сказать вам, что София будет оставаться моей столько, сколько я пожелаю. И вы играете с огнем, вставая на моем пути. Если вы мудрая женщина, мисс Делайе, то не будете вынуждать меня демонстрировать свою силу.

Разъяренная его угрозой, она резко встала со своего места, обошла стол и остановилась прямо напротив шейха. Она вызывающе смотрела на человека, у которого должна была во что бы то ни стало выиграть судебный процесс.

– Спрячьте свои угрозы подальше. Вы никогда больше не притронетесь к Софии. Вы заплатите за все, что сделали с ней. Я вам это обещаю.

Тонкая улыбка, появившаяся на губах Шейха аль-Рахмана, говорила о том, что ее слова для него – пустой звук.

– Есть старинная арабская пословица, – сказал он мягко. – Друг моего друга – мой друг, а друг моего врага – мой враг. И сегодня вы нажили себе грозного врага, мисс Делайе. Последнее слово все равно будет за мной.

Он пошел к выходу и уже взялся за дверную ручку, но голос Вилли, такой же холодный, как и ее синие глаза, остановил его.

– У меня и раньше было много врагов, мистер аль-Рахман, и, как говорим мы, американцы, – новые враги появляются вместе с

завоеваниями. Для меня это не имеет никакого значения. Главное – желание клиента. Увидимся на суде.

Шейх аль-Рахман обернулся, и Вилли прочитала нескрываемую ненависть в его черных глазах. Она поняла, что ей предстоит жестокая борьба, борьба, в которой не будет милости к побежденному.

Араб вежливо кивнул, как будто они собирались встретиться за чашкой чая, и вышел из комнаты.

Еще долго после ухода Шейха Вилли находилась под впечатлением их разговора. Она сидела в своем мягком кресле, закрыв глаза, сжимая пальцами пульсирующие виски. Гнев, тот свирепый, справедливый гнев, который охватывал ее, когда она защищала права своих клиентов, придавал ей смелости в разговоре с мужем Софии.

Прошло уже десять лет с тех пор, как Вилли стала ведущим адвокатом среди тех, кто брался за дела о разводе. Она освободила сотни женщин от мужей, таких же свирепых, как и Шейх аль-Рахман. Всякий раз, берясь за очередное дело, она вспоминала свою несчастную мать, которая осталась лицом к лицу с жестоким миром. И это воспоминание придавало ей силы в ее работе.

Но в редкие минуты тишины в своем кабинете или в темной спальне, скучая в одиночестве, Вилли задавала себе вопрос, который часто в последнее время приходил ей на ум.

Почему же с каждым триумфом других женщин, тех, которых она защищала, она все острее ощущала тяжесть своего одиночества?

ГЛАВА 1

Из иллюминаторов самолетов, которые бороздили воздушное пространство над городом, Нью-Йорк был похож на огромный стол для карточной игры. Днем в огромных зданиях и небоскребах корпораций велась сложная игра, а ночью в ресторанах Сохо либо в шикарных особняках победители праздновали свои победы.

Для Вилли Делайе Нью-Йорк означал больше, чем игровое поле. Здесь начала она свою карьеру. В этом городе она собиралась забыть о своем прошлом и полностью отдаться работе.

Она сняла комфортабельную квартирку в кирпичном доме на Гринвич-Виллидж, в двух кварталах от Вашингтон-парка. Бывший жилец квартиры был выселен за неуплату. Хозяйка сдавала ее за триста долларов в Месяц, и Вилли согласилась после того, как посмотрела еще несколько квартир, которые были гораздо меньше этой, но стоили в два, а то и в три раза дороже. В этой квартире что-то напоминало Вилли обстановку, которую они создали с Сюзанной, поэтому она решила ничего здесь не менять.

У нее была небольшая уютная кухонька со старинным камином, который она топила почти каждый вечер. В комнате было два окна — одно из них выходило на очаровательную, зеленую улицу, а из другого открывался чудесный вид на сад, настоящий маленький оазис, изобилующий зеленью и цветами, которые были редкостью в городе, где господствовали бетон и железо.

Недалеко, на Бликер-стрит, располагались итальянские ресторанчики, наполнявшие всю округу душистыми ароматами. Вилли с удовольствием завтракала там пряными колбасками с Хрустящим поджаренным хлебом. На стенах домов висели стенды с газетами, из которых Вилли черпала информацию о жизни большого города.

По выходным она бродила по Вашингтон-парку, наблюдая за пожилыми людьми, играющими в шашки на скамейках, наслаждалась серенадами уличных музыкантов. Она любила заходить в шикарные антикварные магазины и любоваться старинными дорогими вещами.

Раз в неделю звонила маме, рассказывала о новых местах, которые посетила, о том, как усердно работала. И Джинни всегда становилось тоскливо там, за три тысячи миль, которые разделяли их.

Каждый раз она намекала, что будет рада, если Вилли приедет навестить ее. Но Вилли всегда отклоняла это предложение, ссылаясь на хлопоты новой жизни, которую она старалась построить. Вилли знала, что она не сможет жить рядом с мамой своей собственной жизнью, и Джинни со временем начинала догадываться об этом сама. Ей было очень больно от того, что Вилли никогда уже не будет ребенком, которого так волновали мамины заботы.

Городом Вилли теперь был Нью-Йорк – лабиринт, полный сокровищ и потайных ходов, которые только и ждали, чтобы она увидела их и обратила на них свое внимание. В городе пульсировала мощная энергия, которая постепенно начала передаваться и Вилли. У девушки было постоянное чувство, что ей не хватает времени. Она вся отдалась работе, и у нее появился реальный шанс забыть обо всем и не чувствовать себя одинокой.

Это была не та жизнь, о которой Вилли мечтала с Мэттом. Но теперь она знала, как предательски хрупки могут быть грезы и надежды. Намного спокойнее было отогнать от себя все иллюзии и полагаться только на свои талант, твердость и знания.

Трудовой день Вилли начинался с поспешного завтрака. Выбежав на улицу, она ловила такси. Поймать такси в этот ранний час было сложно, но путешествие на автобусе или в метро обещало много приключений и неудобств. Поэтому она голосовала до победного конца.

По дороге на работу Вилли наблюдала, как город постепенно менял свое лицо. Позади оставались спокойные кварталы Гринвич-Виллидж, она проезжала мимо старинных зданий Челси, а впереди ее ждали деловые кварталы Нью-Йорка.

Фирма "Гарриган и Пил" была такой же консервативной, как и фирма Хоуджа. Такой же мужской клуб, но без традиций и истории, без хороших манер и воспитания, благодаря которым фирме Хоуджа была присуща атмосфера доброжелательности, джентльменства, особой клановости. Там ее окружали старинная антикварная мебель, украшенная золотистой медью, а в офисе Гарригана и Пила она чувствовала себя замурованной в стекло и бетон. В Бостоне партнеры представлялись причудливыми динозаврами, но они были тактичны и хорошо воспитаны. Здесь же она чувствовала себя окруженной акулами, голодными, хищными и амбициозными. Каждый был занят

лишь собой, своими мелкими интересами. Все происходило именно так, как предсказывал ей Бад. Каждый шел своей дорогой и старался только для себя. Между служащими фирмы отсутствовало взаимоуважение, они были рады нанести удар сзади сопернику, дабы возвыситься таким образом.

В Бостоне ее приняли как равную, в Нью-Йорке же – как неквалифицированную, ничего не умеющую секретаршу, привлекательную, исполнительную "машинку", которая никогда не должна уставать. Она целыми днями сидела в своем небольшом кабинете, занималась писаниной и подклеиванием различных документов, не имея никаких контактов с клиентами.

Вилли считала, что способность к компромиссу и согласию являются лучшими чертами адвоката. Поэтому она пыталась вынести что-то полезное даже из этой работы. Она постепенно узнавала, как закон работает на деле. Из протоколов различных дел она черпала для себя информацию, которая не попадала в лучшие университетские учебники и пособия. Она наблюдала за тем, как Гарриган строил защиту, не имея, ничего, кроме своего пытливого ума и набора хитростей. И все же большинство процессов кончались его победой. Она видела, как судьи меняли свои взгляды, как понятия "правда" и "ложь" ни во что не ставились адвокатами, преследовавшими лишь свои корыстные интересы.

Чем больше она узнавала, тем скорее ей хотелось приступить к настоящей адвокатской практике. Сколько же еще ждать этого счастливого дня, когда ее признают настоящим адвокатом?

Однажды холодным мартовским утром ей попала в "Нью-Йорк таймс" заметка-интервью с женщинами-адвокатами, которые описывали как раз то, что Вилли испытывала на себе, – атмосферу символического, формального участия, нескрываемо пренебрежительного и эксплуататорского отношения. Интервью было коротким, но правдивым и поучительным. Оно очень расстроило Вилли и заставило ее задуматься. Молодые женщины писали, что нельзя умалчивать о несправедливости. Они говорили, что наверняка найдутся еще многие женщины, которые поддержат их требования равноправия.

Вот тут терпение Вилли лопнуло. Она резко встала со своего места и прошла в кабинет начальника отдела. Джек Корн, мужчина

средних лет, удивленно поднял на нее глаза. Она начала без всякого вступления:

– Когда я нанималась сюда, Френсис обещал мне продвижение и серьезную работу. Где все это, Джек?

Корн, похоже, не удивился выходке Вилли.

– Остыньте дорогая, и ответьте мне, что вы подразумеваете под серьезной работой?

Вилли пересилила свой гнев.

– Я не хочу, чтобы меня отодвинули на второй план, в то время как на первом фигурируют одни мужчины.

– А что, если я скажу, только, конечно, между нами, что все так и должно быть?

– Нет, достаточно, Джек. Вам не удастся больше следовать этому правилу. Я хотела бы изменить ваше отношение ко мне, и, если мне это не под силу одной, я найду, куда обратиться за помощью. Вы можете сообщить об этом Гарригану.

Корн притих, и не только потому, что был удивлен прямоотой девушки. Как ответственный работник фирмы, он испугался, что может потерять этого молодого, талантливую юриста, которого сам Гарриган принял в штат.

– Хорошо, Вилли, вы будете проводить консультации с клиентами. Вы довольны?

– Никаких консультаций. Мне нужен собственный постоянный солидный клиент, – резко ответила она.

– Что скажете о Джедсоне Маддене? – быстро переспросил он.

– Я согласна.

– Тогда забирайте его дело и работайте.

Корн снова зарылся в своих бумагах, давая понять, что разговор окончен.

Джедсон Мадден был толстым, самодовольным, преуспевающим сыном бакалейщика. Он скопил свое состояние в течение двух десятилетий, благодаря практичному уму и усердной работе. С первого взгляда он напомнил Вилли Клайтона Хенди, одного из самых богатых и, пожалуй самого неприятного человека в Белл. Фурше. Хоть никто не мог обвинить Клайтона в нарушении закона, все соглашались с тем, что человек он непорядочный.

О Маддене была напечатана статья в либеральной газете, где его представили не в очень лестном свете, и он обратился за помощью в фирму "Гарриган и Пил".

Во время первой беседы Мадден показал Вилли номер "Де виллидж крайе" со статьей Ника Росситера, которая была напечатана на первой странице. Росситер был спортивным обозревателем, который писал в основном о боксе и футболе и часто печатался в рубрике "Разное". Кроме того, он был известен как бесшабашный любитель выпивки.

В своей статье Росситер писал, что Джедсон Мадден бездушный торговец, который крутит в газетном мире, как финансовые воротилы на Уолл-стрит. – "Пользуясь случаем, пишу об этом в "Крайе", беспокоясь о том, чтобы и его не проглотил Мадден".

– Я подвергался подобного рода нападкам и раньше, – объяснял клиент Вилли. – Но сейчас все это зашло слишком далеко. И мне хотелось бы использовать именно "Крайе", чтобы остальным было неповадно. Раньше я не обращал внимания на людей, подобных Росситеру, но сейчас я боюсь, что такого рода обвинения могут негативно повлиять на мою репутацию. Я хочу выразить протест, я просто уверен, что это необходимо.

Вилли кивала, слушая объяснения Маддена, и пыталась понять, что он от нее хочет.

– Джек сказал мне, что вы хорошо понимаете психологию этих либеральных баламутов. Как вы думаете, мисс Делайе, должен ли я публично предупредить людей из "Крайе", чтобы они перестали меня кусать?

Вилли считала довольно тяжелой для себя работой заниматься публичным выяснением отношений, но не могла же она снова бежать к Джеку и просить у него нового клиента.

– Я принципиально против запугивания, – сказала она. – Но я могу дать вам хороший практический совет. Выступление Росситера не причинило вам какого-либо существенного вреда. Это всего лишь его работа. Чтобы заработать деньги, ему надо писать статьи. Если вы оставите его в покое, то вся эта история вскоре забудется, и газетчики будут искать скандальные темы для своих заметок в другом месте.

– Я же совсем по-другому смотрю на это дело. Мы не должны так просто спускать им их болтовню. Может быть, мы сумеем преподать

им полезный урок и показать, что моя работа гораздо важнее их болтовни?

– Нет, – прервала его Вилли. – Конечно же, с одной стороны, вы совершенно правы. Но мне кажется, что вам не стоит терять свое драгоценное время на эту ерунду. Газетчики – профессиональные скандалисты. Это же их призвание. Вы потратите время и немалые деньги, а они используют вас, чтобы поднять свою популярность. Подождем, пока улягутся страсти и осядет вся эта муть, а затем напишем письмо этому корреспонденту и пожелаем ему и его коллегам всяческих успехов в работе. Затем позвоним редактору и попросим поднять жалованье его людям за "отличную работу".

Вилли улыбнулась.

Мадден, довольный, потер руки.

– Ну что ж, мне нравится ход ваших мыслей. Разрешите пригласить вас на ленч.

Через несколько недель после этого случая имя Джедсона вновь появилось в прессе. О нем писал уже провинциальный корреспондент Вильям Рендольф Херет, который считался некоронованным королем прессы старого типа. Обычно он использовал свою газету для различного рода сплетен. Он напечатал заметку, в которой оценил бизнес Маддена как чистой воды спекуляцию, и кроме того упомянул о Вилли как о советчице и сообщнице Маддена.

Такого рода заметка давала повод для размышления шефу Вилли Гарригану, и она решила изменить свою тактику. Те действия, которые она собиралась предпринять, были ей отвратительны, но она понимала, что это единственный шанс оградить себя от последующих нападков газетчиков.

Эта мысль пришла ей в голову в понедельник утром, когда она подводила итоги своей месячной работы. Вилли заключила, что очень мало времени было уделено практике, и решила использовать дело ее клиента для публикации, которая должна "подлечить" "больную" сплетнями прессу. Она как раз обдумывала этот вариант, когда секретарша принесла подписанный самим Гарриганом пригласительный билет на вечеринку, посвященную очередной годовщине их фирмы.

– Для полного счастья мне не хватало только этого, – произнесла Вилли.

Она выбросила пригласительный билет в корзину для мусора, расправила плечи и зашагала к кабинету "Его превосходительства".

– Мне надо поговорить с вами, – сказала она.

– Успокойтесь, Вилли. Я вижу огонь в ваших глазах. Неужели причиной вашего негодования вновь являюсь я? Мы с вами одни в этой комнате, и здесь не судебный процесс.

Вилли сдержала смех, который часто распирал ее, когда она слышала теоретизирование Гарригана. Она пересилила себя, улыбнулась и сказала:

– Вы правы, босс. Но мне интересно, вы играете мною или торгуете?

Гарриган улыбнулся ей в ответ. Вилли насторожилась. Больше всего на свете она не доверяла его хорошему юмору.

– Да нет, Вилли, все намного проще, чем вы думаете. Я просто хочу показать вам, как в нашей фирме ценят ваш талант и умение. Так что будьте добры, найдите время, чтобы посетить наш вечер.

– Ну что ж, я постараюсь, – ответила Вилли и вышла из кабинета Гарригана.

Не успела она как следует подумать о том, что у Гарригана на уме, как секретарша сообщила ей, что звонит мистер Ник Росситер – тот самый Ник Росситер, который написал массу неприятных слов в адрес ее клиента.

Она подняла трубку.

– Вы знаете, с кем говорите? – спросил мягкий глубокий голос.

– Еще бы. Вы тот самый человек, который сделал моего клиента притчей во языцах?

Смех Росситера был громким и искренним.

– Я очень польщен тем, что так высоко оценили мой скромный талант, но особенно меня поразило поведение Маддена после выхода статьи. Я понял, что ему самому до такого не додуматься. Ну что ж, вы победили. И как снисходительный победитель вы просто обязаны дать мне интервью.

– У меня совершенно нет времени, – принципиально ответила Вилли.

– Тогда я просто поселюсь под вашей дверью, – заявил ей Ник. – Я буду по крохам собирать ваше время.

Десять минут, когда вы закурите, пять, когда будете причесываться...

Вилли начала злиться на себя за пустую болтовню с этим человеком.

– Я не курю, мистер Росситер, и предпочитаю расчесывать свои волосы без свидетелей. Но мне стало интересно. О чем это вы собираетесь говорить со мной?

– На любую тему, которую вы сами выберете. Мое перо только и ждет ваших приказаний.

Вилли перелистала свой календарь. Если она воспользуется предложением Росситера, то сможет остановить всякого рода сплетни о ней в прессе и открыто выступить в печати. Ну что ж, это как нельзя кстати, подумала она и ответила:

– Хорошо. С человеком, который признал свою вину... я согласна поговорить. Только это может быть или завтра, или же через пару недель, не раньше.

– Я очень признателен вам за то, что вы смилостивились над побежденным. Много хлопот я вам не причиню.

Вилли подумала про себя: "Мы побеседуем, а что касается хлопот, я сама о них позабочусь".

Нику не хотелось откладывать их встречу в долгий ящик.

– Тогда завтра? Как насчет ленча в "Лайонс хед", он находится на...

– Я знаю, где это, – перебила Вилли. – Завтра, в двенадцать тридцать увидимся там.

Разумеется, он должен был выбрать "Лайонс хед", подумала она. Это место в Виллидж было известно и любимо писателями и журналистами.

Вилли сидела в одном из роскошных кожаных кресел в кабинете Гарригана и приглядывалась к мужчине, который мог стать ее следующим клиентом. Харви Сильверстен был примерно такого же возраста, как и ее шеф Гарриган, но на этом их сходство и заканчивалось. В отличие от Гарригана, облаченного в темный шерстяной пиджак, клиент был одет в кричащий итальянский костюм, что выразительно говорило о его вкусах и стиле. Он не понравился Вилли с первого взгляда. Но, как часто любил повторять Гарриган,

"если бы мы работали только с клиентами, которые нам нравятся, то давно уже очутились бы на улице".

Вилли слушала Гарригана, который объяснял суть дела. Клиент оказался директором корпорации, занимающейся производством и продажей вин, как на внутреннем рынке, так и в Европе.

– Я помогаю Харви в покупке итальянского виноградника, – говорил Гарриган. – Переговоры закончатся через пару дней, и я сказал ему, что вы лучше, чем кто-либо, справитесь с оформлением итоговых документов и организуете подписание всех необходимых бумаг.

Вилли взглянула на Харви, который, по всей видимости, был не в восторге от ее кандидатуры.

Вероятно, Френсис поймал рыбку, которую можно изжарить, думала она, и теперь он пытается внушить этому малому благосклонность к ней.

Достаточно уверенный в себе, Харви спросил:

– С какими клиентами вам приходилось работать? – Он говорил таким тоном, как будто просил продавщицу показать ему какую-то безделушку.

Вилли бросила взгляд на Гарригана. Может ли она говорить о своей квалификации?

– С разными, мистер Сильверстен, – ответила она с чувством ущемленного самолюбия. – И с такими солидными, как вы, тоже.

Сильверстен многозначительно кивнул и обратился к Гарригану:

– Ведь разговор идет о сделке в пятьдесят миллионов долларов. Да, я согласен, что она прекрасная девушка, но...

– Не беспокойтесь, – сердечно произнес Гарриган. – Что касается закона, то паша Вилли думает как мужчина, а в некоторых случаях даже лучше. В темном судебном деле – в совершенно безнадежном процессе она борется против всех и выигрывает, – засмеялся Гарриган.

Вилли еле подавила свой гнев. А Гарриган расхваливал ее, чтобы поколебать предубеждение Харви. Гордость требовала от нее встать и покинуть комнату, но она знала, что это не выход из положения. Закон все еще был бастионом мужского шовинизма, и единственный путь к признанию – делать все лучше мужчин.

– ... и вы завтра вечером летите в Рим, – очнувшись от размышлений, услышала она голос Гарригана.

Эти слова отрезвили Вилли. Она никогда не была в Италии. Между прочим, она не была нигде за пределами Соединенных Штатов. Френсис подмигивал ей, словно хотел сказать: добро пожаловать, Вилли, в наш мужской клуб. И когда она снова взглянула на своего клиента, то не сомневалась, что все, чего ей удастся достичь, она достигнет своим трудом.

Вилли основательно подготовилась к разговору с Ником Росситером. Он был похож на одного из парней типа Питера Пена, о которых постоянно предупреждали наивных девочек. Он не лез в карман за словом и был прост в обращении. Часто фотографируясь с соблазнительными женщинами, он имел в городе репутацию "своего парня". Затем начали появляться его статьи, из которых стало ясно, что он работает на определенных людей.

Оснащенная всеми своими предубеждениями, Вилли быстро доехала до "Лайонс хед". В двенадцать тридцать она уже была там. Спустилась в прохладный подвальчик. Приятно лилась музыка Джона Леннона. У стойки из красного дерева мужчины горячо обсуждали последнюю скандальную историю, касающуюся одного из членов городского совета. И среди них был Ник Росситер. На вид ему было около сорока. Среднего роста, с волнистыми русыми волосами и щетиной, которую он не брил, наверно, для того, чтобы показать окружающим, что он провел пару недель вдалеке от цивилизации. Он был одет в китайские брюки и вязаный серый пуловер, через плечо был переброшен плащ английского покроя.

– Даю голову на отсечение и еще десятку баксов впридачу, что не пройдет недели, как Д.А. предъявит свои обвинения, – сказал он, хлопая ладонью по стойке.

Случайно обернувшись к двери, он заметил Вилли.

– Мои приветствия, адвокат. – Он пригласил Вилли за столик.

Когда они усаживались, его вдруг осенило, и он, одарив Вилли лучезарной улыбкой, сказал:

– Мисс Делайе – наконец мы познакомились.

Она же в ответ обдала журналиста холодным взглядом, заранее готовясь не обращать внимания на все его комплименты.

– И о чем же вы хотели побеседовать со мной?

– Ну, во-первых, мне хотелось пообщаться с такой прелестной девушкой, как вы. И кроме того, вы же адвокат, да еще такой

решительный, не так ли? Просто ужасно, мисс Делайе, беря интервью, я никогда заранее не знаю, о чем буду спрашивать. Что касается вас, то мы будем говорить о законе и о месте в нем женщины. Но совсем не обязательно, что мы будем придерживаться только этой темы. Я получаю больше информации, когда просто беседую с людьми. Они всегда дают мне что-то, что я могу использовать.

– Но я умею следить за своими словами, мистер Росситер.

– О, я не сомневаюсь в этом, – сказал Ник с намеком. – Эй, Микки, – позвал он проходящего мимо официанта. – Принеси мне виски. – Он повернулся к Вилли. – Белого вина?

– Нет, – сказала Вилли, подумав, что белое вино – это как раз то, что она заказала бы. – Я хотела бы... "Миллера".

Ник многозначительно улыбнулся.

– "Миллера" для леди.

– Итак, – сказал он, как бы между прочим, – что подельывает наш общий знакомый мистер Мадден? Из достоверных источников мне известно, что свой глаз сейчас он положил на журнал "Метро"...

– Мистер Росситер, – прервала его Вилли, – неужели вам не о чем больше поговорить со мной, кроме дел моего клиента? И если это все, что вы хотели узнать от меня, нам придется расстаться сейчас же.

– К черту, подождите минутку. – Он положил свою руку на ее ладонь, потом достал белый платок и помахал им.

– Не обижайтесь, адвокат, но, если я буду задавать только необходимые вопросы, я никогда не напишу приличной статьи. А у юриста разве не возникает такого желания прочесть то, что написано между строк запутанного дела?

Вилли остыла. Несмотря на ее предубеждения, ей начинала нравиться его дерзкая, самоуверенная манера говорить.

– Мне совсем не хочется писать о мистере Маддене снова, и, конечно же, я понимаю, что клиент – это для вас святыня. Но только между нами, что вы на самом деле думаете о нашем мистере Маддене?

Вилли колебалась, можно ли быть откровенной с этим журналистом.

– Это для записи?

– Ваш вопрос уже интересен сам по себе, – улыбнулся Ник.

– Я спрашиваю, могу ли я быть откровенной с вами?

Улыбка Ника сменилась искренним смехом.

– Мне никогда никто не доверяет.

– Я понимаю, – кивнула Вилли с наигранной серьезностью.

– Но вы должны мне доверять.

– Ну что ж, в таком случае, я скажу вам, что мистер Мадден – бизнесмен. Он ничем не лучше, а тем более не хуже других, и его, так же, как и каждого, волнует лишь собственное благосостояние.

– А встречались ли на вашем пути, я имею, конечно, в виду ваш трудовой путь, хорошие парни? Ну, может быть, какой-нибудь "белый рыцарь" – бизнесмен? – прощупывал ее Ник.

– Я бы сказала, "серые рыцари" попадались. Или, если выразиться правильнее, – серые с теми или другими светлыми отблесками.

– Так, – бодро согласился Ник. – А сейчас расскажите немного о себе. Почему вы выбрали именно фирму Гарригана, ведь до вас там не работала ни одна женщина?

Вилли была готова к этому вопросу.

– Работа в фирме Гарригана не намного отличается от работы в других юридических фирмах, – начала она. – Мужчины вынуждают нас бороться за "каждый дюйм", и если вы преодолеваете его, то они пытаются внушить вам, что это подарок, который они преподнесли вам по доброте душевной.

Вилли поведала Нику о дискриминации женщин и о том чувстве превосходства, с каким мужчины в юридических фирмах относятся к женщинам. С этим она сталкивалась с момента поступления в университет. Без упоминания имени Мэтта, она рассказала о помощи, которую ей оказал "истинный либерал с нетрадиционными взглядами".

– Эти слова наводят на мысль о "белом рыцаре", – заметил Ник, когда Вилли замолчала, переводя дыхание.

Она покачала головой и прямо посмотрела в карие глаза Ника.

– Я же сказала вам, что "белого рыцаря" у меня не было.

Ник отступил.

– Вы могли бы найти его здесь, мисс Делайе. Что, если мы с вами пошли бы куда-нибудь сегодня вечером?

Она засмеялась над его смелостью.

– Нет, сегодня вечером я улетаю в Италию, – начала она, как всегда ссылаясь на свои дела. Но затем ей в голову пришла шальная мысль – а почему бы и нет? Он интересный, привлекательный и

легкий в общении – но у нее же действительно нет времени в ближайшие недели.

– Давайте договоримся так. Я позвоню вам, как только найду свободное время.

Вилли преодолела четыре лестничных пролета, поднимаясь в свою квартиру, "на чердак", – так она называла ее, будучи в хорошем настроении. День был длинным и хлопотным, и она утомленно прислонилась к двери, доставая из почтового ящика различные бумаги. И вдруг среди счетов и рекламных объявлений она заметила большой коричневый конверт. Вилли вошла в комнату, сбросила туфли и налила себе белого вина.

Она просмотрела полученные счета, а затем вскрыла конверт и достала его содержимое. Им оказалась газетная фотография – Вилли рядом с Джедсоном Мадденом. Маддену был пририсован костюм эпохи испанских конкистадоров, а в углу фотографии была подпись: "Похоже, вы очень нравитесь этому гранду. Джедд".

Вилли рассмеялась. Это было так далеко от истины. Ее смех перешел в громкий хохот, и так она постепенно разрядилась после трудового дня. Ах, Джедд, ты, видно, считаешь, что у меня недостаточно юмора. Она прикрепила этот снимок к стене, и легла отдохнуть на свой мексиканский диванчик. Она смотрела на звезды, которые постепенно появлялись на темно-синем небе, и думала о том, что еще нужно сделать до поездки в Италию. Собрать чемодан, просмотреть кое-какие документы. Все это намного важнее того, что думает Джедд. Она удивилась, что забытые чувства и воспоминания начали всплывать вновь.

Почему она не встретила больше никого, кто бы так действовал на нее, как Джедд, почему она все еще помнит его обаяние, почему она начинает забывать те казавшиеся когда-то страшными обиды, и почему даже теперь, когда она запретила себе любить, она все еще не могла его забыть?

ГЛАВА 2

О того момента, как она ступила на землю Италии, Вилли стала воспринимать ее как новое поле своей деятельности. Первым приятным симптомом было то впечатление, какое она произвела на итальянских мужчин. Она привыкла к тому, что мужчины постоянно восхищались ею. Но здесь было что-то другое. Это было похоже на конкурс красоты, в котором обращали внимание на правильные черты ее лица, на форму губ, на линии бровей и на ясные аквамариновые глаза.

– Вы, красотка, проходите, – сказал ей таможенник, бросив на ее сумку небрежный взгляд.

Джек, дорогой, поторопитесь, – нетерпеливо просил Харви. Его сумка была раскрыта и подвергнута тщательнейшему осмотру. – Меня ждет машина.

Лимузин мчался на огромной скорости по улицам Рима, а Харви перечислял Вилли достопримечательности этого великолепного города, указывая пальцем за стекло. Он знал, наверное, больше, чем было написано в любом справочнике. Тем ни менее ей удалось задать ему пару вопросов, касающихся дела, ради которого она сюда приехала. В конце разговора он снова напомнил ей, что речь идет о пятидесяти миллионах долларов, которые связаны для него с виноградниками Италии.

– Но дело даже не в этих деньгах, – сказал Харви. – Когда я взялся за руководство этой корпорацией, она была полностью развалена и не стоила даже грамма птичьего помета. Я выложился целиком и превратил эту развалюху в большое функционирующее предприятие. Мои кувшины уже заполнены вином, но мне хочется, чтобы это было не просто вино, а вино с мировым именем. Именно поэтому для меня так важна эта сделка. Обратите внимание на мои слова, адвокат, американцы должны пить такое же хорошее вино, как и эти "макаронники". И с вашей помощью я надеюсь претворить эти слова в жизнь.

Вопреки внушениям Гарригана, Сильверстен был все же невысокого мнения о Вилли. Если бы он создавал спортивную команду, он взял бы ее в запасные, подумала Вилли. Именно поэтому

он напомнил ей о том, что путешествует только первым классом, что у него нет костюма, который бы стоил дешевле тысячи баксов, и что он стрижется у личного парикмахера президента Соединенных Штатов.

Красноречие его прервалось, как только они остановились напротив гостиницы "Хаслер".

– Мне нужны душ и массаж немедленно, – заявил Харви. – А после этого, что вы скажете насчет обеда? – Но его тон показывал, что у него есть дела поважнее, чем обед с женщиной-адвокатом.

Вилли вежливо отклонила предложение.

– Это очень важная сделка. Я хочу еще раз просмотреть все бумаги, связанные с ней.

Бой, который принес ей утром завтрак, кокетничал с ней слишком откровенно. Он взял с подноса розу и преподнес ее с таким видом, как будто был герцогом Борджиа или Медичи.

Для Вилли было настоящим праздником съесть теплую горбушку ароматного хлеба, обильно смазанную взбитыми сливками, со свежей клубникой, запивая крепким кофе с молоком. Да, я еще никогда так вкусно не завтракала, подумала Вилли.

Сегодня ее ждал трудный день. Хотя все уже было сделано без нее, ей предстояло закрепить сделку, согласно которой корпорация Харви будет вывозить из герцогства Целестин первосортный виноград.

Вызывать в грезах изящный образ, вселять уверенность в того, кто впал в хандру, расцветить вялую действительность весельем – все это под силу животворящему прекрасному вину. Подписав этот контракт, Сильверстен завладеет тем, что не сможет никогда создать сам, продуктом, который природа создавала веками в этой прекрасной солнечной стране.

В полдень кавалькада из трех лимузинов двигалась по направлению герцогства Целестин. Сделку решили совершить не в офисе, а непосредственно на месте.

Деревня, в которую въехали машины, утопала в золоте весеннего солнечного света, который радовал сердце и глаза. Вокруг была великолепная природа. С гор сбегали звонкие ручьи, плодородные долины были покрыты нежной зеленью. Из магнитофона в машине, где ехала Вилли, звучали неаполитанские песни в исполнении Паваротти. Все замолкли, восхищенные красотой вокруг. Замолчал и

Харви Сильверстен, покоренный особым шармом этого момента, достаточно необычного.

Карло Мартинелли, двадцать седьмому герцогу Целестин, было шестьдесят лет. Он пережил двух своих жен и похоронил единственного сына. В последние два десятилетия его дела шли на убыль. С каждым годом все меньше и меньше производилось вина "Брюнелло". Он все еще колебался относительно продажи своих владений, которые столетия принадлежали его предкам. Внешне Мартинелли был настоящим аристократом. Его вьющиеся волосы, борода и усы были предметом ежедневных забот его служанки. На нем был темный костюм, сшитый в сороковые годы. Но главное было то, что он остался джентльменом, а это невозможно купить ни за какие деньги.

– Добро пожаловать, – произнес Мартинелли мрачно. Он вежливо поклонился, не сгибаясь в талии. Кортёж из Рима он приветствовал в огромной прихожей своего родового замка. Он встретил их, как похоронную процессию, которая прибыла сюда, чтобы воздать последние почести его герцогству. Сам же он со служанкой Анжеликой и воспоминаниями о былых днях переселялся в белый коттедж недалеко от Порто-Эрколи.

Хозяин дома обменялся рукопожатием с Харви и прищурился так, как будто хотел разглядеть нутро человека, который вскоре станет владельцем его дворца, герцогства и любимых виноградников.

Но когда старый герцог увидел Вилли, его брови приподнялись в приятном изумлении, истинное радушие сквозило в его манерах. Он взял ее за руку, как будто это был драгоценный хрупкий цветок, и слегка прикоснулся к ней губами. Затем повернулся к остальным и пригласил всех следовать за ним в библиотеку.

Библиотека давала краткое представление о внутреннем мире Мартинелли. Из сорока двух комнат дворца, только эта имела жилой вид. Шелковая обивка на стульях была потертой, но чистой, и восточный ковер, расстеленный на полу, был вычищен. На книжных полках были собраны известные произведения и исторические трактаты в богатых кожаных переплетах. Карло Мартинелли удалось полностью сохранить обстановку лишь этой комнаты. Остальные фамильные сокровища были распроданы с римских аукционов.

Именно эту комнату он выбрал, чтобы совершить сделку, последнюю сделку в своем неудачном бизнесе. Да, он вынужден был продавать то, чем его род владел в течение четырехсот лет. Оставаясь истинным джентльменом, Мартинелли не завел сразу же разговор о деньгах, а пригласил гостей отобедать. На столе стояло несколько бутылок вина из его личных запасов. На закуску были поданы тонко нарезанные ломтики салями из Пармы, зеленые оливки с Сицилии, маринованные грибы и салат из помидоров и зеленого молодого лучка.

Харви уже выпил первый стакан вина.

– Высший класс, – довольно восклицал он, облизывая губы. – Искристое, бодрящее и не слишком крепкое. Превосходно, просто превосходно.

Мартинелли вежливо улыбнулся и наклонился к Вилли.

– Как вы находите это вино, синьорита... синьорита Дотторе, – он назвал ее именем, которым итальянцы называли прелестных незнакомок.

– Оно чудесно, – ответила Вилли и вдруг почувствовала жалость к этому человеку, вынужденному продавать то, что так долго и упорно хранил. Вилли могла представить, "что творится в душе этого старого гордого человека. Она удивилась, что Харли действительно верит в то, что гордость и традиции можно купить или продать, как мебель или другую вещь.

– Может быть, вам хочется посмотреть замок и земли? – вежливо предложил ей герцог так, как будто она приехала погостить к нему.

– Спасибо, я очень благодарна вам, ваше превосходительство, – ответила Вилли.

– Зовите меня просто Карло, – ответил герцог. Он взял Вилли под руку и повел показывать ей виноградники, все остальные последовали за ними. Вилли вдыхала сладкий аромат, трогала нежные листья, а пожилой герцог рассказывал, что во время сбора винограда устраивался праздник и детям, родившимся в этот период, дарили серебряные кубки, как символ плодородия Целестин.

– Даже война не смогла уничтожить виноградники Целестин, – сказал он гордо. – Бомбой убило мою жену Лауру и сына Педро, а виноградники все живут. В течение двух лет урожай был скудным, но земля очень плодородная, и после окончания войны винограда стало

еще больше и он стал слаще, синьорита. Похоже, сам Господь благословил нас...

Старик умолк и охватил взором свои виноградники, навевавшие ему драгоценные воспоминания, не подвластные ни времени, ни людям.

Они вернулись в дом и поднялись по мраморной лестнице в огромный зал для танцев, имевший довольно жалкий вид. На небольшом возвышении пустовало место для рояля и золотой арфы, фрески на стенах потрескались и померкли.

– В старые времена, – вспоминал герцог, и его голос переходил в шепот, – этот зал был великолепен. Когда я был мальчиком, я вставал у двери и считал, сколько свечей зажигалось в праздники... в день святой Епифании...

Лишенный семьи и обремененный долгами старик очень нуждался в том, чтобы передать кому-нибудь хоть малую часть своих воспоминаний, которые он так бережно хранил.

– Наверно, довольно тяжело для вас продавать этот дом, – мягко сказала Вилли, надеясь, что герцог не знает о планах Сильверстена превратить этот гордый дворец в завод, оснастить его электронным оборудованием и начать выкачивать деньги.

Карло закрыл глаза, но затем быстро взял себя в руки.

– Мы, Мартинелли, имеем большую историю. Но вещам присуще обыкновение меняться. И тут уж ничего не поделаешь.

Да, Вилли была согласна с тем, что все меняется, но ей не хотелось верить в то, что невежды, подобные Харви, осуществляют эти перемены.

Герцог снова взял Вилли под руку, и они прошествовали по большой галерее. Внимание Вилли привлекли фамильные портреты. Она указала на один из них – красивого молодого мужчины со светлыми волосами и карими глазами. Затем взглянула на герцога.

– Просто прекрасный портрет. Вы изменились не намного.

На лице герцога отразилась боль, он покачал головой.

– Это не я, – сказал он, – этой мой брат-близнец Бруно.

– Он умер? – спросила мягко Вилли.

– Увы, да. Он был душевнобольным... и мы не смогли ничего сделать. Мы приглашали лучших докторов, специалистов из Рима. Он умер в больнице в Сьенне.

Вилли напрягла слух, чтобы не пропустить ни слова из речи старика, который перешел на шепот, не желая, чтобы его слышали остальные.

Когда они вернулись в библиотеку, юристы из Рима обменялись мнениями и уже готовы были сказать, что пришло время делового разговора и подписания бумаг.

– Извините меня, – обратилась Вилли к Харви. – Можно поговорить с вами наедине?

Они вышли из библиотеки, и Вилли сказала:

– Я думаю, нам надо повременить с договором.

– Что это означает – повременить? – нетерпеливо произнес Харви.
– Все необходимое я уже подготовил. Знаете ли вы...

– Выслушайте меня, – прервала она. – Я только, что узнала, что у Карло брат сошел с ума и умер в клинике. Но мы не знаем, какая доля виноградников принадлежала ему, когда он был в здравом уме. Это запутанное дело, Харви. Если кто-нибудь из детей брата герцога в будущем предъявит свои права на эти земли, вы будете судиться десятилетиями.

Лицо Харви выражало полное недоумение. Это было выше его понимания. Он уже представлял виноградники Целестин своей собственностью. После недолгого размышления он восхищенно посмотрел на Вилли и с трудом выдавил:

– Если вы ошибаетесь, то я уверен, Гарриган спустит с вас три шкуры, но если все так, как вам представляется, то вы намного лучше, чем он о вас отзывался.

Когда они вернулись в зал, Вилли немного приободрилась. Хотя Харви был ее клиентом, все ее симпатии были на стороне старого герцога, которому сейчас должны были сообщить о том, что этот богатый американец и его деньги "уплывут" от него, потому что он рассказал красивой молодой женщине то, что не должен был рассказывать.

Не обращая ни на кого внимания, Вилли взяла Карло под руку.

– Синьор Мартинелли... Карло, – мягко сказала она. – Я приношу вам извинения, но мой клиент не может купить виноградники Целестин. В этом деле есть неясности... юридического характера...

Когда Вилли поделилась с Мартинелли своими сомнениями, его карие глаза выразили полное понимание. В них не было и доли

осуждения.

– Вы правы, синьорита, – сказал он, пожимая ее руку. – Я понимаю, что вы должны делать свою работу хорошо, и я доволен тем, что мне удалось прогуляться с такой прелестной женщиной.

Глаза всех присутствующих были обращены к Вилли.

Затем тишина была взорвана библейским протестом, сопровождавшимся чрезмерной драматической жестикуляцией. Адвокат из Рима заявил, что это неслыханно, останавливаться после всей проведенной работы и подготовки к договору. Банкиры согласились с ним. Только старый герцог молчал и улыбался. Он был несказанно доволен тем, что виноградники еще хотя бы сезон останутся его собственностью.

Вилли с ужасом подумала о возвращении в Рим, об обвинениях со стороны всех этих занятых людей, зря потерявших столько времени.

– Послушайте, – сказал Харви, когда они сели в лимузин. – Это не секрет, что я думаю о вас. Я потратил бы уйму денег и сил, и если бы не вы, то все могло оказаться напрасным. Я раньше никогда не имел дела с женщинами-юристами. И только теперь понял, как мудро я поступил, взяв вас с собой. – Он положил свою руку ей на колено. – Если бы вы были мужчиной, этот старый хрыч скорее всего не проговорился бы. Вы просто непревзойденны.

Она пропустила мимо ушей реплики и убрала его руку со своего колена.

– Мартинелли не похож на человека, который скрывает что-то. Он истинный джентльмен, и нам есть чему у него поучиться.

Харви молчал, оценивая ее высказывание.

– Не в обиду вам будет сказано, – продолжил он затем, – но мне нужно обязательно узнать мнение вашего шефа. Хотя это уже не имеет никакого значения. Я считаю эту сделку умершей и собираюсь подыскать новые виноградники. А пока я разберусь, что к чему, предлагаю вам съездить со мной в Венецию. Вилли на минуту онемела.

Неужели он купит ей билет на свои деньги? И как ей отклонить предложение Харви, не обидев его?

Он, как бы читая ее мысли, добавил:

– Не беспокойтесь, адвокат. Там нас встретит моя жена. Я обещал ей второй медовый месяц после завершения этой сделки.

Если Харви говорит правду, то можно не беспокоиться за себя, решила Вилли. Но как он объяснит своей жене, которая ждет романтического отпуска, присутствие молодой женщины?

ГЛАВА 3

С террасы на крыше ресторана отеля "Дэниели" Вилли любовалась закатом весеннего солнца, солнечными зайчиками и яркими бликами на воде Великого канала, вдоль которого скользили лодки и гондолы, точно такие же, как на картинках и открытках. Сейчас она сидела напротив Харви и Мэрион Сильверстен, стараясь применить понятие "второй медовый месяц" к тому, что она наблюдала. Харви привлекал к себе внимание людей, сидевших за соседними столиками, громкими разговорами о том, что он потратил кучу денег на это гиблое дело. Ему нравилось, что люди обращают на него внимание. Мэрион сидела неподвижно на своем стуле, как посторонний наблюдатель, озадаченно хмурясь, словно недовольство мужа было обращено на нее.

Мэрион была высокой стройной женщиной, привлекательность которой дополнялась гладко зачесанными назад и собранными в пучок прекрасными платиновыми волосами. На ней был великолепно сшитый костюм из бургундского шелка, а спокойная и мягкая манера говорить свидетельствовала о ее благовоспитанности. В своем величии, почти королевском, она могла быть прекрасна. Но сейчас ее лицо морщилось, и она напоминала Вилли бедную женщину из Белл Фурша, состарившуюся раньше времени от ежедневных забот и тревог.

Чета Сильверстенов не казалась Вилли счастливой.

Вилли узнала, что Мэрион была единственным ребенком основателя корпорации "Марко Интерпрайзиз" Натана Роузена, Харви же был его подчиненным. Вилли хорошо понимала, что Харви женился на Мэрион из-за наследства, но она не могла понять, как такая утонченная и воспитанная женщина могла остановить свой выбор на человеке с манерами конюха.

Харви прервал свое красноречие, когда официант принес жареных цыплят для него и Мэрион и креветок, политых маслом с чесноком, для Вилли.

– Вы должны остерегаться жирной пищи, адвокат, – предупредил Харви. – Вы еще молоды и не чувствуете, как холестерин разрушает ваши сосуды.

– Ну и пусть, – с озорством ответила Вилли, обмакивая очередной кусок в масло. – Надо успеть получить максимум удовольствия, пока сосуды в порядке.

Мэрион улыбнулась, взяла в руки нож и вилку и начала резать цыпленка, в котором, должно быть, не было и капли жира.

– Мне очень неловко, леди, – начал Харви, – но завтра я должен уехать в Тоскану. Мой человек в Риме сообщил мне, что во Флоренции есть виноградник, который можно купить. Я обязательно должен туда съездить и посмотреть, что к чему.

– Разве мы не собирались провести некоторое время вместе? – запротестовала Мэрион. – Ты же обещал мне, что мы погуляем по городу, и...

– Да, да, – поспешно согласился Харви. – Сегодня вечером, после того, как я сделаю пару звонков, мы пойдем туда, куда ты пожелаешь.

– Кстати о звонках, – заинтересовалась Вилли. – Что посоветовал вам Гарриган насчет Целестин? Согласился ли он с вашим отказом от покупки тамошних виноградников?

– Да, он полностью согласен, – ответил Харви. – Гарриган уже ведет переговоры с итальянцами. Вот почему мне хотелось задержать вас здесь, пока я не подыщу другие варианты.

– Почему ты так настаиваешь на Италии? – спросила Мэрион. – Я знаю, что ты озабочен расширением ассортимента и стоимостью вин. Но если хочешь приобрести виноградники, то почему не обратиться к Джеку Стерлингу из Калифорнии? Вина его имеют блестящую репутацию, и у вас не будет таких осложнений и проблем, какие возникли сейчас.

Вилли подумала, что Мэрион дала дельный совет, но Харви отмахнулся от нее и начал злиться:

– Ты не понимаешь, Мэрион. Бизнес изменился, и им уже нельзя заниматься так, как когда-то занимался им твой отец. Ясно? Я проделал чертовски большую работу, чтобы поднять уровень корпорации до мирового, поэтому предоставь мне решать, как и что лучше.

Мэрион сморщилась так, словно кто-то сильно сдавил ей руку, и Вилли почувствовала себя неловко. Минуту спустя Харви искусственно улыбнулся и сказал:

– Забудем о бизнесе, леди. Я думаю, что завтра вас ждет прекрасный день. Выпей немного этого чудесного напитка, который стоит перед тобой, Мэрион, и у тебя поднимется настроение...

Как объяснил им Харви, они должны прожигать деньги, которые он им оставит на расходы. Мэрион, казалось, ушла в себя, и Вилли стало не по себе. Ей было жаль женщину, которая прилетела в Венецию, чтобы провести время со своим мужем, а вместо этого ей придется общаться с его адвокатом.

У Вилли возникло чувство, что перед миссис Сильверстен необходимо извиниться. И если Харви не собирается просить прощения у Мэрион, то Вилли придется сделать это вместо него.

К ним подошел официант, чтобы принять заказ на десерт.

– Немного фруктов... будьте добры, и чтобы они были свежими. – Ты одобряешь, дорогая? – обернулся Харви к Мэрион.

Она автоматически кивнула, и Вилли подумала, сколько же раз ей приходилось так автоматически кивать, чтобы не развалить свой брак с Харви? Хотя внешне все было спокойно, Вилли почувствовала, что не так-то хорошо в этой семье.

Когда с десертом было покончено, Харви попросил счет и начал барабанить пальцами с отполированными ногтями по столу, всем своим видом показывая, что у него нет возможности долго ждать.

Вилли ненароком взглянула на Мэрион и увидела в ее глазах что-то до боли знакомое – беспомощность и безысходность, боль и нужду – все то, что она часто видела в глазах мамы. Сейчас Вилли находилась здесь, чтобы помочь Харви совершить сделку, но у нее мелькнула мысль, что придет время, когда и его жена обратится к ней за помощью.

Вилли брела по улице, выходящей к площади Святого Марка. Она шла навстречу музыке, которую приносил слабый весенний ветерок. Эта ночь как будто была создана специально для любви, и Вилли наблюдала за парочками, которые гуляли, трогательно взявшись за руки. Здесь были и местные жители, и американцы, и европейцы – все, кого объединяло одно чувство, – любовь.

Большая площадь собрала множество туристов. Некоторые осматривали сверкающие витрины пассажа, с трех сторон которого расположились магазины, заполненные драгоценностями, керамикой и изделиями из кожи. Другие столпились перед Базиликой Святого

Марка, фотографируя величественную церковь, отделанную внутри мрамором и золотом и сохраняющую такое сокровище, как "Последний суд" Тициана. По обе стороны площади играли оркестры для тех, кто останавливался попробовать ароматный "эспрессо" или "капучино" со сливками.

Вилли невольно заметила, что проходящие мимо мужчины заглядываются на нее. Она улыбнулась тому, что все еще является предметом восхищения, и пошла дальше, поймав свое отражение в одной из витрин. Сильная, стройная, в полосатых слаксах и гармонирующем с ними пуловере, с огромными голубовато-зелеными глазами, подобными драгоценным камням на ее прекрасном лице, обрамленном пышными каштановыми волосами. Отражение убеждало, что восхищенные взгляды не случайны. Но если так, то почему она одна, думала Вилли.

Она сидела за маленьким столиком напротив ресторана "Квадри". Этот ресторан был одной из достопримечательностей прекрасного города. Потягивая лимонад, она украдкой наблюдала за парами вокруг себя, страсть и нежность их возрастали по мере того, как опускалась ночь. Влюбленные танцевали при свете звезд, под сладкую мелодию скрипки. Они тайно обменивались взглядами, полными страсти, которая в ближайшем времени, скорее всего, будет удовлетворена. Окруженная атмосферой интимности, чувственности и любви, Вилли ощущала, как постепенно рушились те преграды, которые она возвела для себя. Время, проведенное с Мэттом, представлялось грезой. Миг же, соединивший ее с Джеддом, всегда жил где-то в глубине ее души. Он был ее частью, которую она научилась игнорировать. С обеими мужчинами она потерпела неудачу. Это утвердило ее в мысли, что одиночество – единственное состояние, которому она могла доверять. Но по ночам, подобной этой, ей было все еще тяжело вспоминать о том, что сделало ее лишь наблюдательницей любовных сцен.

Часы на башне пятнадцатого века, украшенной золотым венецианским львом, начали отбивать время. Вилли посмотрела вверх и увидела двух бронзовых мавров, опускавших свои молоты. При этом раздавались удары старинного гонга, которые повторились одиннадцать раз.

Она заплатила по счету и уже решила отправиться в гостиницу, как вдруг заметила Мэрион Сильверстен, которая так же одиноко

сидела за угловым столиком.

– Привет еще раз, – сказала Вилли и посмотрела по сторонам. – А где Харви?

Мэрион, казалось, смутил этот вопрос.

– Сидит на телефоне, – сказала она. – Какая хорошая ночь. Венеция всегда была одним из моих любимых городов. Не хотите ли посидеть вместе со мной?

Вилли села.

– Миссис Сильверстен... Мэрион, извините, что неудача с покупкой этих виноградников испортила вам отпуск. Но как только мы совершим новую сделку, я уйду с вашего пути.

– Но вы не стоите на моем пути, – сказала Мэрион. – Наоборот, добро пожаловать в мою компанию. – Ее улыбка была доброжелательной, но тоскливой.

– Я также рада вашей компании, – ответила Вилли. – Я никогда не была в Венеции... Это было бы так чудесно, если бы мы вместе прогулялись.

– Мы с Харви провели свой медовый месяц в Италии, – сказала Мэрион. – Мой отец преподнес нам свадебный подарок в виде такого путешествия. Мы были так молоды и невинны... Мы столько мечтали...

Вилли трудно было поверить в невинность Харви. Что же касается Мэрион, то она могла представить молодую невесту, полную надежд, и не готовую к разочарованиям. Она вспомнила мечты, которые увлекали ее мать, да и ее тоже. Но мечты так и остались мечтами и не смогли ничего дать, кроме мимолетного счастья.

– Мечты – это прекрасно, – сказала Вилли. – И дело не в том, сбудутся они или нет, а в том, верите ли вы в их осуществление.

Мэрион долго и внимательно смотрела на Вилли.

– Вы еще слишком молоды, чтобы рассуждать так. Если бы у меня была дочь... я хотела бы, чтобы она верила, что нет ничего невозможного на этом свете. Но случается так, что вера однажды умирает, и вы чувствуете, что бессильны что-либо сделать.

Мэрион говорила о себе, но как же это было похоже на то, что пережила Вилли!

– Любили ли вы когда-нибудь? – резко спросила Мэрион.

– Да, – это слово тоже было произнесено резко, более резко, чем Вилли хотелось бы.

Но Мэрион лишь снисходительно улыбнулась, как будто ясно представила все то, что кроется за этим словом.

– Значит, вам известны все те чувства, которые испытываешь к любимому человеку?

Она посмотрела на любовную парочку, которая, взявшись за руки, прошла по площади.

– Это так важно для женщины иметь кого-то, – продолжала Мэрион. – И когда мы терпим неудачу, в нас что-то обрывается и утрачивается навсегда.

Вилли кивнула, ей были знакомы слова более старшей женщины. Она никому бы не смогла рассказать, почему она так боялась доверять мужчинам. Но Мэрион, казалось, понимала все, что творится в душе Молодой девушки.

– Вы правы, – сказала Вилли, – но где же альтернатива? Неужели всегда придется быть одной?

– Я много раз задавала себе этот вопрос. Но в мои годы уже трудно дать на него ответ. Я не знаю, что значит быть одной. Я была дочерью Натана Роузена, а затем женой Харви Сильверстена. И я не знала другой жизни. Я осталась с разбитой мечтой, и у меня нет ничего другого...

Вилли подумала о своей матери, для которой жизнь без мужчины ничего не значила. И она посмотрела на Мэрион, которая выглядела несчастливой, несмотря на то, что жила с мужчиной.

– Но вы несчастливы, как вы можете говорить, что не чувствуете себя одинокой...

– Я знаю, что вы собираетесь сказать, – прервала ее Мэрион, положив свою изящную ладонь на руку Вилли. – И по-своему будете правы. Но замужество включает в себя множество других вещей. Взять, например, наше предприятие. Если я возьму на себя смелость покинуть Харви, это может навредить нашему делу. Я могу нанести вред предприятию, в которое мой отец вложил всю свою душу и всю свою жизнь.

– Я не понимаю, – сказала Вилли. – Почему, покинув Харви, вы нанесете вред вашему предприятию? Неужели он внес в него какой-то существенный вклад? – И как только Вилли начала задавать эти вопросы, она поняла, что начинает переходить границы профессиональной этики. Харви был ее клиентом, и она не имела

права действовать не в его интересах. Но она не могла остановиться. Ей просто необходимо было разобраться в беде другой женщины.

Мэрион покачала головой.

– Не все так просто, – вздохнула она. – Мой отец предложил мне и Харви стать его партнерами по бизнесу, и мы согласились. Но, по мере того, как предприятие разрасталось, Харви все настойчивее твердил, что у большого корабля бывает один капитан. Он сказал, что должен контролировать мои и отцовские акции... И сейчас он является полным хозяином предприятия...

– Как это – он контролирует ваши акции? – не понимала Вилли. – Вы наверняка сможете отстоять свои права, если, конечно, захотите.

– Я не знаю, Вилли. Пока мне не хочется думать об этом. Это повлечет за собой ссору с Харви... и мне страшно подумать, что за этим может последовать... – Она покачала головой и опустила глаза.

Вилли тоже молчала. Она решила, что и так нарушила границы профессиональной этики, и поэтому не стала ничего советовать Мэрион.

Мэрион подняла голову.

– Спасибо за разговор. Очень помогает, когда с кем-нибудь поговоришь... Теперь подумаем о завтрашнем дне. Не желаете ли вы осмотреть достопримечательности города?

Когда они вошли в роскошный вестибюль "Дэниели", Вилли вновь была поражена красотой и великолепием этой старинной гостиницы. И хотя она огородила себя от любви и страсти и только что пожелала спокойной ночи женщине, которую также предала любовь, она почувствовала легкое волнение, вспоминая влюбленные парочки на площади.

Она поднялась в старинном лифте на второй этаж, где находился ее номер, вошла и дернула за шнур выключателя. Бело-золотое бра включилось над ее венецианской кроватью и наполнило комнату светом. Все еще возбужденная, чтобы заснуть, она сбросила на мраморный пол ванной свою одежду и встала под обжигающий тело душ. Она намыливала себя жасминовым мылом, и тело ее постепенно наполнялось томным желанием. Вилли тронула свою грудь и начала гладить ее, пока соски не стали упругими и твердыми. Она оперлась о холодную стену ванной, сняла душ с подвески и направила пульсирующую струю себе между ног. Постепенно расслабляя

мышцы, она почувствовала, как ее клитор начал трепетать и пульсировать под настойчивым напором воды. В нетерпении она бросила душ и начала быстро возбуждать себя рукой, пока не ощутила быстрый, содрогающий все ее тело оргазм, от которого у нее подкосились колени, и она, обессиленная, легла в ванну.

Обнаженная, она встала перед обрамленным позолотой зеркалом, увидела богиню со светло-каштановыми волосами, с золотистой кожей, покрытой бисером капелек воды. Ее тело было как будто создано для любви. И хотя напряженность спала, ее голубые глаза все еще смотрели с нескрываемым желанием.

Было почти два часа, когда она легла в постель. Она долго и беспокойно ворочалась, не в силах заснуть. Затем, следуя пришедшей в голову мысли, она вскочила с постели, подняла трубку телефона и назвала оператору номер Гарригана, надеясь, что он уже дома. Да, после девяти вечера он должен быть дома.

– Вилли, дорогая, – в это время суток голос Гарригана звучал еще бодро. – Я слышал, что вы оправдали мои надежды.

– А что слышно от итальянских юристов? – спросила Вилли.

– Я не понимаю, дорогая. Я уже сказал Харви, что мы не можем заниматься только его проблемами, и он успокоил меня, заверив, что с куплей виноградников уже покончено. Разве вы не в курсе дел?

Вилли поняла, что ее клиент хитрил, но она ничего не сказала про это Гарригану.

– Я уже занимаюсь другим делом мистера Сильверстена... и мечтаю вернуться в Нью-Йорк.

Она поняла, что направила свои силы не туда, куда следовало бы. Она вспомнила зал суда, где с такой несправедливостью отнеслись к ее матери. Вот из-за чего она стала юристом, и об этом ей нельзя забывать ни в коем случае.

ГЛАВА 4

Вилли проснулась рано и, расположившись перед высокой аркой окна, глядя на канал, позавтракала кофе с булочкой. Она медленно ела и наблюдала, как под лучами весеннего ласкового солнца просыпался город. Гондолы толпились, ожидая своих первых пассажиров, которых потребуется доставлять в магазины и учреждения.

Какое прекрасное время для медового месяца! Вилли подумала о Мэрион Сильверстен, которая прилетела в Венецию, ухватившись за тонкую ниточку слабой надежды стать счастливой в браке. Предприняла ли она что-нибудь еще, кроме того, что выразила мягкий протест, когда Харви нарушил свое обещание подарить ей второй медовый месяц?

Вилли представила их сегодняшний день с Мэрион. Ее возмутило, что Харви провел их обеих. Действительно ли он поехал в Тоскану, чтобы посмотреть новые виноградники? Насколько она знала мужчин, она могла представить, что Харви, возможно, отправился на randevu с другой женщиной. Вилли допила свой кофе и пошла навестить Мэрион.

Не успела она позвонить в дверь, как Мэрион тотчас же открыла, как будто сидела и ждала прихода Вилли. Она была хороша в красивом шелковом халате, но глаза у нее были красными и распухшими.

Вилли хотела спросить у Мэрион, почему она плакала, но побоялась смутить женщину.

– Ну, с чего же мы начнем сегодня? – спросила весело Вилли, чтобы как-нибудь отвлечь Мэрион от грустных мыслей. – Может, сначала пойдем в Мурано?

– Как пожелаете, – Мэрион одарила ее теплой улыбкой.

Их лодочное путешествие в Мурано длилось недолго. Гид, мужчина в шикарном красном берете, оказавшись в обществе двух женщин: одной, просто симпатичной, и другой, потрясающе красивой, перемежал свой рассказ откровенными комплиментами. Он говорил громко, почти кричал, чтобы рев мотора не заглушал его голос.

Когда они подплыли к месту назначения, солнце уже высоко поднялось и согревало своим ласковым светом небольшой остров и его

обитателей, которые с надеждой смотрели на туристов в ожидании большой прибыли.

Гид Франко повел Вилли и Мэрион по маленьким магазинчикам, в которых были выставлены изделия из стекла различной формы и размеров, от огромных ваз до маленьких рюмочек, раздутые херувимы и истощенные святые. Мэрион с видом знатока отвергла большинство этих предметов, считая их откровенной безвкусицей. Вилли никогда не занималась покупками, и поэтому безапелляционность Мэрион внушила ей доверие.

Посмотрев на свои часы и тяжело вздохнув, Франко вывел женщин из магазина и повел по улице, на которой находилась фабрика стеклянных изделий.

– Здесь работают настоящие мастера, – гордо объявил он, проводя их через маленькое, похожее на амбар помещение, где уже собралось множество туристов, чтобы осмотреть неповторимые художественные творения.

Их встретил стройный молодой человек с римским профилем и иссиня-черными волосами. Он поклонился и усмехнулся, и его уверенная усмешка напомнила Вилли другого человека.

В то время, как туристы осматривали шедевры из стекла, Вилли смотрела совершенно в другую сторону. Высокий лоб и тонкий прямой нос. Шелковая сорочка с короткими рукавами не закрывала его мускулистые руки, которыми он выразительно жестикулировал. Внезапно мастер повернулся и посмотрел на Вилли с улыбкой, которая заставила ее опустить глаза. Виновато это место, думала Вилли, вся атмосфера любви, из-за чего она так пристально смотрела на молодого незнакомца, который напоминал ей Джедда Фонтана.

Молодой человек взял немного расплавленного стекла и положил его на деревянную палитру. Парой металлических щипцов он быстро растянул его, словно жвачку. Потом двумя палочками начал придавать форму, затем взял еще две палочки. Тело было готово, за ним последовала голова и грива. Еще несколько движений, и появился хвост, затем длинный закрученный рог – и кусок стекла превратился в единорога.

Она захлопала в ладоши.

– Примите, синьорита, – сказал мужчина, низко кланяясь. Он прикоснулся к ее руке и держал ее, сколько позволили приличия.

Стекло все еще было теплым, таким же теплым, как и его пальцы. Это сумасшествие, подумала Вилли, если она пробудет здесь еще некоторое время, то начнет приставать ко всем подряд.

После завершения демонстрации Франко предложил "прекрасным леди" купить что-нибудь из большого ассортимента стеклянных изделий, выставленных в лавке завода. Вилли отказалась, а Мэрион остановилась перед коллекцией бутылок. Она живо заинтересовалась ими, рассматривая их простые и вместе с тем изящные формы.

– Я поражена, – сказала она как будто про себя.

– Они красивые и совсем недорогие, – согласился с ней Франко, надеясь на комиссионные, если его клиенты что-нибудь приобретут.

– Я куплю по одной разных цветов, – сказала Мэрион к великой радости гида, который почувствовал поживу и разразился нескончаемым потоком комплиментов.

– Да, они прелестны, – сказала Вилли, – и мне кажется, вы не должны торговаться. Доставьте удовольствие нашему гиду.

– Я так и сделаю, – кивнула Мэрион и заговорщически улыбнулась. – Не такие уж это большие деньги, из-за которых следовало бы торговаться. Я думаю о другом, – говорила Мэрион, все больше оживляясь. – Эти бутылки можно использовать под розлив итальянских вин. Мы могли бы закупить эти бутылки по лимитированной цене здесь, в Венеции, и выплачивать потом проценты от реализации.

– Отличная идея, – согласилась Вилли, чувствуя, как Мэрион постепенно охватывает энтузиазм.

– Думаю, что Харви тоже поддержит меня, – добавила Мэрион.

Но, как только она вспомнила о Харви, улыбка сошла с ее лица. Она сразу же замолчала, мысли ее были далеко отсюда. Когда они уходили с фабрики, она сказала:

– Знаете, если бы у меня была дочь, она могла бы сейчас быть вашей ровесницей.

Вилли пожалела, что у Мэрион нет ребенка. Он в какой-то степени вознаградил бы ее за потерянные годы неудачного замужества.

– Я не заменю вам дочь, – ответила Вилли, – но я хотела бы стать вашим другом. – На глазах женщины выступили слезы. Она сжала руку Вилли в знак благодарности.

Мэрион тихо сидела всю обратную дорогу, но когда они пристали к набережной, она взяла себя в руки и снова улыбнулась назло всем своим проблемам. Обещая угостить Вилли самым лучшим тортом в Венеции, она повела девушку по узкому тротуару к мосту Риальто. Там продавались деликатесы и хорошие вина. По дороге Вилли рассказала Мэрион о своем трудном детстве.

– Но теперь уже все позади, – подвела она итог. – Однако мы не можем забыть об этом – ни я, ни мама.

Я понимаю, – сказала Мэрион, смотря прямо в голубые глаза Вилли. – Мы все несем бремя нашей жизни, тех уроков, которые когда-то получили. У меня было прекрасное детство. Мои родители горячо любили друг друга, и я никогда не сомневалась в их любви ко мне. И считала само собой разумеющимся, что и у меня в семье будет тоже любовь и согласие. Эта моя уверенность – страшная ошибка, но я почему-то убеждена, что в один прекрасный день я проснусь, и все будет по-другому. Мы с вашей мамой чего-то ждем от жизни. А вы, Вилли, отличаетесь от нас. Вы всему учились на собственном опыте, а это самый главный урок в жизни.

– Да, – тихо произнесла Вилли. – Это верно. Странно, думала Вилли, эта женщина, которая родилась и выросла в роскоши, понимает все, что творится в ее душе.

После ленча они бродили по узким улочкам за площадью Святого Марка. Проходя мимо ювелирного магазина, Вилли внезапно решила купить Джинни подарок.

– Моя мама очень равнодушна к украшениям, – сказала она, указывая на ряд коралловых бус, которые красовались на черном бархате. – Вы не можете мне выбрать что-нибудь?

– Твоя мама счастливая женщина, – Прошептала Мэрион, когда продавец подал им на подносе цепочку, чтобы они лучше ее рассмотрели.

– Вот эту, – сказала Мэрион решительно и назвала цену, которая привела продавца в негодование. Но когда Мэрион улыбнулась и объяснила продавцу по-итальянски, что молодая синьорита не может себе позволить платить большие деньги, продавец развел руками, и покупка была сделана.

– Спасибо, – сказала Вилли, как только они вышли из магазина. Как уверенно чувствует себя Мэрион, когда рядом нет Харви,

подумала она.

– Главное, что вы довольны. Не скрою, что время, проведенное с вами, для меня как глоток свежего воздуха, – сказала Мэрион, когда они прогуливались возле дворца Дожей.

День хорошо прошел и для Вилли. С каждой минутой она все больше привязывалась к Мэрион Сильверстен.

Они поднялись по Лестнице Гигантов к бело-розовому Королевскому Дворцу, пришли в восторг от статуй Марса и Нептуна, творений скульптора Сансовино и полюбовались городом с того самого места, где короновались Дожи Республики.

Внутри их поразили огромные комнаты, отделанные золотом, с превосходными фресками Тинторетто и Веронезе, изображающими исторические моменты и библейские сцены.

Они закончили свое путешествие на печальной ноте, посетив Мост Вздохов, построенный в стиле барокко и соединяющий Королевский Дворец с тюрьмой Пиомби. Здесь в мрачных темницах прикованные цепями заключенные видели сквозь решетки на окнах последний для них кусочек воли.

Вилли с Мэрион остановились, чтобы полюбоваться лучами заходящего солнца.

– Нам уже пора домой, – произнесла Вилли. – Харви, наверное, уже вернулся их Тосканы.

Мэрион не двигалась. Затем она быстро повернулась к Вилли, и выражение ее лица напомнило выражение заключенного, который боролся против несправедливости.

– Меня не волнует, вернулся он или нет, – заявила она. – Не имеет значения, когда он вернется – сегодня вечером или завтра утром, или еще через день. Я его больше видеть не хочу. Я так решила. Время ожидания чуда уже кончилось.

Ее голос сорвался от приглушенных рыданий. Вилли обняла Мэрион точно так же, как она часто обнимала Джинни. Мэрион достала носовой платок, вытерла слезы и немного успокоилась.

– Я почти не спала прошлой ночью, – сказала она.

Я думала, что в интересах дела я поступаю правильно. Я боялась остаться одна. Но сегодня я чувствую, что этого не будет. Если я решусь на развод, вы... вы поможете мне, Вилли?

Вилли оказалась в непростой ситуации. Ей хотелось сказать "да", но она чувствовала себя парализованной правилами профессиональной этики.

– Мэрион, я очень хочу помочь вам... и я помогу вам, чем смогу. Но я не должна действовать против Харви сейчас. Ведь он является моим клиентом. Я могу порекомендовать вам других адвокатов... Я уверена, что они хорошие люди...

– Нет, ни в коем случае, – бросила Мэрион, собравшись с силами. – Я не хочу другого адвоката... Простите, что поставила вас в неудобное положение, – сказала она с чувством собственного достоинства и, повернувшись, направилась к гостинице.

Вилли увидела, что ее пакеты остались на мосту. Она подняла их и догнала Мэрион.

– Вы забыли ваши бутылочки, – мягко сказала она. Мэрион покачала головой.

– Я их не забыла, – сказала она, – я решила, что они мне больше не понадобятся.

В первый день после возвращения в офис к Вилли отнеслись как к герою-победителю. Был какой-то новый оттенок в приветствии секретарши и других коллег. Как будто все узнали, что она любимица Гарригана. Вилли восприняла это как недолговечную, но приятную правду.

Она занималась разбором бумаг на своем столе, когда в селекторе прозвучал голос секретарши.

– Вас вызывают из Гарвардского университета, мисс Делайе. Я удумаю, дело касается финансового вопроса. Будете ли вы говорить сами или предоставите это мне?

– Поговорю сама, – ответила Вилли без малейшего колебания. Если ее юридическая школа ищет содействия, то она будет рада помочь ей.

Звонивший представился как Джонатан Клоридж, выпускник пятьдесят седьмого года, и, как только он начал разговор о фонде стипендий, у нее возникла идея.

– Мистер Клоридж, – перебила она его. – Мне хотелось бы узнать конкретный размер стипендии, который был мне выплачен во время моего обучения. Если вы сообщите мне эти данные, то обещаю вам, что получите чек на эту сумму в конце недели.

– Я посмотрю в записях, мисс Делайе, и позвоню вам в течение часа.

Но не прошло и получаса, как он позвонил снова.

– У меня плохая новость для вас, мисс Делайе. Фонд стипендий, из которого вы получали деньги, аннулирован. Но я думаю, что это никак не отразится на вашем решении сделать взнос.

– Конечно, нет, – ответила Вилли. – Я, конечно, сделаю взнос. Но не могли бы вы сказать, почему упразднили старый фонд? Если дело в недостаточном финансировании, то это можно уладить.

Клоридж колебался, но затем ответил.

– Говоря по правде, стипендия из того фонда выплачивалась только вам. И после того, как вы закончили обучение, он перестал существовать.

Как странно, думала Вилли. Кто-то могущественный, видно, решил помочь молодой девушке-юристке.

– Мистер Клоридж, – сказала Вилли. – А не могли бы вы мне назвать источник фонда, из которого я получала стипендию? Я постаралась бы убедить владельца, кто бы это ни был, не закрывать фонд.

– Стипендия выплачивалась вам с условием, что имя спонсора будет держаться в тайне, но я думаю, что ничего не будет страшного, если я вам открою этот секрет. Вы получали деньги из "Благотворительного фонда Джедда Фонтана".

Вилли чуть не задохнулась, услышав, что сказал Клоридж. В шоке она повесила трубку, пробормотав "спасибо". Еще долгое время она сидела и смотрела невидящим взглядом на ворох бумаг, разбросанных по столу.

Все то время, когда она гордилась, что свободна от помощи Нила, она пользовалась деньгами Джедда, точнее Сэма, который финансировал ее обучение в университете. Каким прекраснодушным, должно быть, чувствует себя Джедд, каким возвышенным, оказывая благотворительность Вилли. Она имела о Фонтана определенное мнение, и поступок Джедда казался ей невыносимым.

Как посмел он, думала она, набирая номер телефона фирмы Фонтана в Монтане, выступать в роли ее покровителя. Нет сомнения, что он унаследовал привычки своего отца, который, похоже, верит, что люди живут и умирают для его удобств.

Секретарь ответила, что Джедда нет в городе. Тогда Вилли попросила номер телефона в том месте, где он сейчас находится. Ей очень хотелось высказать ему все, что она думает о его благотворительности.

– Он в Нью-Йорке, в отеле "Плаза", – сказала секретарь. Вилли удовлетворенно улыбнулась. Она позвонила в отель и оставила сообщение для Джедда, указав адрес и время встречи.

Вилли заметила свое отражение в зеркале вестибюля, когда поспешно выходила из здания фирмы "Гарриган и Пил". Ее щеки покрылись румянцем, а аквамариновые глаза блестели. Она выглядела, как женщина, которая любит. Вилли очень хотела разжечь в себе злость, вспоминая образ Джедда и причину, по которой она, собиралась встретиться с ним, но безуспешно – она его любила.

Кафе "Палм кот", где они должны были встретиться, как будто специально предназначалось для свидания влюбленных. В интерьере, где преобладали пастельные тона, среди зелени можно было выпить коктейль в атмосфере спокойствия, под звуки негромкой романтической музыки. Но меньше всего Вилли думала об этой встрече как о любовном свидании.

Джедд ждал ее за угловым столиком. Он чувствовал себя свободно и уверенно, как будто это было привычным для него местом встреч.

Подходя, Вилли заметила, что женщина, сидевшая за соседним столиком, флиртовала с ним, стараясь привлечь его внимание. Но, как только он увидел Вилли, его взгляд уже не отрывался от нее.

– Ты не представляешь, как я обрадовался, получив твое сообщение, – заговорил он, подходя к ней и как будто собираясь ее поцеловать. Вилли отстранилась.

– Это не простой звонок, – сказала она холодно, стремясь снять с его лица самоуверенную улыбку.

– О, адвокат! – воскликнул он. Улыбка все еще продолжала играть в уголках его губ. – Я в чем-нибудь провинился? Ты всегда относишься ко мне предвзято, хотя у меня есть свое мнение на этот счет.

– У тебя нет своего мнения, – сказала она и села на стул, который он ей предложил. – Как ты мог вмешиваться в мою жизнь, не имея на это никаких прав?

– О чем ты говоришь? – удивленно спросил он. – Неужели все дело в снимке, который я тебе прислал? Так это же была всего лишь

шутка.

– То, что ты сделал, совсем не было шуткой, Джедд Фонтана... Ты слишком высокого о себя мнения. Прямо герцог Медичи... Если бы я знала, что получаю стипендию от тебя, то я лучше мыла бы полы, но ни за что не приняла бы ее.

Лицо Джедда выражало понимание и досаду.

– Я ведь не совершил преступления, – сказал он проникновенно. – Я только хотел помочь тебе, Вилли... Ведь ты говорила, что тебе противно брать деньги у отчима.

– Тогда почему ты не спросил меня, хотела ли я твоей помощи? – раздраженно воскликнула она. – Я скажу тебе, почему. Потому что ты знал, что я не приму ее. Тебе всегда хотелось показать, что ты на голову выше. Вы, Фонтана, делаете все, что вам вздумается.

– Это неправда, – возразил Джедд. – Я знал, что ты очень гордая, Вилли, и не хотел, чтобы ты чувствовала себя чем-то обязанной мне. Я...

– Я скажу тебе, что я чувствую сейчас, Джедд. Только так я смогу положить конец этому. Чем дальше, тем больше я беспокоюсь. Твои деньги не лучше, чем деньги Нила. И скоро ты получишь все свои деньги обратно, все до пенни, с процентами.

Она поднялась, чтобы уйти, и добавила резко:

– В следующий раз, когда ты решишь кого-нибудь так облагодетельствовать, обратись в Армию спасения. Может быть, она поможет тебе провести эту акцию.

ГЛАВА 5

Администрация "Марко Интерпрайзиз" занимала часть последнего этажа нового сверкающего небоскреба, окна которого выходили на Пятую авеню. Он сильно отличался от того скромного здания на Юнион-сквер, где Натан Роузен когда-то открывал свой бизнес. Оформлением офиса занимался самый модный итальянский декоратор, ему помогал молодой архитектор современного направления. Работая в тесном контакте с бухгалтерами Харви, они старались придать офису вид, отражающий характер преуспевающего предприятия.

Чтобы отпраздновать приобретение виноградников Барзани, Харви нанял целую команду шеф-поваров из лучших отелей города.

Вернувшись из Италии, Вилли выполнила данное Нику обещание и пригласила его на этот вечер. Она была даже рада этому. Без него вечер носил бы другой характер – более деловой, пришлось бы выслушивать хвастовство Харви, что подвернувшаяся сделка с виноградниками Барзани оказалась даже выгоднее, чем покупка Целестин. Теперь же ей предстояло провести вечер с человеком, который одобрительно оглядывал ее фигуру в платье с глубоким вырезом, напоминая ей, что она красивая женщина, а не робот, которым казалась себе на протяжении стольких месяцев.

– Вам скоро может наскучить, – предупредила она Ника, когда они, протиснувшись через толпу в баре, вышли на смотровую площадку, откуда открывалась чудесная панорама переливающегося огнями города. – После того, как я выражу уважение Харви, я должна буду проторчать здесь еще достаточно долго, чтобы, выражаясь словами Френсиса, "удовлетворить чувство собственного достоинства клиента". Гарриган уверен, что это необходимо в интересах дела.

– А в чем уверены вы? – спросил Ник.

– Я уверена... – Вилли сделала паузу, ее голубые глаза стали серьезными. – Я уверена, что зря трачу время, изучая опыт, который мне не нужен.

Вдруг она заметила в дальнем углу помещения Харви, который о чем-то спорил с группой директоров компании.

– Простите, – сказала она Нику. – Чем скорее я покажусь, тем раньше мы сможем уйти отсюда.

Он с удовольствием пожал ее руку.

– Занимайтесь своими делами. Я чую носом силу и деньги и вижу, что смогу извлечь из этого выгоду.

Вилли подошла, улыбнувшись, к Харви, и тот с готовностью представил ее группе директоров.

– Эта молодая леди спасла наши деньги и избавила нас от головной боли. И я постараюсь проследить за тем, чтобы она получила большую часть из того, что мы платим Гарригану и Пилу.

Пока Вилли принимала от директоров комплименты и поздравления, которые последовали за короткой речью Харви, появилась Мэрион. Вилли отметила про себя, что она выглядит очень симпатично в зеленом шелковом платье. Вилли помахала ей рукой, желая привлечь внимание, но Мэрион не заметила ее. Она была далеко, двигаясь среди гостей с любезной улыбкой на лице.

После того, как они вернулись из Италии, Вилли пару раз звонила ей, чтобы узнать, как та поживает и не нужна ли ее помощь. Их беседа была дружелюбной и приятной, но чувствовалась некоторая дистанция. Вилли подумала, что это от того, что Мэрион пришлось вернуться в ту жизнь, которая в течение стольких лет была для нее несчастливой.

Когда комплименты иссякли, Вилли под благовидным предлогом отошла от компании директоров и попыталась найти Мэрион. Но та, казалось, бесследно исчезла. Вилли задержалась в баре, чтобы выпить немного белого вина. Она вглядывалась в толпу, надеясь увидеть Мэрион, и в пол-уха ловила обрывки разговоров вокруг. До нее донеслось имя ее клиента.

– У Харви появилась новая забота, связанная с Италией, – сказал один из посетителей бара. – Если он в последующие пять лет окажется прав насчет продажи вина, то дело "Марко" будет в шляпе...

– В этом нет сомнения, – ответил его собеседник. – Но что вы думаете о том, как он становится на ноги? Он выводит "Марко" на большую дорогу. Это может служить только ширмой, так, как зная Харви, можно предположить, что у него еще что-то припрятано в рукаве. Что вы думаете насчет его планов торговли с Фиделем? Или с Саудовской Аравией?

– Харви непредсказуем. Но раз он берется за выгодный бизнес с Нидерландскими Антильскими островами, можно быть уверенным, что он что-то замышляет.

Эти слова заставили Вилли призадуматься. Она вспомнила жалобный вопрос Мэрион "Почему Италия?" Действительно, почему? Получать законную прибыль с виноградников в Италии – довольно рискованное предприятие. Почему же Харви Сильверстен распространяет бизнес "Марко Интерпрайзиз" по всему земному шару? Делается ли это только с целью скрыть доходы? Или у него на уме другое?

Вилли нахмурилась, когда вспомнила, как Мэрион произнесла слова "развод" и "Марко Интерпрайзиз" почти одинаково, со вздохом. Подозревала ли она, что контроль Харви за ее акциями и компанией ее отца может быть "скользким"? Вдруг Вилли почувствовала, что не может больше думать об этом. Ей захотелось забыть о Харви и обо всем, что с ним связано.

Она нашла Ника и сообщила ему, что готова уйти. Но прежде чем покинуть прием, она зашла в женскую комнату немного освежиться. Там-то она и столкнулась с Мэрион, которая сидела за красивым столиком перед зеркалом и отсутствующим взглядом смотрела в него. Вилли положила руку ей на плечо.

– С вами все в порядке? – спокойно спросила она.

Лицо Мэрион чуть оживилось, она дотронулась до руки Вилли своими ледяными пальцами.

– Вилли, – сказала она, – я так часто думаю о нашем разговоре.

– Что вас тревожит? О чем вы думаете?

Из глаз Мэрион выкатились две слезинки и побежали по щекам.

– Обо всем, – прошептала она. – Я больше не могу так жить. Я хочу оставить Харви... Скажите мне фамилии тех, к кому я могу обратиться.

На все вопросы, которые одолевали Вилли, она получила один ответ. Она обняла Мэрион за плечи.

– Подождите пару дней. Я постараюсь найти вам подходящую кандидатуру. Кого-нибудь, кто позаботится о вас не просто как о клиенте. Все будет хорошо, Мэрион. Я обещаю.

Когда Вилли вернулась к Нику, тот рассыпался в любезностях, беседуя с Харви.

– Я слышал много удивительного о вас, – говорил он. – Вы производите впечатление уверенного и удовлетворенного собой человека...

– Это только начало, – самодовольно улыбнулся Харви. – Составьте мне устав дочернего предприятия. Это откроет большие возможности, адвокат, – посмотрел он на Вилли, – и хорошую возможность для вас...

– Я уже получила одну, – сказала Вилли. – И вы именно тот человек, который предоставляет мне ее. Доброй, ночи, мистер Сильверстен.

Не дожидаясь ответа, Вилли взяла Ника под руку и буквально потащила его к поджидавшему лифту. Когда двери закрылись, она раздраженно сказала:

– Мне не верится, что я сделала это...

– Несомненно, сделали, – восхищенно произнес Ник. – Не знаю, почему, но у меня впечатление, как будто вы сожгли за собой мосты.

– Может быть, они того заслуживали, – решительно сказала Вилли.

– Может, и вы заслуживаете друга этой ночью?

Ник жил в небольшом, ухоженном домике, всего в нескольких шагах от Централ-Парк. Вилли обратила внимание, что под дверным звонком написано две фамилии Росситер и Макдоуэл. Был ли это сосед Ника, или, что более вероятно, – бывшая возлюбленная – Вилли не поняла.

Квартира Ника произвела на нее такое же впечатление, как и он сам, – все здесь было пропорционально, упорядоченно и продуманно. Квартира несла печать индивидуальности хозяина более, чем ее собственная. Перед мраморным камином лежал довольно потертый ковер, на котором уютно расположилось кресло. Из деревянного горшочка свисало вьющееся растение. На полке старого китайского шкафчика была выстроена коллекция оловянных солдатиков.

– Здесь чудесно, – сказала Вилли, усаживаясь на низкую удобную софу.

– Довольно скромный дом, – пожал плечами Ник, но Вилли заметила, как он гордится им. – Что вам предложить? – спросил он, открывая антикварный шкафчик, приспособленный под бар.

– Немного брэнди, пожалуйста.

Ник плеснул в бокал брэнди, подал его Вилли и открыл себе банку пива. Он поставил на проигрыватель пластинку и сел на софу рядом с Вилли, как бы между прочим положив ей на плечо руку.

– Вы не боитесь, что все это выплывет наружу и повредит вашей репутации? – с иронией спросила она.

– Нет, – сказал он. – Я писатель, а не политик. Некоторая эксцентричность мне простительна.

Она кивнула, но мыслями была далеко отсюда: Согревая в ладонях бокал с брэнди, она вспомнила спокойные вечера, которые проводила с Мэттом. Хотя это было не так уж и давно, ей казалось, что прошла целая вечность. Ее жизнь так сильно изменилась и вот теперь меняется снова. Сейчас выбор делала она, ню разве это не сумасшествие ставить на карту всю свою карьеру, уступая зову сердца?

– О чем вы думаете? – спросил Ник. – Мне кажется, я сижу рядом с прекрасной женщиной, которая в действительности отсутствует?

– Извините, – сказала Вилли. Ей очень хотелось рассказать ему о конфликте, который созрел месяцами, о том, что ей необходимо помочь Мэрион Сильверстен и о том, как случилось, что все это соединилось сегодня вместе. Но она не могла. Вместо этого она вдруг сказала, будто отвечая своим мыслям, а не ему:

– Так или иначе, а мужчины всегда бросаются первыми.

Ник удивленно поднял брови, потом сочувственно улыбнулся.

– Вам причинили боль, – сказал он, подвигаясь к ней ближе.

– Это я не о себе..., – задумчиво сказала она. – Но, похоже, это случается со всеми женщинами, которые...

– Эй, – перебил ее Ник, нежно встряхнув за плечи. – Женщины не имеют монополии на получение обид. Может быть, они слишком много ждут? По женским стандартам большинство из нас не так чертовски хороши. Возможно, будет гораздо проще не воспринимать все это так серьезно?

Лицо Ника было совсем близко от ее лица. Она даже ощущала прикосновение его бороды к своей шее, и было естественным позволить ему поцеловать себя. Она чувствовала себя расслабленной. В воздухе витала возможность, и Вилли была уверена, что Ник не упустит ее.

Вилли взяла свой стакан и встала на ноги так быстро, будто собиралась уйти. Вместо этого она прошлась по комнате, слушая

музыку и разглядывая мебель и безделушки. Пластинка скоро кончилась. Вилли остановилась перед книжным шкафом, просматривая надписи на переплетах: Чарлз Диккенс, Натаниэль Уэст, Марк Твен, потом шел длинный ряд детективов. Имя автора было Шон Макдоуэл. Она вспомнила фамилию на звонке. Так кто же это, сосед? Вилли достала одну из книг и повернулась к Нику.

– Вы живете с этим парнем?

– Вы очень наблюдательны, – заметил он. – Макдоуэл работает здесь по выходным и поздно ночью.

Вилли оглянулась вокруг, пытаясь обнаружить следы обитания другого человека.

– Как он выглядит? – спросила она. Ник рассмеялся.

– Он перед вами. Ник Росситер и Шон Макдоуэл – одно и то же лицо. Просто так мне удобней.

– По крайней мере, это на вас похоже, – она тоже рассмеялась. – Я начинаю думать, что вы – Джекил и Хайд...

Моя бывшая жена так и называла меня, – сказал он, все еще улыбаясь, в то время как глаза его стали серьезными, – но вам нечего бояться, прекрасная леди. До тех пор, пока вы, следуя моему совету, не будете воспринимать меня или другого молодого человека слишком серьезно.

Прежде чем она успела что-то ответить, он быстро пересек комнату и обнял ее за талию. Он поцеловал ее в губы и осторожно провел рукой по спине, взяв за плечи, стал нежно массировать их, приближаясь к шее.

Еще долгое время она была внутренне закрыта. Ее как будто не было здесь, но ее тело откликнулось на прикосновение мужчины.

Сегодня ночью мне не хочется быть одной, думала Вилли, в то время как ее руки обвивали его шею, а губы разомкнулись, словно призывая его к еще более глубокому поцелую. Ее тело все сильнее прижималось к нему.

Он ловким движением поднял ее на руки и понес в темную спальню.

– Будем включать свет или нет? – прошептал он ей на ухо.

– Не надо, – сказала она, выбирая бархатную анонимность темноты для занятия любовью с мужчиной, которого едва знала. Вилли скинула туфли, потом сняла чулки и, расстегнув свое полосатое платье,

опустилась в сильные объятия Ника. У него легкий характер, думала она, мне ничто не грозит...

– Красавица, – шептал он, лаская ее груди, талию, бедра. – Даже в темноте ты прекрасна.

– Разве? – спросила она, желая снова слышать это.

– Ты великолепна, – сказал он, укладывая ее на кровать. – Но тебе необходимо расслабиться, адвокат...

Он поднял ее правую ногу и стал массировать ее, начиная с мизинца. Костяшками пальцев внезапно нажал на какую-то точку, и она почувствовала, будто по ноге пробежал электрический ток. От неожиданности она вскрикнула.

– Ой! Что ты делаешь?

– Это таинственные манипуляции, о которых я узнал на Востоке. Верь мне. Я умею их использовать.

Вилли снова откинулась на подушки и разрешила ему совершать над ее ногами восточное волшебство. Потом он перешел на руки, предплечья и плечи, чередуя растирания с маленькими "электрическими" разрядами.

Из гостиной доносилась приятная музыка, и скоро ее тело почувствовало одновременно раскованность и трепет, как если бы она плавала в облаках, и каждый нерв ее был возбужден.

– Как хорошо, – вздохнула она.

– Я же говорил, – отозвался он.

Когда он накрыл ее грудь руками, она удовлетворенно выдохнула воздух, чувствуя, как снизу поднимается теплая волна. Он дотронулся до ее сосков, и они набухли и затрепетали под его ловкими пальцами.

Сейчас Вилли была полна желания. Она пошла ему навстречу, раздвигая ноги и открывая ему путь к себе. Он нежно улыбнулся.

– Не спешите, адвокат. Это восточный метод. Своим отвердевшим пенисом он раздвинул нижние губы и дотронулся кончиком до ее возбужденного клитора. Она слегка отодвинулась от него, лишая себя его тепла, потом приблизилась снова, ее желание становилось более сильным и интенсивным с каждым его прикосновением. Ее напряжение росло до тех пор, пока тело с безумным желанием не потребовало конца. Она никогда не чувствовала подобного.

Наконец Ник вошел в нее, издав глубокий горловой стон. Обхватив ее ягодицы, он ритмично двигался внутри нее до тех пор,

пока ее спина не выгнулась дугой, а ноги одеревенели.

Несколько сильных и энергичных движений, и они кончили почти одновременно, их голоса слились в одном крике острого наслаждения.

– Это было замечательно, – сказала Вилли позже. Мне трудно описать словами, как было хорошо.

– Видишь, что могут сделать несколько несложных приемов, – сказал Ник, обнимая ее. Несколько минут спустя они спали.

Часов через пять Вилли проснулась и прошлась по квартире, думая о том, была ли когда-нибудь у Мэрион с Харви ночь, подобная этой. Было ли что-то, ради чего она так долго держалась за него и сохраняла их брак.

Вилли трогала вещи Ника, желая побольше узнать о нем. Ее все еще мучил вопрос: хорошо ли это – заниматься любовью с человеком, которого едва знаешь.

Она достала из шкафа одну из книг Макдоуэла, раскрыла ее наугад и прочла: "Я прижал его спиной к стене и приставил свой пистолет к его подбородку". Что представляет из себя человек, который пишет такие слова и может быть таким чувственным в любви.

Размышляя о Нике, Вилли снова вернулась в спальню и устроилась, прижавшись к его теплому телу, прикрыв глаза в ожидании сна. Она думала о Мэрион, несчастной и плачущей. Она увидела себя, старавшуюся утешить и ободрить ее, и когда она коснулась щеки Мэрион, то вдруг узнала лицо матери.

Она проснулась от солнечного света, который заливал комнату сквозь огромное, от пола до потолка, окно. Увидев Ника рядом с собой, она пришла в ужас. Секс с замечательным незнакомцем был хорош в темноте. Но при дневном свете все стало выглядеть иначе. Факт оставался фактом – она совсем его не знала.

Часы на ночном столике показывали шесть. Не желая будить Ника, она тихо выскользнула из кровати, собрала свою одежду и на цыпочках пошла в ванную. Вилли быстро умылась и причесалась. Чувствовала она себя жутко, а времени оставалось мало. Дома она быстренько примет душ, переоденется и помчится в офис, чтобы успеть к звонку Харви. Она с ужасом представила себе лицо Френсиса, но тут же прогнала его образ. Она надела нижнее белье и платье, которые еще раз напомнили ей, что она провела ночь в чужой кровати. Вилли подавила искушение настроичить записку Нику. Это займет

время. Тогда она вернулась в спальню и осторожно тронула Ника за плечо. Он открыл глаза и спросонья улыбнулся, но, увидев, что она уже одета, поспешно сел.

– Извини, что разбудила тебя, но мне нужно пораньше попасть в офис.

– Ну вот, видишь, – уныло сказал он. – Опять покидает первой женщина.

– Будем считать, что это очко в вашу пользу, – сказала она и перешла на серьезный тон. – Ник... большое спасибо за то, что пошел со мной на вечер...

– Это тебе спасибо, что пришла на мой вечер...

– Эй, стань хоть на минутку серьезным.

– Почему? Разве шутки...

– Я хочу, чтобы ты знал, что твое присутствие там многое изменило для меня.

Морщинки вокруг его глаз разгладились, когда лицо стало серьезным.

– Означает ли это, что мы можем быть друзьями?

– Мне бы хотелось... Он снова улыбнулся.

– Ты совершила исключительно не дружественный поступок, украдкой выскользнув из моей постели в это раннее утро.

Вилли рассмеялась. Неловкость, которую она с утра ощущала, исчезла.

– Точно, – сказала она. – Но в тех обстоятельствах, я думаю... мистер Макдоуэл-Росситер... у нас была прекрасная дружба.

Она наклонилась и быстро поцеловала его.

ГЛАВА 6

Вилли не могла представить себе, что этот факт так выбьет ее из колеи, поселит сумятицу и сомнение. Она была уверена, что уход из "Гарриган и Пил" назрел, но сказать о своем решении "Его Высочеству" оказалось для Вилли тяжелым испытанием. Хотя Гарриган часто приводил ее в бешенство, она уважала его способности и даже чувствовала к нему своеобразную любовь соперника. Он был полон лести, хитрости, но его заслуга заключалась в том, что он никогда не претендовал на что-то большее, чем был на самом деле.

Вскоре после звонка секретарши Гарригана, известившей о его прибытии, Вилли отправилась к нему в кабинет.

– Мне необходимо поговорить с вами, – объявила она ему.

– Конечно, Вилли, дорогая, садитесь.

Вилли села. Она чувствовала, что ее нервы на пределе.

– Френсис... – начала было она, но он перебил ее.

– Нет, дайте сначала сказать мне. Я с удовольствием хочу сообщить вам о трехтысячной премии, которую вы получите от "Марко Интерпрайзиз" в знак их признательности. И, хотя мое самолюбие немного ранено, я тем не менее надеюсь, что вы достойно замените меня как адвокат Харви Сильверстена. Между прочим, я сейчас имел с ним довольно странный разговор. Он сказал мне, что вы совсем не прыгали от радости, когда он вам сообщил о дальнейшей работе...

– Именно об этом я и хотела поговорить с вами, – вставила Вилли.

– Я не желала бы больше иметь никаких дел с Харви Сильверстеном.

– Но, если вы собираетесь остаться в этой фирме, вы не должны отказываться, – по-прежнему любезным тоном сказал Френсис.

– Хорошо. На этом поставим точку, Френсис. Вы многому научили меня. Я хочу уйти отсюда, чтобы применить свои знания...

– Пожалуйста... – недоуменно проговорил он. На его лице появилось выражение нескрываемого удивления. – Но о чем вы говорите, Вилли! – спохватился он, понизив голос так, как будто говорил о чем-то сугубо конфиденциальном. – Дорогая моя, это непростительная глупость – уходить от меня. Я не хотел так рано сообщать вам, но в самый короткий срок вы станете моим партнером.

Знаете ли вы, что это значит? Даже сто пятьдесят тысяч в год не отражают всю полноту престижа и влиятельности этого офиса.

– У меня было достаточно времени оценить все это, – сказала Вилли, и ее подбородок упрямо выдвинулся вперед. – Тем не менее я решила подать в отставку. Я хочу практиковать то право, которое что-то значит для меня.

Уже произнеся эти слова, она поняла, что делает правильный выбор.

Гарриган некоторое время молчал, оценивая ответ своей молодой коллеги. Его молчание было тяжело для Вилли.

– Вы, конечно, понимаете, что это создаст ряд проблем в отношениях с Сильверстеном, хотя у меня нет ни малейшего сомнения, что, несмотря на ваш уход, мы будем вести его дела. Учитывая свое ирландское происхождение, я даже готов допустить, что отчасти виноват в том, что жизнь у вас здесь была не из легких. Вы знаете, я мог бы...

– О, я знаю, Френсис. Но не стоит применять против меня всю вашу силу и умение. Я надеюсь, вы не станете делать этого, тем более, что я хочу испробовать шанс применить все, чему вы меня научили, совсем в другой области, отличной от той, где вы практикуете. Я хотела, чтобы вы это знали. И учтите, никакие ваши угрозы, и даже ваше самое грозное оружие – лукавый ирландский шарм – не заставят меня изменить решение.

Гарриган некоторое время молчал, потом вдруг его лицо озарила широкая улыбка.

– Ах, какой толк в больших переживаниях! Их и так достаточно в нашем жестоком мире. Печально, что я теряю вас, но я желаю вам всего хорошего, дорогая. – Он сделал паузу. – Можно мне спросить? Можно ли ту область закона, которую вы хотите практиковать, поставить в противовес всем моим усилиям?

– Нет, – ответила она. – Возможно, вы и правы, Френсис, но, по правде говоря, я чувствую, что нашла свое дело. Я пока ничего большего сказать вам не могу... по причине конфиденциальности. Спасибо, – сказала она, протягивая ему руку. – Спасибо за все, что вы для меня сделали. Будем считать, что я перед вами в долгу.

Гарриган сильнее обычного сжал ей руку, словно напоминая на прощание, что он больше и сильнее ее.

– Я рад, что вы сказали это, – улыбнулся он. – Ваши слова свидетельствуют о том, что вы все-таки чему-то научились.

Покинув офис, Вилли думала о том, как отреагирует Гарриган, когда узнает, что ее первым клиентом станет Мэрион Сильверстен, интересы которой она будет защищать от ее мужа – одного из крупных клиентов Гарригана.

В квартире Мэрион Сильверстен на Парк-авеню Вилли смогла проследить историю ее замужества с Харви. Квартира была огромная и пышно обставленная, дом окружен садом. Присущий Мэрион хороший вкус чувствовался и здесь: современная мебель, картины модных художников – как будто это были ее личные вещи, избежавшие властного контроля Харви.

Чем дальше Вилли разговаривала с Мэрион, тем больше та напоминала ей ее мать. Да, она была богата и хорошо образована, но, подобно Джинни, она полностью посвятила себя мужчине. Мэрион была достаточно интеллигентной, чтобы принимать активное участие в деятельности компании Натана Роузена, однако только потому, что Харви не хотел этого, она отошла в сторону. Сейчас, подобно Джинни, Мэрион балансировала на грани эмоционального срыва, потому что ее брак потерпел неудачу.

Сидя в гостиной Мэрион за чашкой чая, Вилли старалась сконцентрировать диалог на документах, разложенных на кофейном столике: налоговых обязательствах, банковских счетах и ежегодных отчетах "Марко Интерпрайзиз". Но Мэрион постоянно возвращалась к разговору о своем замужестве, устремляясь в прошлое и не поддаваясь на мягкие попытки Вилли двигаться вперед.

– Вначале у нас все было по-другому, – говорила Мэрион. – Харви и я были очень близки. Он проявлял внимание и всегда спрашивал моего совета...

Вилли терпеливо слушала ее, понимая, что ей необходимо выговориться.

– Мне трудно сказать, когда все начало меняться, – продолжала она. – После смерти папы, казалось, Харви стал больше нуждаться во мне. Потом он стал президентом "Марко". Он так всегда беспокоился по поводу того, что о нем думают люди. Он просил меня выбирать ему костюмы, галстуки, точно так же, как я подбирала ему книги для чтения. А потом... – голос ее упал, – он перестал просить меня об этом.

– Это не ваша вина. – Вилли взяла Мэрион за руку.

В глазах женщины застыли боль и сомнение.

– Я не уверена в этом. Мои родители были так счастливы, так близки. Я всегда старалась быть такой женой, какой была моя мать. Но, может быть, Харви нуждался еще в чем-то...

– Он мог бы сказать об этом, – резко заметила Вилли, стараясь пробудить в Мэрион обиду и злость, что придало бы ей силы для борьбы. – Он взял все, что ему предложили. Без вас он никто, он останется голодным, оборванцем с гнилыми зубами! – Ее слова звучали жестко и резко. Она вспомнила его блестящие коронки, вероятно, купленные на деньги Мэрион.

– Может, вы и правы, Вилли, – сказала Мэрион, досадуя на свои переживания. – Наверное, я была глупой, сделав свой выбор...

– Нет! Просто вы ошиблись, и сейчас мы постараемся исправить это...

– Но буду ли я после этого жить счастливо? Думаю, что нет.

Вилли почувствовала в ней тот же упрямый пессимизм, который был свойственен ее матери. Почему Мэрион не хочет видеть, что жизнь еще впереди, и она сможет ее устроить по своему желанию. Почему она всегда связывает свою жизнь с мужчиной?

– Несмотря на ваши слова, я думаю, вы сумеете остаться в выигрыше. Я знаю, как вам плохо сейчас. Это естественно. Ваше замужество закончилось. Да, вы пытались сохранить его на всю жизнь, но сейчас у вас появилась возможность заняться еще чем-нибудь. Вы образованны, привлекательны и богаты. У вас есть все, что необходимо человеку.

Мэрион снова попыталась улыбнуться.

– О, Вилли, когда вы так говорите, я начинаю верить...

– Верьте в себя, – горячо сказала Вилли. – А я постараюсь добиться развода на таких условиях, как вы заслуживаете. У вас будет шанс для хорошего начала. Только, Мэрион, пожалуйста, больше уверенности в себе!

Вилли вложила в свою просьбу ту же страсть, с которой она просила об этом свою мать. Но, в отличие от Джинни, Мэрион сохранила каплю надежды.

– Я постараюсь. Я обещаю постараться, – сказала она, пытаясь преодолеть свои сомнения. – А сейчас скажите, что вам еще

необходимо узнать?

В течение следующих трех часов обе женщины корпели над документами, которые адвокат Харви, Стивен Джессан, руководитель отделения, занимавшегося брачными делами в фирме "Гарриган и Пил", представил на запрос Вилли. Кроме этого, они изучали документы, которые накопились у Мэрион за время ее замужества. Картина, которая складывалась, оказалась неполной, и Вилли знала, что отсутствующая часть важнее, чем та, которая была у них в руках.

Вилли была уверена, что Харви женился по расчету, и поэтому его намерения входило освободиться от Мэрион и при этом отхватить как можно больше от "Марко Интерпрайзиз".

Уверенность в этом поддерживалась и другим материалом. Натан Роузен оставил своей дочери пятьдесят один процент акций компании, остальное зятю. Мэрион поступила очень легкомысленно и опрометчиво, передав Харви, который обманывал и продолжает обманывать ее, право распоряжаться наследством.

Просматривая последний годовой отчет компании, Вилли мысленно поблагодарила контору "Гарригана и Пила" за опыт, который она приобрела там. Только с его помощью она могла теперь свободно ориентироваться в разветвленной и запутанной сети бизнеса корпорации.

Пользуясь только фактическим материалом и некоторой помощью Мэрион, Вилли могла опираться только на свой собственный опыт.

Она просмотрела подшивку "Нью-Йорк таймс" в поисках рекламы, касающейся скрытой информации, и вскоре нашла то, на что рассчитывала, – страховую контору, находившуюся на Пятой авеню.

После короткой беседы с Гарольдом и Джеком Джиннерами, которые основали контору, Вилли согласилась на сделку. За триста долларов в месяц ее имя будет красоваться на дверной дощечке под именами братьев Джиннеров, она получит стол у окна и телефон, а также иногда помощь секретаря конторы.

Самым лучшим из всего было то, что Вилли вышла на Ларри Кьюсака, бывшего сотрудника полиции, получавшего пенсию по нетрудоспособности из-за пулевого ранения в ногу и занимавшегося расследованием жалоб и претензий. Он был спокойным, уравновешенным сорокалетним мужчиной. Он обладал огромной информацией, добытой за годы работы в полиции, и был неукротимым

тружеником. Кьюсак был прекрасно информирован о бюрократии городов и штатов и знал множество людей, которые за деньги продавали ему информацию.

У него была неприметная внешность, незапоминающееся лицо, что помогало ему быть блестящим наблюдателем. Его безошибочный взгляд легко определял, где ложь, а где правда. Все это делало его незаменимым для юриста, ведущего расследование.

Из их первой беседы Вилли узнала, что он живет в районе Бруклинского парка, состоит в разводе и имеет двоих детей.

– Развод был идеей моей жены, адвокат, – добавил он. – И мне трудно обвинять ее в этом. Быть женой полицейского нелегко. Но я все еще забочусь о Салли и люблю своих детей. Развод, может быть, и отвратительная вещь, но, когда два хороших человека не могут жить вместе, это единственный выход из положения, чтобы сохранить мир.

Кьюсак выглядел искренним и правдивым, но, по ее мнению, несколько цинично относился к любви и браку.

– Как вы можете любить кого-то, от кого вы сами ушли? – спросила она. – Разве можно крутить любовь, подобно водопроводному крану?

– Никто не уходил, мисс Делайе. – Кьюсак вздохнул так, словно его давно мучил этот вопрос. – Каждый поступает так, как считает нужным. Я живу в двух кварталах от Салли и детишек. Мы видимся каждое воскресенье и все еще обращаемся друг к другу, когда нам скучно или одиноко. Конечно, жаль, что мы уже не настоящая семья, но, как я уже сказал, каждый поступает, как может.

Хотя слова Кьюсака не дали Вилли ответа на вопросы, которые мучили ее всю жизнь, тем не менее они были честными, как и сам Кьюсак.

Она выписала и протянула ему чек на небольшую сумму в качестве гонорара.

– Это немного, – сказала она извиняющимся тоном. – Но я надеюсь скоро иметь побольше клиентов, тогда и у вас будет больше работы.

– Я тоже надеюсь, – улыбнулся Кьюсак. – Вы для меня настоящая находка, мисс Делайе, я могу сказать это каждому. А сейчас давайте поговорим о нашей первой работе. Чем я могу помочь?

– Мой клиент, леди, возбуждает дело о разводе, который, я думаю, будет упреждающим ударом, потому что у меня есть все основания предполагать, что ее муж давно собирается бросить ее. Ставка – корпорация и целая куча денег. Я подозреваю, что со стороны ее мужа имеет место злоупотребление доверием и мошенничество. – Вилли показала копию прошлогоднего годового отчета "Марко Интерпрайзиз". – Это ряд привилегированных сделок, которые могли легко укрываться от налогов. У меня есть подозрения, что Харви Сельверстен утаивал эти сделки от своей жены. Если это так, тогда мне необходимо подтвердить эти факты и знать вырученную сумму. Без этих доказательств единственное, что я смогу сказать, это то, что ее муж – нехороший человек. И все. Вы согласны?

– Вполне, – сказала Кьюсак. – Если здесь имели место нарушения, я обязательно найду их.

Вилли рассталась с ним со спокойным чувством. Если он так сказал, он действительно сделает все, что может. Во всяком случае, у нее сложилось такое впечатление.

Вилли твердо решила выиграть процесс. Это значило для нее несколько больше, чем просто успешно завершить свое первое самостоятельное дело, и Мэрион была для нее более близким человеком, чем обычный клиент. Все, чего хотела Вилли, о чем она мечтала, – это повернуть дело так, чтобы судья увидел несправедливость теми же глазами, какими она видела ее еще много лет назад.

И, кроме того, она хотела заработать достаточно денег, чтобы вернуть свой долг Джедду Фонтана.

ГЛАВА 7

Этот день принес удачу и огорчения одновременно. Ларри Кьюсак напал на след мелких измен Харви и обнаружил одну серьезную. В квартире с видом на Чарлз-ривер в Бостоне уютно жила некая леди. Оказалось, что квартира принадлежит "Марко Интерпрайзиз", а счета этой женщины проходят в отчетности корпорации. Кьюсак раздобыл также ее телефон.

– Отлично, – сказала Вилли. – Это станет причиной развода. А что вы узнали о мошенничестве Харви? Я хочу представить его не только как неверного супруга, но и как жулика.

– Терпение, адвокат. Этот человек, может быть, и жулик, но не дурак.

– Найдите улики, Ларри. Поезжайте, если необходимо, на Бермуды, но добудьте то, что мне нужно.

– Расслабьтесь, адвокат, – спокойно сказал Кьюсак. – Даже самые умные делают иногда ошибки. А находить их – это как раз то, что я умею делать лучше всего.

Вилли верила, что Кьюсак выполнит свое обещание.

Когда она сообщила Мэрион, что развод обеспечен, та казалась больше пораженной и озадаченной, чем обрадованной.

– Женщина? – повторила она, когда Вилли сообщила ей причину развода. – У моего Харви есть женщина?

– Извините, – сказала Вилли. – Я знаю, как тяжело слышать подобное. Но все уже в прошлом. Мы собираемся выиграть процесс, Мэрион. И он заплатит за все...

Вилли говорила долго, стараясь поднять настроение Мэрион, заставить поверить в собственное будущее, но все равно, когда они прощались, Мэрион едва сдерживала слезы.

Вспоминая, как Харви запросто положил руку ей на колено, Вилли трудно было поверить в то, что его жена ни о чем не подозревала. Вот точно так же Джинни не хотела верить в дурные качества Нила даже после того, как он сделал ее своим партнером в грязных извращенных сексуальных играх.

"Я никогда не допущу, чтобы такое случилось со мной, – думала Вилли. – Если я никогда не встречу доброго и скромного мужчину,

лучше пусть их не будет у меня вовсе".

Пора было одеваться, ей предстояло свидание с Ником, но Вилли с трудом старалась поднять себе настроение. В общении с Росситером она принимала спокойный и легкий тон. Это не значило, что она относилась к нему как-то легкомысленно и несерьезно. Просто он сам принадлежал к категории мужчин, которые охотно одолжат сотню долларов, помогут найти приятелю работу, но терпеть не могут эмоциональной суматохи и всячески ограждают себя от нее, не желая никого впутывать в свою личную жизнь.

Все это как нельзя лучше подходило Вилли. Она чувствовала себя свободной и получала удовольствие от такой легкой, ни к чему не обязывающей связи.

Принимая душ после напряженного дня, Вилли старалась сбросить с себя усталость и плохое настроение, которое испортилось у нее после разговора с Мэрион. Она не могла жить жизнью Мэрион, но чувствовала себя врачом, который мог бы избавить пациента от симптомов болезни, хотя тот и настаивал на их сохранении.

После душа она растирала себя толстым белым полотенцем до тех пор, пока кожу не стало пощипывать. Потом она мазала лицо кремом – любимое мамино занятие, и наносила макияж. Вилли заметила, что, вопреки своей воинствующей независимости, когда в ее жизни появился мужчина, она начала проводить больше времени перед зеркалом.

Закончив с косметикой, она одела шелковый комбинезон синего цвета, который казался почти электрик на фоне ее загорелой кожи и медных волос. Вилли вполне удовлетворил ее внешний вид, и она решила, что выглядит вполне подходяще для вечера, посвященного годовщине газеты "Виллидж крайе". Она сбежала вниз, чтобы поймать такси. Конечно, выходить с Ником гораздо приятнее, но это уже внесло бы в их отношения некую обязательность и точность – каждый раз он должен был бы заезжать за ней в определенное время.

Вечеринка была в "Миранде", одном из новых ночных клубов, появившихся в Сохо. Когда такси свернуло на Грин-стрит, Вилли заметила группу ребяташек, толпившихся у клуба в надежде увидеть какую-нибудь знаменитость.

Вилли показала швейцару свой пригласительный билет, и один из подростков крикнул ей:

– Эй, вы кто? Вы занимаете высокий пост?

– Я стараюсь, – с улыбкой ответила она. Освещения в клубе почти не было, зато оглушающе гремела музыка. Вернувшись из Италии, Вилли старалась более спокойно относиться к уровню децибелл, следуя велениям времени. Одежда присутствующих вызывала у нее улыбку. Недавно оперившиеся юнцы щеголяли в узких джинсах, кроссовках и кожаных шнурках вместо галстуков.

Внутри клуб напоминал лабиринт, и Вилли пришлось дважды спросить, прежде чем ей удалось обнаружить, где расположилась "Крайе". Этот зал был похож на освещенную розовым светом музейную комнату с фотографиями и произведениями поп-искусства, выставленными под стеклом.

Ник о чем-то увлеченно беседовал с молодой девицей в гофрированном платье, явно проявляя к ней интерес, но, как только он увидел Вилли, сразу пошел ей навстречу.

– Я не оторвала вас от чего-нибудь важного? – с иронией спросила она, удовлетворенно отметив про себя, что не испытывает в отношении его никакого чувства собственника.

– О, это довольно оригинальный цыпленок. Мы, литераторы, имеем свои слабости. Потанцуем?

Музыка играла супермодная. Ник танцевал с той же легкостью, с какой занимался любовью. Вилли заметила, что девушка в гофрированном платье с завистью смотрит на них, и что несколько женщин, стоящих в стороне, также с интересом поглядывают на Ника и с пренебрежением – на нее.

– Вы пользуетесь здесь успехом, – заметила Вилли. – Если бы взгляды могли убивать, я уже лежала бы на полу.

Явно ободренный комплиментом, Ник сделал несколько сногшибательных движений и закончил танец под всплеск аплодисментов.

– Это входит в мои планы – показать вам, как я популярен, – сказал он, подводя ее к накрытому столу.

– Что ж, впечатляет, – заметила Вилли, беря со стола крекеры с сыром.

– Кто это великолепное творение, Ник? Представь нас, или я вычеркну тебя из своего списка, – голос принадлежал стройной молодой женщине с прекрасным лицом.

– Привет, Бетти. Дай же мне отдохнуть, – засмеялся Ник. – Найди себе другое развлечение. Вилли со мной.

– Ни в коем случае. – Женщина весело хлопнула Ника по плечу и улыбнулась Вилли. – Вот плата за внимание. Я никогда не лезу в чужой огород, даже если этот огород принадлежит такому прохоже, как Ник. Я – Бетти Локвуд, а ваше лицо мне знакомо. Вы не из кино?

– Меня зовут Вилли Делайе. Я не из кино, я – адвокат.

– Адвокат, – с интересом повторила Бетти. – Да, теперь вспомнила, я видела ваше фото в газете, на первой полосе. Мои астрологи были правы – сегодня удачный день. Ник, будь другом, испарись на некоторое время. Дай мне минутку поговорить с адвокатом, пожалуйста. Спасибо, – сказала она, когда он встал, чтобы уйти. – Ник прекрасный парень. Как друг. Понимаете, о чем я говорю?

– Я прекрасно понимаю, что вы имеете в виду, – улыбнулась Вилли. – Чем могу быть полезной вам?

Лицо Бетти стало серьезным.

– Я понимаю, что неприлично беспокоить врачей и адвокатов на вечеринках, но у меня возникла проблема. И я собрала всю свою смелость, чтобы поделиться с вами.

Вилли терпеливо ждала продолжения.

– Как вы думаете, сколько мне лет? – спросила Бетти.

– Трудно сказать, – осторожно, но вместе с тем правдиво ответила Вилли. – Но вы в прекрасной форме, сколько бы лет вам ни было.

– Я танцовщица с двадцатидвухлетним стажем. Мне сорок три, и ноги все еще хорошо носят меня, но каждое утро я уже чувствую такую тяжесть в теле, как будто пробежала шестьдесят верст.

Вилли прониклась к ней симпатией и ждала, что она скажет дальше. Бетти глубоко вздохнула и медленно выпустила воздух.

– Догадываюсь, что вы уловили мое "веселое" настроение, как сказал Ник. Дело вот в чем... в течение пятнадцати лет я жила с Марго Хоукинс...

Вилли вспомнила, что женщина, которую назвала Бетти, ведущий хореограф Бродвея, поставившая не менее дюжины хитов и выигравшая четыре награды Тони.

– ... месяц назад она попросила меня уйти.

– Сожалею, – сказала Вилли. – Это, должно быть, очень грубо с ее стороны.

– И это не все, – печально продолжала Бетти. – Дело вот в чем. Я считаю, что со мной должны были обойтись лучшим образом. Я была для Марго как жена. Так как она была постоянно занята, обо всем заботилась я – о квартире, ее корреспонденции счетах... Я даже помогала ей в постановках, выполняя самую черную работу. Это несправедливо – после всего, что я сделала для нее, меня просто выбрасывают на улицу.

– Как это произошло? – мягко спросила Вилли. – Вы поссорились?

На глазах у Бетти появились слезы.

– Я бы хотела, чтобы это было так. Нет. Эта история стара, как мир. Марго встретила кого-то помоложе. И знаете, что самое странное? – Теперь слезы катились по ее щекам. – Она выглядела так, как будто была моей дочерью.

Вилли чувствовала боль в ее сердце, как в своем собственном. Но в этом деле не фигурировал мужчина – как причина измены и несбывшихся надежд.

– Чем я могу помочь? – спросила Вилли.

– Я не знаю... Я читала о том, как в Сан-Франциско вступали в брак молодые парни, которых называют "голубыми". Это похоже на нас с Марго. Она же сказала, что мы были просто партнершами. Теперь она находит себе новую девушку, сущего ребенка, а я, после стольких лет совместной жизни, в пике своего возраста, оказываюсь выброшенной за порог.

Вилли задумалась. Суд никогда не определял права сексуальных меньшинств, пары жили вместе без оформления брака. Может быть, уже настало время изменить это, подумала она.

– Так действительно нечестно, – сказала она. – Приходите завтра ко мне в офис. Принесите с собой отчет о налогах и все погашенные счета, и мы посмотрим, что можно будет сделать.

Вилли дала Бетти свою визитную карточку и оторвала Ника от его поклонниц.

– Спасибо за приглашение, – сказала она, когда они покинули клуб. – Было хорошо... К тому же, у меня появился новый клиент.

– Ты имеешь в виду Бетти? – озадаченно спросил Ник. – Любопытно, что ей понадобилось от адвоката?

– С вас достаточно моего "спасибо", мистер Росситер. Разговор касался только нас с Бетти. Не так ли?

– Хорошо, хорошо. Я не хочу, чтобы ты считала меня назойливым. Но если у тебя будет что-нибудь для прессы, я хочу знать об этом первым. Обещаешь?

– Обещаю.

– Сейчас, когда взаимопонимание между нами полностью восстановлено, могу ли я завлечь тебя к себе?

– Мне нравится твое предложение, – сказала Вилли, – но в восемь утра у меня назначено...

– Тогда ты могла бы пригласить меня к себе... – Это прозвучало скорее шутливой обидой, нежели просьбой. Подумав немного и желая лишний раз подчеркнуть несерьезность их отношений, Вилли сказала:

– Хорошо.

– Здесь симпатично, – сказал он, осматривая квартиру Вилли. – Плата постоянная? – задал он типичный для нью-йоркца вопрос.

– Да, пока постоянная.

– Квартира не похожа на тебя, – подметил он.

– У вас наметанный репортерский глаз, мистер Росситер. Мои здесь только книги и растения. Остальное уже было, когда я вселилась.

– Стиль поглощенной работой деловой женщины? У которой нет времени для домашнего уюта? Или он тебя просто не интересует?

– Хорошие вопросы, – сказала Вилли, – но ответы на них относятся к области личного. Помни, что ты отрицаешь эмоциональную суету. Поэтому не надо копать, а то неизвестно, на что можно наткнуться.

Ник ничего не сказал, и Вилли подумала, что, может быть, ненароком задела его за живое.

– Могу я предложить тебе что-нибудь выпить? – спросила Вилли, желая смягчить свои предыдущие слова.

– Но у меня нет с собой пива...

– Я думаю, немного бренди тебе не повредит.

Она подала Нику бокал и подошла к факсу. Там ее ждали два сообщения и оба от Джинни: "Пожалуйста, родная, позвони мне, необходимо поговорить с тобой".

Вилли сразу же набрала номер в Палм-Спрингс. У Джинни был странный глухой голос. Вилли не могла понять, что это – алкоголь или

наркотики, которыми Джинни последнее время злоупотребляла.

– Где ты была, детка? – спросила она. – Мне необходимо поговорить с тобой. Я так боялась, что ты не позвонишь мне... Я не знаю, что мне делать.

– В чем дело, мама? – терпеливо и спокойно спросила Вилли.

– Я не знаю, милая, как сказать тебе...

– Почему бы тебе на несколько недель не приехать в Нью-Йорк? – предложила Вилли. – Ты можешь сделать приобретения для магазина. Я куплю билеты куда-нибудь... Держу пари, тебе понравятся цыгане...

– Я не могу сделать этого, – жалобно сказала Джинни. – Кто позаботится о магазине?

– Как процветает твой бизнес? – спросила Вилли в надежде вызвать у Джинни интерес.

– Это уже кладбище, – с горечью ответила Джинни. – Теперь, когда я не состою в браке с Нилом, все его друзья и люди его круга обходят магазин стороной и всячески унижают меня.

– Ладно. Если у тебя плохо идут дела, почему ты не можешь закрыть магазин недели на две?

Ответа не последовало. Она поняла, что мама хотела, чтобы она сама приехала в Палм-Спрингс.

– Послушай, мама, – сказала она. – Я сейчас работаю над очень важным делом. Оно много значит для меня. Как только я его закончу, обязательно прилечу к тебе, чтобы мы вместе смогли провести Рождество. Только я и ты... как в добрые, старые времена. Мы вместе подумаем, что предпринять. Я обещаю... Потерпи немного. Пожалуйста.

– Ты хорошая девочка, Вилли, – сказала Джинни. – Ты всегда была так добра ко мне...

Когда Вилли положила трубку, Ник стоял сзади. Он не задал ей никаких вопросов, ничего не сказал по поводу услышанного разговора. Он просто обнял ее и стал целовать.

Это все, что ей надо было от него.

ГЛАВА 8

В течение последующих недель Вилли постоянно думала о деле Сильверстен. Она позволяла себе отвлекаться только на случайные обеды с Ником и длинные пространные беседы по телефону с Джинни.

Когда она готовила юридические документы, освобождающие ее клиента от аморального брака, она почти каждый день беседовала с Мэрион, стараясь укрепить в ней надежду и мысль о том, что развод явится началом ее новой жизни и концом всех несчастий.

Все происходит так, как уже однажды происходило, думала Вилли, вспоминая, какой слабой, растерянной и напуганной была мать, когда ее брак разбился. Вилли знала, что многие адвокаты сочли бы непрофессиональным заботиться о клиенте больше, чем о деле. Но для нее это было неразделимо. Она несколько раз встретила с адвокатом Харви, пытаясь урегулировать вопросы. Но между представлениями Вилли о сути дела и тем, что предлагал адвокат Харви, оказалась бездна различий. Для Вилли самым значительным моментом было восстановление права Мэрион на управление ее долей в "Марко Интерпрайзиз", для адвоката Харви это вообще не подлежало обсуждению.

Битва Сильверстен против Сильверстен началась в морозный осенний день. Джессан, адвокат Харви, встретился с Вилли на ступеньках Верховного суда в нижнем Манхэттене. Он остановился и самодовольно улыбнулся.

– Будьте благоразумны, адвокат, – сказал он. – Избавьте вашего клиента от ряда неприятностей. Вы ведь знаете, как это безобразно, когда публика начинает копаться в грязном женском белье. Подойдите к делу серьезнее. Согласитесь на компромисс.

– Это вам следует подойти к делу серьезнее, Стив, – в свою очередь не без ехидства заметила Вилли. – Я не согласна ни с одним из ваших предложений, и вы знаете об этом. Единственный, у кого грязное белье в этом деле, – это ваш клиент. Возможно, он просто не сказал вам, насколько оно у него грязное...

Выражение лица Джессана показало ей, что она попала в точку. Джессан, возможно, и знал о жульничествах Харви, но вряд ли тот

сказал ему, как он использовал акции Мэрион в целях своего обогащения.

А Вилли знала наверняка. Благодаря усилиям Кьюсака, в ее папке собралось достаточно документального материала, чтобы утереть нос Джессану.

В зале заседаний она обратилась к суду со вступительной речью – краткой и предельно ясной.

Она сказала, что Харви Сильверстен – человек, который женился ради денег. Он эксплуатировал свою жену, был по отношению к ней жестоким и невнимательным. Он не только изменял ей, но и использовал в своих целях фонд компании, основанный его тестем, выделяя из него средства на содержание своего любовного гнездышка и на дорогие подарки своей любовнице. Вилли просила развод на основании прелюбодеяния и намеренной жестокости. Она требовала передачи квартиры на Парк-авеню и половины совместно нажитого имущества ее клиенту, а также выплаты Мэрион ежегодной помощи в размере ста пятидесяти тысяч долларов. Кроме того, к Мэрион должна вернуться ее законная половина акций "Марко".

Вилли наблюдала за лицом судьи, когда слово взял Джессан. Адвокат назвал Мэрион невротичкой и капризной женой, которая вынудила своего мужа уйти к другой женщине. Когда он упомянул о психической болезни Мэрион, Вилли повернулась к ней и тихо спросила:

– Почему вы не рассказали мне об этом?

– Я... Это было так давно, – растерянно пробормотала Мэрион. – О, Вилли, я была так несчастна... я прибегла к помощи психиатра, я попросила и Харви пойти к нему, но он не согласился. Я не могла себе представить, что он вспомнит об этом сейчас...

– Ладно, – сказала Вилли, ободряюще кивнув ей. – Это не удивительно быть несчастной, будучи замужем за таким человеком, как Харви. Джессану больше ничего не оставалось сказать... Он хочет пробудить в судье мужскую солидарность... Но я разделаюсь с ним. Я обещаю.

Улыбка Джессана померкла, когда Вилли попросила вызвать Ларри Кьюсака. Рядом со страстностью Вилли спокойствие Кьюсака впечатляло. Его ответы были четкими и подтверждались фактами. Его профессиональные показания вызвали должный эффект в зале суда.

Харви выглядел очень жалко, отвечая на вопросы. Его претензии к Мэрион больше походили на нытье.

Заседание должно было возобновиться на следующий день. Джессан подошел к Вилли.

– Половину совместно нажитого имущества и сто тысяч ежегодной выплаты, – кратко сказал он. – Вы согласны?

– А что об управлении акциями миссис Сильверстен? – спросила она. – Согласен ли ваш клиент признать ее законное право на них?

– Это не подлежит обсуждению, – твердо произнес адвокат. – Мой клиент считает, что он будет приумножать состояние корпорации, и не собирается делиться акциями с женщиной, которая ничего не смыслит в бизнесе. Эти люди, возможно, и получают развод, но будут оставаться вместе во всем, что касается бизнеса.

– Вы ясновидящий, – улыбнулась Вилли.

– А пока я займусь тем, что передам ваши предложения моему клиенту.

– Вот так, – сказала Вилли Мэрион. – Я уверена, что смогу вытянуть у него больше алиментов, но боюсь, что Харви и не подумает насчет акций, если мы не нажмем на него посильнее.

Мэрион обняла Вилли.

– Тогда сделайте это. Для меня не столь важны деньги. У меня их достаточно на жизнь, независимо от того, чем закончится это дело. Я хочу вернуть себе компанию своего отца. Я хочу выиграть, Вилли, и думаю, что вы хотите того же.

Да, Вилли действительно этого хотела. И она приготовила Харви хороший "сюрприз". Заходя в здание суда, она имела при себе подготовленный с помощью Кьюсака второй иск, который заключался в том, что Харви нарушил оказанное ему доверие и поэтому обязан вернуть акции и выплатить десять миллионов долларов компенсации за возмещение убытков.

Вилли с удовольствием наблюдала, как Харви повернулся к своему адвокату и в бешенстве что-то говорил ему, энергично жестикулируя руками. Защелкали камеры, а репортеры кинулись к ним с вопросами.

Джессан поспешил скрыться со своим клиентом в здании суда, отвечая представителям прессы одной фразой – "Никаких

комментарий". В течение часа он несколько раз вызывал Вилли в коридор.

– Каковы ваши требования? – спрашивал он. – Что надо сделать, чтобы сегодня же аннулировать оба иска! Прямо сейчас!

– Вчера вы имели возможность уяснить, что мы просим у суда, – сказала Вилли. – Сегодня требования увеличились на пять миллионов долларов. Но я могу еще больше насолить вашему клиенту. Завтра... мне продолжать?

– Нет, – сдался Стивен Джессан. Он долго и внимательно смотрел на Вилли. – С виду вы просто красивая женщина, но мыслите вы, как натуральная акула. Гарриган в вашем лице потерял настоящий клад.

– Нет, – возразила Вилли. – Я стараюсь обойти акулу, чтобы она не проглотила моего клиента. Могу ли я подготовить все необходимые документы?

Когда Вилли принялась составлять счет по окончании дела Сильверстен против Сильверстен, она обнаружила, что они с Мэрион никогда не говорили о гонораре. Хотя процент от выигранной суммы был велик, Вилли чувствовала, что не сможет попросить всю сумму. Поэтому она просто умножила часы, которые потратила на это дело, на сто пятьдесят долларов и получила сумму, какую имела за свою работу у Гарригана и Пила. Она еще прибавила к этой сумме дополнительные затраты на расследование, проведенное Кьюсаком. В итоге вышло сто тысяч долларов.

Решение вопроса в пользу Мэрион и намек на должностное преступление Харви породили массу сплетен и предположений в прессе, освещающей вопросы бизнеса.

– Не обращайтесь на это внимания, – советовала Вилли Мэрион. – Просто не разговаривайте с репортерами, не давайте им ничего нового, и скоро им не о чем будет писать.

Но когда Вилли сама на следующий день раскрыла газету и посмотрела колонку Ника, она вскипела от возмущения. Рядом с его улыбающейся фотографией красовался заголовок: "Может ли сердцебиение женщины повелевать ритмом улиц?" Она быстро пробежала статью глазами. В ней сообщалось о падении курса акций "Марко" и делались предположения о грядущих неудачах корпорации. Но больше всего ее разозлило то, как он писал о ней, подчеркивая, что она женщина, которая поставила себе целью заниматься

бракоразводными процессами в пользу женщин. Статья заканчивалась фразой "Не являемся ли все мы свидетелями новой эволюции Женщины?"

Вилли в ярости смяла газету и швырнула ее в корзину. Кипя от негодования, она набрала номер телефона Росситера.

– Как ты можешь писать о том, что тревожит меня? Как ты смеешь превращать мои личные переживания в дешевый сенсационный юмор? Я считала тебя своим другом, Ник. Но то, что ты сделал, действительно низко...

– У меня на этот счет другое мнение, – сказал он, когда Вилли закончила. – Я же не указывал тебе, как делать твою работу. И я не понимаю, почему наша дружба дает тебе право вмешиваться в мою. Дело, которое ты провела, неожиданное, поэтому я и написал о нем. Я имею честь тебе сообщить, что если ты сегодня вечером будешь ждать меня к обеду, мне кажется, я смогу простить тебя...

– Ты сможешь простить меня?! Ну, тогда... забудьте об обеде и обо всем другом, мистер Росситер.

Вилли швырнула трубку. Она думала о том, что мужчине нельзя верить, даже если тебя с ним связывает постель.

ГЛАВА 9

За сутки Вилли стала звездой. Дело Сильверстен против Сильверстена включало в себя все слагаемые сенсации – деньги, силу и скандал. Как только в газетах появились первые заметки о ней, телефон Вилли не переставая звонил. Спрос на ее услуги, который возник у подруг Мэрион, стал расти со скоростью эпидемии. Ей звонили женщины, которые читали о ней или смотрели шестичасовые новости.

Одни из них были богаты, другие – нет. Но все они были несчастны в замужестве. Распространилась молва, что Вилли Делайе не похожа на других адвокатов, что она работает не так, как бывало прежде, когда адвокаты судящихся сторон за ленчем урегулировали вопросы к обоюдному удовольствию. Вилли же боролась, она мстила. Случилось так, что женщины, которые боялись бороться, увидели в ней защитника и лидера.

Сначала она старалась повидаться с ними со всеми. Она хотела дать им надежду. Их рассказы питали ее непримиримость и пополняли знания о социальном и эмоциональном крушении как следствии неудачной любви, измен, предательств и разочарований.

Она стремилась всем помочь, но скоро стала захлебываться и тонуть в набегающих одна за другой волнах несчастий и горя.

Стало ясно, что ей необходима собственная фирма и штат коллег. Ей нужно помещение для офиса и обстановка. Но у нее не было на это денег. Она снова и снова пересчитывала на калькуляторе содержимое своего кошелька. Получалась ничтожная цифра, и только это было причиной того, что она не могла говорить "да" всем обратившимся к ней женщинам и останавливала свой выбор лишь на тех, которые, подобно Мэрион, могли позволить себе определенные затраты.

Приближалось Рождество. Вилли работала с удвоенной энергией, чтобы успеть закончить к праздникам начатые дела. Она обещала провести праздничные дни с матерью, и это обещание необходимо было выполнить.

Когда позвонила Мэрион и пригласила ее на ленч, Вилли вежливо отказалась.

– Мне приятно увидеть вас снова, но, к сожалению, я очень занята. Давайте перенесем нашу встречу на начало Нового года?

– Я хотела поговорить с вами относительно вашего счета, – сказала Мэрион. – Но мне не хотелось бы делать это по телефону.

Вилли согласилась встретиться с ней, потому что ее встревожило упоминание о счете. Какие могли быть с ним проблемы? Она старалась быть справедливой, составляя его. Что же нужно Мэрион?

Ленч в "Ла Коут Баскью" был очарователен благодаря уюту и спокойствию, царившим вокруг. Беседы за столиками текли размеренно и тихо, и даже стук приборов не нарушал покоя.

Вилли назвала администратору имя Мэрион и заметила, как просветлело его лицо, когда он узнал ее. Он любезно проводил ее к столику, из-за которого навстречу ей поднялась женщина. Вилли смотрела и не верила своим глазам. Эта женщина была поразительно не похожа на то печальное и несчастное создание, которое она встретила всего несколько месяцев назад.

– Мэрион! Вы выглядите потрясающе!

– Вы так считаете? – рассмеялась Мэрион, радуясь произведенному эффекту. – Так может выглядеть женщина, которая чувствует себя хорошо. Этому также способствует помощь Элизабет Ардэн.

Вилли было очень приятно видеть эту новую Мэрион, с красивыми светлыми волосами, прекрасной фигурой и по-королевски уверенной манерой держаться. Она мечтала увидеть такой Джинни после ее развода с Нилом, но этого не случилось. По крайней мере, пока...

– Для начала лосось и шампанское, – сказала Мэрион. – Что вы скажете насчет бутылочки "Кристалла"?

– Я согласна. Вам есть что отпраздновать, – ответила Вилли.

– Я уже давно забыла, что такое праздник, – сказала Мэрион. – Хочу надеяться, что с вами этого не случится... Ужасно, когда осознаешь, что жизнь потрачена бесполезно...

– Каким будет ваш следующий шаг? – спросила Вилли. – Может быть, путешествие?

– Я ждала от вас этого вопроса, – загадочно улыбнулась Мэрион. – Я собираюсь заняться делами "Марко Интерпрайзиз". Как шахматист шахматами.

Вилли снова отметила про себя, насколько изменилась Мэрион. Она была похожа на бабочку, возникшую из кокона, – разноцветную и загадочную.

– Вы собираетесь прогнать Харви?

– Никогда в жизни, – засмеялась Мэрион. – Харви слишком ценен, чтобы позволить ему уйти... во всяком случае, пока я не вникну в суть дел компании. А потом посмотрим...

– Отлично! – воскликнула Вилли. – Вы не представляете, что для меня значит видеть вас счастливой... строящей свою новую жизнь.

– Я так долго была несчастной, что это превратилось в привычку, – сказала Мэрион. – Мне было страшно бросить его, потому что я не видела другой жизни. Но теперь я чувствую себя гораздо моложе. Я уверена, что смогу сделать карьеру, и, – она улыбнулась, – даже чувствую себя способной снова полюбить. Но без вас, Вилли, я бы ничего не смогла.

Эти слова согрели душу Вилли. Она потягивала вино и думала, что успех в том и заключается, чтобы ей удавалось изменить женщин, помогая им, когда они бессильны сами помочь себе.

– Теперь о вашем счете, – неожиданно сказала Мэрион.

Вилли почувствовала себя так, словно ее спустили с небес на землю.

– Но, Мэрион... – пробормотала она, заливаясь краской, – Я только...

Мэрион покачала головой.

– Разрешите мне закончить, – сказала она, доставая из своей сумочки чек. – Я не позволю себе заплатить вам меньше этой суммы, и я не хочу слышать никаких возражений.

Вилли посмотрела на чек – пятьсот тысяч долларов. Полмиллиона! Она смотрела на цифры и не верила своим глазам. Это все – офис, штат и шанс открыть двери всем, кто нуждался в ее помощи, – и богатым, и бедным.

– Похоже, Бог услышал мои молитвы, – сказала Вилли. – У меня нет слов, чтобы отблагодарить вас.

– Вы заслужили это... и даже большего. Счастливого вам Рождества, Вилли, сказала Мэрион, протягивая ей красную кожаную коробочку. В ней лежали изумительные овальные золотые часики, украшенные алмазами.

– О! Вы не должны были делать этого, – запротестовала Вилли. – Они чудесны, но я не имею Права принять от вас такой подарок. Пожалуйста, возьмите их обратно, право...

– Уже поздно брать их обратно, – сказала Мэрион, поворачивая часы. На обратной стороне была выгравирована надпись: "Вилли, ставшей мне дочерью, которой у меня никогда не было. Любящая М.С."

У Вилли на глазах навернулись слезы.

– Спасибо, – сказала она. – Я навсегда сохраню их, но, право, вы не должны были...

– Конечно, я должна была, – решительно перебила ее Мэрион. – А сейчас я хочу пожелать вам всего хорошего. Помните, вы можете вызвать меня всегда, когда вам будет нужен друг. Я прошу вас, Вилли... ч.

Праздничное настроение Мэрион было заразительно. Эта история заканчивалась хорошо. А теперь начиналась другая, после всех неприятностей, связанных с браком и несбывшимися надеждами. Но улыбающееся лицо Мэрион было для Вилли как бы и упреком, когда она вспоминала голос Джинни в телефонной трубке, полный тоски и отчаяния. Вспомнив безысходность, звучавшую в ее голосе во время их последнего разговора по телефону, Вилли решила невзирая ни на какие дела немедленно лететь в Палм-Спрингс.

Вилли положила деньги Мэрион на новый, пока еще очень скудный, счет своей фирмы. Теперь ее собственная фирма стала платежеспособной и начинала свой взлет.

Она попросила ручку и бланк у служащего банка, который, как никогда прежде, стал услужлив и внимателен, села за его стол и выписала свой собственный чек на сорок девять тысяч долларов на имя Джедда Фонтана, добавив краткое примечание: "Расплатилась сполна". И, пока она с радостью выводила эти слова, в ее голове возник вопрос – неужели так просто могут закончиться их отношения?

С Бетти Локвуд Вилли встретила в кафе на Лексингтон-авеню. В своем репетиционном костюме и спортивном жакете, с длинным шерстяным шарфом, повязанным поверх него, Бетти была похожа на бездомную.

Вилли сообщила ей, что полностью изучила ее вопрос и не нашла никаких прецедентов в судебной практике, которые могли бы

поддержать ее дело.

– Мы должны быть первыми, – сказала она. – Пришло время, когда суд должен признать альтернативный стиль жизни. Но это еще не значит, что он сразу признает его. Мы должны убедить суд в существовании экономической ответственности в случае распада такого союза, какой был у вас с Марго. Но я хочу предупредить вас, Бетти, что борьба будет тяжелой...

– Не знаю, смогу ли я позволить это себе, – сказала Бетти, нервно покусывая губы.

– Я смогу, – сказала Вилли. – Если вы имеете желание бороться, я использую ваш случай как аргумент. Кто-то когда-то должен начинать. И, если мы выиграем, о нас напишут в книгах по юриспруденции.

Расставшись с Бетти, Вилли думала о том, что несчастные, такие, как эта женщина, с которой она только что беседовала, абсолютно бесправны. И несправедливо обращаться с ними, как с ненужной перчаткой, которую всегда можно выкинуть.

Впервые в жизни Вилли имела ясное представление о том, кем она является. Она была женщиной, призванной защищать тех, кого искалечила, ранила и обидела любовь. Скептически относясь к любви, она, тем ни менее, убедилась в ее необыкновенной способности причинять боль. Вилли была похожа на профессионального солдата, так много знавшего об ужасах войны и так мало – о радостях мирной жизни.

ГЛАВА 10

– Простите, пожалуйста, – извинился мужчина, задевший локоть Вилли, забирая свой кожаный чемодан с багажной карусели. – Я, когда спешу, всегда бываю неуклюжим.

– Ничего страшного, – улыбнулась Вилли. Она заметила его еще во время полета из Лос-Анджелеса в Палм-Спрингс. Это был достаточно симпатичный шатен с пышной шевелюрой, одетый в темный костюм, что свидетельствовало о том, что он, как и Вилли, начинал свое путешествие в более холодном климате.

Он задержался около нее, дожидаясь, пока ее багаж не приблизился к ним.

– Позвольте мне, – сказал он, подхватывая ее сумку. Она поблагодарила его. – Могу ли я проводить вас до лифта? На улице меня ждет машина.

Вилли заколебалась, но потом решила, что нет ничего плохого в том, что она примет его предложение.

– Меня зовут Грэг Тэмпл, – он с улыбкой протянул ей руку.

– Вилли Делайе.

Их встретил шофер в униформе, и, усевшись в лимузин, они помчались в город. Во время поездки Вилли рассказала Тэмплу, что она – адвокат из Нью-Йорка, собирается пробыть в Палм-Спрингс все рождественские праздники.

– Значит, мы принадлежим к одному и тому же кругу, адвокат, – засмеялся он. – Я практикую в Чикаго... Здесь я по делу, но также надеюсь немного поразвлечься.

Тэмпл стал перечислять юристов, которых Вилли могла знать, но она только качала головой.

– Минутку, – перебила она его. – Возможно, вы знакомы с главой фирмы, где я раньше работала, – Гарриганом. Его все знают.

– Френсиса Алоисиса? – засмеялся он. – Я не только знаю его, но однажды даже наши пути пересеклись, и очень жестко.

– И кто победил?

– Это была ничья. Мой клиент не удовлетворился бы меньшим.

Они вспомнили несколько историй, связанных с Гарриганом, и, когда лимузин подъехал к дому Джинни, Тэмпл спросил, могут ли они

пообедать как-нибудь вечером. В Нью-Йорке Она бы, возможно, и согласилась, но здесь, как она объяснила ему, все ее время посвящено матери.

– Я останавливаюсь в "Ройсе", – сказал он, протягивая ей свою визитную карточку. – Просто на случай, если вы измените свое решение.

В следующий момент Вилли поспешила в объятия своей матери. Встреча была сентиментальной, со слезами. Вилли увидела, сколько же потеряла Джинни и как бесцельна стала ее жизнь. Ее по-детски хрупкая красота померкла с возрастом и от разочарований, а ее янтарные глаза, которые некогда искрились огнем и надеждой, сейчас были померкшими и тусклыми.

Дом, который Джинни сняла после развода, имел запущенный вид. Он был довольно большой, с плавательным бассейном, удобно и хорошо обставленный хозяевами, которые перебрались в Европу. Сейчас на мебели лежала пыль, полы и ковры чистила домработница, мексиканка, которая жила тут же, в коттедже для гостей, выглядевшим, впрочем, как и все вокруг, заброшенным и необитаемым. В кухне было чисто и прибрано, но холодильник и шкафы оказались почти пусты, на полках лежали лишь самые необходимые продукты.

Здесь ничто не напоминало о приближении праздника, тем более такого, как Рождество. Все комнаты, в которых обитала Джинни, имели такой вид, будто хозяйка не жила здесь, а временно задержалась, обдумывая, что ей делать, – двигаться вперед или возвращаться назад.

Вилли твердо решила изменить здесь все. Она быстро приготовила салат и консервированный суп и накрыла столик в гостиной. Потом растопила камин и достала для матери мексиканский плед. О чем бы они ни начинали говорить, все каким-то образом сводилось к бедам и несчастьям Джинни.

Наконец уставшая с дороги Вилли ушла в спальню и улеглась в кровать, обдумывая завтрашний день. Она была уверена, что сможет подобрать к Джинни ключик и освободить ее от безразличия и апатии, вселить надежду и энергию.

Засыпая, она представляла Джинни такой же холеной, полной планов на будущее, какой она видела в последний раз Мэрион.

Из-за шестичасового различия во времени Вилли проснулась рано. Она приготовила себе кофе, и его аромат словно наполнил дом жизнью. Взболтав несколько яиц и поджарив яичницу, она разрешила ее на треугольники и выложила на тарелки из прессованного стекла. В саду она нарвала букетик полевых цветов и поставила их в маленькую серебряную вазочку. Собрав все на поднос, она понесла его в темную спальню Джинни.

– Доброе утро, соня, – весело сказала Вилли, целуя мать в лоб и отодвигая штору. – Время завтракать.

Джинни растерянно зажмурилась от света, потом улыбнулась, увидев Вилли.

– Доброе утро, детка. Какой чудесный завтрак.

– Яичница как раз такая, как ты любишь. И ароматный крепкий кофе.

Джинни принялась за еду.

– Ты когда идешь в магазин? – спросила Вилли. Может быть, если я пойду с тобой и немного помогу, у тебя будет удачный день? Потом мы вместе пообедаем и сделаем кое-какие покупки...

– Дорогая моя, это так мило с твоей стороны. – Лицо Джинни просияло. – Но давай не будем сегодня связываться с "Серебряным экраном". Моя продавщица, Мэг, позаботится о нем. А я хочу насладиться обществом моей маленькой девочки.

Когда Вилли остановила машину на Палм Каньон Драйв, на улицах только разворачивалась праздничная торговля, из музыкальных магазинов доносились рождественские песенки. Все это на какой-то миг разбудило в Вилли ностальгию по тем далеким временам, когда еще жизнь казалась ей безоблачной и мир прекрасным. Теперь она должна сделать счастливой Джинни.

– Пойдем, мама, – сказала она, беря ее под руку. – Окунемся в великое Рождество.

В течение нескольких часов они, словно дети, бродили по Драйв, останавливаясь то у одной празднично убранной витрины, то у другой. Они купили маленькую рождественскую елку и веночки, украшенные красными лентами, немного блестящих елочных игрушек, свечи в форме Санта-Клауса, конфеты и пластинки с веселыми рождественскими песнями.

Погода была чудесной, и, когда они проголодались, Вилли остановила свой выбор на маленьком открытом кафе. Помня совет Мэрион делать жизнь праздничной, она заказала бутылку шампанского. Маме нужно это, подумала она, даже больше, чем мне. Только она подняла бокал, чтобы выпить в честь мамы, как сзади ее кто-то толкнул, и вино пролилось.

– Ради Бога, простите, – произнес низкий голос. – Позвольте, я помогу вам...

Оглянувшись, Вилли узнала Грэга Тэмпла, своего спутника из аэропорта.

– Вот мы и встретились, – улыбнулся он.

– Я догадываюсь, что вы опять спешите, правда? – улыбнулась в ответ Вилли.

– Правда. Но сейчас, когда я встретил вас, мои планы... Грэг стоял у стола и не торопился уходить. Вилли ничего не оставалось делать, как представить его матери.

– Она не может быть вашей мамой, – сказал он. – Она, скорее, похожа на вашу прелестную сестру.

Заметив, как просияла Джинни от этих слов, а ее лицо приняло выражение, какое у нее всегда появлялось в клубе, когда с ней заигрывал симпатичный мужчина, Вилли пригласила Грэга сесть.

– Я бы с удовольствием, – сказал он, – но у меня важная встреча с клиентом. Но сегодня вечером я собираюсь на рождественскую вечеринку. Вот если бы вы согласились пойти со мной... Я уверен, мне бы там каждый завидовал.

Джинни была похожа на ребенка, которому предложили редкое развлечение, поэтому Вилли не колебалась долго.

– Нам нравится ваше предложение, – сказала она и оставила Грэгу адрес.

Трудно было сказать, чем это вызвано – присутствием ли Грэга и его приглашением на вечеринку или второй бутылкой шампанского, которую он, уходя, заказал для них, – но ленч обернулся настоящим праздником.

Когда они рука об руку покинули кафе, чувствуя себя частицей царящего вокруг праздника, Вилли отметила про себя, что походка Джинни стала более пружинистой, а лицо – жизнерадостным.

В дорогом ювелирном магазине Вилли понравились золотые серьги с топазом. Она приблизила зеленые камешки к ушам Джинни.

– Они как раз под твои глаза, – нежно сказала она. – Давай я куплю тебе эти серьги в подарок заранее, и ты сможешь надеть их сегодня на вечеринку. С Рождеством тебя, мама! – Она поцеловала ее прямо в магазине, и на какое-то мгновение они почувствовали себя, как много лет назад, крепко любящими друг друга.

– Теперь моя очередь, – сказала Джинни, смеясь и увлекая Вилли по улице в другой магазин. Там она попросила продавщицу показать белый замшевый комбинезон, красовавшийся на витрине.

– Это для моей дочери, – пояснила она. – Она адвокат... Приехала из Нью-Йорка навестить меня...

В ее словах, согревших Вилли, чувствовалась нескрываемая гордость.

– Мы совсем забыли о "Серебряном экране", – сказала Вилли, когда они вышли из магазина. – Давай поговорим сейчас. Вдруг я подкину тебе идеи для нового бизнеса. Помни, мы должны быть хорошей, спаянной командой.

– Я помню, дорогая. Ты всегда так много помогала мне...

Когда они перешагнули порог "Серебряного экрана", Вилли пришла в ужас – неужели мечта Джинни так и осталась мечтой? Магазин, так же, как и дом Джинни, выглядел заброшенным. Товар потерял свою свежесть и новизну, а витрины, которые раньше казались оригинальными и привлекательными, сейчас выглядели померкшими и тусклыми. Продавщица, читавшая журнал, казалось, удивилась появлению Джинни, как будто ее присутствие в магазине было редким и неожиданным. Вилли больно укололо то, что необычайная фантазия Джинни угасла. Развод с Нилом словно разбил ее мечту, которую она лелеяла так много лет. Оглядывая унылую обстановку магазина, Вилли соображала, удастся ли восстановить здесь былое великолепие или предприятие погибло окончательно. А если так, то сможет ли она помочь Джинни обрести другую мечту.

Под пристальным взглядом продавщицы Вилли задумчиво бродила по магазину. Джинни тихо сидела на атласном стуле, будто в ожидании приговора, который вынесет Вилли, констатировав, что она так и осталась неудачницей, несмотря на все свои старания.

Вилли, наконец села рядом с ней и обняла ее за плечи.

– Может, нам лучше обратиться к помощи консультанта? – спросила она. – Он посоветует, как делу двигаться дальше. Я встречалась с одним из них, когда работала у Гарригана. У него потрясающая репутация. Позволь мне завтра позвонить ему. Пусть это будет рождественским подарком... Держу пари, он поможет нам...

Джинни покачала головой.

– Какой смысл в том, чтобы зря выбрасывать деньги, дорогая? Это было моей прихотью... игрой... а сейчас все кончилось.

– Это не закончится, если ты не захочешь, – возразила Вилли. – Возможно, "Серебряный экран" и начинался как прихоть, но, если мы как следует подумаем, я уверена, мы сможем вдохнуть в него новую жизнь... для твоего же удовольствия.

Но лицо Джинни оставалось безучастным.

– Не трать напрасно свое время и деньги, детка. Дело не стоит того.

– Мама, почему ты так говоришь? – в отчаянии воскликнула Вилли. – Почему ты не хочешь даже попытаться?

Джинни была похожа на провинившегося ребенка.

– Извини, дорогая. Я понимаю... Я так долго была в унынии...

Вилли вспомнила слова Мэрион о том, что ее несчастье превратилось со временем в привычку. Она остро почувствовала свою вину перед Джинни за то, что уделяла ей так мало внимания в последнее время.

– Это ты извини меня, мама, – сказала она. – Я так редко говорила с тобой. Если тебе не нравится заниматься "Серебряным экраном", мы подумаем, как быть с ним в дальнейшем.

Они вышли из полумрака магазина на солнечный свет. Вилли вспомнила, что впереди их ожидала хорошая возможность повеселиться, поэтому она решила сделать все возможное, чтобы у Джинни исчезло печальное выражение лица, и оно снова стало таким, каким уже было сегодня один раз. В супермаркете она накупила фруктов, овощей и мяса, чтобы заполнить пустой холодильник Джинни.

Когда они вернулись домой, Вилли пыталась поддержать праздничную атмосферу, которая внезапно исчезла. Мать оказалась в гораздо худшем положении, чем Вилли предполагала, но, если она сейчас вмешается и поддержит ее, они смогли бы жить как раньше.

Она поставила на проигрыватель новую пластинку, потом повесила рождественские веночки и, по совету Джинни, соединила их гирляндами.

– Как чудесно, – весело сказала она, любуясь на свою работу. – Давай пригласим в конце недели несколько человек? Можно позвать соседей... и Лауру. Как хорошо будет снова увидеть ее.

– Лаура больше не работает в клубе, – ровным голосом сказала Джинни. – Я слышала, что она вышла замуж и уехала в Сакраменто. Хорошо, что я вспомнила об этом... У меня больше не осталось друзей...

– У тебя есть я, – сказала Вилли, взяв руки Джинни в свои и всем сердцем желая освободить ее от депрессий. – И я буду с тобой столько времени, сколько будет необходимо.

Джинни посмотрела на свою дочь полным отчаяния взглядом и заплакала.

– Это невозможно, родная, – рыдала она. – Я все время старалась и старалась, но ничего хорошего из этого не вышло.

Вилли обнимала мать, как она это делала много лет назад, утешая ее, пытаясь вселить надежду на счастливое будущее...

– Все у тебя получится, мама, – говорила она. – Все получится, если ты сама дашь себе шанс. Ты молода, и у тебя еще так много всего впереди. Кто знает, может быть, ты даже встретишь еще хорошего доброго мужчину...

Эти слова вызвали новую волну рыданий.

– О! Моя деточка! Именно об этом я и пыталась тебе сказать. Я никому больше не нужна, никому...

– Это неправда. Я не верю этому, – успокаивала ее Вилли, глядя по голове. – Я знаю, какая ты необыкновенная женщина. Любой достойный тебя мужчина поймет это.

Джинни покачала головой.

– Мне приятно это слышать, детка, но дело обстоит совсем по-другому.

С минуту она молчала, потом, изредка всхлипывая и сбиваясь, стала рассказывать о своих отчаянных поисках любви, о светлой полосе своей жизни и моментах одиночества, о мужчинах, которые входили в ее жизнь, а потом уходили, обманывая и предавая ее, растрчивая ее доверие и надежды.

Вилли спокойно слушала, пытаясь глубоко понять жизнь своей матери.

– Мама, послушай меня, – сказала она, когда Джинни закончила. – Возможно, мужчины так обходились с тобой потому, что ты сама принижала себя и свои достоинства. Ведь те мужчины, которые тебе встречались, ногтя твоего не стоят. Разве ты этого не видишь? Поедем со мной в Нью-Йорк. Продай свой магазин... Мы снова будем вместе, как в старые добрые времена. Соглашайся, мама. Я все для тебя сделаю, чтобы тебе было хорошо...

Джинни внимательно посмотрела на дочь.

– Как ты себе представляешь нашу жизнь, если я даже решусь на это, моя радость?

– Мы снимем большую квартиру, – быстро ответила Вилли. – Я буду заботиться о тебе. Ты познакомишься с новыми людьми. Иногда мы будем устраивать небольшой отпуск, путешествовать... Разве это не чудесно?

На какое-то время лицо Джинни просветлело, и, казалось, она готова согласиться. Потом вдруг выражение ее лица изменилось, словно резко захлопнули чуть приоткрывшуюся дверь. Она замотала головой.

– Нет, Вилли, – сказала она тоном, не терпящим возражений. – Ты всегда заботилась обо мне так, будто ты была моей матерью, а не наоборот. Настало время прекратить это и жить своей собственной жизнью.

– Но мне необходимо заботиться о тебе, мама, – возразила Вилли. – Я хочу, чтобы у тебя было все в порядке.

– Я могу позаботиться о себе сама, родная. Это время уже давно пришло.

Вилли задумалась. Она не совсем ясно понимала, что имеет в виду Джинни, но тем не менее сказала:

– Это хорошо, что у тебя есть идеи насчет того, как обустроить свою жизнь. Но если у тебя что-то не получится, помни – я всегда буду рядом с тобой.

Джинни кивнула, и, хотя она ничего не сказала, Вилли увидела в ее глазах, еще мокрых от слез, огромную любовь.

Хотя Джинни объявила о своем стремлении самой решать собственные проблемы, Вилли не стала чувствовать себя менее

ответственной за нее. Приближался вечер, а вместе с ним и встреча с Тэмплом. Вилли приготовила для мамы ванну, а потом сидела на кровати и, как в прежние времена, наблюдала за маминым ритуалом приготовления. Джинни меняла один наряд за другим, спрашивая ее совета, пока Вилли не остановила свой выбор на платье изумрудно-зеленого цвета с бисером. Оно очень подходило к светлой коже и цвету волос Джинни.

Потом Вилли сама приняла душ и оделась так, будто специально хотела подчеркнуть эффектность Джинни на своем фоне. Она надела длинное белое платье простого фасона и пошла сказать маме, что уже готова. Она застала Джинни со странным выражением на лице. Мать держала в руках ее новые часы и рассматривала надпись на них.

– Это рождественский подарок от клиента, – пояснила Вилли. – Очень необычного клиента. Джинни кивнула.

– Похоже, у тебя в Нью-Йорке есть все, в чем ты нуждаешься, – сказала она. – Даже есть леди, которая хочет быть твоей матерью.

– О, мама! – воскликнула Вилли. – Тебя никто мне не заменит. В Нью-Йорке у меня работа, и только работа. Ты – самая хорошая мама, о какой можно только мечтать. Мы с тобой – одно целое. Так было, и так будет всегда.

Она нежно обняла свою мать и взмолилась про себя – дай, Бог, ей счастья, которое так долго избегало ее!

ГЛАВА 11

Шофер Тэмпла вежливо придерживал дверь лимузина, пока Вилли и Джинни садились в него. Грэг осыпал их комплиментами и, словно читая мысли Вилли, был особенно внимателен к ее маме.

– Вы часто бываете в Палм-Спрингс, Грэг? – спросила Джинни и взяла из автомобильного бара бокал охлажденного вина.

– В зависимости от обстоятельств, – ответил Грэг. – Но я всегда приезжаю сюда на Рождественские праздники. Мой клиент каждый год устраивает празднование Рождества для своих коллег по бизнесу – с большим оркестром и реками шампанского. Но этот год, по всей видимости, будет особенным, потому что я встретил двух самых красивых в этом городе женщин.

Вилли смотрела в окно, едва прислушиваясь к беседе. Но когда она увидела, что автомобиль свернул в сторону от основной дороги, она спросила:

– Куда мы едем, Грэг?

– На рождественскую вечеринку... к Сэму Фонтана. – Он в недоумении посмотрел на нее.

Вилли побледнела.

– Я не думаю, что смогу пойти туда, Грэг.

– Не понимаю, – сказал он. – Почему вы не можете?

– Не говори так, милая, – вмешалась Джинни. Ее лицо выражало полное непонимание. – Мы уже собрались... и Грэг... он не хочет идти один...

Вилли ничего не сказала. Она решила не портить Джинни вечер, а свои проблемы с Фонтана она решит сама.

Лимузин подкатил к большим железным воротам, которые сразу же открылись, как только Грэг назвал свою фамилию. Огромный особняк ярко вырисовывался на фоне темно-синего неба благодаря свету, который лился из всех его окон. На газоне стояла огромная рождественская елка. Ярко сверкая, она словно приглашала гостей на праздник. Все тот же стиль, подумала Вилли, вспоминая, какое впечатление произвело на нее великолепие образа жизни Фонтана, когда она впервые столкнулась с ними. Тогда она еще не знала, что их

богатство и сила приобретены незаконным путем, и все секреты бизнеса передаются из поколения в поколение.

Гости все прибывали, и особняк заполнялся людьми. Сновали официанты с серебряными подносами, уставленными бокалами шампанского, играл оркестр. Мужчины и женщины: знаменитости, политики, бизнесмены – все танцевали под разноцветными гирляндами и воздушными шарами, закрывавшими весь потолок. В каждой комнате, примыкающей к этому залу, были накрыты большие столы, стояли стулья – все было готово к праздничному ужину.

Вилли внимательно рассматривала это море людей в шикарных вечерних туалетах. Возможно, она искала Сэма Фонтана и его сына, надеясь увидеть их прежде, чем закончится вечер.

Джинни тоже смотрела на толпу разодетых гостей широко открытыми глазами. Наконец она попала на легендарную вечеринку к Фонтана, где никогда не бывала, будучи замужем за Нилом. Она была возбуждена и, когда Грэг танцевал с ней, вся трепетала, как подросток.

Странно, подумала Вилли, какой взрослой и даже старой она себя чувствует по сравнению с юношески непосредственной Джинни. Как часто ей хотелось поделиться с ней своей броней, умением защищать свои слабые и уязвимые места.

Когда танец закончился, Грэг вернулся без Джинни.

– А где мама? – спросила Вилли.

– Какой-то молодой человек увел ее у меня из-под носа, – улыбнулся он. – И я не могу винить его. Она так красива и так хорошо танцует, что в этом нет ничего удивительного. – После некоторого колебания он спросил: – Скажите, а почему вы не хотели идти сюда?

– Нет, – ответила Вилли. – Это слишком сложное и сугубо личное дело, чтобы рассказывать об этом сейчас. А вы? Не скажете ли, что вы делаете для Сэма Фонтана?

Грэг рассмеялся.

– Это также сложно и конфиденциально. Лучше просто сказать, что я слежу за его делами на Среднем Западе.

Вилли кивнула. Она и не ждала от него больше, чем он сказал. После десятилетий произвола Сэма в бизнесе многие его "вольности" в этой сфере стали предметом интереса различных ведомств. Например, налоговая инспекция проверила его корпорации в Бостоне, проводились федеральные расследования деятельности банка в

Майами, с помощью которого, как было сказано в анонимном заявлении, Фонтана отмывал деньги. Но пока Сэм оставался тем, кем был, шикарный прием свидетельствовал о его процветании.

– Если вы чувствуете себя здесь не совсем уютно, – сказал Грэг, наклоняясь к ней, – то через часик мы можем пойти еще куда-нибудь... Сэм не будет возражать против моего ухода.

– Я пока не знаю, Грэг. Давайте посмотрим, как будут развиваться события дальше, – осторожно сказала Вилли, не желая портить Джинни вечер.

– Неужели это неуловимая Вилли Делайе? – Бархатный голос был до боли знакомый. Она обернулась и увидела перед собой Джедда Фонтана. Такого же точно, каким она его не раз мысленно представляла. Загорелый и красивый, с гладко зачесанными назад волосами, в темно-красном галстуке и такого же цвета поясе под свободным шелковым смокингом он больше походил на принца с картины Веласкеса, чем на наследника великой империи Сэма.

– Привет, Джедд. – сказала Вилли, стараясь казаться невозмутимой.

– Грэг... Как приятно вас снова видеть. Рад, что вы смогли прийти. Вы давно знакомы с Вилли? – спросил Джедд в тон ей.

Грэг выглядел так, будто ему задали вопрос, на который он не мог найти ответа.

– Вилли... мисс Делайе... Я познакомился с ней вчера, – наконец произнес он. – Они с мамой были так добры, что согласились прийти сюда со мной. – Он словно школьник нервно теребил свой галстук. – Если вы меня простите, я вас покину. Мне надо выразить почтение Сэму.

Он ушел, бросив на Вилли странный взгляд.

– Посмотри, что ты делаешь с людьми, Джедд, – сказала Вилли. – Взрослый мужчина, а так тебя испугался.

Джедд лениво улыбнулся.

– Но ведь ты не боишься меня, не так ли? Можешь ли ты доказать, что у тебя с Тэмплом самые чистые отношения? – Он явно подначивал ее, но глаза его смотрели испытывающе.

Вилли бросила на него испепеляющий взгляд. Тем не менее она приняла его приглашение на танец и минуту спустя на танцевальной площадке она забылась в объятиях Джедда. Они танцевали молча.

Вилли подумала, что довольно просто находить доводы против Джедда на расстоянии в тысячи миль от него. Но в его объятиях ей так трудно было справиться с участвовавшим сердцебиением.

– Я знал, что рано или поздно ты вернешься, – шепнул он ей на ухо. – И сейчас, когда ты здесь, я не позволю тебе так легко ускользнуть.

Ей хотелось возразить ему, сказать что-нибудь язвительное по поводу его самоуверенности, но так тяжело было бороться с тем, что она чувствовала, – когда они были вместе, ей казалось, что они неразделимые части одного целого.

Они танцевали один танец за другим, и Вилли двигалась легко и непринужденно, она была словно перышко в его руках.

– Ты не хочешь поужинать? – наконец спросил Джедд. – Я слышал, что фаршированный перепел замечательная штука.

– Сначала я хочу повидать маму, – сказала Вилли. – Я должна быть уверена, что ей хорошо.

– Ладно. Мне всегда нравилась твоя мама. В ней немного меньше гонора, чем в тебе. – Он улыбнулся.

Они нашли Джинни на другом краю площадки рядом с Грэггом, покрасневшую и довольную.

– Мы с Грэггом хотим успеть на шоу Сесилии. Ты не хочешь составить нам компанию? Или предпочитаешь оставаться здесь? – спросила она, бросая многозначительный взгляд в сторону Джедда.

– Вилли останется, – сказал он. – Желаю вам хорошо провести время, – добавил он и улыбнулся Грэгу так, будто давал ему разрешение уйти.

Он увлек Вилли за собой прежде, чем она успела сказать ему, что он не имеет права решать за нее. Неожиданно прямо перед ними появился его отец.

– Папа, ты помнишь Вилли Делайе? Сэм кивнул.

– Я никогда не забываю красивых женщин, – сказал он. – Добро пожаловать в мой дом, мисс Делайе. Я вижу, вы добились, чего хотели. Я слышал о вас много интересного.

Вилли смотрела на человека, который однажды дал ей понять, что она недостаточно хороша для его сына. Его вьющиеся волосы поседели еще больше, он пополнил, но оставался прежним Сэмом Фонтана. В нем чувствовалась прежняя властность, но в глазах она

уловила новое выражение – доброты по отношению к ней и даже некоторого подобострастия.

– Я тоже слышала о вас много интересного, – сказала она.

– А вы не изменились, – улыбнулся Сэм. – Это хорошее качество... для юриста. – Он обратился к сыну. – Мне надо поговорить с тобой, Джедд. Возникли проблемы с торговым центром в Майами.

Джедд заколебался.

– Не сейчас, папа, – наконец, решительно сказал он. – Мы с Вилли как раз собирались поужинать.

Вилли невольно затаила дыхание в ожидании реакции Сэма на угрозу его авторитету. Но выражение его лица не изменилось. Он улыбнулся и сказал: – Поговорим позже... Мы не можем заставлять ждать такую прекрасную леди.

Джедд усадил Вилли за крайний столик и подозвал официанта. Он сделал самый изысканный заказ, и через мгновение стол был накрыт, как будто официанты только и ждали его приказа.

– Когда это случилось? – спросила Вилли. – Я имею в виду твои отношения с отцом.

– Какие отношения? – он сделал вид, что не понимает ее.

– Насколько я помню, раньше он заказывал музыку, а ты под нее плясал.

– Только в твоём воображении. Я люблю своего отца, Вилли. И мы всегда были неразлучны, как и ты со своей матерью.

– Но ты работаешь на своего отца...

– Сейчас мы работаем вместе. – Он замолчал, потом неожиданно спросил: – Можешь ли ты привести мне хоть одну реальную причину, из-за чего мы не вместе?

Увидев Сэма, Вилли вспомнила все реальные причины.

– Мы принадлежим к двум разным мирам, Джедд... И сейчас даже больше, чем тогда, когда мы были юными. Вы – Фонтана – играете по своим собственным правилам...

– Довольно, Вилли, – отрезал он, пристально глядя на нее. – Больше ни слова. Когда два человека хотят быть вместе, они находят путь, чтобы сделать это. Они строят мосты через все, что их разъединяет, или стараются не замечать этого. Я думаю, что причина в тебе. Почему ты всегда убегаешь?

Вопрос Джедда ударил Вилли по самому больному месту. Это мучило ее так давно, что она и не помнила, когда это началось. Она замотала головой, будто хотела остановить его.

– Скажи мне, чувствуешь ли ты ко мне то же самое, что я к тебе? – не унимался он. – Ответь, разве ты не помнишь, как хорошо нам было вместе. Скажи, что не хочешь меня, и я никогда больше не побеспокою тебя.

Вилли не могла вымолвить ни слова от переполняющих ее чувств. Как будто только вчера она была в его объятиях. И хотя это длилось совсем недолго, страшно было представить, что она может никогда его не увидеть.

– Хорошо, – улыбнулся Джедд. – Давай куда-нибудь смоемся.

Он встал и протянул ей руку.

– Пошли.

– Куда?

– Куда-нибудь в хорошее место. Подальше от этого искусственного блеска. Куда-нибудь, где светло и прекрасно, где мы будем только вдвоем. Скажи "да". Я не буду просить тебя снова...

Вилли поднялась со стула и взяла его за руку, не в силах противиться своему безумному желанию быть с ним вместе. Он был словно наркотик, который дразнил и мучил, обещая нечто более возбуждающее, чем простые земные удовольствия. Может быть, она и не искала бы его, но сейчас, когда он был рядом, она была не в силах отвернуться от него.

Джедд извинился и пошел звонить, а когда вернулся, у него в руках была длинная шуба из собольего меха.

– Сегодня она тебе пригодится, – сказал он, накидывая шубу ей на плечи. – Не уппусти случая воспользоваться шубой моей сестры.

Машина уже ждала их, и Джедд усадил ее, сел рядом. Она прижалась к его плечу, и машина устремила в ночь и ехала без остановок, пока не остановилась перед аэропортом.

Куда мы собираемся? – спросила Вилли, когда они поднимались в маленький самолет, на корпусе которого черными буквами было написано "Фонтана". Джедд засмеялся и покачал головой.

– Вилли, неужели ты никогда не устаешь от желания все знать? Я тебе уже все сказал, что было необходимо.

Они приземлились в аэропорту Фресно. Их встретил "джип", и они ехали на нем более часа. Ливший за окном дождь перешел в снег, а ровная до сих пор дорога теперь устремилась вверх, в горы. В непроглядной тьме можно было различить лишь волшебные очертания вершин Сьерра-Невады.

"Джип" остановился перед массивным домом из бревен и камня. В окнах уютно горел свет, а из трубы поднимался белый дым. Входная дверь была не заперта, и, войдя, они очутились в большой и очень уютной комнате с высоким потолком. Пылал камин, на маленьком столике стоял поднос с сэндвичами и бутылка шампанского.

– Я попала в волшебный замок, – воскликнула Вилли. – Но кто живет в нем?

Джедд подошел сзади и обнял ее за талию.

– Раньше здесь жил род Фонтана. Но сегодня живем здесь мы. Только мы...

Он целовал ей шею, его дыхание ласкало ее, расплавляя лед, который защищал Вилли от любви, но не от страдания.

Когда они грелись у камина, протянув руки навстречу огню, она вспомнила слова Джедда, говорившего, что сегодня ночью весь мир и каждодневная суета отойдут на задний план и они останутся вдвоем – только он и она. За окнами мягко напевал ветер, залепляя снегом стекла.

Когда Джедд протянул к ней руки, она без колебаний пошла им навстречу, ощутив согревающую теплоту его тела. Она почувствовала его язык, и ее рот легко уступил, чувствуя его сладость, когда он встретился с ее языком.

Потом Джедд стал целовать ее всю – глаза, плечи, шею, – его руки скользили по ее одежде, пробираясь к телу. Ее руки двигались за его руками, помогая им найти молнию, расстегнуть ее, позволяя платью упасть на пол. Внутренний огонь сжигал ее, дыхание участилось, когда она скинула с его плеч куртку и расстегнула пуговицы на рубашке.

Они опустились на белый мех, покрывавший пол, путаясь в его длинном ворсе. Ее плоть охотно прильнула к его плоти. Движения Джедда были такими уверенными, естественными и приятными, как ни у кого прежде. Когда он гладил изгибы ее тела, он был похож на скульптора, который словно ваял ее, пробуждая неизведанные

желания. Сознание уступало место чувствам, все больше охватывающим их.

В отблесках огня Вилли была похожа на золотую богиню, волосы рассыпались по плечам, а полуприкрытые глаза придавали ее лицу мечтательное и одухотворенное выражение. Джедд ласкал ее обнаженную грудь, и ее соски поднимались навстречу его пальцам.

Он застонал, когда она взяла его пенис и ввела в себя. Он начал двигаться, сначала медленно, затем усерднее, проталкивая его вглубь, словно в поисках золотой сердцевины. Где-то в глубине ее возникло ощущение чего-то горячего и расплавленного. Она закрыла глаза, когда почувствовала, что волна, на которой она лежала, подняла ее высоко вверх. Она обвила Джедда руками и ногами, все сильнее прижимая его к себе, словно хотела вдавить его в себя. Откуда-то издали она услышала свой стон, потом крик, по телу разлилась теплота, и она затрепетала.

Вилли открыла глаза и посмотрела на Джедда. Он лежал рядом, положив руку ей на талию. Его обнаженное красивое мускулистое тело с бронзовым загаром было похоже на изваяние. Камин погас, и она прильнула к Джедду, чтобы согреться. Он улыбнулся и обнял ее.

– Ты замерзла, – сказал он нежно и вместе с тем утвердительно. Он подхватил ее на руки и понес в спальню. Уложив на большую кровать, он укрыл ее стеганым одеялом, потом вернулся в гостиную и принес оттуда шампанское и два бокала.

– Ты избалуешь меня, – сказала она, улыбаясь и беря бокал с искрящимся вином.

– Я хочу этого... я всегда хотел этого, Вилли. Ты видишь, сколько ты теряешь. – Его пальцы нежно дотронулись до ее щеки, и ей снова захотелось обнять его. Она откинула одеяло и он лег рядом с ней.

– Прямо сейчас? – засмеялся он. – Я даже не выпил свое шампанское.

– Выпьешь позже, – сказала она и, взяв у него из рук бокал, поставила его на столик рядом с кроватью. Она стала целовать его губы, потом грудь, посасывая и покусывая соски, пока они не превратились в маленькие твердые горошинки. Ее язык проследовал вниз вдоль всего его тела. Дойдя до фаллоса, она взяла его в рот, чувствуя солоноватый вкус своего собственного тела. Она дразнила его языком, лизала и сосала до тех пор, пока не почувствовала, что он

окреп окончательно. Потом она приподнялась и села на живот Джедда, устраивая свой трепещущий клитор напротив его пениса. Когда он проскользнул в нее, она начала энергично двигаться. У нее выступил пот, когда она напряглась, чтобы кончить. Джедд крепко сжимал пальцами ее ягодицы, помогая ей двигаться, пока она, обессиленная, не упала ему на грудь, испустив глубокий стон удовлетворения.

Утро началось с солнечного света и любви, но уже без спешки, лениво и спокойно, как будто вся жизнь была в их распоряжении для того, чтобы трогать, изучать и открывать друг друга.

Потом Джедд принес Вилли в кровать завтрак. Когда она принялась за аппетитную яичницу, запивая ее крепким кофе, он сказал:

– Правда, что ты представляла все по-другому? Ты думала, что Джедд Фонтана – богатый и избалованный ребенок, который не может даже вскипятить воду... Признайся, ведь это так?

– Ты прав, – засмеялась она. – Это как раз то, о чем я думала.

После завтрака они обследовали большой платяной шкаф и нашли там много зимней одежды. Они натянули теплые шерстяные носки, свитера и лыжные брюки и, словно дети, выскочили во двор, забрасывая друг друга снежками, бегая вокруг дома и громко хохоча, пока Вилли без сил не опустилась в сугроб.

– Я все еще не знаю, где мы. Ты скажешь или так и оставишь это в тайне?

– Я заброшу тебя снежками, – сказал он, взяв за руку, и вытащил ее из сугроба.

Они пошли по горной тропинке и вскоре увидели надпись "Добро пожаловать в Юсемайт Нэйшнл Парк".

Они примолкли, любуясь сказочной красотой первозданной природы.

Гранитное лицо Эль Кэпитана, высеченное на высоте почти четырех тысяч футов над заснеженной долиной, ясно вырисовывалось на фоне белых пушистых облаков и голубого неба. Древний таинственный лес производил более грандиозное впечатление, чем небоскребы города.

Воздух был холодный и кристально чистый. Мир выглядел сверкающим и новым, будто он был только что сотворен. Вилли вспомнила тот день, когда они с мамой стояли на вершине горы вместе с Веббом и Лаурой и смотрели вниз на долину, где начиналась их

новая жизнь. Так много начал уже было с тех пор. У Вилли создавалось впечатление, что она растет и взрослеет, но продолжает двигаться по кругу...

Время, которое она провела с Джеддом, было похоже на мечту. Это заставило Вилли отказаться от борьбы, которую она вела с ним с первого дня их знакомства. На душе было мирно и покойно. Никто другой не затронул ее сердца так, как он, и, возможно, никого другого уже и не будет.

– Я всегда мечтал быть здесь с тобой, – сказал он. – И сейчас, когда ты, наконец, здесь, я уже не могу представить это место без тебя.

Вилли прижалась к нему и ничего не сказала. Она только подумала о том, как ей сейчас легко и хорошо и как было бы прекрасно остаться здесь вдвоем с ним. Но завтра наступало Рождество, и надо было возвращаться к маме... И ко всей реальной действительности...

Промерзшие до костей, они вернулись обратно в дом.

– Ты разожги камин, – сказала Вилли, – а я в это время приготовлю чай.

– У меня есть идея получше, – сказал Джедд, увлекая ее в ванную.

Вилли увидела огромный бассейн, расположенный напротив незамерзающего окна, за которым падал снег. Казалось, стоит протянуть руку – и дотронешься до него.

Джедд повернул кран, бассейн начал наполняться. Одежда была скинута на пол, и они прыгнули в теплую воду. Наплескавшись вдоволь, Джедд взял мочалку и стал мыть Вилли. Она почувствовала себя маленьким ребенком, которого купал любящий отец.

После купания Джедд закутал Вилли в махровое белое полотенце и перенес на кровать. Она подумала, что сейчас они займутся Любовью, но он просто гладил ее по волосам.

– Давай поженимся, Вилли.

Эти слова прозвучали неожиданно. Пока их отзвук еще слышался, Вилли представила себе, как она каждый день будет засыпать и просыпаться в объятиях Джедда. Но тут же она вспомнила другую сторону его жизни, тесно переплетенную с его отцом.

– Я не могу, – сказала она почти шепотом. Джедд застыл, словно отказывался верить своим ушам.

– Почему, Вилли? Ведь мы рождены друг для друга...

– Джедд. Я не хочу обманывать ни себя, ни тебя. Никого я еще не любила так сильно, как тебя. И, возможно, уже не полюблю, но я не могу принять всего того, что стоит за тобой. Мы не сможем жить все время, как сейчас. Я уже видела, что происходит с людьми, если их взгляды на некоторые важные вещи не совпадают. Я видела, как мои родители стали врагами, когда отец пытался разрушить жизнь матери.

Перед ее глазами встала картина, как Перри избивал мать. Она повернулась к Джедду, пытаясь избавиться от неприятного воспоминания.

– Я не хочу, чтобы это случилось со мной... с нами...

– Я не твой отец, Вилли, – сдерживая себя, спокойно сказал Джедд. – Я никогда не хотел, чтобы ты была похожа на кого-либо другого. Мне нужна только ты. Такая, какая есть... Послушай, Вилли. Я не стану просить тебя, но рано или поздно мы встретимся и останемся вместе. Потому что я знаю, что мы принадлежим друг другу. Я молю Бога, чтобы ты когда-нибудь поняла это.

Встреча закончилась так, словно они растратили весь свой пыл. Вилли поняла, что, отказавшись выйти замуж за Джедда, она уже не согласится на этот шаг никогда.

Уже светало, когда она вернулась домой. Ее обрадовало, что Джинни еще спала, и ей не пришлось объяснять того, что Вилли сама не могла четко сформулировать.

В качестве рождественского подарка Вилли предложила маме поехать на курорт с минеральными источниками. Вилли надеялась, что отдых пойдет матери на пользу, она опять начнет следить за собой. Там, куда они ехали, всегда отдыхало немного народу, и обслуживание было первоклассным.

Они разместились в одном номере. Завтрак им приносили около семи часов утра – кофе, апельсиновый сок и тосты. Прогулявшись, они принимали ванны в шикарном бассейне. Потом им подавали бульон, и после пятнадцатиминутного отдыха они занимались аэробикой и йогой. На этом утро заканчивалось. Полдень был посвящен шведскому и японскому массажу, травяным компрессам, массажу лица и педикюру.

Обед накрывали на террасе, и в десять часов большинство отдыхающих ложились спать.

Хотя Вилли приехала сюда ради Джинни, она с удивлением обнаружила, что этот отдых и на нее влияет благоприятно. Она поняла, как многого себя лишала, работая без предела.

Дни пролетали быстро. Мать и дочь чувствовали себя словно девочки в спортивном лагере. В последний вечер Джинни спросила:

– Ты не собираешься повидать Джедда перед своим отъездом? Он так давно тебя любит. Мне кажется, ты должна дать ему еще один шанс.

Вилли посмотрела в глаза матери.

– Можно сказать, что и я его люблю очень давно. Но я не могу представить себе нашу совместную жизнь. Мы будем все время ссориться по разным поводам... Важным...

– Как мы с твоим отцом? – спросила Джинни. – Наверное, наша вина в том, что у тебя не было нормального детства в семье. Но сейчас у тебя есть шанс все изменить. Я не хочу обижать тебя, но, когда дело касается мужчин, ты становишься больше похожа на судью, чем на адвоката. У всех есть недостатки, но если ты не хочешь остаться одна, то должна попытаться счастья.

– Как ты можешь так говорить после всех неприятностей, которые ты пережила из-за мужчин?

– Я уже говорила тебе, что человек не может знать заранее, что ждет его впереди. Ты сводишь меня с ума своими словами. Но, как бы там ни было, я справлюсь со своими проблемами и не собираюсь остаток жизни провести в одиночестве.

Засыпая, Вилли думала над словами матери. Казалось, существует ключ, которым можно отпереть заключенные в ней чувства и выпустить их на свободу. Как странно, думала Вилли, что, несмотря на все страдания, причиненные Джинни мужчинами, она так легко рассуждает о них. Вилли же приходится держаться подальше от человека, о котором она думает постоянно.

Отпуск закончился.

– Возвращайся в Нью-Йорк, дорогая. Тебе не стоит здесь оставаться из-за меня. Со мной все в порядке. Наступило время мне самой позаботиться о себе.

Джинни выглядела гораздо лучше и увереннее, отметила про себя Вилли. Но, несмотря на срочную работу в Нью-Йорке, она все-таки не

решалась оставить мать одну. За эти дни они вновь почувствовали прежнюю близость, и расставание было тяжелым.

ГЛАВА 12

Выигрывать дела для Вилли стало привычным. Она была уверена в справедливости своего дела и шла на любой риск ради него. Враги ее клиентов становились ее врагами, а друзья – ее сторонниками. Дело Бетти Локвуд принесло ей достаточное количество как врагов, так и друзей. Сожительство лесбиянок стало хорошей темой для бульварных газет. Как адвокат Бетти, Вилли была осуждена ортодоксальными религиозными деятелями. Она стала получать письма с угрозами. Ее называли пособницей извращенного образа жизни и проклинали. Эти нападки ставили ее в затруднительное положение не меньше, чем приглашения принять участие в конференции, посвященной проблемам сексменьшинств, и письма, в которых ее благодарили за защиту сексуальной свободы. Но, несмотря на это, для Вилли главным оставалось выиграть процесс. Она настаивала на том, чтобы Бетти компенсировали время, энергию и талант, растроченные в те годы, которые она прожила в качестве любовницы. Сумма компенсации, затребованная Вилли, составила семьдесят пять тысяч долларов. Выплачиваться она должна была по триста долларов в неделю в течение пяти лет.

Хотя она представила дело в очень выгодном свете, мастерски используя документы и свидетелей, суд вынес решение не то, на котором настаивала Вилли. Он постановил, что Бетти действительно обслуживала Марго в сексуальном и житейском плане, но за это ей положено лишь двадцать тысяч долларов.

– Мне очень жаль, – сказала Вилли, обращаясь к Бетти. – Мне хотелось, чтобы вы получили больше.

– Вы сделали все, что могли, – ответила Бетти. – Вы выступили великолепно... Но мне сейчас, так же, как и Марго, надо исчезнуть. Огласка процесса сделала меня известной. Я уже подыскала себе работу... Издательство предложило мне сорок тысяч долларов за выпуск книги. Лучшего я и представить себе не могла... И всем этим я обязана вам.

Вилли была рада, что у Бетти появилась надежда на будущее. Она знала, что сделала для нее все, что было в ее силах. Она написала

статью в газету, благодаря которой у нее появилось много новых клиентов. Вилли стала еще более известной.

Регина Шеферд как сумасшедшая влетела в офис Вилли. Вся она, от кончиков волос до пяток, кипела возмущением.

– Я оплатила все счета, – начала она, стуча пальцем по столу Вилли. – Я платила за жилье, за еду, даже за обучение Джека в институте. Я выполняла двойную работу, заботилась обо всем, включая Джека. И что я получила в ответ? – Регина сделала драматическую паузу. – А получила я вот что: "Большое спасибо, Регина, но, пока ты работала, постепенно превращаясь в рабыню, я встретил кое-кого, кто умеет шутить и веселиться". И когда я все это получила? – Она снова сделала эффектную паузу. – Я получила это как раз тогда, когда практика Джека стала приносить немного денег.

Вилли внимательно слушала Регину. Ее глаза, как сказал бы Гарриган, выражали "возмущение, переходящее в негодование". Ей уже и раньше приходилось слышать подобные истории – о женах, которые приносили в жертву себя, свою карьеру ради того, чтобы муж получил образование, и которых мужья бросали после того, как образование было получено.

Эти истории приводили Вилли в ярость, так как действующий закон позволял мужу, выучившемуся на деньги жены, и немалые, уйти от нее, не выплатив ей компенсации. Вилли рассматривала это как моральный ущерб, нанесенный женщинам, отдавшимися своим чувствам и добросовестно помогавшим своим недостойным мужьям, которые в итоге обманывали и оставляли их. Но многие из покинутых жен молчали.

Регина Шеферд была несколько другой женщиной. Она не желала молчать и тихо переживать свое горе. И, независимо от прошлых решений суда, Вилли инстинктивно чувствовала, что ей с Региной вместе необходимо бороться и победить, чтобы создать прецедент в юридической практике.

Она просмотрела финансовые документы, которые Регина положила ей на стол.

– У вас совсем немного совместно нажитого супружеского имущества, – сказала она. – Мне думается, вы что-то упустили...

– Вы правильно думаете, – ответила Регина. От негодования ее черные глаза блестели. – Сюда надо добавить деньги, вложенные в

офисное оборудование Джека и его новый "мерседес". Мы всегда мечтали о покупке дома, но до сих пор снимали квартиру... Я уверена, все это было частью его вероломного плана!

Вилли понимающе кивнула. Джек Шеферд предусмотрел все. Действительно, не было никакой собственности, которую можно было бы делить, лишь небольшой счет в банке. Благодаря медицинскому образованию, Джек очень скоро будет иметь все необходимое, между тем как Регине, которой пришлось бросить медицинский факультет и зарабатывать деньги в качестве лаборанта, придется начинать все сначала.

Вилли не в состоянии была вернуть ей потерянные годы, но она могла бороться за справедливость, которая требовала, чтобы у Регины осталось нечто большее, чем горький привкус разочарования.

– Сперва я должна поговорить с адвокатом Джека, – сказала она. – Я догадываюсь, что он предложит алименты, исходя из сегодняшнего заработка Джека. Я также догадываюсь, что он сделает каменное лицо в ответ на мое контрпредложение.

Регина подалась вперед.

– А что мы собираемся предложить? Вилли улыбнулась.

– Мы собираемся согласиться на алименты, а также потребовать денежное возмещение суммы, потраченной на медицинское образование Джека Шеферда.

Регина разочарованно покачала головой.

– Но я ведь только что сказала вам, что у Джека нет наличных.

– Пусть возьмет кредит, – жестко сказала Вилли. – Банки любят давать врачам кредиты. Он должен вам за свое образование, и я заставлю его выплатить этот долг, даже если мне придется перевернуть всю систему судопроизводства.

Вилли заметила, как Регина воспряла духом.

– Если вы беретесь за это дело, – медленно проговорила она, – то вам наверное следует знать, чем занимается Джек, – аборт. Он сказал, что это очень выгодный бизнес...

Вилли задумалась.

– Я не знаю. Но если из этого можно будет извлечь для вас выгоду, поверьте мне, я сделаю это.

Когда Регина покинула офис, Вилли чувствовала себя как чистокровный скакун на старте, вся – ожидание и стремление

выиграть гонку. Это дело сулило нечто новое, что могло бы и в дальнейшем помогать женщинам, попавшим в ситуацию Регины Шеферд. Она должна доказать суду право женщин на доллары и центы, миссия ее состоит в том, чтобы изменить представление суда о женщине как о вечной должнице.

Она определила эту работу как научное исследование. Потом позвонила Ларри Кьюсаку и попросила его разузнать о финансовом состоянии Джека Шеферда, и не только об этом.

– Меня интересует все, – сказала она. – Его доходы, подружки, вплоть до того, каким лосьоном он пользуется, если это поможет нам в урегулировании нашего дела.

Кьюсак вздохнул.

– Какой кошмар, Вилли. Вы ведь знаете, с каким уважением я к вам отношусь, и прекрасно понимаете, что никто не может работать и при этом остаться совершенно чистым. У каждого можно найти, за что зацепиться, если им занимается адвокат, поставивший себе такую цель.

– Я все делаю в рамках закона, Ларри. Но женщина, которая обратилась ко мне, состоит в браке не с таким порядочным человеком, как вы. – Вспомнив, что бывшая жена Кьюсака находится в больнице, где ей удалили матку, она спросила: – Как Салли?

Кьюсак снова вздохнул.

– Она в тяжелом состоянии, Вилли. Мне так плохо от того, что я не могу утешить ее. Она не хочет говорить о новом замужестве, потому что у нее никого нет, и она не сможет больше иметь детей... Она говорит, что ее жизнь кончена. Это просто ад...

Вилли содрогнулась.

– Не позволяйте ей поверить в это, Ларри. Придумайте что-нибудь, но ни в коем случае не допускайте, чтобы она думала так.

Закончив разговор, Вилли принялась набирать номер телефона Роберта, торговца цветами, чтобы заказать дюжину роз для Салли.

Импульсивно она заказала и другую дюжину для Джинни с карточкой: "Просто потому, что я люблю тебя. Обнимаю и целую, Вилли."

Она по-прежнему регулярно звонила своей матери. Джинни стала реже жаловаться и казалась спокойной. Она сообщила о продаже "Серебряного экрана". Сначала Вилли огорчилась, но потом решила,

что, возможно, это шаг к началу новой жизни для Джинни. Мама редко говорила о своей личной жизни, зато много рассказывала о добровольной работе в католическом приюте, где она обучала женщин кройке и шитью. Вилли чаще, чем когда-либо, говорила маме, как она ею гордится. Джинни спокойно принимала комплимент и уверяла Вилли, что уже нет причин волноваться за нее.

В офисе Вилли прожужжал селектор.

– Вас хочет видеть Ник Росситер, – сообщила ее секретарь. – Его нет в вашем расписании... Он говорит, что он ваш друг.

Вилли скорчила гримасу. Друг, подумала она, в некотором смысле. После их ссоры он ушел из ее жизни. Она не искала с ним встреч, уверенная в своей правоте.

– Пусть войдет, – сухо сказала она.

– Как давно мы не виделись, – приветствовал ее Ник, широко раскрытыми глазами разглядывая комнату. – Ты делаешь успехи: офис, штат... производит впечатление. После того, как мы потеряли связь, много изменилось.

– А ты что, ожидал увидеть меня прежней, ждущей твоего звонка?

Ник вымученно улыбнулся.

– Нет, Вилли. Ты никогда не остановишься на достигнутом.

Он не нашел что еще добавить, его остроумие иссякло, и он уселся на стул в небрежной позе.

– Это визит к профессионалу, девочка. Мне нужен развод.

Вилли внимательно разглядывала мужчину, который говорил ей когда-то, что не хочет обременять себя эмоциональным багажом.

– Развод? Когда же ты успел жениться?

– Пару месяцев назад... в Вегасе, – пробормотал он. – Я находился там, чтобы впитать определенную атмосферу для последней книги Шона Макдоуэла. А она обернулась коротким рассказом. Может быть, от большого количества выпитого, а может – от одиночества. Шарон танцевала у Кесара. Она была красивой и забавной, и дело закончилось в четыре утра свадьбой. А сейчас я нахожусь в состоянии похмелья, из которого никак не выйду.

Вилли надоело его слушать.

– Извини, Ник, – сказала она, – но ты обратился не по адресу. Я не навожу порядка в похмельных делах.

– То есть? – спросил он, и в его голове зазвучали недовольные нотки. – Ты даже не хочешь меня выслушать?!

– Послушай, Ник, – возможно, ты женился на несчастной женщине и теперь решил прижать ее? Найди другого адвоката, который поддержит тебя.

Ник продолжал сидеть.

– Может быть, все дело в тебе? Ты выдумала себе белого рыцаря, которого никогда не найдешь? Бегать вокруг женщин, попавших в беду, и спасать их... Господи! Я уже говорил тебе однажды и, надеюсь, ты поняла меня, что женщины не имеют монополии на причиненную боль.

Вилли смягчилась. Конечно, Росситер имел недостатки, но он не сделал ей ничего плохого.

– Хорошо, Ник, – сказала она. – Я выслушаю твою историю, но я ничего не обещаю.

– Давай лучше называть это ошибкой. Я думал, что женюсь на единомышленнице; Шарон же считала, что Шон Макдоуэл – денежный мешок, который никогда не иссякнет. Она почти полностью обчистила меня, Вилли. И сейчас она говорит, что не даст мне развода, пока я не отпишу в ее пользу авторский гонорар за мою следующую книгу. Значит ли это, что я плохой парень, если я считаю, что это несправедливо? А, адвокат?

Вилли не считала Ника плохим парнем, особенно в сравнении с теми, с кем ей приходилось сталкиваться в процессе работы. Но ей трудно было воспринимать его или кого бы то ни было как жертву женских козней. Она чувствовала, что он относится к категории мужчин, которые способны обидеть женщину, но ради справедливости следовало бы отметить, что она не была уверена, не относится ли к той же категории и миссис Росситер.

Однако Вилли взяла за правило никогда не выступать против женщин, и несмотря на то, что Ник был ее другом и просил ее о помощи, она не хотела изменять себе.

– Помнишь наш последний разговор? – спросила Вилли. – Ты тогда сказал, что не должен учить меня, как мне работать. Так вот. Я не могу браться за твой развод, Ник, просто не могу. Но я передам это дело одному из Моих коллег и лично буду следить за его ходом, чтобы быть уверенной, что все в порядке. Это то, что я могу тебе предложить.

Ник немного подумал и согласился.

– Значит ли это, что мы снова друзья? – спросил он, улыбаясь. – Даже если ты осуждаешь меня?

– При таком условии – да.

– Значит ли это, что ты рада тому, что я снова стал доступен? – игривым тоном спросил он.

Этот вопрос заставил Вилли подумать о Джеде. Она знала, что Ник больше никогда не будет ее любовником.

– Это значит, что я рада тому, что мы просто друзья, – ответила она и, взяв карандаш, раскрыла блокнот. – А сейчас ответь на несколько вопросов адвокату...

– Еще недостаточно – иметь все, – с горечью заявила Фейс Спаулдинг. – Кто бы ни создал этот распространенный миф, в любом случае страдает женщина.

Вилли слушала. С годами она становилась идеальным слушателем. У этого клиента была история, с которой Вилли сталкивалась впервые.

Рассказ Фейс Спаулдинг мог бы иметь успех в прессе. Высокая и стройная, с коротко стриженными черными волосами, рассудительная, она имела престижную и высокооплачиваемую должность вице-президента рекламного агентства. У нее была шестилетняя дочь и муж, который поддерживал все ее начинания и стремления.

– Джей был моей опорой, пока я не получила свое последнее повышение, – рассказывала Фейс. – Он даже шутил по поводу того, как важно иметь жену, которая может поддерживать его в форме. Когда мы покупали "БМВ", Джей сообщил продавцу, что это благодаря моим деньгам мы пересели из "хонды" в эту дорогую машину...

– Что потом? – нетерпеливо спросила Вилли, зная, что в Эдеме семьи Спаулдинг должно быть отравленное яблоко – иначе зачем понадобилось Фейс приходить сюда? Вилли хотелось поскорее добраться до сути.

– Потом у Джея вошло в привычку причитать, что он не сделал карьеры и отстал от жизни, причем, по моей вине. Я очень занята, и мне приходится много ездить. Джей преподает в колледже... и у него больше свободного времени. Поэтому мы условились, что он будет дома заниматься нашей дочерью, Дженнифер. В результате, ему

пришлось отказаться от повышения, которое ему предлагали на работе, потому что тогда у него совсем не оставалось бы времени.

Он сказал, что продвижение может подождать, что наша дочь и наш брак важнее, чем что-либо другое, мисс Делайе. Мы жили в большой квартире, и у нас был дом на берегу моря в Саутгемптоне. Джей с дочерью проводил там все лето, тогда как я навещала его только на выходные. Но наша "хорошая жизнь", как он называл ее, становилась все хуже и хуже. Он стал оскорблять меня, и когда я попыталась выяснить причину, он твердил, что это лишь плод моего воображения. Мы перестали заниматься любовью, и он стал обвинять меня, что я слишком много времени уделяю работе. Джей не хотел пойти мне навстречу. Он только обвинял меня в том, что его жизнь не сложилась. Я была в шоке от его слов, которые он говорил мне с отчаянием и злостью. Как будто я была его врагом и он только и ждал момента, чтобы сказать, что я уничтожила его как мужчину, и как он ненавидит меня.

– И что же, ваш муж хочет развода?

– Он хочет, чтобы я умерла, – с горечью ответила Фейс. – Развода хочу я. Я не могу больше мириться с его ненавистью и обвинениями.

– Сожалею, – сказала Вилли. Мысленно она поддерживала ее. – Если Джей не станет оспаривать развод, нам надо будет подготовить финансовое соглашение.

– Это не так легко, – сказала Фейс.

– Развод никогда не бывает легким, – ответила Вилли, – но я приложу все усилия, чтобы облегчить его...

– Вы не сможете, – выдавила Фейс, перебивая ее. – Видите ли, отказываясь от Джея, я вынуждена также отказаться от Дженнифер.

– Ни в коем случае! – воскликнула Вилли. – Если даже Джей угрожает вам этим, я убеждена...

– Вы не понимаете, – прервала ее Фейс. Ее лицо выражало отчаяние и страдание. – Джей здесь ни при чем. – Снова наступила долгая пауза. – Все дело во мне, – наконец произнесла Фейс почти шепотом. – Я ничего не знала. Я была занята только собой и своей работой. Джей готовил Дженни ленч и возил ее в школу... Я никогда не думала о том, что они вдвоем стали семьей, а я... я превратилась в кого-то, кто приносит в дом большую зарплату.

Слезы безостановочно текли по ее щекам. Вилли встала, подошла к Фейс и сердечно обняла ее за плечи.

– Дженни просто умрет, если ей придется оставить своего отца, – хриплым голосом проговорила Фейс. Ее прекрасная косметика из-за слез размазалась по лицу. – Он единственный, с кем она привыкла жить и в ком нуждается. Я не могу лишиться ее этого и в то же время не могу больше оставаться дома и только называться матерью. Мое сердце разрывается, но я не вижу никакого выхода.

Борись, хотела сказать ей Вилли, но против кого? Подобно многим женщинам, приходившим сюда, Фейс соблазнилась выбором, который казался таким реальным и о котором сейчас так много говорят. На деле все оказалось иллюзией, растаявшей, как дым. Вилли помнила себя и Джинни, долгие годы бывших неразлучными и живших без всякой поддержки, одними иллюзиями. Она знала цену несбывшимся мечтам. Для любой женщины эта цена была слишком высокой, чтобы она могла заплатить ее безболезненно.

– Может быть, вам лучше оставить работу и попробовать больше времени проводить со своей дочерью, найти способ чаще бывать вместе...

Но Фейс ничего не ответила. Казалось, она уже вынесла себе приговор за преступление, которое, на ее взгляд, было самым тяжким, какое способна совершить женщина.

На прощание она попросила Вилли встретиться с адвокатом Джея и урегулировать все вопросы, связанные с разделом собственности и выплатами на ребенка.

Когда Фейс ушла, Вилли крепко сжала пальцами пульсирующие виски и стала массировать их, чтобы снять головную боль. Ее ждали и другие клиенты, и она должна была быть в форме, чтобы выслушать их. Иногда она чувствовала, что боль, с которой приходят ее клиенты, проникает в ее сердце, и единственное, что она могла делать, чтобы несчастья не поглотили ее, – это работать.

Какая разница, думала она, богата женщина или бедна, молода или стара, разве они все не похожи друг на друга? Все они мечтают, надеются и строят иллюзии – а потом расплачиваются и расплачиваются...

ГЛАВА 13

"СУД ГОВОРИТ – ПЛАТИ, ДОКТОР ОТВЕЧАЕТ – НЕТ".

Заголовок говорил обо всем. Благодаря убедительным аргументам Вилли, суд постановил, что Джек Шеферд должен выплатить своей отвергнутой жене половину суммы, затраченной на медицинскую лицензию, в размере пятидесяти тысяч долларов.

Сразу после решения суда адвокат Шеферда провел на ступеньках здания суда импровизированную пресс-конференцию, делая выпады в адрес Регины, характеризуя ее, как "классический пример женщины легкого поведения". Он заверил репортеров, что Джек не будет подписываться под "приговором своей жизни".

– Вы можете не сомневаться, что мы подадим апелляцию, – говорил он. – И мы покажем суду, какая горькая несправедливость была совершена сегодня. Я обращаюсь ко всем мужчинам, утверждая, что должны существовать границы женского произвола.

Его речь напечатали все газеты и повторили вечерние телевизионные новости. Вилли была крайне возмущена, но работа научила ее владеть своими чувствами. Хотя это ей и не всегда удавалось. Как, например, на последнем заседании суда, когда судья несколько раз сделал ей замечание за нарушение правил поведения в суде и даже один раз – за неуважение к суду. После этого она еще пять часов тряслась в ожидании приговора.

Но выговор и штраф, который она заплатила за "неуважение к суду", не охладили ее возмущение. В глубине души она оставалась той маленькой девочкой, которая кричала на суде в маленьком городке много лет назад. Но сейчас она знала, как использовать свое справедливое возмущение в пользу клиента. И она на опыте убедилась, что зачастую яростная атака бывает эффективней хладнокровного манипулирования словами.

Если Джек Шеферд надеется завоевать перед апелляцией общественное мнение – в основном, мужского населения, – Вилли сделает то же самое.

Она вызвала своего секретаря и велела ей не отказывать всем желающим получить интервью у адвоката Делайе – как

представителям прессы, так и телевидения. Потом она позвонила Нику Росситеру.

– Собираешься ли ты написать о деле Шеферд? – спросила она.

– А как бы тебе хотелось? – спросил он в свою очередь выразительно. – Не сделаешь ли ты снова из меня отбивную?

– Нет, – рассмеялась она; – Я уже получила урок, Ник. Мужчины остаются мужчинами. Моя просьба для пользы дела.

– Валяй.

– Если ты планируешь дать колонку об этом деле, потерпи до вечера.

– Звучит интригующе. Собираешься угостить меня ликером и соблазнить на написание панегирика благородной Регине? Об этом просьба?

– Ничего подобного, Ник, – возмутилась Вилли. – Я не хочу, чтобы ты шел на компромисс с журналистской этикой. И не прошу писать что-либо хорошее о моем клиенте. Но я надеюсь, что ты напишешь правду...

– Правда – это твой взгляд на вещи? Вилли молчала.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Возможно, я заслуживаю этого. Все, о чем я прошу, чтобы ты выслушал меня. Сегодня вечером я выступаю в Новой школе. А потом угощу тебя обедом.

– Ага! Я знал это! Пытаешься подкупить меня? Все, что я могу сделать для тебя, – это прийти и послушать твоё выступление. И, если я решу что-нибудь написать, я напишу это так, как мне видится. И достаточно правдиво.

– Достаточно правдиво, – повторила Вилли.

Аудитория Новой школы социальных исследований была переполнена желающими послушать лекцию на тему "Развод в Америке и перспективы женщин". Аудитория главным образом состояла из женщин. Среди них затерялись три-четыре десятка мужчин.

Когда Вилли шла к трибуне, со всех сторон неслись одобрительные возгласы. Она была одета в строгий темно-синий костюм, который эффектно подчеркивал ее естественную красоту.

– Возможно, некоторые из вас слышали о моем последнем деле, – начала она. – А может быть, вы и не обратили внимания на историю Регины Шеферд, думая, что она не имеет ничего общего с вами. Если

это так, то вы можете совершить ту же ошибку, что и Регина, которая тоже думала, что разводы грозят кому угодно, только не ей и ее мужу.

– Хотите вы того или нет, но развод теоретически возможен в каждой семье. И большее всего он задевает женщину. Приведу некоторые цифры: за год, следующий после развода, жизненный уровень большинства женщин падает в среднем на семьдесят три процента, тогда как у мужчин он возрастает на сорок два процента.

По аудитории прокатилась волна возгласов.

– Настало время, когда женщина должна поднять голову и с открытыми глазами встретить жестокую действительность. Вместе с браком, который меняет ваш образ жизни, должны изменяться и женщины. Некоторые из вас, возможно, думают, что нелогично думать о разводе, пока он не появился у вашего порога, а в семье царит мир и спокойствие. Но я говорю вам, что нелогично, проснувшись однажды утром, обнаружить, что ты брошена, истощена эмоционально, физически и материально. Я говорю вам, что вы можете и обязаны защитить себя сами – точно так же, как вы можете предотвратить инфаркт, зная факторы риска и соответствующе действуя.

– Женщина должна быть готовой к тому, чтобы не состоять в браке, который может быть расторгнут по прихоти ее мужа. Ей необходимо сохранить независимость и равенство мужем в эмоциональном, социальном и финансовом отношении. Потому что, когда настанет время развода, женщина должна иметь ресурсы для того, чтобы остаться нормальным человеком.

Вилли говорила около часа о "новой беде" Америки – о женщинах среднего класса, жизненный уровень которых резко снижается после того, как их брак распадается. В аудитории стояла полная тишина. Присутствующие заворожено слушали ее, и, когда она закончила, в зале поднялся лес рук – у всех были вопросы. Вилли выбрала молодую женщину в джинсах и клетчатой рубашке.

– Мисс Делайе, вы говорите, что мы должны сохранить финансовую независимость, но как я могу это сделать, если наша семья нуждается в обеих зарплатах – моей и моего мужа, чтобы кое-как свести концы с концами.

– Одна из возможностей – открыть собственную кредитную карточку, – быстро ответила Вилли. – Но не на имя мужа, а на себя. Имея кредитную карточку и используя ее, чтобы оплатить некоторые

счета, вы можете сами регулировать свои финансовые отношения. В случае более солидных приобретений, например, дома или квартиры, позаботьтесь о том, чтобы ваше имя фигурировало в документах.

– Что делать в случае, если в связи с рождением ребенка женщина вынуждена уйти с работы? – прозвучал следующий вопрос.

Ответ у Вилли был уже готов.

– Не теряйте работу полностью, сохраняйте контакты, чтобы вернуться туда, когда вы будете к этому готовы. В том случае, если вы только начинаете свою карьеру, остановите свой выбор на фирме, либерально относящейся к материнству, – и, будьте уверены, вы не станете финансово зависимы от своего мужа. Вы должны настоять на сохранении своих кредитных карточек и текущих контрольных чеков независимо от того, работаете вы или нет.

В разговор вступила женщина средних лет.

– Я слышала об одном вашем деле, когда вы смогли отвоевать много денег в пользу богатой женщины. Но что, если мы не богаты, и у нас нет богатого мужа? Что мы будем иметь в результате развода?

– Надеюсь, вы все знаете о доходах вашей семьи и ее финансовом состоянии. Я имею в виду размер вашей страховки, накопления в банке, рыночную стоимость вашего дома и во что вложен ваш каждый совместно нажитый пенни. Найдите адвоката, который сможет добиться для вас максимально возможного. Печальная истина состоит в том, что лишь менее двадцати процентов экс-мужей исправно платят алименты. Поэтому всегда лучше получить недвижимость, или наличные, или инвестиции. Это намного выгоднее, чем обещание платить в будущем. Если ваш развод предусматривает алименты, убедитесь, что они защищены страховым полисом. Тогда вы хоть как-то будете гарантированы от финансовых проблем, грозящих каждой разведенной женщине.

Раздался голос с задних рядов аудитории:

– Разве не правда, что адвокаты, подобные вам, призывают людей к борьбе для того, чтобы делать больше денег?

Почему вы не говорите людям, что они могут сохранить деньги, если будут настроены дружелюбно по отношению друг к другу, вместо того, чтобы тратить их на развод, тем самым обогащая вас?

Вилли был неприятен этот вопрос, но она знала, что доля истины в нем есть.

– Я не могу отвечать за всех юристов, – сказала она. – Возможно, что некоторые адвокаты и усиливают баталии между супругами, чтобы получить гонорар побольше. Но ведь не секрет, что некоторые люди настроены по отношению друг к другу отнюдь не дружелюбно и стараются обмануть один другого, когда дело доходит до развода. Что касается меня, то я имею дело только с теми женщинами, которые как раз и были настроены, как вы говорите, Дружелюбно по отношению к своим мужьям, но в один прекрасный день обнаружили, что их сбережения иссякли, а копилки опустели прежде, чем они успели заметить это. Помните, что мужчина, который разводится, может сильно отличаться от мужчины, который женится. Я вам настоятельно советую – обратитесь к адвокату прежде чем произнесете вслух слово "развод", если вы его задумали.

Вилли посмотрела на часы и предупредила, что может ответить еще только на один вопрос.

– Как нам найти хорошего адвоката, занимающегося разводами?

Вилли улыбнулась.

– Я не даю рекомендаций. Лучше всего, найти кого-нибудь, кто уже обращался к адвокату и остался доволен его работой. Тогда и вы можете использовать свой шанс.

Когда Вилли покидала зал, около дюжины женщин обступили ее, задавая различные вопросы. И, хотя она видела, что Ник ждет ее в конце аудитории, она не могла пройти мимо людей, которые просили о помощи. Она достала из сумки пачку визитных карточек и стала раздавать их всем желающим. Вдруг она увидела бедно одетую женщину, которая держала за руку ребенка лет восьми-девяти. Именно столько ей было, когда она впервые услышала слово "развод", которое определило всю ее дальнейшую жизнь.

– Позвоните мне, – сказала она, обращаясь ко всем женщинам, но глядя прямо в глаза женщине с ребенком. – Скажите моему секретарю, что вы были здесь сегодня вечером, и она назначит вам время приема. Если вам нужен развод, я...

– Я уже получила развод, – вырвалось у женщины с ребенком. – Как вы говорили, так со мной и случилось. Я работаю на двух работах и не могу свести концы с концами. Я не могла позволить себе такого адвоката, как вы...

Вилли отвела женщину в сторонку и написала на своей визитке домашний номер телефона.

– Позвоните мне завтра, – сказала она. – И не беспокойтесь о гонораре. Мы что-нибудь придумаем, обещаю вам.

Когда она уходила, в ее голове начинал зреть новый план. В городе, должно быть, много таких женщин, несчастных и страдающих только потому, что они не смогли нанять хорошего адвоката. Она решила, что следует подумать над созданием специального отдела в ее процветающей фирме, который бесплатно и квалифицированно оказывал бы помощь любой женщине, ставшей жертвой несчастного брака и неспособной заплатить адвокату, или доведенной до нищеты несправедливым разводом.

– Насчет времени, – сказал Ник, когда Вилли, наконец, добралась до него. – Тебе никто не говорил, что мужчины не любят ждать?

– Нет, – улыбнулась она. – Будь любезен, поучи меня.

– Может быть, и стоит... Но после того, как получу обещанные обед и выпивку.

Они отправились в маленький итальянский ресторанчик на Бликер-стрит.

– Ты произвела на меня впечатление, – сказал Ник, набивая рот спагетти. – Ты говорила стоящие вещи о том, чтобы женщина появлялась у вас перед разводом. Но есть что-то важнее этого, важнее того, что ты говорила тем женщинам о браке и разводе. Я всегда представляю молодого человека, который сводит с вами счеты, и, думаю, вы не смогли бы его одолеть. Я прав?

– Не сейчас, Ник, – сказала она, улыбаясь. – Я предполагаю убедить тебя, что Регина Шеферд заслужила то, что ей присудил суд, и даже больше. Запомнил?

Он покачал головой.

– Если ты хочешь говорить, то будь любезна и слушать иногда. Может быть, я настрою словечко или два по поводу вашего дела. Но я просто удивляюсь! Если бы ты знала, как заблуждалась сегодня вечером. Есть только одна вещь, позволяющая женщине понять, в чем ее удача, – ты же преподносишь брак слишком примитивно, словно это некая лига, где ежедневно только и делают, что пропускают квартиру. Может быть, ты так и представляешь его, а вернее всего, когда

два человека начинают совместную жизнь, они просто верят друг другу.

– Эти слова совсем не похожи на речь сурового парня, – сказала Вилли. – Может быть, ты все еще веришь в любовь и в сказку, и в Санта-Клауса, и в добрую Фею...

– Да, – торжественно произнес Ник. – И знаешь почему? Если ты не оставишь места в своей жизни для них, адвокат... то они никогда и не появятся.

ГЛАВА 14

Вишневые деревья покрылись почками и вот-вот готовы были расцвести. Вилли отделяло всего несколько часов от события, которое могло стать самым большим ее триумфом. Завтра утром она будет выступать на заседании Верховного суда по делу Шеферд против Шеферда.

В то время, как лимузин мчал ее по вечернему Вашингтону, Вилли мысленно перенеслась в прошлое. Это был город Мэтта Хардинга, и она думала о том, какой была бы ее жизнь, выйди она за него замуж.

Будучи трезвомыслящей и практичной, она никогда не думала в контексте "если бы". Но сейчас она разволновалась, позволив себе именно такие мысли. Возможно, брак с Мэттом был бы трудным, хотя он положил бы конец ее одиночеству. Настоящий дом, ребенок – в ее фантазиях это была дочка, которая выросла бы сильной и независимой личностью, бесстрашной и верящей в любовь.

Ей очень хотелось бы знать, о чем сейчас думает Мэтт и что он почувствует завтра, когда она будет стоять перед ним. Испытает ли он боль сожаления? Ей хотелось бы этого – ведь не одна она должна быть хранительницей их прошлого.

Лимузин остановился перед гостиницей. Она сняла большой номер с видом на Пенсильвания-авеню и Белый дом.

Она разложила на кровати массу юридических документов по делу Шефердов, которое, как она однажды пошутила, стало решающим для ее карьеры.

Джек Шеферд строил свою апелляцию на том, что его бывшая жена не имела никаких прав отнимать у него будущее. Судья согласился с этим, утверждая, что Регина действительно не имела права требовать безоговорочную компенсацию только лишь за добросовестное выполнение своих супружеских обязанностей. Поэтому, потребовав от Джека часть денег за медицинскую лицензию, суд тем самым закрепил "детскую зависимость женщины, с которой наше общество и правосудие стремятся покончить".

Ответ Вилли был резким и не заставил себя долго ждать. Она заявила, что это дискриминация. Сейчас ей надо было убедить Мэтта и

его коллег в том, что вклад Регины в будущее своего мужа был не благотворительностью, а как бы предоставлением кредита, который теперь должен быть выплачен.

Готовясь к трудной и напряженной борьбе, она репетировала про себя свою речь до тех пор, пока слова не улеглись в ее голове в нужном порядке. Все, что ей сейчас было необходимо, – это хороший ужин и крепкий сон.

Ностальгия занесла Вилли в Сорвино, одно из любимых мест Мэтта. В маленьком ресторанчике было мало народу, здесь все было теперь по-другому, она не увидела ни одного знакомого лица. Вилли заказала бокал "Орвьетто", немного спагетти под светлым густым соусом. Поскольку она не любила есть в ресторане в одиночестве, то всегда приносила с собой что-нибудь почитать.

Она перелистывала страницы "Вашингтон пост", надеясь найти что-нибудь про Мэтта. Еще долгое время после их последнего разговора она с опасением разворачивала газеты, боясь увидеть там некролог, посвященный Мэтту. И каждый раз с облегчением убеждалась, что этот момент еще не наступил. Она корила себя за пустое благородство, в результате которого разбились ее надежды иметь крепкую семью и любимого человека.

Однажды в журнале "Пипл" Вилли увидела фотографию Мэтта. Он стоял рядом с элегантной женщиной, которая, как писали, была председателем страховой компании или чего-то в этом роде. Всматриваясь в фотографию, Вилли испытала странное чувство ревности и злости, хотя ничего не было сказано о личных взаимоотношениях Мэтта и женщины.

Старый приятель Мэтта Джон Мартин Гиббс несколько лет назад умер, и тогда взгляды Мэтта немного изменились. Иногда в его словах эхом отзывался консерватизм Гиббса, что казалось Вилли странным, как будто он совсем отошел от присущего ему либерализма, который так импонировал ей.

"Жизнь меняется, детка, – однажды сказал он. – Все растет и переплетается, и зачастую даже лучшие в мире умы превращаются в замусоренное и застоявшееся болото". Несомненно, думала Вилли, то, что Мэтт проповедовал, он применил на практике. Это касалось его размышлений о любви, которые она хорошо помнила.

– Синьорина? – обратился к ней официант, и Вилли оторвала взгляд от газеты. – Джентльмен хочет угостить вас. Что принести вам, коньяк или что-нибудь другое?

Через несколько столиков от нее мужчина лет тридцати пяти поймал ее взгляд и улыбнулся, но у Вилли не было сейчас настроения начинать с незнакомцем беседу. Она улыбнулась и покачала головой, вежливо отказываясь от его предложения.

Подходя к гостинице, Вилли заметила стоящий у входа черный лимузин. По эмблеме на дверце она определила, что это автомобиль Верховного суда. Когда она подошла к портюе, чтобы узнать, нет ли для нее сообщений, к ней поспешил шофер в униформе.

– Мисс Делайе? – спросил он.

– Да?

Он подал ей белый тонкий конверт. Она торопливо распечатала его. Внутри оказалась записка, написанная крупным уверенным почерком и содержащая всего несколько слов: "Я знаю, что здравый смысл покинул меня, но я должен увидеть тебя. Мэтт". Это было похоже на открывшийся ящик Пандорры, откуда вырвались глубоко затаенные, но не забытые чувства. Вилли готовила себя к встрече с Мэттом на суде. Но не наедине. Ведь это просто сумасшествие – встретиться судье и адвокату накануне заседания по апелляции. Настоящая золотая жила для прессы.

Вилли долго стояла в нерешительности, призывая свой здравый смысл, взвешивая все "за" и "против". Наконец, решительно отбросив все сомнения, она села в машину.

Сейчас, может быть, ее жизнь переменится, думала она, сидя в лимузине, мчавшемся в Джорджтаун. Возможно, его любовь изменилась, получив уроки лучше того, который он преподавал ей в один из холодных осенних вечеров.

Возвращаться сюда было подобно паломничеству. Это похоже на переигрывание кусочка ее жизни заново. Как только машина свернула на стоянку, она увидела Мэтта, стоявшего у входа, как всегда стройного, его силуэт четко вырисовывался в освещенном дверном проеме.

– Вилли, – произнес он нежно, почти благоговейно. – Какое счастье вновь увидеть тебя.

– Ты прекрасно выглядишь, – сказала Вилли. – Но это безумие...

Он улыбнулся, словно ребенок, которого уличили в проступке.

В камине ярко горел огонь, на столе стоял графин и два бокала. Мэтт молча наполнил их брэнди и подал один из них Вилли. В джинсах и вязаном пуловере он выглядел молодым и сильным, таким, каким она и помнила его.

– Ничто не изменилось, – тихо произнесла она.

– Кроме тебя, – сказал Мэтт, глядя ей прямо в глаза. – Ты всегда была красивой, но сейчас... Ты стала именно такой, какой я тебя и представлял – сильной, гордой и совершенной. Я горжусь тобой, Вилли. Ты шла навстречу своей мечте, и вот она сбылась.

Да, думала Вилли, отпивая глоток брэнди, одна моя мечта осуществилась – но только одна. Будто прочитав ее мысли, Мэтт сказал:

– Ты сердишься на меня. Я почувствовал это сразу, как увидел тебя. Не стоит... Я в долгу перед тобой...

– Черт возьми, Мэтт. Я любила тебя, – страстно сказала она. – Мы снова здесь и можем быть всегда вместе. Почему бы тебе просто не сказать правду? Неужели ты веришь в то, что поступил правильно, когда лишил меня возможности стать счастливой?

Мэтт не успел ответить, его лицо вдруг исказилось от боли. Он закрыл глаза. Вилли испугалась. Она вскочила и взяла его за руку.

– Что случилось, Мэтт? Может быть, позвать доктора? Сердце?

Боль утихла, и, хотя Мэтт был бледен, он попытался улыбнуться.

– Ничего, детка – все прошло. Он сделал глоток брэнди.

– Я очень сожалею, Вилли. Любой мужчина на моем месте поступил бы так же. Поверь мне – то, что мы расстались, было наилучшим выходом.

Вилли не поверила в его слова, но она все-таки боялась рисковать, приводя ему свои аргументы.

– Почему ты сегодня пригласил меня? – спросила она.

– Возможно, ты хотела меня опередить? – На его лице снова появилась та же усмешка. – Я не был уверен в том, что после завтрашнего суда ты захочешь повидаться со мной.

Вилли попала на приманку.

– Означает ли это, что ты собираешься голосовать против меня?

– Судьи не могут планировать свои решения, пока не услышат доводы, Вилли, – осадил ее Мэтт. – Но, независимо от того, как я

проголосую, не думай, что я настроен против тебя. Я следил за каждым шагом твоей карьеры. Ты стала именно таким адвокатом, каким я всегда мечтал видеть тебя.

Вилли ждала "но", которое должно было последовать за его словами, однако Мэтт продолжал.

– Я искренне восхищаюсь твоей целенаправленностью и упорством. Мне нравятся твои страсть и пыл. Они становятся все сильнее, по мере того, как уменьшаются мои собственные. Ты уже поняла, я надеюсь, что закон, вообще твоя работа, может стать опасным и всепожирающим любовником.

– Ты вызвал меня сегодня вечером только лишь затем, чтобы прочесть эту лекцию? – спросила Вилли.

Мэтт рассмеялся.

– Ты похожа сейчас на маленькую девочку, которой наступили на ногу. Если бы я был лет на двадцать помоложе, я бы посадил тебя за это к себе на колени, но я боюсь, что счастье обладать тобой убьет меня. Помнишь, когда ты работала клерком у Джона Мартина Гиббса, ты говорила о деле, которое, по-твоему, непременно требовалось заслушать?

– Помню, – сказала Вилли, еще не понимая, к чему он клонит.

– Помнишь, как я предупреждал тебя об опасности попасть под влияние собственных эмоций, когда ты строишь защиту?

– Я помню, – нетерпеливо сказала она. – Но к чему...

– Выслушай меня, – настойчиво сказал Мэтт. – Сейчас ты достигла того, о чем мечтает каждый юрист. Ты выбрала одно из направлений, которое связано с твоими личными переживаниями, и ты добиваешься успеха, но...

– Но это не только мое дело, – запротестовала Вилли. – Этот вопрос сейчас очень важен и актуален, и от того, как взялся за него адвокат, во многом зависит дальнейшая судьба клиента...

Мэтт покачал головой.

– Ты знаешь, что мне трудно спорить с тобой по этому вопросу. Он слишком животрепещущий для тебя. И мне кажется, что ты уже научилась от меня всему, чему я тебя мог научить. Я больше не собираюсь контролировать тебя и поучать. Ты уже сформировалась и стала цельной натурой. Я хочу лишь одного – чтобы ты безоговорочно следовала букве закона.

– А я так и делаю, – вызывающе ответила она. – А что касается уроков, которые ты преподал мне... Господи! Я по-прежнему верю тебе. Неужели ты думаешь, что я изменила бы своим взглядам, если бы ты женился на мне, если бы ты не принес в жертву свою любовь?

Мэтт снова побледнел. Он изо всех сил старался держать себя в руках.

– Я все еще люблю тебя, Вилли, – тихо произнес он. – И никогда не переставал любить. Я тоже кое-чему научился. Я сделал то, что считал правильным, но иногда мне кажется, права была ты. Прости меня за все, Вилли. Уверяю тебя, я сполна заплатил за это.

Вилли смотрела в его серые глаза, которые когда-то светились обещанием любви, и пыталась проникнуть в его душу. Боль Мэтта не заглушила ее собственную и не повернула вспять все годы, которые она оплакивала.

Может быть, ей удастся изменить его решение? Эта мысль пришла к ней с ошеломляющей ясностью. Столько пустых надежд! Всю жизнь она боролась и утверждала то, во что верила. Однако, когда дело коснулось ее личного счастья, она позволила мужчине, которого любила, отказаться от нее без борьбы. И все, что осталось у нее после такой легкой сдачи, – это полная опустошенность. Для нее этот урок был более тяжелым, чем для Мэтта.

– Спасибо, – сказала она тихо. – Я постараюсь запомнить все, чему ты меня научил.

Она замолчала. Сказать было больше нечего, а уходить не хотелось. Но они оба поняли, что разговор их закончен.

– Я думаю, тебе пора идти.

Вилли кивнула. Она медленно шла к дверям, растягивая последние мгновения свидания и словно неся траур по минувшему. Мэтт обнял Вилли и крепко прижал ее к себе. Положив голову ему на грудь, она услышала, что его сердце бьется так же сильно, как и ее.

Как только силуэт Вилли растаял в темноте весеннего вечера, Мэтью Хардинг тяжело прислонился к притолоке. Потом он заставил себя выпрямиться и дойти до инвалидного кресла, скрытого за листьями фикуса.

Сбросив маску, которую он огромным усилием воли удерживал на лице, пока здесь была Вилли, он тяжело опустился в кресло и за считанные секунды превратился в уставшего старика, которому

оставалось только мечтать о красивой женщине, глаза которой всегда делали его вновь молодым.

Поднимаясь по мраморной лестнице здания Верховного суда в Вашингтоне, финальной ступени в американской судебной системе, Вилли испытывала чувство благоговения. В течение двух веков суд интерпретировал Конституцию и решал дела, защищая права всех граждан Америки, бедных и богатых, воздавая по заслугам заключенным и президентам. То, что Вилли оказалась здесь, свидетельствовало о важности ее дела.

Вилли очень волновалась, проходя мимо охраны в зал заседаний, который был открыт для публики и прессы. Она поискала глазами среди судей и заседателей Мэтта, суеверно полагая, что если она сможет убедить его, то убедит и остальных. Наконец ей дали слово.

– Следует отметить, – начала она, – что Америка "переживает сейчас настоящую революцию в отношении разводов. Мы можем сетовать на распад семьи и ущемление прав женщин. Но давайте посмотрим правде в глаза – поскольку продолжительность брака уменьшается, надо навести порядок в законах о разводе. Нам необходимо при рассмотрении дел о разводе ставить во главу угла финансовый вклад обоих партнеров, чьи талант и энергия способствовали улучшению благосостояния семьи.

Джек Шеферд согласился на финансовую поддержку своей жены. Теперь, получив за ее счет образование, он не хочет возмещать ей затраты, утверждая, что его жена, жертвуя своей собственной карьерой, выполняла лишь свою женскую обязанность. Мнение суда, согласно которому законная борьба Регины Шеферд характеризуется как "детская зависимость", не что иное, как дискриминация в чистом виде.

Я прошу суд – защитный механизм наших фундаментальных прав человека – защитить инвестиции Регины Шеферд, как и все подобные инвестиции супругов, независимо от их полов. Суд не может вернуть моему клиенту годы, потраченные на работу во имя будущего ее мужа. Но суд может поддержать справедливые претензии Регины Шеферд. Мы не претендуем на то, чтобы наказать доктора Шеферда за его измену или отказ от брака. Мы просим только того, чтобы он поступил справедливо с женщиной, благодаря которой стала возможной его карьера.

В современном мире в вопросе о взаимных обязательствах супругов может быть достигнут консенсус. Я прошу суд отойти от дискриминационных стереотипов и вынести свое решение, учитывая жесткие социально-экономические факторы действительности.

Девять пожилых судей с бесстрастными лицами слушали пылкую речь Вилли. Даже выражение лица Мэтта ни о чем не говорило ей.

Прошли долгие две недели, прежде чем Верховный суд вынес свое решение. Пятью голосами против четырех суд вынес решение в пользу Регины Шеферд. Решающий голос принадлежал судье Мэтью Хардингу.

Сердце Вилли наполнилось радостью и благодарностью. Она сказала тихое "спасибо" не только судье, но Мэтту, который эволюцией своих собственных взглядов показал ей, что настало то время, которого она ожидала.

КНИГА ПЯТАЯ
РЕШЕНИЕ

ГЛАВА 1

НЬЮ-ЙОРК-СИТИ: СЕГОДНЯ

Первое, что услышала Вилли, – это тревожный голос Софии, затем он понизился до шепота, но Вилли разобрала свое собственное имя. Потом наступила мертвая тишина.

Вилли крепко сжала холодную черную трубку телефона.

– София? Где вы? Что случилось?

– Он нашел меня... Я слышала в холле голос... он говорил по-арабски. Я не знаю, что делать. Помогите мне, Вилли... Пожалуйста.

Вилли лихорадочно стала соображать. Она была уверена, что София надежно спрятана в "Уолдорф Тауэрс", зарегистрированная под чужим именем.

– Вы уверены, что это люди Шейха? – спросила она. – Они спрашивали именно вас или пытались войти к вам?

– Нет, – ответила София едва слышным шепотом. – Но я уверена, что это люди Шейха. Они ушли минуту назад, но они вернуться, я знаю...

– Слушайте меня внимательно, – сказала Вилли, пытаюсь говорить твердо и уверенно. – Держитесь подальше от входа. Позвоните в службу безопасности и скажите, что за вашей дверью вы слышали каких-то подозрительных людей. Потом позвоните вашему брату. Пусть Гарри до суда побудет с вами.

– Гарри нет здесь. Он в Чикаго по поводу продажи моих драгоценностей. Он не вернется до вечера. Я совсем одна...

– Это будет недолго. Выпейте чего-нибудь. Закройте вашу дверь на все замки и дайте мне сообразить, что можно сделать.

Но что тут сделаешь, думала Вилли, повесив трубку. Она могла бы позвонить в полицию и сказать, что ее клиент, гражданка Америки, подвергается преследованию и угрозам. Она уже поступила так неделю назад, когда двое людей Шейха следовали за ней и Софией от офиса Филли до "Льютис" и ждали на улице, пока две женщины завтракали и обсуждали детали развода Софии.

Когда приехала полиция, эти люди представили дипломатические паспорта, удостоверяющие, что их присутствие здесь вполне законно,

и пригрозили пожаловаться в Государственный департамент. К досаде Вилли, полиция оказалась бессильной помочь им.

Перед тем, как уйти, один из полицейских отвел ее в сторону.

– Для вашей же пользы советую вам не связываться с этими типами из посольства, адвокат. Эти парни находятся под покровительством самого короля, и, не исключено, что даже если мы поймем их на чем-нибудь большем, чем слежка, мы все равно не сможем задержать их.

Если даже полиция не в состоянии защитить Софию, то кто это сделает, спрашивала себя Вилли. Ответ был ясным, но не обнадеживающим. Это сможет сделать человек, которого не слишком беспокоит дипломатическая неприкосновенность и прочее в этом роде. Но Вилли никого из таких людей не знала, пожалуй, кроме...

Она набрала номер телефона Ника Росситера.

– Мне нужна помощь, – без всякого предисловия сказала она. – И как можно быстрее.

Ее тревожный голос не оставлял никакого сомнения в срочности дела.

– Ты ее получишь, – ответил журналист.

– У одного из моих клиентов возникла проблема. Мне нужен человек, как ты говоришь, с "крепкой мускулатурой", чтобы спасти ее от разрыва сердца.

– Позвоните копам, – незамедлительно сказал Ник. – Это будет стоить дешевле и...

– Копы не могут помочь, – нетерпеливо перебила она его. – Я бы не стала просить тебя, если бы у меня был выбор. Неважно, сколько это будет стоить. Но помощь нужна немедленно.

– Сколько парней вам нужно? – спросил Ник. Вилли на секунду задумалась.

– Двое, а лучше – трое. Но они необходимы мне прямо сейчас. Ты сумеешь найти их?

– Я постараюсь, – ответил он после небольшой паузы. – Вилли, ты всегда играла в чистые игры. А это пахнет плохими последствиями. Ты уверена в том, что делаешь?

– Да. Возвращайся быстрее... Я буду ждать твоего звонка.

С тех пор, как София ускользнула от своего телохранителя Фавзи, только ей удавалось где-нибудь скрыться, как люди Шейха настигали

ее.

Вилли была уверена, что сможет надежно спрятать одну женщину в девятиmillionном городе и поддерживать с ней связь, пока дело о разводе не попадет в суд. Но с Софией так не получалось.

После столь долгой жизни почти в качестве заключенной, София вела себя подобно непокорному ребенку, пренебрегая указаниями Вилли сидеть дома и ни с кем не видеться, кроме брата.

Как узнала Вилли позже, Софии удалось несколько раз уговорить Гарри сводить ее в театр и в ресторан. Возможно, Шейх выследил бы ее и независимо от того, принимала ли она меры предосторожности. Но факт оставался фактом – люди Шейха сейчас следовали за ними буквально по пятам, и Вилли всякий раз приходилось что-то предпринимать, чтобы спрятать от них Софию.

Теперь она сидела, уставившись на свой телефон, и ждала звонка Ника.

Вилли не знала, с кем ей придется иметь дело, – возможно, с грубыми, неряшливыми костоломами. Но "скорая помощь" Ника произвела хорошее впечатление. Трое парней были неплохо одеты и представились как Ральф, Джек и Вилли. Они стояли у ее стола в непринужденных позах, на их лицах было написано ожидание.

Она кратко объяснила им ситуацию.

– Может быть, никто и не побеспокоит моего клиента, пока вы будете там, и постарайтесь не создавать проблем. Но если кто-то каким-то образом попытается обидеть миссис аль-Рахман...

Трое мужчин как один кивнули. Вилли принялась выписывать чек, хотя прекрасно знала, что они бы предпочли наличные.

– Вот, возьмите чек. Я обещаю вам обналичить его уже завтра. Пожалуйста.

Через пятнадцать минут Вилли стучала в дверь Софии. Не дождавшись ответа, она нажала на ручку, и дверь открылась. Роскошный номер был пуст. На столе стоял недопитый стакан, рядом пепельница, наполненная окурками сигарет. На диване лежали пара атласных тапочек и раскрытый журнал.

Вилли заглянула в спальню. Трое мужчин следовали за ней. Она проверила шкаф и ящики комода. Там все еще лежали вещи Софии. Но где же была она сама? В номере не было никаких следов борьбы, дверь не была взломана.

Вилли молча ругала себя за то, что не примчалась сюда сразу же после звонка Софии. А сейчас она исчезла, и одному Богу известно, какая опасность ей угрожает, – если она еще жива...

– Адвокат, пройдите сюда.

Вилли зашла в ванную комнату. Здесь на полке в одну кучу была собрана косметика Софии, как будто кто-то собирался взять ее, а потом передумал. Ральф достал из кучи коробку спичек, которая оказалась пустой. Но внутри на сером картоне темно-красной губной помадой был нарисован самолет. Ральф показал это Вилли.

– Они увезли ее обратно в Джеддах! – воскликнула она. – Мы должны остановить их! Поехали! Они не успели уйти далеко. Поспешим!

Как только черный лимузин двинулся в сторону аэропорта Кеннеди, Вилли взглянула на часы и стала торопливо набирать номер дежурного диспетчера аэропорта. Несколько драгоценных минут она потеряла, объясняя ему, в чем дело, пока он не сообщил ей, что личный самолет Шейха аль-Рахмана стоит готовый к вылету в Джеддах и ожидает разрешения на взлет.

– Не могли бы вы задержать его? – взмолилась Вилли. – В самолете находится мой клиент, которого хотят увезти против его воли. Если вы позволите им улететь, с этой женщиной могут случиться самые ужасные вещи.

– Извините, мэм, – ответил дежурный диспетчер. – Даже если бы мы имели распоряжение полиции, все равно мы не имеем права создавать помехи. По правилам федерации воздушных линий...

– К черту правила! – взорвалась она. – Я говорю вам, что речь идет о жизни женщины! Вы понимаете это?! Я знаю, что задерживать самолет не в вашей компетенции.

Все, что я прошу, – это несколько минут... Вы сможете найти способ помочь мне? Одному Богу известно, как мне нужна ваша помощь. Вы ничего не должны говорить пилоту. Не могли бы вы просто уступить его взлетную полосу другому самолету? Этого было бы достаточно. Пожалуйста...

На другом конце провода долго молчали.

– Я бы рад помочь, мэм, но просто не знаю, как. Через сколько времени вы прибудете сюда?

– Максимум через пятнадцать минут. Сделайте что-нибудь, пожалуйста!

– Я не могу ничего обещать. Скажем так – расписание вдруг оказалось немного перегруженным...

Вилли положила трубку.

– Быстрее, – попросила она шофера. – Мы должны успеть.

Она повернулась к сидящим сзади трем мужчинам.

– Если самолет еще не улетел, мы должны найти способ проникнуть туда. Есть идеи?

Ральф посмотрел на своих друзей, потом снова на Вилли.

– Слушайте, адвокат, – сказал он. – Если вы рассчитываете на нас, мы – ваши. Но только в том случае, если вас не будет волновать, как мы это сделаем.

Он расстегнул свою куртку и достал кожаный бумажник. Вилли заметила торчащую из-под куртки рукоятку пистолета. В бумажнике оказалось несколько документов. Один из них подтверждал, что Ральф Даусон является агентом ФБР, другой – что он же является детективом департамента полиции Нью-Йорка. Ральф дотронулся рукой до кобуры пистолета.

– Он – легальный. Это не создаст дополнительных проблем. Но все остальное – липа. Это риск, но в нашем деле он никогда не исключен.

Вилли усмехнулась. Лицензированное оружие могло быть легально использовано телохранителями для защиты своего клиента. Могло. Но одному Богу известно, что произойдет, если эти люди попытаются вступить в бой с людьми Шейха. Какую бы роль ни играли сидящие сзади нее мужчины, они все равно оставались вне закона. А Вилли была офицером суда, который давал клятву защищать закон.

Еще ни разу за свою карьеру, что бы она ни предпринимала, Вилли не нарушила букву закона. Но сейчас она не видела другой возможности спасти Софию.

– Поступайте, как сочтете нужным, – сказала она, моля Бога, чтобы пистолет не понадобился.

Подъезжая к взлетной полосе, Вилли увидела серебристый самолет с личной эмблемой аль-Рахмана. Двери самолета были закрыты.

– Остановите здесь, – сказала она шоферу. – Будет лучше, если никто не увидит меня.

Потом она повернулась к Ральфу.

– Покажите им удостоверение. Скажите, что вы приехали за Софией. Хотите задать ей несколько вопросов... Контрабанда, уклонение от налогов... что угодно. Только вытащите ее из самолета.

Вилли крепко стиснула пальцы и затаила дыхание, наблюдая, как Ральф в сопровождении двух мужчин подошел к механику в сером комбинезоне, явно человеку Шейха, и что-то сказал ему, жестом показывая на самолет. Механик в сомнении покачал головой и направился к рабочему отсеку самолета.

Вскоре он вернулся с другим мужчиной. Ральф стал что-то говорить ему, а Вилли молила Бога, чтобы они не догадались вызвать полицию или ФБР. Вскоре Она увидела, что к самолету подкатили трап. Ральф и его помощники стали спокойно и уверенно подниматься по ступенькам, как если бы имели все права на досмотр личного самолета.

Двери самолета открылись, и сердце Вилли упало, когда в проеме появился Фавзи. Его не так легко обмануть, подумала Вилли. Он покачал головой и сделал рукой отрицательный жест. Что-то объясняя ему, Ральф распахнул куртку, обнаруживая свой пистолет, и достал из кармана другой документ.

– Господи! – воскликнула Вилли в страхе, увидев, что и Фавзи полез в карман. Она впилась в подлокотник и затаила дыхание, пока Фавзи не вынул руку из кармана, в которой он держал какой-то листок.

Ральф спокойно посмотрел его, покачал головой и снова показал на самолет. Потом вдруг появилась София. Вилли изо всех сил сдерживала себя, чтобы не выскочить из машины, а тихо сидеть и ждать. Ральф взял Софию под руку, словно беря ее под свою охрану, и вместе с ней спустился по ступенькам. К своему удивлению, Вилли почувствовала восхищение холодным профессионализмом этого человека, которого она наняла, чтобы совершить то, перед чем закон оказался бессильным.

– Все в порядке, – вновь и вновь повторяла она, успокаивая Софию, пока лимузин мчался прочь от аэропорта. – Он не найдет вас больше, София. Эти люди будут охранять вас день и ночь. Все будет хорошо.

София послушно кивала головой, но ее напряжение не прошло, а глаза были широко открыты, как будто она все еще сидела в самолете и ждала приговора своего мужа.

– Что все-таки произошло в гостинице? – спросила Вилли.

– Я ничего самовольного не предпринимала, – торопливо проговорила Софи. – Я все старалась делать так, как вы сказали. Но я так боялась... Сразу после разговора с вами за моей дверью оказался Фавзи. Он убеждал меня и говорил, что я никогда не смогу вырваться от Шейха. Он говорил, что вы всего лишь женщина и не сможете защитить меня. Он сказал, что это мой последний шанс, и, если я уйду с Фавзи, Шейх, возможно, простит меня.

Вилли понимающе кивала головой. В своей практике она уже сталкивалась с подобным запугиванием жен, целиком зависящих от своих мужей. Слабость и страх Софии понятны, и Вилли следует сделать все, чтобы Шейх больше не смог сыграть на этой слабости.

Переступая порог юридической фирмы "Роджерс, Баннистер и Стивенс", Вилли была полна холодного негодования.

– Совершена попытка похищения, – заявила она одному из партнеров фирмы Филипу Баннистеру. – Это является федеральным правонарушением, адвокат. И даже ваш клиент не имел права этого делать.

Баннистер посмотрел на Вилли с сомнением. Возглавляя разноплановую и солидную фирму, которая считалась первой среди работающих с Сенатом Соединенных штатов, он не привык к подобному обращению.

– Спокойнее, – сказал он. – Похищение – очень плохое слово, мисс Делайе. Как я понимаю, мой клиент хотел просто поговорить со своей женой наедине. Нет ничего незаконного в том, что муж хочет поговорить со своей женой. Не так ли? Мой клиент сообщил мне, что он ищет миссис аль-Рахман, чтобы выяснить с ней отношения, и что он искренне сожалеет, если его действия были неправильно истолкованы.

– Самое настоящее похищение, – сказала Вилли.

– Мисс Делайе, – Баннистер вздохнул, – позвольте напомнить вам, что и в Саудовской Аравии нарушение прав собственности является незаконным действием. – Он сделал паузу и перешел на официальный тон. – Я считаю, что будет в интересах обоих клиентов, если мы

забудем этот неприятный случай и тут же приступим к подготовке быстрого развода. Возможно, мы встретимся с вами в ближайшие дни, так как я хочу, чтобы мы работали в согласии.

Вилли поняла и угрозу, и намек на сделку, таящиеся в его словах. И, хотя она была полна искушения лично отомстить Шейху аль-Рахману, она не была уверена, что это принесет пользу ее клиенту. София все еще нервничала и беспокоилась, даже в окружении охраны, которую Вилли ей предоставила. Вилли прекрасно понимала, как Софии необходим развод, чтобы получить шанс начать новую жизнь.

– Я запрещаю вашему клиенту или кому-либо из его окружения даже близко подходить к миссис аль-Рахман, – сказала Вилли. – Могу ли я взять с вас слово, что мое требование будут уважать?

– Конечно, – сразу же согласился Баннистер. – Я сообщу об этом своему клиенту и могу заверить вас, что мы будем продолжать действовать только в рамках закона.

Вилли покинула офис Баннистера так же резко, как и вошла сюда. Гарантии человека его положения уже кое-что значили, даже если клиент и не захочет его слушать.

Последние несколько дней Вилли занималась делом Софии аль-Рахман, запершись в своем офисе и велев секретарю не беспокоить ее.

Она предполагала вести переговоры жестко, твердо настаивая на своем. Так же она будет вести себя и на суде. Она внимательно просмотрела список свидетелей, способных подтвердить жестокое обращение с Софией, а также психиатров, которые могли бы удостоверить, что женщина находится в здравом уме.

Гарантии Баннистера в том, что они будут действовать в рамках закона, не оправдались, и Вилли подала в суд петицию с прошением заморозить счета Шейха аль-Рахмана, открытые в Америке, до окончания процесса развода.

Она посмотрела на часы, удивляясь тому, что София опаздывает. Вилли ввела в Практику ежедневно беседовать с ней, успокаивая, убеждая, что все идет хорошо, и, возможно, очень скоро она станет свободной и очень богатой женщиной.

Она только подняла трубку, решив сама позвонить Софии, как ее вызвала секретарь.

– Я просила, чтобы вы меня ни с кем не соединяли, – напомнила ей Вилли.

– Звонит мистер Гобсон из Государственного департамента, мисс Делайе, – ответила ей секретарь. – Я старалась объяснить ему, что вы очень заняты, но он говорит, что у него срочное дело, и настаивает на разговоре с вами.

– Соедини меня с ним, – сказала Вилли, удивляясь, какое дело могло возникнуть у Государственного департамента к ней.

– У нас проблема, адвокат, – представившись, сказал Гобсон.

Вилли отметила про себя "у нас" и стала внимательно его слушать.

– Как нам известно, вы представляете интересы Софии Болдуин в процессе против Шейха аль-Рахмана.

– Совершенно верно, – сухо согласилась она. – Можно узнать, что интересует вас?

Последовала долгая пауза.

– Если быть кратким, адвокат, наш интерес вызван национальной политикой. Дело в том, что в прошлом Шейх аль-Рахман оказывал нашему департаменту неоценимые услуги. А в настоящий момент он помогает нашему правительству в решении очень щекотливых вопросов на Среднем Востоке...

– Почему вы говорите мне об этом? – спросила Вилли.

– Потому что мы хотели бы, адвокат, – и это просьба неофициальная, – чтобы вы отказались от ведения дела.

– Отказаться? – повторила она. – Вы предлагаете моему клиенту отказаться от развода только потому, что вы хотите успешно продолжить переговоры на Среднем Востоке?

– Занимайтесь вашими разводами столько, сколько пожелаете, – ответил Гобсон. – Только при одном условии – не беспокойте мистера аль-Рахмана. Мы очень неблагосклонно отнеслись к вашей попытке заморозить его капиталы в нашей стране. Я надеюсь, что вы как патриот поймете, что я имею в виду пользу дела...

Вилли больше не могла сдерживать своего негодования.

– Я так же, как и вы, являюсь патриотом, мистер Гобсон. Но то, что вы мне говорите, звучит как угроза. А что, если я не откажусь?

Снова наступила пауза.

– Я думал, вы правильно поймете меня, адвокат. Как раз сегодня утром мистер аль-Рахман назначен атташе Саудовской Аравии по экономическим вопросам в нашей стране. Мы должны с уважением

относиться к дипломатии. Кроме того, ваше прошение о замораживании его счетов будет отклонено. И вообще, его дипломатическая неприкосновенность защитит его от любого юридического вмешательства с вашей стороны. Примите мои слова к сведению, адвокат, и не поднимайте шума. Это будет лучшим решением для вас и вашего клиента.

Вилли едва могла сдержать свой гнев и отчаяние. Вопреки всей ее тщательной подготовке, Шейх аль-Рахман нашел способ ускользнуть от расставленных ею сетей.

Как быть, думала она. Теперь, если она сядет за стол переговоров с Филипом Баннистером, он будет иметь перед ней все преимущества, оставляя ей роль просителя, вынужденного довольствоваться крохами, которые он любезно ей бросит. Даже если она и выиграет этот процесс в суде, она ничего не сможет отвоевать для Софии из того, что по праву принадлежало той.

Голова у нее сильно разболелась, но она старалась не обращать на это внимание. Ей как никогда было необходимо собрать сейчас все свои силы, чтобы справиться с неудачей и сформулировать новую стратегию. Но как сделать это, если правительство Соединенных Штатов было лично заинтересовано защитить Шейха от всех юридических средств, которыми располагала Вилли.

Она открыла толстую папку с информацией, которую собрал Кьюсак, изучая бизнес Шейха аль-Рахмана в Соединенных Штатах. Она стала внимательно просматривать список компаний, с которыми в прошлом Шейх имел дело, не зная точно, что она ищет, но надеясь найти что-нибудь любопытное.

Вдруг ее внимание привлекло одно название – "Фонтана Интерпрайзиз". Значит, Шейх имел дела с Сэмом Фонтана. Чувствуя, что могло объединить этих двух мужчин, она стала думать о возможностях, которые только что казались ей безвозвратно утраченными.

Она сразу же позвонила Софии.

– Упомянул ли ваш муж когда-нибудь имя Фонтана? – спросила она.

– Это приятель Шейха, – сразу же ответила София. – Они давно знакомы. Когда "Фонтана Интерпрайзиз" собиралась строить в Саудовской Аравии две гостиницы, Шейх стал их партнером. Пару раз

Фонтана бывал у нас в Джеддахе, и Шейх часто навещает его, когда бывает в Соединенных Штатах. Почему вы спрашиваете об этом?

Вилли была не готова рассказывать Софии о постигшей их неудаче. Сейчас у нее оставалась лишь слабая надежда. В течение многих лет она знала теневую сторону бизнеса Сэма и презирала его за это. Но если все юридические средства оказались бессильны, она попробует зайти с другого конца. Ее надеждой был Джедд Фонтана.

Однако, заказав его штаб-квартиру в Монтана, Вилли услышала, что Джедд сейчас находится в Доминиканской республике, где возглавляет строительство нового курорта. Выяснив его номер телефона, она спустя пару часов, услышала в трубке его бархатный голос.

– В чем дело, Вилли? – спросил он с искренним беспокойством. – Ты никогда раньше не звонила мне. Какие у тебя проблемы?

– Мне нужно поговорить с тобой, Джедд. Но это не телефонный разговор. Когда ты предполагаешь вернуться в Штаты?

– Недели через две. Господи, Вилли! Я начинаю беспокоиться. Не можешь ли ты хоть намекнуть мне, что случилось?

Она колебалась.

– У меня нет особых проблем, – наконец сказала она. – Но мне очень важно увидеть тебя. Если я прилечу завтра утром...

– Только не утром – у меня встреча на весь день с министром по туризму. Давай лучше вечером, и я буду целиком в твоём распоряжении.

Вечер... Потом ночь... Она снова должна будет разделить с ним постель, если они встретятся вечером, подумала она.

– Я прилечу послезавтра рано утром, – сказала она. Наступила пауза. Он прочел ее мысли.

– Как тебе будет угодно, – сказал он. – Я сделаю все, что смогу, для тебя.

Сможет ли он помочь ей, подумала Вилли, повесив трубку. То, о чем она собиралась просить его, касалось не только бизнеса Сэма, но и личных интересов Джедда. А это значило подвергнуть его серьезному испытанию. Может быть, это шанс, посланный судьбой для того, чтобы проверить его чувства к ней?

ГЛАВА 2

Самолет приземлился в аэропорту недалеко от Пуэрто-Плато в северной части Доминиканской республики. Благодаря американскому паспорту, Вилли беспрепятственно прошла таможеню. Ясное солнце, легкий ветерок и приятная музыка, доносившаяся отовсюду, приветливо встретили ее.

Она покидала Нью-Йорк в промозглый апрельский день, моросил дождь со снегом. А сейчас, распахнув пальто навстречу ласковому теплему ветерку, она почувствовала, как напряженность, ставшая частью ее повседневной жизни, начала покидать ее.

Джедд предложил встретить ее, но она отказалась. Машина, которую заказала ее секретарь, оказалась старым "шевроле", который все еще ездил, благодаря неустанным заботам своего водителя. К счастью, ехать было недалеко. Когда Вилли добралась до места назначения, она заплатила водителю больше положенной суммы и попросила подождать ее.

Гостиница, где она остановилась, была одной из многих, построенных на северном побережье острова за последние годы, и резко контрастировала с вопиющей бедностью, царившей в Санто-Доминго.

Из номера открывался чудесный вид на океан и берег, поросший пальмами и сохранивший свой первозданный вид, который не успел еще изменить человек. Вилли постояла несколько минут на террасе, думая о том, как много времени прошло с тех пор, когда она в последний раз отдыхала, довольная результатами своего труда. Но сейчас, находясь в этом прекрасном и безоблачном месте, она никак не могла полностью расслабиться и слиться с окружавшей ее красотой.

Она быстро приняла душ и переоделась в более легкий наряд. Собрав волосы на затылке, она провела по губам помадой и вышла из номера.

В трейлере, перед которым она попросила остановить машину, размещался временный офис. Тут же рядом начиналось строительство гостиницы и казино, которые должны были открыться к следующей весне. В трейлере сидела молодая женщина и печатала на машинке.

Вилли спросила Фонтана и сказала, что у нее назначена с ним встреча. Женщина кивнула и показала рукой в сторону берега.

Вилли пошла по узкой дорожке мимо массива пальм и других деревьев, наполовину вырубленного. По одну сторону возвышался стальной остов строящегося многоэтажного здания, вокруг него сутились рабочие. Рядом рокотал бульдозер, вычерпывая очередную порцию земли. Она увидела Джедда, обнаженного по пояс, в шортах цвета хаки и шлеме. Он что-то кричал бульдозеристу. Его торс блестел от пота под полуденным солнцем.

Его вид взволновал Вилли так же, как всегда волновали его прикосновения, и ей пришлось напомнить себе, что она находится здесь по делу.

Она несколько раз окликнула Джедда, прежде чем он ее услышал. Он подбежал к ней с легкой грацией атлета, без труда перепрыгивая через препятствия.

– Дай мне минутку привести себя в порядок, – сказал он, поцеловав ее в лоб.

Вилли всегда относилась к Джедду как к избалованному мальчику, но сейчас он показался ей таким же сильным и мужественным, как те мужчины, которые работали рядом с ним. Глядя, как он смывает с себя грязь под временно устроенным душем, она почувствовала, как внутри у нее начинает подниматься теплая знакомая волна, и быстро отвела взгляд. Джедд исчез на несколько минут и вскоре появился в брюках и майке, с мокрыми и блестящими волосами.

– Я весь – внимание, – сказал он. – Я польщен твоим приездом... Ты уверена, что только дело привело тебя сюда?

Она посмотрела ему в глаза.

– Моя работа значит для меня больше, чем просто дело, Джедд. И это правда, что я здесь только потому, что у моего клиента возникли проблемы. Мне кажется, ты можешь помочь и мне, и ей.

Он улыбнулся, ее слова затронули его самолюбие.

– Пойдем, – сказал он, беря ее под руку. – Я покажу тебе окрестности. Даже миссионер имеет право немного расслабиться.

Гуляя вдоль берега, Джедд рассказывал ей о строящемся курорте, о том, как он гармонично впишется в окружающий пейзаж и каким он будет современным, с кортами, бассейнами и казино...

– Это как раз то, в чем нуждается мир, – с иронией заметила Вилли. – Казино, азартные игры, и, как всегда, Фонтана не заботятся, каким образом к ним плывут денежки.

Джедд остановился и повернул к ней лицо.

– Было время, когда я попался бы на этот крючок, Вилли. Я сказал бы тебе, что мы, Фонтана, не так уж и отличаемся от тебя, что у нас тоже есть мечты и мы боремся за их осуществление, что мы совершаем и ошибки, но мы делаем и вещи, которые даже ты могла бы одобрить. Но я не собираюсь говорить тебе этого. И знаешь, почему? Потому что я жду, когда ты сама поймешь это.

Джедд двинулся, и Вилли пошла с ним рядом. Почему так выходит, что она всегда обвиняет его в чем-то, подумала Вилли. Даже сейчас, когда она приехала просить у него помощи, она не может не делать этого.

– Прости, если я рассердила тебя, – сказала она. На его спокойном аристократическом лице появилась улыбка.

– Так извиняются адвокаты? Весьма неубедительно. Но я приму эти извинения... пока.

Они шли молча, потом Вилли увидела струйку дыма, поднимающуюся из-за пальм.

– Посмотри. Там что-то горит?

– Думаю, что нет, – засмеялся Джедд. – Ты ведь не хочешь пройти мимо лучшей на острове кухни?

Когда они подошли ближе, Вилли увидела грубое простое строение, повернутое задней стеной к берегу.

– Войдем. Я хочу угостить тебя ленчем, – сказал Джедд.

Он усадил ее за такой же простой грубый стол с двумя стульями. Здесь, в этом временном баре, было установлено несколько вентиляторов, а два молодых парня готовили рыбу за дверью, прямо на костре.

Джедда, словно старого приятеля, приветствовал хозяин заведения. Они говорили по-испански, и все, что Вилли поняла, – это то, что Джедд справился о здоровье его семьи.

– Меню Мигеля ограничено, но все, что здесь готовится, не более часа назад еще плавало в море, – сказал Джедд Вилли.

Еще один сюрприз, подумала Вилли. Она всегда представляла себе Джедда в окружении роскоши, в шикарных ресторанах, в каких

он любил бывать в Палм-Спрингс, но здесь, в этом простом заведении, он выглядел совсем другим.

Она стала говорить ему о цели своего приезда, но он перебил ее, сказав, что они после поговорят о деле, а пока будут наслаждаться прекрасным днем и кухней Мигеля.

Когда перед ними на столе появились глиняные тарелки с рыбой и ломтиками свежего лимона, Вилли почувствовала, как она проголодалась. Она энергично принялась за еду. Рыба была восхитительной, а холодное пиво отлично сочеталось с сочными креветками и сладкими деликатесными крабами.

Джедд с улыбкой наблюдал за ней.

– Ты знаешь, что я думаю о тебе, Вилли?

– Что? – спросила она, вытирая ладонью подбородок.

– Ты умна и красива, но это не все. Ты можешь быть настоящей головной болью, но и это еще не все. Самое главное, что ты нужна мне. И знаешь почему?

– Надеюсь, ты скажешь мне.

– Потому что я совсем не обижаюсь на тебя и хочу показать тебе, как можно наслаждаться жизнью.

Она чуть не сказала ему, что кроме наслаждений в жизни есть и другие вещи, но промолчала, доедая последний кусочек рыбы и любуясь сине-зелеными водами Атлантического океана. Утолив голод, она подумала о том, как мало удовольствий было у нее и как чудесно она всегда проводила время с Джеддом. Эта мысль беспокоила ее, увлекая в опасном направлении.

Чтобы отвлечься от нежелательных мыслей, она вновь попыталась поговорить с ним о деле, но Джедд опять остановил ее.

– Чуть позже. Мне нужно еще кое-что показать тебе.

Он уплатил по счету и что-то сказал двум парням Мигеля, которые тут же скрылись в густой зелени, но вскоре появились, ведя за собой двух лошадей, – белого жеребца и гнедого мерина.

Вилли потянулась было к белому, но Джедд покачал головой.

– Возьми Эль Роджо, – сказал он, – Этот мерин благосклонен к красивым женщинам и точно выполняет все команды. Жеребец немного своенравный, ты можешь с ним не справиться.

Вилли вскочила на мерина и поскакала навстречу прибою, сразу ощутив легкость и радость, и освежающее прикосновение ветра на

лице. Лошадь вела себя послушно, и, когда Вилли слегка сжала ей бока, она перешла на легкий галоп. Вилли видела, как напряглись мышцы на руках Джедда, когда он пытался урезонить не в меру резвого жеребца, сразу пустившегося в галоп. Наконец ему удалось укоротить поводья на мощной шее жеребца, и тот подчинился ему.

– Ты производишь впечатление хорошего наездника, – улыбнулась Вилли.

– Это не совсем так. Иногда Эль Бланко устраивает мне сущий ад, а иногда он послушный. Но, как бы там ни было, мы с ним друзья... Совсем, как я и ты, Вилли.

На какое-то время Вилли совсем забыла, зачем она здесь. Она отключилась от всего, целиком отдавшись скачке, наслаждаясь видом сверкающего на солнце океана и голубого чистого неба над ним. Ей было так приятно вдыхать острый морской запах и подставлять лицо ласкающему ветерку.

Солнце стало клониться к закату, когда Джедд повернул лошадь и направил ее прочь от берега. Вилли последовала за ним, вверх по извивающейся горной тропе, пока они не достигли вершины, откуда открывался прекрасный вид на всю полосу побережья.

Они вместе смотрели, как солнце опускается за горизонт, меняя цвет. Сначала оно было оранжевым, потом красным, пока не стало темно-пурпурным.

Когда стемнело, воздух наполнился ночными звуками. Дело Софии аль-Рахман в Нью-Йорке как будто отошло на задний план, и сейчас Вилли никак не могла собраться, чтобы поговорить с Джеддом о том, что он назвал ее "делом".

– Спасибо, – сказала она ему. – Это был чудесный день.

– Я рад, – сказал он и добавил, взяв ее за руку. – Я просто хотел показать тебе, чего ты лишаешь себя.

Когда они вернулись к месту строительства, Джедд с присущей ему грацией спрыгнул с коня. Потом он подал руку Вилли и помог спуститься ей. Они подошли к пустынному и освещенному трейлеру и сели возле него.

– Ну, ладно, – сказал Джедд. – Я готов внимательно тебя выслушать. Чем я могу помочь тебе?

– Мне нужна информация для моего клиента.

– Какого рода? – спросил он, его темные глаза смотрели настороженно.

– Эта женщина замужем за человеком, который связан бизнесом с твоим отцом. Его зовут Шейх аль-Рахман.

– Мой отец связан со множеством людей, – уклончиво ответил Джедд.

– Но Шейх аль-Рахман – не "множество людей". Он очень богатый и могущественный человек. Он является акционером гостиниц Фонтана в Саудовской Аравии. Его жена сказала мне, что он дружит с твоим отцом, и Сэм часто бывал у них в гостях в Саудовской Аравии.

Выражение лица Джедда не изменилось, и Вилли поняла, что ей придется еще многое рассказать ему, прежде чем он захочет отвечать. Она вкратце передала ему историю замужества Софии со всеми ее проблемами.

– Я зашла в тупик, Джедд. Я старалась действовать против Шейха в соответствии с законом, но каждый раз, когда я думала, что он в моих руках, он применял очередную хитрость и ускользал от меня.

– Но почему ты пришла ко мне? – спросил Джедд. – Или ты думаешь, что я имею влияние на Департамент Штатов?

– Нет, дело не в этом. Если ты знаком с Шейхом, ты знаешь, что это за человек. Я надеялась, что ты, возможно, имеешь доступ к определенной информации... которую я смогла бы использовать против него... которая помогла бы мне сразить его.

– Стоп, – сказал Джедд. – Правильно ли я расслышал? Та ли это Вилли Делайе, которую я знал и которая так много говорила о шантаже? Та ли эта женщина, которая превратила мою жизнь в ад только потому, что моя семья, может быть, – да, только может быть, – не всегда делала то, что позволял закон?

– Ладно, – тихо сказала она. – Я понимаю, что то, о чем я прошу, не совсем хорошо. Но я имею дело со злым человеком, Джедд, и я не вижу другого пути бороться с ним.

Джедд встал и прошелся вдоль трейлера.

– Допустим, что информация, которую ты просишь, существует, хотя я в этом и не уверен. Но, передав ее тебе, я тем самым предаю товарища отца? – Он замолчал. – Попроси меня о чем-нибудь другом, что мне под силу.

Вилли боролась со своей гордостью, напоминая себе, что она здесь ради Софии и не может уехать обратно с пустыми руками.

– Джедд, я повторяю тебе, что моя первая задача – помогать своим клиентам. Муж Софии искалечил ей жизнь, он унижал и терроризировал ее, а сейчас хочет выйти из игры, ничего не потеряв. Ты должен ей помочь... Пожалуйста.

Джедд посмотрел на нее и странно улыбнулся.

– Я рад был бы тебе помочь, Вилли, но то, о чем ты просишь, – невозможно.

Она стояла некоторое время неподвижно.

– Тогда иди ты к черту! – сказала она и пошла прочь от трейлера, ни разу не обернувшись.

Я должна была это предвидеть, твердила она себе, возвращаясь в Нью-Йорк. Она была очень сердита на себя и разочарована. Несмотря на все заверения в любви, Джедд отказал ей. И во всем виновата его семья, которая все время стоит между ними.

Она убеждала себя, что не нуждается в его помощи. Возможно, это будет дольше, но я получу все, что мне нужно, думала она. Она позвонила Ларри Кьюсаку и сказала ему, чтобы он интенсивно занимался изучением личности Шейха аль-Рахмана.

– Мне нужна грязь, Ларри, – спокойно сказала она. – И чем она будет гуще, тем лучше. Мне нужно нечто, что вынудило бы его правительство отказаться от него...

Кьюсак присвистнул.

– Это необычное дело, адвокат.

В его словах не было осуждения – только вопрос.

– Да, это необычное дело, Ларри, – сказала она. – Я уже поняла, что закон не всегда достаточно хорош. Особенно тогда, когда другие пытаются управлять им по-своему.

В течение двух последующих недель Вилли скрывалась от Филипа Баннистера, избегая необходимости сесть за стол переговоров. Она не могла признать свое поражение. Если она выиграет время, возможно, Кьюсак добудет для нее полезную информацию.

Она была предельно занята делом, которое захватило ее целиком и казалось самым тяжелым из всех, которые у нее до сих пор были. Параллельно она вела другие дела, над которыми усердно работала. Казалось, что сутки уменьшились. Она часто оставалась в офисе до

полуночи, но она привыкла никогда не торопиться в своей работе и делать ее тщательно. Ее никогда не волновало, что работа поглотила все ее время, всю молодость. Единственное, чего бы она хотела, – это вырваться на несколько дней к матери.

Она, по меньшей мере раз в неделю, говорила с ней по телефону. Но, как никогда, чувствовала необходимость быть сейчас рядом с Джинни. Время не стоит на месте, думала Вилли, и в один день окажется, что ее мать постарела.

Она стала еще больше работать над делом Софии, не исключая самого худшего, – что оно может быть проиграно. Она стала более требовательной к своим коллегам и заставляла их работать еще усерднее. Хотя Вилли всегда гордилась атмосферой в своей фирме, сейчас впервые она стала ощущать недовольство коллег предельной загруженностью. Но когда Памела Белзер коснулась этого вопроса на собрании отдела, Вилли резко заметила ей:

– Если вы собирались работать спустя рукава, то выбрали не подходящее для этого место.

Ответ Памелы был холодным и лаконичным. Она просто встала и вышла из комнаты. Остальные сотрудники смущенно продолжали сидеть, и сконфуженной Вилли ничего не оставалось, как объявить собрание закрытым.

Вилли сразу же пошла извиниться перед Памелой.

– Я была не права, так разговаривая с вами, – сказала она. – Особенно перед всем отделом.

– Извинения принимаются, – ответила Памела. – Но я давно хотела поговорить с вами. Я серьезно отношусь к своей работе и никогда не делаю ее, как вы сказали, спустя рукава. Просто я придерживаюсь мнения, что имею право не только работать, но и жить. Если это для вас одно и то же, это ваше личное дело, но если вы ставите это условием моего здесь пребывания, то давайте пожмем друг другу руки и распрощаемся. Я очень уважаю вас, Вилли, но не желаю быть вашим аналогом.

Вилли была ошеломлена. Однажды она уже слышала, как один из сотрудников назвал ее списанной женщиной, но она никогда не могла себе представить, что способный и ценный работник мог быть настолько не удовлетворен ею, что решился бы уйти с работы. Она вспомнила, как часто точно так же кипела недовольством, отправляясь

на работу в контору Гарригана. Неужели она такая же бесчувственная, как и Гарриган, по отношению к людям, которые рядом работают?

– Я также уважаю вас, Памела, – сказала она. – Я не хотела бы вас потерять. Если вы считаете мои требования слишком высокими, возможно, пришло время нанять дополнительный штат.

Вернувшись к себе в кабинет, она обнаружила на столе большой конверт, который принес посыльный. На нем стояла надпись: "Лично и секретно". Обратного адреса не было.

Внутри она обнаружила газетную вырезку, в которой сообщалось, что в Палм-Спрингс при невыясненных обстоятельствах погибла девушка, установлено только, что она была на вечеринке у Сэма Фонтана. Кроме вырезки в конверте лежало несколько фотографий, на которых Шейх аль-Рахман предавался порочным удовольствиям с разными молодыми женщинами. У одной из них на голове был черный мешок, руки были связаны, а горло перетянута тяжелым удушающим воротником. Вилли пришла в ужас, рассматривая эти фотографии ярко выраженного садо-мазохистского характера, снятые по личному сценарию Шейха аль-Рахмана, перешедшего все границы дозволенного.

Но вскоре ужас и отвращение сменились триумфом. То, что она держала в руках, являлось неопровержимой уликой. Фотографии, конечно, не доказывали участие Шейха в убийстве, но, несомненно, были оружием, против которого у него не было защиты. Если она пригрозит ему публикацией этих снимков в "Нью-Йорк таймс" или другой ведущей газете, Шейх поймет, что это грозит ему концом политической карьеры в Саудовской Аравии. Правительство Вахаби еще могло бы закрыть глаза на то, как лучшие люди страны проводят время за границей, но большой скандал по поводу сексуальных извращений мог бы лишить Шейха благосклонности короля, благодаря которой он построил свою империю бизнеса.

Хотя Филип Баннистер и был удивлен желанию Вилли встретиться, но не подал виду. Он был полностью уверен в своем преимуществе. Благодаря присущей ему манере работать, он снискал себе репутацию "адвоката-джентльмена". Предложенные им условия развода оставляли Софию без единого пенни.

Вилли вежливо выслушала его, и, когда он закончил, отрицательно покачала головой.

– Это совсем не совпадает с моим мнением, адвокат. Взгляните на этот конверт, и тогда мы начнем заново.

Она бросила ему через большой стол из орехового дерева конверт с фотографиями и стала ждать, пока Баннистер ознакомился с его содержимым. Будучи профессионалом, он не выразил никаких эмоций. Когда он заговорил, его голос оставался таким же сильным и уверенным.

– Это интересный материал, адвокат. Вы мастер готовить разводы на почве прелюбодеяний...

– Я и не думаю использовать это в суде, – перебила его Вилли. – Они нужны мне для другого. Так как мистер аль-Рахман собирается оставить моего клиента без денег, я думаю, у нее найдется пара долларов, чтобы опубликовать эти снимки в газете. Это окажется интересным материалом для Саудовской Аравии. Вы не находите? Я думаю, королевскому дому будет любопытно посмотреть, как мистер аль-Рахман проводит на Западе свой досуг...

Баннистер открыл было рот, но передумал говорить. Он смотрел на молодую красивую женщину, которая сладко улыбалась ему, сидя напротив.

– Можно взглянуть на ваши условия? – наконец сказал он.

Вилли достала из папки бумагу и протянула ему. Он пробежал ее глазами и поднялся со своего стула.

– Извините, мне надо переговорить со своим клиентом по телефону.

– Кроме того, – сказала Вилли. – Я настаиваю на том, чтобы его счета в нашей стране оставались замороженными до окончания процесса развода.

Баннистер отсутствовал около четверти часа. Вернувшись, он просто сказал:

– Мой клиент согласен с вашими условиями. Я сегодня же составлю все необходимые бумаги и перешлю к вам в офис.

Вилли собрала фотографии и документы обратно в папку и пожелала Баннистеру удачного дня. Когда она покидала его офис, то отметила, что у Филипа Баннистера не было даже сил пожать ей руку.

ГЛАВА 3

Спускаясь по ступенькам здания суда, Вилли одной рукой крепко сжимала руку Софии, а другой прикрывала глаза от слепящих вспышек собравшихся фоторепортеров.

– Как вы чувствуете себя, миссис аль-Рахман, получив подарок в пятнадцать миллионов долларов? – спросил один из них.

– Это не подарок, – ответила ему Вилли. – Это военные трофеи. По моему мнению, было бы очень хорошо, если бы мистер аль-Рахман был объявлен банкротом не только в финансовом отношении, но и в нравственном.

Репортеры, жаждущие получить свежую и сенсационную информацию, не давали им прохода.

– Правда ли, что ваш муж привлекал к своим оргиям американских политиков?

– Больше никаких комментариев, – сказала Вилли, стараясь не отставать от телохранителей Софии, которые расчищали дорогу в толпе репортеров и любопытствующих зевак.

София, потрясающе красивая и гордая своей победой над человеком, который издевался над ней, махала толпе рукой. Вилли чувствовала себя опустошенной. Хотя публикации о делах, над которыми она работала, часто мелькали в газетах, она все еще ненавидела сенсацию, так как все эти статьи большой упор делали на щекотливые подробности личной жизни ее клиентов, нежели на основное – достижение равноправия сторон в браке.

Наконец они добрались до ожидающего их лимузина, и Вилли села рядом с Софией.

– Ну вот, все закончилось, – вздохнула София. – Но когда я думаю, что могло бы случиться...

– Не думайте об этом. Если что и случилось, так это то, что вы свободны, – ободряюще сказала Вилли, хотя были моменты, когда она со страхом думала о возможной мести Шейха. Она и до этого встречалась со мстительными мужьями, но ни один не был столь богат и могущественен, как Шейх аль-Рахман. Но, несмотря на это, она все-таки смогла одержать над ним победу. Теперь она получит гонорар, достаточный для того, чтобы бесплатно обслужить сотни клиентов... И

все-таки победа оставила горький привкус из-за не совсем чистых методов, с помощью которых она была достигнута.

– Как мне отблагодарить вас? – спросила София. – Я остаюсь в Нью-Йорке, и все, что в моих силах, я готова для вас сделать...

Вилли думала о том, что многие ее клиенты точно так же предлагали ей свою помощь, но почти все они, кроме, пожалуй, Мэрион Сильверстен, забывали даже поздравить ее с Рождеством. Они замыкались в собственной жизни, и многие так же быстро забывали ее, как и ту болезненную историю, которую им пришлось пережить.

Приехав к себе в офис, Вилли прошла через вращающуюся дверь, перебирая в голове дела, которые ее ждали, но вдруг резко повернулась и вышла. Хватит, решила она, на сегодня больше никаких проблем, которые, как ей иногда казалось, только для того и существовали, чтобы разбивать ей сердце.

Она долго бесцельно бродила по улицам, пока не почувствовала, что очень устала. Зайдя в попавшийся по дороге бар, она села в углу за столик и заказала себе виски. Алкоголь подействовал на нее, как снотворное. Ее глаза почти слипались, когда она вдруг услышала свое имя. Оглянувшись вокруг, она увидела на экране телевизора личико Софии.

– Эта дама получила пятнадцать миллионов баксов, – сказал мужчина за стойкой, обращаясь к бармену. – Хотел бы я очутиться на ее месте.

– Да, – улыбнулся бармен. – Вот почему я все еще холост. С женщинами лучше не связываться. Если не будешь осмотрительным, они живо захватят тебя в свои сети и точка – сразу же отправят в химчистку.

В какой-то момент Вилли хотела встать и прочесть ему лекцию, но ее вдруг охватило безразличие. Неудивительно, подумала она, что мужчина и женщина не могут ужиться. Если они не заняты любовью, то выглядят настоящими врагами, которые даже не могут разговаривать на одном языке.

После второй порции виски она пришла к выводу, что войне между полами никогда не будет конца. Всю свою карьеру она строила на том, чтобы защитить женщин от совершенных ими ошибок. Она уменьшала их боль и страдания. Когда-то Вилли верила, что достаточно знать правду и бороться за нее, чисто и открыто, следуя

букве закона. Однако, спасая от гибели Софию как личность, а возможно, и саму ее жизнь, ей пришлось преступить закон. И хотя это помогло во многом прояснить дело, ее все время мучил один вопрос – где граница дозволенного?

Вилли только собиралась уйти на ленч, как ее позвали к телефону. Вилли попросила своего секретаря ответить на звонок, но та обеспокоенно покачала головой.

– Прошу прощения, Вилли, но боюсь, что сейчас лучше ответить вам самой.

Вилли с тревогой посмотрела на нее, почувствовав неладное, и, вернувшись к столу, подняла трубку.

– Вас беспокоит Департамент полиции Палм-Спрингс, – сказал мужской голос.

У Вилли упало сердце. В глубине души она уже знала, что ей предстоит услышать.

– Прошлой ночью... ваша мать... сожалею, – и наконец ужасное, бесповоротное – "умерла".

В глазах у нее потемнело, комната, казалось, закружилась вместе с ней. Земля ушла из-под ног, и Вилли упала на стол.

Очнувшись, она обнаружила, что лежит на кожаном диване в своем офисе в окружении коллег. В первый момент она не могла понять, как она оказалась на диване и почему ее секретарь и сотрудники столпились вокруг и смотрят так сочувственно.

– Мне очень жаль, – сказала Памела Белзер, беря ее за руку. – Чем я могу помочь вам?

Вилли все вспомнила. Она снова слышала голос полицейского. Потом ее мысли снова куда-то унеслись. Она представляла свою мать в полном одиночестве, отчаявшуюся и беззащитную до такой степени, что ей не хотелось больше жить. Если бы только она могла быть там с ней...

Вилли резко поднялась, словно хотела сию минуту бежать к ней, но у нее снова закружилась голова.

– Может быть, вызвать врача? – предложила Памела.

– Нет, – сказала Вилли, усилием воли заставляя себя подняться. – Я должна идти... Я нужна маме...

Ее единственной мыслью было скорее попасть в Палм-Спрингс. Может быть, это было ложью или ошибкой... И Джинни еще жива...

Нет, конечно, на это нет никакой надежды. Она почувствовала, что ей сейчас надо как-то совладать с собой, осознать, что случилось непоправимое, и найти в себе силы, которые нужны были ей сейчас, чтобы что-то предпринять.

Надо спешить, уговаривала она себя, собирая сумку. Ее движения были тяжелыми и сонными, а тело не слушалось. И когда она, Наконец, поняла, что находится в кресле самолета, то не могла вспомнить, как очутилась здесь.

В холодном морге, куда ее привел сержант, Вилли опознала труп своей матери. У нее была ссадина на одной щеке, но выражение лица Джинни было спокойным, как у спящего ребенка.

– Мама... – шептала Вилли, глядя пальцами ее холодное лицо.

– Мэм... – обратился вежливо сержант и, взяв ее под руку, вывел из морга.

– Как это случилось? – наконец, спросила Вилли.

– В восемь утра нам позвонила ее домработница. За четыре часа до этого ваша мать уже была мертва. Она приняла большую дозу транквилизаторов. Мы так и не нашли мотивов ее поступка, поэтому медицинская экспертиза сделала заключение, что это – несчастный случай...

Наступила тишина. Смысл сказанного стал доходить до Вилли. Ее мать совершила самоубийство! Но почему? Была ли веская причина, или ей просто не хотелось больше жить?

– Мэм...

– Да? – С застывшей в глазах болью Вилли смотрела на полицейского.

– Мне очень не хотелось бы беспокоить вас в такой момент, но я прошу вас пройти со мной в управление.

– Зачем?

– Мы хотим, чтобы вы опознали некоторые драгоценности. Мы думаем, что они, возможно, принадлежали покойной.

– Не понимаю... Почему вы сомневаетесь? Если вы нашли их у нее...

– Поймите меня правильно, – перебил ее полицейский, – я действую согласно инструкции.

По дороге в полицейское управление сержант объяснил ей, что в последнюю ночь своей жизни Джинни была не одна. Домработница

видела, как она ночью возвращалась с мужчиной.

Боль пронзила Вилли, когда она вспомнила ссадину на щеке матери.

– Вы подозреваете, что ее ограбили?

– Мы пока ничего не можем утверждать, – сказал полицейский. – Мы задержали этого парня. Он был пьян и шумел. У него оказалось с полдюжины этих вещичек – бриллиантовая заколка и несколько пар серег. Мы думаем, что они украдены, но он клянется, что леди была его подругой и сама подарила их. Он не хотел называть своего имени до тех пор, пока мы не предъявили ему обвинения и не сказали, что леди умерла... Я действительно сожалею, мэм, что мне приходится рассказывать вам все это, но похоже, что ваша мать подцепила этого типа в баре и привела его домой. Он говорит, что попросил у нее денег, и когда обнаружилось, что у нее нет достаточной суммы, он взял драгоценности. Мы беседовали с домработницей и барменом, и они сказали...

Полицейский продолжал говорить, но Вилли было невыносимо его слушать. Она представляла себе мать, одинокую, лишенную друзей, проводящую за телевизором скучные дни и бессонные ночи в ненужной роскоши большого пустого дома или уходящей от тоски в бар, где она подбирала незнакомцев...

Когда Вилли вспомнила, как Джинни уверяла ее, что у нее все в порядке, работа по обучению кройке и шитью идет прекрасно, причем, говорила это бодрым и уверенным голосом, она почувствовала в сердце острую нестерпимую боль, словно его разрывали на миллион частичек.

Сержант показал Вилли драгоценности. Вот заколка с бриллиантом, которая была на Джинни в день открытия "Серебряного экрана". Вилли узнала изумрудные серьги, которые Нил подарил жене на годовщину свадьбы. Ее затрясло от ярости. Эти вещи, которые когда-то заставляли глаза Джинни блестеть от удовольствия, были отняты у нее вместе с доверием и самоуважением.

Совершив все формальности, Вилли, переполненная горем и чувством собственной вины, ушла из полицейского участка. Она терзала себя тем, что должна была это предвидеть...

Вилли остановилась в мотеле, не имея желаний идти в дом, который никогда не был для нее родным, он стал лишь залом ожидания

для матери после развода с Нилом и до ее смерти.

В номере мотеля было душно. Вилли чувствовала себя полностью разбитой и не в состоянии была заниматься делами, которые кроме нее никому было сделать. Чтобы подбодрить себя, она приняла душ. Потом, завернувшись в полотенце, упала без сил на кровать. Ее бил озноб, несмотря на духоту и жару.

В дверь постучали.

– Кто там? – откликнулась Вилли.

– Я хозяйка мотеля, – ответил женский голос. – Можно войти?

Вилли открыла дверь и пропустила в комнату седую женщину, которая принесла тарелку со льдом и содовую.

– Извините меня, – застенчиво сказала она. – Я подумала, что вам может быть, захочется чего-нибудь прохладительного... Погода такая жаркая...

Спасибо, – сказала Вилли и полезла за кошельком.

– О, нет, – поспешно остановила ее женщина. – Это совсем не обязательно.

Она поставила воду и лед на ночной столик, но уходить не торопилась.

– Что-нибудь еще? – спросила Вилли, делая над собой усилие. Больше всего ей хотелось, чтобы женщина поскорее ушла.

Та стояла в нерешительности, прикусив губу. Наконец она заговорила.

– Вы Вилли Делайе, не так ли? Адвокат? Я видела вас по телевизору. Вы совершили просто чудо для жены Шейха...

Вилли продолжала молчать.

– Я не хотела беспокоить вас. Мой муж пришел бы в ярость, если бы узнал, что я обратилась к нашему клиенту по делу. Но когда я увидела вас, я поняла, что это – знамение Божье...

Вилли знала, что последует за этим, но у нее не было сейчас сил помогать кому-либо – даже себе самой. Но и остановить женщину не хватило смелости.

– Это касается моей дочери, – продолжала хозяйка. – Ее муж – пьяница. Она ужасно страдает. Я взяла ее к себе, но Ларри пригрозил, что, если она не вернется домой, она никогда не увидит своего маленького сына. Он способен сделать это, мисс, моя дочь знает... Не можете ли вы что-нибудь сделать для нее?

Вилли смотрела в полные слез глаза женщины и чувствовала себя брошенной в водоворот мучений, тревог и боли. Она хотела сказать этой женщине, что у ее дочери есть все средства для защиты и борьбы, но не могла произнести ни слова. Она почувствовала на своих щеках теплоту слез и услышала бешеный стук своего сердца. Тяжелая беспомощность навалилась на нее.

Женщина с тревогой посмотрела на нее.

– Господи! Мисс Делайе, вам нехорошо?

Вилли вздохнула и сделала глубокий вдох, будто ей не хватало воздуха.

– Я просто очень устала... Я...

– О, Боже! И я еще пристаю к вам. Извините, мисс, что побеспокоила вас.

Женщина вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Вилли легла на кровать и закрыла глаза, пытаясь успокоиться. Прошел час, потом еще один. Наступила ночь – тихая, прохладная и полная одиночества. Неужели и Джинни чувствовала то же самое – безысходность и ужасную парализующую тяжесть? Сколько людей умирает в такие одинокие ночи? Сколько их, измученных и уставших от жизни?

Вилли была единственной, кроме священника, кто присутствовал на отпевании Джинни. Она сидела вся в черном, скорбящая, с мокрым от слез лицом. Она просталась с матерью. Так часто они вместе противостояли всему миру, но сейчас они были просто вдвоем. В эти минуты, глядя на мать, лежащую в гробу, Вилли как никогда остро почувствовала свое одиночество.

Небольшая часовня была вся убрана цветами: два венка от юридической фирмы, остальные цветы Вилли заказала сама. Служитель пропел двадцать третий псалом, который она выбрала специально, потому что в нем говорилось об ушедшем детстве и были молитвы, обещающие покой и мир. Но у нее самой не было ни того, ни другого. Она не могла воскресить мать, чтобы попросить ее остаться.

Вилли старалась сосредоточиться на словах молитвы, но внутри у нее закипела ярость, перехватывая дыхание и не давая воздуху ни проникнуть в легкие, ни выйти оттуда. Неужели некому было обвинить бродягу в том, что он ударил и ограбил ее мать? Было невыносимо думать, что какое-то ничтожество уничтожило единственного

человека, кого Вилли безгранично любила. Ритуал закончился, и Вилли, с опущенной вниз головой, скованная горем и болью, вышла из часовни. Кто-то шагнул ей навстречу и дотронулся до плеча. Это был Джедд. Его взгляд был таким искренним, что Вилли покинули последние силы. Она упала ему на грудь и горько разрыдалась.

– Мне так жаль, Вилли, – шептал он снова и снова. И она верила ему. Из всех людей, которые знали ее мать, только Джедд Фонтана был сейчас рядом с ней.

– Как ты узнал? – спросила она позже.

– Моя сестра проводит отпуск в Палм-Спрингс. Она прочла в газете и решила, что мне следует знать об этом. Я никогда не говорил о тебе с Сэмом, но в течение всех этих лет часто делился со своей сестрой... Я вылетел сразу же, как она мне позвонила. Вилли... чем я могу тебе помочь?

– Просто будь со мной рядом, – прошептала она. – Мне невыносимо оставаться одной.

Именно сильная рука Джедда держала Вилли, когда она наклонилась, чтобы положить цветы на гроб матери. Именно Джедд поддерживал ее, когда по дороге с кладбища ноги у нее подкашивались.

Он привез Вилли домой и открыл дверь ключом, который она молча ему подала. Она тихо бродила по дому, пытаясь найти что-нибудь, напоминающее о матери. Но дом был безупречно пуст, и ничто здесь не говорило ни о жизни Джинни, ни о ее смерти.

– Вилли... может быть, ты немного отдохнешь, а мне позволь позаботиться о делах. Только скажи мне, что нужно делать, – предложил Джедд.

– Нет, я хочу посмотреть мамины вещи... потрогать их. Это все, что у меня осталось.

В ящике стола она нашла завещание Джинни, составленное год назад. Это был простой документ, согласно которому Джинни все оставляла Вилли, за исключением небольшой стипендии, которую она назначила католическому приюту, – "для талантливых и целеустремленных девочек, которые заслуживают ее".

Вилли покопалась в памяти, стараясь вспомнить, не было ли никаких причин, побудивших Джинни составить завещание. Но все, что она могла вспомнить за прошедший год, – это был приезд Джинни

в Нью-Йорк. Тогда Вилли взяла несколько дней отпуска и поводила мать по самым лучшим ресторанам и на самые популярные выставки Бродвея. Вилли предложила ей тогда остаться.

– У меня сейчас такая большая квартира, мама, – сказала она. – Ты будешь иметь свою комнату и жить независимо...

– У меня все это есть, родная, – ответила ей Джинни. – Я очень горжусь тобой. Ты заслуживаешь самого наилучшего.

Думала ли она уже тогда закончить свою жизнь таким образом? Считала ли она смерть единственным выходом, чтобы не обременять свою дочь?

Вилли снова стала плакать, вспоминая все это. Джедд нежно обнимал ее, гладил по волосам, вытирая слезы, которые непрестанно лились из ее глаз. Потом он заварил на кухне чай и заставил ее выпить целую чашку.

Он последовал за ней, когда она пошла в спальню Джинни. Он знал, как тяжело ей будет заходить туда. С благоговением Вилли перебирала платья Джинни, откладывая те, которые собиралась забрать с собой в Нью-Йорк. Когда она дошла до шифонового, сшитого с большим Вкусом, она, несмотря на свою боль, улыбнулась.

– В нем вся моя мама, – нежно сказала она. Джедд кивнул, словно понял, что она имеет в виду.

В старой шкатулке, которая, казалось, попала случайно в эту роскошную спальню, она нашла фотографию, которую не видела уже много лет. На снимке Перри обнимал мать за плечи. Она показала снимок Джедду.

– Тогда, мама была счастлива. Это видно по выражению ее лица. Причем, счастливее, чем я ее когда-либо видела.

Внезапно она пришла к выводу, что если бы ее отец был добрым к Джинни, то она жила бы с ним со спокойным сердцем, защищенная от действительности, с которой так и не смогла справиться. Вирджиния Делайе принадлежала только Белл Фуршу и могла жить только там. Покинув место, которое было ее настоящим домом, она везде оставалась чужой... и искала любви среди чужих людей.

Как долго и как тяжело придется бороться с таким наследием, подумала Вилли. И что делать, чтобы освободиться от него?

– Знаешь, – сказала она Джедду. – Ты был прав в отношении меня. Если я убегала от тебя, то это не потому, что ты поступал так, а не

иначе. Все дело во мне. Я всегда боялась... Она любила его, – сказала она, указывая на фотографию. – Если бы он хоть немного понимал ее...

Джедд прикоснулся к ее щеке.

– Но я ведь не твой отец, Вилли. А ты – не твоя мать.

– Я знаю, – сказала она. – Когда ты прислал мне те фотографии и помог с делом аль-Рахмана, я пришла к выводу, что ты понимаешь меня.

– Я не хочу говорить об этом, – сказал Джедд.

– Почему? – воскликнула она. – Я ведь знаю, как нелегко тебе было это сделать...

– Так или иначе, я помог тебе, – тихо сказал он. – Я люблю тебя, Вилли. Для меня нет ничего лучшего, чем знать, что ты счастлива. Для меня этого достаточно. Ты не можешь меня изменить, поэтому прими меня таким, какой я есть. Потому что, если ты будешь искать совершенства, которого не было у твоего Отца ни в его отношении к тебе, ни к твоей матери, у тебя останется мало шансов найти любовь.

В полудреме наблюдая за игрой огня в камине и перебирая в памяти события минувшего дня, такого тяжелого и скорбного, Вилли лежала на диване в гостиной, положив голову на колени Джедду. Она нуждалась в нем. Он весь день был рядом, поддерживал ее и становился неприметным, когда она хотела побыть наедине со своими мыслями. Вечером он приготовил ужин и уговорил ее немного поесть.

Утром Джедд отвез Вилли в мотель. Она собрала свои вещи и пошла в комнату хозяйки, чтобы оплатить счет.

– Я хочу извиниться за вчерашний день, – сказала ей Вилли. – Я сожалею, что все так произошло.

– Все в порядке, – сказала хозяйка. – Вы такая известная женщина... У вас, наверно, есть более важные дела, чем заниматься нами...

– Нет, – возразила Вилли. – Это не так. Для меня все в одинаковой мере важны. Ваша дочь нуждается в помощи, и я готова помочь ей. Как только я вернусь в Нью-Йорк, кто-нибудь из моего офиса свяжется с вами.

Дорога в аэропорт показалась ей короткой.

– Спасибо за все, – сказала Вилли Джедду. – Твое присутствие так мне помогло. Мне так не хочется прощаться с тобой...

Джедд обнял ее и легко поцеловал.

– И не прощайся... – Он взъерошил ей волосы. – Ты услышишь обо мне раньше, чем думаешь. В скором времени мне понадобится хороший адвокат, вроде тебя.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы поговорим об этом позже. А сейчас поспеши, а то опоздаешь на свой самолет.

– Джедд. Ты в затруднительном положении? – настаивала она.

– Не больше, чем обычно, – улыбнулся он.

– Тогда скажи мне...

– В следующий раз...

Последний раз объявили посадку, и Вилли нехотя пошла к самолету.

Уже в воздухе она подумала, что всегда отвергала Джедда за то, каким он был и как поступал. Сейчас он дал понять ей, что его семья, так же, как и он, готова помочь ей. Он любил ее – она как никогда это чувствовала. Но он остался прежним. А что она? Готова она любить его, несмотря на то, что он таков, каков есть, каким был всегда?

ГЛАВА 4

Окружающие старались быть добрыми и внимательными к ней, но их постоянная забота только лишней раз напоминала ей об утрате. Ее коллеги, не считаясь со временем, занимались ее делами, но перспектива сидеть без работы казалась больше тревожной, чем успокоительной.

Вскоре у нее выработалась привычка приходить на работу рано, гораздо раньше, чем она обычно приходила. Она старалась полностью погрузиться в работу, как она делала раньше, когда ей было трудно или плохо. Но сейчас это средство помогало просто заполнить часы, не снимая боли. Порой ей казалось, что она потеряла не только мать, но и какую-то часть себя.

Она работала, словно слепая, встречаясь с клиентами, посещая суд. Она стала часто забывать, что сказала или что делала в какой-то промежуток времени. Несмотря на то, что она возвращалась домой далеко полночь, уставшая, ее сны были полны кошмаров. Она видела одно и то же – горы и пустыни, среди которых ехали они с Джинни в автомобиле Бена Каттоу, встревоженные и озабоченные. К несчастью, автомобиль всегда ломался, и Вилли выходила, чтобы глянуть под капот. Ее мать уходила, и Вилли начинала кричать, оставаясь одна. Она просыпалась с мокрым от пота и слез лицом.

Она почти ничего не ела и очень похудела. Черты лица как-то заострились, и на нем стали появляться морщинки.

Однажды вечером, сидя за столом и разбирая свои записи по новому делу, она с ужасом обнаружила, что ничего существенного не записала. Она стала лихорадочно припоминать все, о чем говорила клиент всего несколько дней назад во время их беседы. Но чем больше она пыталась сосредоточиться, тем меньше ей удавалось вспомнить.

Разбитая, она ушла из офиса и решила съездить к Мэрион Сильверстен. У Мэрион в квартире горел свет, и на звонок появилась она сама. Ее добрая улыбка подействовала на Вилли как бальзам.

– Вилли! Какой приятный сюрприз, – сказала Мэрион. – Я как раз собиралась вам звонить. – Потом, внимательно посмотрев на нее, она тревожно спросила. – Что-нибудь случилось, дорогая?

– Умерла моя мама, – произвольно вырвалось у Вилли.

– Мне искренне жаль, – сказала Мэрион, взяв Вилли под руку и ведя ее в гостиную. Здесь она взяла графин и наполнила два бокала, потом села рядом с Вилли.

– Расскажите мне все, Вилли.

Вилли как будто только этого и ждала. Она стала рассказывать о том, что накопилось за это время у нее в душе. Ее обычная гордая независимость отчаянно требовала утешения.

– Но почему вы не пришли раньше? – спросила Мэрион.

– Я как-то не подумала, – честно призналась Вилли.

– Дорогая моя. Почему, вы так изолируете себя? Вы помогли стольким людям. Почему вы думаете, что должны переносить все одна?

– Потому что мама верила людям, а они предали ее. Даже я... Я должна была быть там. Я смогла бы ей помочь. Она успокаивала меня, говоря, что у нее все в порядке, но это было не так. Я должна была предвидеть...

– Все равно вы не смогли бы ее удержать, – спокойно и твердо сказала Мэрион. – Вы не Бог, и вы не несете ответственность за все, что случается с людьми, о которых вы заботитесь. Я знаю, как сильно вы любили свою мать. Я могу себе представить, как она вас любила, как неразлучны вы были. Я уверена, ее сердце разорвалось бы, если бы она видела, как вы терзаете себя.

– Это так, – сказала Вилли с горечью. – Я более чем уверена в этом. Но, когда я была в Палм-Спрингс, у меня появилось чувство, что я не все сделала для мамы, что хотела бы. И, возможно, я смогла бы...

– Но вы любили ее, – перебила ее Мэрион. – И это все, что вы могли сделать. Вы давали ей намного больше, просто любя ее. Вы помогали ей настолько, насколько она разрешила вам это делать. Если вы сейчас в растерянности, то, может быть, это не так уж и плохо. – Она взяла Вилли за руку. – Я была в таком же состоянии после развода с Харви... Все изменится, Вилли. Нужно время. Возможно, эта перемена как раз и нужна вам? И перестаньте казнить себя за несчастливую жизнь вашей матери. Жизнь бывает спокойной только для святых... Вы хотите быть одной из них?

Вилли улыбнулась сквозь слезы такому сравнению.

– Вот так-то лучше, – с одобрением сказала Мэрион. – Я думаю, что вы сейчас нуждаетесь в друге. Я хочу, чтобы вы остались у меня,

пока не оправитесь. Позвольте мне помочь вам так же, как вы помогли когда-то мне. Помните?

Вилли кивнула. Она почувствовала какую-то детскую беспомощность и большое облегчение. Облегчение от того, что пришел конец ее одиночеству, и она может отдать себя в уверенные руки Мэрион.

Следующие две недели она прожила в новом доме Мэрион, где все свидетельствовало о безупречном вкусе хозяйки и ее неутомимой энергии. Так как теперь Вилли было куда идти, она стала раньше покидать офис, чтобы не опоздать к обеду, который готовил повар Мэрион и чудесно сервировал его в большой столовой, окна которой выходили в сад.

После обеда они с Мэрион долго беседовали. Однажды Вилли рассказала ей о своих отношениях с Джеддом.

Выслушав ее, Мэрион сказала:

– Пришло время забыть о прошлом, Вилли. Так или иначе, но мы все хотим быть похожими на своих родителей. Я тоже старалась походить на свою мать, потому что она с отцом была очень счастлива. Но Харви не был таким, как мой отец, и я пришла к тому, что стала тенью человека, который только использовал меня.

Вы идете другим путем, – продолжала она. – Вы видели несчастье вашей матери, поэтому постарайтесь извлечь из этого урок. Вы годы посвятили сбору подтверждений того, какими отвратительными могут быть отношения между мужчиной и Женщиной. Но ведь бывает и по-другому. Джедд похож на человека, который искренне заботится о вас, несмотря на все ваши придирки к нему. Я не хочу, чтобы одиночество, которое вы до сих пор предпочитали, стало бы вашим уделом в жизни. Я думаю, вы поступали так из страха повторить ошибки вашей матери. Однако средство, которое вы избрали, усердно и много работая, намного хуже, чем то, которого вы избегаете. Люди не умирают от несложившихся отношений, Вилли, но они могут угаснуть от недостатка любви. Подумайте об этом, пока у вас еще есть время.

Следовать советам – не было присуще Вилли. Но Мэрион являла собой живой пример того, как нужно вести себя в подобной ситуации. Как председатель совета директоров она играла активную роль в деятельности "Марко Интерпрайзиз", ее жизнь протекала в богатстве и комфорте. Кроме того, у нее появился друг. Искусно наложенный

макияж делал ее моложе лет на двенадцать. Судя по спокойному выражению лица Мэрион, ее связь с мужчиной была счастливой, и когда Вилли была однажды Приглашена на один из вечеров, который они проводили вместе, она не могла не заметить, какой живой и веселой становилась Мэрион в компании своего друга.

– Вы не боитесь, что это рано или поздно кончится? – спросила позже Вилли.

– Я иногда думаю об этом, – согласилась Мэрион. – Но сейчас я очень счастлива, и мне радостно. А какая есть альтернатива?

Действительно, какая? – спрашивала себя Вилли, вспоминая, как она отталкивала от себя Джедда.

Понемногу Вилли стала приходить в себя, и дела ее пошли веселее. Благодаря опеке Мэрион, она начала чувствовать вкус к жизни. Она ощутила разницу между обедом в уютной обстановке и обычным для нее сэндвичем, проглоченным наскоро. И разницу между шикарным и комфортабельным домом Мэрион и своей скромной квартирой.

Вместе с пробуждением чувств вернулся и интерес к работе. Ей нравилось больше, чем когда-либо, что благодаря своему мастерству она изменяет жизнь многих людей к лучшему. Она с нетерпением ждала конференции, где хотела выступить по женскому вопросу, а конкретно, по вопросу разводов, чтобы еще раз сразиться с Френсисом Алоисисом Гарриганом.

В конце концов, она сердечно поблагодарила Мэрион за то, что та вернула ее к жизни, и возвратилась в свою квартиру.

В первый же день, когда Вилли возобновила работу, она увидела в газете заметку, в которой сообщалось о внезапном исчезновении губернатора штата Монтана Фарли Джефферса. Он ушел из дома, где оставались его жена и дети, в воскресенье утром и до сих пор не вернулся. В воскресенье вечером его жена вызвала полицию и показала записку, в которой ее муж писал, что просит у нее прощение и ненавидит себя за то, что стал "таким", но обратного пути у него нет.

Жена рассказала полицейским, что последнее время ее муж выглядел угрюмым и замкнутым. А в предыдущую пятницу он провел несколько часов с кем-то из "Фонтана Интерпрайзиз", после чего пришел домой очень подавленный и сказал, что дела заходят слишком далеко. В газете сообщалось, что губернатор обменял в банке все свои

ценные бумаги, и позже его видели в аэропорту. Комментарий шефа полиции был краток: "Я сомневаюсь, что это дело связано с какими-то противоправными действиями. Мы, конечно, расследуем дело, но я уверен, что здесь имеют место чисто семейные проблемы".

Рядом публиковалась фотография Сэма Фонтана и статья "Кто заправляет в Монтане?" В ней Сэм характеризовался, как мультимиллиардер, который построил свою империю на вопиющей несправедливости, попирая все принципы человеческой морали.

Первое, что Вилли ощутила, дочитав статью до конца, было беспокойство за Джедда. Имеет ли эта история отношение к его словам о том, что ему в скором времени может понадобиться адвокат? Он просил ее тогда не повторять ошибок Джинни, но как далеко завела его преданность отцу и беззаветная вера в него?

Она отыскала Джедда, позвонив в офис корпорации Фонтана.

– Джедд, я читала сегодняшние газеты. Это та самая беда, о которой ты говорил? Насколько плохи твои дела?

– Не хуже, чем обычно, – сказал он после долгой паузы.

– Это не ответ, – настаивала она. – Я хочу помочь тебе.

Она услышала что-то похожее на хмыканье, но смешок прозвучал неестественно.

– Ты не шутишь? Сколько я тебя знаю, ты не упускала случая осудить меня, что бы я ни делал. Почему ты решила сейчас помочь мне?

Она хотела сказать потому, что любит его, но не смогла. Джедд мог пойти ради любви на все, а могла ли она?

– Не стоит ворошить прошлое. Если тебе нужна моя помощь, я здесь.

– Спасибо, Вилли, – сказал он, и голос его дрогнул. – Фонтана уже не раз преследовали. Это кончится, вот увидишь. Отец предпримет все необходимое. Все, что о нем говорят, – ложь.

Ей хотелось сказать ему: проснись, Джедд, пока не поздно, пока он не потянул тебя за собой...

– Ты так уверен? – сказала она. – Преданность – это одно, но слепая преданность...

– Кончай, Вилли, – перебил он ее. – Я сказал тебе, что ценю твою помощь, но никто не знает Моего отца лучше меня. Мы сделаем все, что необходимо... а потом я позвоню тебе.

Вилли продолжала внимательно следить за газетами. Однажды она увидела статью Ника Росситера о Фонтана под заголовком "Американские традиции". Статья была полна косвенных намеков, что было не в стиле Ника. "В Америке всегда были мультимиллионеры, – писал он. – Голды, Вандербилты, Рокфеллеры – мужчины, которые основали династии и приумножили свой капитал фактически благодаря искусству заниматься бизнесом, которое нельзя оправдать морально и нравственно. Сэм Фонтана является продолжателем этой американской традиции. Его имя связано с операциями, приносящими огромные прибыли, которые, мягко говоря, достигаются сомнительным путем. Благодаря своим огромным связям, могуществу и богатству, он постарался не оставить следов. Но в наш век компьютеров мы должны постараться напасть на эти следы везде, где бы они ни были оставлены. И я уверен, что расследование исчезновения Фарли Джефферса станет первым шагом на пути разоблачения Сэма Фонтана".

Вилли позвонила Нику и пригласила его на обед.

– Ник, – начала она после того, как они, встретившись, обменялись несколькими ничего не значащими фразами. – Мне нужна от тебя определенная информация. Статья, которую ты написал о Фонтана, звучит так, как будто ты знаешь гораздо больше, чем написал. Разве не так?

Ник усмехнулся и, приподняв бровь, с любопытством посмотрел на Вилли.

– Ну и что? Я не думал, что ты заинтересовалась большим бизнесом. Постой... Не хочешь ли ты сказать, что дочь Фонтана разводится?

Вилли нетерпеливо покачала головой.

– Насколько я знаю, там никто не разводится. Неужели я не могу задать тебе вопрос, который не имеет отношения к моей работе?

– Перестань, Вилли. Ты не забыла, что я репортер? Я же вижу, что это больше, чем простое любопытство. Хорошо, скажи, что именно тебя интересует.

Вилли задумалась. Она не собиралась говорить Нику о своих отношениях с Джеддом. Но ей следовало как-то объяснить свою просьбу.

– Я знала эту семью еще ребенком. Пожалуйста, скажи мне, что там происходит?

Сейчас настала очередь Ника призадуматься.

– Если ты дружна с этими людьми, то тебе вряд ли понравится это, – сказал он. – Мой старый друг – Грэг Хейвуд, мы с ним начинали в журнале "Тайм", – начал вести расследование по делу в Монтане. Он напал на след того парня, который вынудил Фарли Джефферса уехать на Багамы. Выходит так, что он брал большие взятки от "Фонтана Интерпрайзиз" в течение нескольких лет. А когда он решил выйти из игры, парни Сэма сказали ему, что у него нет обратного пути. Джефферс ужасно перепугался, и Грэг убедил его, что единственный способ спасти свою шкуру, – это написать на Сэма донос. Грэг – настоящий бульдог, Вилли. Он всегда добивается своего. И сейчас его интересует одно – докопаться до истины. Фонтана могут подкупить правительство, но когда за дело берется Грэг, это опасный сигнал. Ты удовлетворила свое любопытство?

Вилли кивнула. На сердце у нее было тяжело. Она не сомневалась, что Сэм заслуживает наказания, каким бы тяжелым оно ни было. Но Джедд? Неужели он тоже его заслужил?

ГЛАВА 5

– Вас ждет следующий посетитель, – сообщила Вилли секретарь.

Вилли попросила несколько минут подождать, пока она закончит телефонный разговор с оппозиционным адвокатом, с которым она должна была окончательно урегулировать некоторые вопросы. Сейчас Вилли была мало загружена делами и большую часть своего времени посвящала подготовке к выступлению на конференции.

Она разрешила посетительнице войти и, когда подняла на нее глаза, то увидела, что к ней в кабинет входит Сюзанна.

– Сюззи, как я рада тебя видеть, – воскликнула она, протянув руки, чтобы обнять подругу, которую не видела столько лет. – Почему ты мне не позвонила? Мы бы встретились в кафе или еще где-нибудь...

Но лицо Сюзанны заставило ее остановиться на полуслове.

– Господи! Не говори мне, что ты и Джим разводитесь.

Сюзанна улыбнулась своей иронической улыбкой, которую Вилли так хорошо помнила.

– Не волнуйся. Развод наш состоялся два года назад. Это было скучное и рутинное дело, совсем не похожее на те, которыми занимаешься ты. Я не хотела беспокоить тебя из-за этого.

– Это не было бы большим беспокойством. Но если так... А какая сейчас у тебя проблема?

Сюзанна достала из сумки сигарету, прикурила ее и глубоко затянулась.

– Я умираю, Вилли.

– О, Господи, Сюззи!.. Сюзанна улыбнулась и загасила сигарету.

– Я больна уже несколько лет. И сейчас уже мало надежды на выздоровление.

Вилли взяла подругу за руку.

– Расскажи, что привело тебя сюда? Чем я могу тебе помочь?

Сюзанна прикрыла глаза, и Вилли только сейчас заметила боль на ее лице.

– После развода дети остались со мной, но сейчас Джим хочет отнять их у меня.

– Сукин сын, – Выругалась Вилли. – Он не сможет этого сделать.

Сюзанна покачала головой, словно разубеждая Вилли.

– Это не так, Вилли. Джим порядочный мужчина. Он не отобрал у меня детей во время развода и старается быть хорошим отцом для Триш и Бобби....

– Тогда в чем же дело?

– Он хочет забрать их сейчас... Он думает, что, если дети будут со мной, это плохо отразится на них. Он не хочет, чтобы они видели, как я хуюею и постепенно умираю. Он считает, что они не должны пройти через такое испытание... Я пыталась отговорить его, но он боится за них и ничего не хочет слышать. А мы с детьми так близки, мы не можем жить друг без друга. Когда я умру... тогда пусть... но только не сейчас... Помоги мне, Вилли, пожалуйста... помоги мне сохранить моих детей!

– Пусть только кто-нибудь попробует остановить меня, – свирепо сказала Вилли.

На какое-то мгновение лицо Сюзанны просветлело.

– Ты очень много работаешь, Вилли. Я рада за тебя, что у тебя все получается. – Она внимательно посмотрела в глаза своей старой подруги. – Ведь твои дела идут хорошо, не так ли?

Ее вопрос звучал как просьба. Сюзанне очень хотелось верить, что мечты ее давней подруги сбылись, несмотря на то, что ее собственная жизнь ускользала от нее.

– Я делаю все, что могу, – ответила Вилли. – Единственное, что я хочу сейчас, – это помочь тебе. Мы постараемся это сделать вместе.

Сюзанна снова улыбнулась.

– Но есть еще одна вещь. У меня нет денег, и я не в состоянии...

– Ты думала, я возьму с тебя хотя бы пенни? – воскликнула Вилли. – Но почему так? А твоя семья?

– Старый добрый Джордж... – произнесла Сюзанна голосом, полным сожаления. – Фортуна изменила Паркменам. Ты помнишь, как Джордж говорил, что наша задача заключается в том, чтобы удачно выйти замуж. Мне не повезло... А старый Джордж обанкротился. А то, что осталось, он разделил между моими братьями. И вот я здесь. Прошу подаяния у своей старой подруги.

– Это не подаяние, Сюзанна. Это шанс для меня оплатить старый долг. Только я надеюсь, что смогу сделать большее...

Следующие несколько недель Вилли решила не заниматься другими делами и отказывать всем, кто будет обращаться к ней. Она

дала обет полностью посвятить себя делу Сюзанны.

Обычно она передавала часть работы коллегам или клеркам, но сейчас Вилли занималась всем сама. Она тратила много времени, изучая вопрос опеки детей в различных штатах. Она читала статьи о раке в медицинских журналах и интервью психологов и онкологов, которые могли бы дать авторитетные свидетельства в поддержку ее дела.

Она была так погружена в эту работу, что чуть не отложила вместе с ежедневной почтой конверт, который привлек ее внимание почтовой маркой Южной Дакоты. В углу она прочла имя – Элмер Хоукинс. Это был один из старых друзей Перри. Она вскрыла конверт и стала читать письмо.

"Дорогая Вилли.

Может быть, ты уже не помнишь меня, но у меня такое чувство, что я знаю тебя хорошо, потому что Перри постоянно говорит о тебе. Ты единственная, кто у него есть и кто бы мог ему помочь. Вот что случилось, Вилли.

На прошлой неделе новый шериф задержал Перри за бродяжничество, и все потому, что он немного выпил и заснул в парке. Перри остался бы в тюрьме до второго пришествия, и мне пришлось взять его под залог. Ему некуда деться. С тех пор, как его хижина сгорела, он живет как бродяга, у которого нет дома. Я знаю, что он очень плохо поступил с твоей матерью, но, может быть, ты простишь его. Ведь он твой отец, и будет не совсем правильно, если он так плохо кончит. Это все, что я хотел тебя написать.

С уважением, Элмер Хоукинс.

P.S. Никому не рассказывай об этом письме, потому что Перри гордый человек".

Письмо разбередило ей душу и вызвало противоречивые чувства. Что-то подсказывало ей, что она должна помочь Перри, но она не могла простить ему то, что он сделал с матерью.

Она позвонила Ларри Кьюсаку.

– У меня для вас есть работа, – сказала она. – Я хочу, чтобы вы поехали в маленький городок в Южной Дакоте... в Белл Фурш. Вы положите некоторую сумму денег в местный банк на предъявителя. От кого – придумайте сами.

– А кто должен их востребовать? – спросил Кьюсак.

Вилли запнулась в нерешительности.

– Его зовут Перри Делайе... Он мой отец.

– Нет вопросов, адвокат, – сказал Кьюсак после небольшой паузы.

– Если вы когда-нибудь захотите поговорить на эту тему, помните – я к вашим услугам...

Спасибо тебе, Кьюсак, думала она, вешая трубку. Она делает, что может, и, возможно, когда-нибудь наступит день, который принесет прощение и мир.

Не впервые за время работы Вилли огорчали сплетни. Обычно они печатались в газетах, и им уделялось мало места. Но при упоминании дела Сюзанны, где она представляла истца, ее имя стало звучать во всех новостях.

Одна из газет Коннектикута назвала ее авантюристкой, другая сообщила, что они с Сюзанной были сокурсницами, и определила ее участие в деле как долг старой дружбы. Вилли никогда не беспокоило, что говорят о ней. Она лишь молила Бога, чтобы эти сплетни не повлияли на Сюзанну.

Она все больше и больше тревожилась за ее здоровье. Сюзанна очень много курила, исчезли ее былая веселость и живость, а вокруг рта легли морщины. Ее некогда стройное и изящное тело сейчас казалось болезненно хрупким. Прекрасная светлая кожа побледнела и стала прозрачной, и только ее темно-карие глаза горели неестественным блеском.

– Все будет в порядке, – снова и снова повторяла ей Вилли, чувствуя, что она бессильна спасти подругу, и все, что она может, – это сделать остаток ее жизни терпимее.

Слушание дела началось с выступления адвокатов обеих сторон. Потом вызвали Джима. Отвечая на вопрос своего адвоката, он объяснил причину, почему он хочет забрать своих детей.

– Я ничего не имею против моей бывшей жены Сюзанны, – сказал он. – И я глубоко сожалею, что она больна. Я просто хочу оградить наших детей от испытания, которое может оставить страшный след в их жизни...

– Сделай что-нибудь, – прошептала Сюзанна, потянув Вилли за рукав. – Он говорит так чертовски убедительно...

Вилли покачала головой. Попытка дискредитировать человека, подобного Джиму, может обернуться против них. Она решила дать ему

высказаться до конца.

Его адвокат представил суду необходимые бумаги, подписанные сотрудниками и соседями Джима, которые свидетельствовали, что он является солидным и респектабельным человеком и любящим отцом. Вилли тоже подала бумаги, характеризующие Сюзанну таким же образом.

Потом выступил свидетель Джима, детский врач-психолог из университета Корнелля. Холодная рука Сюзанны сжала под столом руку Вилли, когда врач объяснял, что для детей будет лучше, если их оградить от картины тяжелой болезни матери. Он рекомендовал передать детей Джиму, назвав это "самым гуманным решением для всех заинтересованных сторон".

– Как бы не так, – прошептала Вилли, вставая, чтобы задать ему вопрос.

– Ваше звание детского психолога, конечно, впечатляет, – сказала она. – Но можете ли вы сказать нам точно, сколько случаев такого рода было в вашей практике?

Психолог прочистил горло.

– Сложно ответить на этот вопрос, адвокат. Все случаи отличаются друг от друга, и трудно встретить два одинаковых...

– Хорошо, – сказала Вилли. – Позвольте мне иначе задать вопрос. Сколько подобных случаев было в вашей практике? Один? Десять? Или это первый случай? И не забывайте, доктор, что вы дали присягу...

Психолог замялся.

– Если быть точным, адвокат, то такой случай у меня впервые, но у меня...

– Спасибо, доктор. Значит, можно сказать, что ваши выкладки базируются на голой теории?

– Да, но...

– Спасибо, доктор. У меня нет больше вопросов. Она подмигнула Сюзанне, у которой на лице появилось подобие улыбки.

Тем временем психолог объяснял, что ему приходилось лечить детей, травмированных смертью одного из родителей.

Потом Вилли пригласила своего психолога, который сказал, что дети будут чувствовать себя обиженными и покинутыми, если сейчас оторвать их от матери.

– Доктор Иделстейн, – сказала Вилли. – Позвольте задать вам тот же самый вопрос, который я только что задавала вашему коллеге. Были ли в вашей практике точно такие случаи?

– Нет.

– Значит, ваша точка зрения основывается на той же самой информации, которой пользовался доктор Кингслей? Вы сообщили нам ваше личное мнение, я правильно вас поняла?

– Да, это так.

После обеда Вилли пригласила своего второго и последнего свидетеля, представителя Центра раковых заболеваний.

– Доктор Фарбер, – начала она. – Вы обследовали моего клиента и ознакомились с историей ее болезни. Базируясь на вашем огромном опыте, что вы можете прогнозировать?

– При всем своем большом опыте, я менее всего склонен к обобщениям, адвокат. Я видел смерть пациентов, которые должны были жить, и у меня были случаи излечения больных, не поддающиеся никаким объяснениям с медицинской точки зрения. Единственное, что я могу сказать, – это то, что женщина, которую я обследовал, серьезно больна, и что она сможет прожить, возможно, год или около того.

– Главное, чтобы у нее было желание жить, не так ли?

– Да, это так. У меня были случаи, когда пациенты продлевали себе жизнь только потому, что сильно хотели жить.

– Но Сюзанна, к счастью, имеет большую силу воли и желание жить, не так ли, доктор? Ведь есть новые методы и препараты для лечения, которые эффективно используются для таких больных, как Сюзанна?

– Да, это так. Хотя я и консервативно отношусь к новым методам лечения.

Настала очередь адвоката Джима задавать вопросы.

– Доктор Фарбер, можете ли вы описать симптомы болезни?

Вилли почувствовала, как трясется Сюзанна, когда доктор стал перечислять их: "быстрая потеря веса... Невозможность глотать твердую пищу... постепенная потеря умственных способностей... периоды острой боли". Она испытывала большую ненависть ко всем, кто подверг Сюзи такой пытке.

– Доктор Фарбер, – обратилась она к нему, – то, что вы описали, – это ужасно и не в пользу моего клиента, не так ли?

– Да.

– И если мой клиент будет в таком состоянии, она не сможет находиться дома и заботиться о своих детях. Она ляжет в больницу, правильно?

– Да, именно так.

– Спасибо, доктор.

Адвокат Джима взял слово и с большим состраданием и симпатией к Сюзанне подчеркнул, что действия его клиента объясняются только интересами детей.

Настала очередь Вилли выступить с речью. Она встала, и голос ее зазвучал уверенно и громко.

– Сюзанна является моим клиентом. Кроме того, уже много лет мы дружим. Она хороший и скромный человек. Мы с Сюзанной вместе учились в университете... это было давно. Она пожертвовала своей карьерой ради того, чтобы выйти замуж и иметь детей. Семья является всем для Сюзанны, и сейчас она стоит перед вами и умоляет не разбивать ее семью. Быть больной – это не преступление. Я прошу вас, не наказывайте Сюзанну, не наваливайте на нее бремя, которое она не в состоянии будет вынести, не лишайте ее детей. Мы сегодня слышали здесь, что это якобы делается в интересах детей, для пользы которых их разлучают с матерью. Это абсурд. Это чудовищная несправедливость. Можем ли мы учить детей, чтобы они отказывались от людей, которых любят, только потому, что те больны?

Голос Вилли сорвался, и по щекам потекли слезы, но она продолжала.

– Может быть, это единственная радость для Сюзанны – видеть, как растут ее дети, и в ожидании конца пожинать плоды своей любви и преданности. Но скоро все кончится для моей подруги Сюзанны... Я прошу вас, сделайте ей подарок на оставшееся время ее жизни, сколько бы оно ни продолжалось, не отбирайте у нее детей.

Судья отсутствовал около часа. Вилли крепко сжала руку Сюзанны, когда он начал говорить.

– Суд не может с чистой совестью лишить мать своих детей без основательных на то причин. Причины, представленные в суд, показались нам неубедительными. Суд решает дело в пользу Сюзанны Паркмен...

– Спасибо, спасибо... – воскликнула Сюзанна. Ее лицо преобразилось от радости. Вилли вытерла слезы и обняла свою подругу.

Уже давно она не испытывала такое удовлетворение от своей победы.

ГЛАВА 6

Этот день начался обычно. Почти. Погода стояла весенняя, потоки солнечного света лились в окна, и растения на террасе блестели от утренней росы.

Вилли приняла душ и вынесла свой завтрак на террасу. С чашкой кофе в руке она наблюдала, как просыпается Пятая авеню и Централ-Парк. Незаметно ею овладели чувства, которыми она умела управлять, но сейчас дала себе возможность расслабиться. Она сделала карьеру, которой можно было только завидовать, у нее была собственная юридическая фирма, ее талант и красота были по достоинству оценены, она имела роскошную квартиру в самом центре одного из лучших городов мира.

Но до сегодняшнего дня, дня ее тридцативосьмилетия, она по-прежнему была одинокой. Чаще, чем когда-либо, она думала и тосковала о Джедде. Да, он запутался в паутине зла, сплетенной Сэмом, но все еще не осознавал этого. Было слишком поздно открывать ему глаза, хотя Вилли чувствовала истину, еще будучи совсем молодой.

Вилли пришла в офис задумчивой. Приняв поздравления коллег, она прошла в свой кабинет и увидела на столе газету, оставленную ее секретарем. В статье, обведенной красным карандашом, сообщалось, что после двух десятилетий роста количества разводов в Америке, наконец, наблюдается их спад. Вилли улыбнулась – она всем сердцем желала дожить до дня, когда ее работа станет ненужной.

Но пока она снова ждала ее. Ее новый клиент, Каролина Барлет, сказала, что ей двадцать восемь лет, но выглядела она на шестнадцать. Она уже успела выйти замуж и развестись. Случилось это пять лет назад. Ее мальчикам присудили алименты, которые она должна была получать до достижения ими восемнадцатилетнего возраста.

– Я догадываюсь, что из-за того, что я снова вышла замуж, мой бывший муж хочет отказаться от уплаты алиментов, – жалобно сказала она. – Но я не хочу оставлять своих детей без средств. Я не хочу, чтобы они зависели от чужого человека.

Вилли кивнула в знак согласия, вспомнив, как тяжело ей было мириться с присутствием в ее жизни Нила, хотя она и была уже

взрослой.

– Пауль, мой бывший муж, женился пару лет назад. У его жены трое детей, и я уверена, что это ее козни. Сейчас Пауль вызывает меня в суд как раз по поводу алиментов, мисс Делайе, – сказала она шмыгая носом. – У него хороший дом и новая семья, и он собирается лишить меня последнего куска хлеба.

– На каком основании? – спросила Вилли.

– Он старается доказать, что мы с моим другом Энди живем вместе... ну, как муж и жена. Но это не так.

Каролина заплакала, и Вилли дала ей воды и подождала пока та успокоится.

– Я не могу жить, как монахиня, – продолжала Каролина. – Я женщина, и я не в силах быть все время одна. Мы с Паулем больше не женаты... Почему же он все время следит за мной и ведет со мной грязную игру, отказываясь платить то, что обещал.

– Как следит?

Примерно год назад он нанял парня, который следит за каждым моим шагом. Он знает все обо мне – с кем я бывала и с кем жила. Тогда я смогла его образумить, но сейчас он пытается снова...

Вилли разозлилась. Единственной целью ее жизни было защищать женщин от деспотизма мужчин и от нищеты, на которую обрекал женщин и их детей несправедливый развод. Алименты и так были ничтожны, зачастую достаточны лишь для того, чтобы дети не умерли с голоду. Но многие мужья отказывались платить даже эти крохи. Сейчас один из них пытался обмануть женщину, которая сама была беспомощна, как ребенок.

– Я должна задать вам один вопрос, – сказала Вилли. – Имеет ли суд веские доказательства близости между вами и вашим другом, получив которые, он принял бы сторону вашего мужа?

Каролина залилась краской.

– Вы имеете в виду, спала ли я с ним?

– Нет. Вы имеете все права на личную жизнь, если, конечно, она не вредит вашим детям. Я имею в виду, оплачивает ли ваш друг ваши счета, покупает ли продукты и так далее...

– Мы с Энди проводим вместе пару дней в неделю, когда я могу оставить детей с матерью, и это все.

– Тогда можете быть спокойной. Я добьюсь того, чтобы вы не потеряли алиментов, чего бы это мне ни стоило.

Каролина покидала офис с улыбкой, и Вилли подумала, что это, возможно, лучший подарок в день ее рождения. Первым делом она решила тщательно проверить финансовое состояние Пауля Барлета и образ его жизни. Она решила создать прецедент, чтобы другим мужчинам неповадно было увертываться от своих прямых обязанностей.

– Это срочная работа, – объяснила она Кьюсаку. – У нас в распоряжении две недели.

– Когда все это кончится? – вздохнул он.

– Не знаю, – ответила Вилли. – Может быть, когда люди возьмут за правило то, что провозглашали в шестидесятых – любовь лучше, чем война.

– Да услышит вас Бог, – усмехнулся Кьюсак.

Вскоре после ленча Памела Белзер привела в офис двух студенток-юристов.

– Вот они, – сказала она. – Самые лучшие и самые разумные в моей alma mater. Они прекрасно справляются со своей работой и горят желанием познакомиться с легендарной Вилли Делайе.

Как быстро происходит смена поколений, подумала Вилли.

– Я рада познакомиться с вами и согласна с предложением Памелы взять вас на работу.

Как они молоды, думала она, и какими энергичными и целеустремленными выглядят.

– Спасибо, – сказала одна из девушек. – У нас есть к вам вопрос, мисс Делайе.

– Так задавайте его быстрее.

– Мы слышали, что при разводах вы всегда защищаете только женщин. Является ли это политикой вашей фирмы, и навязываете ли вы ее вашим коллегам?

Вилли задумалась. Как объяснить им, почему она выбрала для себя такую стезю?

– Это правда, – сказала она. – Всеми моими клиентами были женщины. Назовем это моей личной политикой, но я никогда не навязываю ее своим коллегам. Я горжусь тем, что наша фирма имеет хорошую репутацию. Мы больше, чем другие фирмы в штате, а может,

и во всей Стране, занимаемся делами женщин, которые не имеют возможности нести расходы на процедуру развода, и если нашими клиентами являются женщины, то это потому, что они больше нуждаются в помощи.

В течение следующих нескольких часов Вилли работала над своей речью, которую собиралась произнести на конференции по брачному законодательству. Цель, которую она преследовала, заключалась в том, чтобы, подвергнув критике существующие законы о разводе, попытаться изменить их.

Когда стрелки часов показали пять, Вилли решила, что ей не хочется идти домой и закончить свой день рождения, как и многие предыдущие, поработав над очередным делом и пораньше отправившись спать. Она решила позвонить Нику.

– Можно тебя вытащить на обед?

– Ищешь плечо, чтобы поплакать?

Ей показалось, что Ник знает о дне рождения, и это удивило ее.

– Я не знала, что день рождения надо оплакивать.

– День рождения? – удивился Ник. – Я думал... Ты не читала сегодня газеты, Вилли?

– Не имела удовольствия. А что там, Ник?

– Новости о вашем приятеле – Фонтана. Исчез Грэг Хэйвудс. Его автомобиль разбился в каньоне недалеко от Бьюти. Считают, что он мертв. Местные копы называют происшествие чистой случайностью, но они явно что-то скрывают. Не надо быть гением, чтобы догадаться, чьих это рук дело.

– Этого не может быть, – прошептала Вилли. Неужели Сэм зашел так далеко, что решился на убийство? И замешан ли в нем Джедд? Тревожные мысли теснились у нее в голове.

– Этому трудно не верить, – продолжал Ник. – Потому что все репортеры, которых я знаю, говорят то же самое. Сэм Фонтана допустил большую ошибку. Он мог избавиться от одного человека, но он не может заставить молчать других. Репортеры работают как копы, Вилли. Если кто-то посмеет ранить одного из нас, мы все встанем на его защиту. Я вылетаю в Монтану. Там за дело взялась группа журналистов телеграфного агентства. Они уже передали записки Грэга офису адвокатов Соединенных Штатов. Мы поднимем такую шумиху, что им не останется ничего другого, как прижать Сэма Фонтана.

Извини, я не смогу пообедать с тобой... и желаю тебе счастливого дня рождения.

Оглушенная новостью, Вилли долго сидела за своим столом, пока не стемнело и город не осветился тысячью огней. Ее рука потянулась к телефону и остановилась. Сообщив новость Джедду, не предаст ли она доверие Ника? Но она вспомнила, что однажды Джедд столкнулся с такой же проблемой и все-таки решил помочь ей. Могла ли она поступить иначе сейчас, когда рушился мир Джедда?

Она набрала номер и услышала его голос.

– Послушай, – сказала она без всякого предисловия. – Я только что узнала о смерти Грэга Хэйвуда. Начинается расследование – серьезное и мощное. Сэм зашел слишком далеко, и на этот раз ему вряд ли сойдет с рук...

– Ты все еще сомневаешься в моем отце, Вилли? – спросил он крайне раздраженно. – Я знаю, что ты не любишь его. Но я тебе говорю снова и снова – он никогда не совершал и половины того, в чем его обвиняют. Никогда!

– Джедд, – мягко сказала она. – Я не имею в виду твоего отца. Я говорю о тебе. Независимо от того, чем занимался Сэм, я знаю, что ты не можешь быть частью этого. Я хочу помочь тебе так же, как ты помогал мне...

– Спасибо, Вилли, за заботу. Но если твое предложение подразумевает предательство отца, я не могу себе этого позволить.

Связь прервалась. Осел, подумала она, настоящий упрямый и горделивый осел. Такой преданный человеку, который не заслужил этого. Когда Вилли положила трубку, в глазах у нее стояли слезы.

ГЛАВА 7

– И это все, Ларри? – разочарованно спросила Вилли. – Это все, что вы могли найти о Пауле Барлете?

Кьюсак сделал недовольную гримасу.

– Если бы я вас не знал так хорошо, Вилли, я мог бы подумать, что вы хотите меня унижить. Его текущий счет невелик, и он выглядит положительным человеком: хороший муж, исполнительный работник, по словам его соседей, хороший отец для своих приемных детей.

– Если он такой хороший отец, он не посмел бы третировать мать своих собственных детей.

– Я не хочу вас ничему учить, адвокат, но, может быть, вы еще раз побеседуете с вашим клиентом?

– Мне известно все, что необходимо, – отрезала Вилли. – Мужчина не выполняет своих обязанностей, и его необходимо поставить на место.

Однако после того, как Кьюсак ушел, она все же решила позвонить Каролине. Ответил мужской голос и позвал к телефону Каролину.

– Скажите, попросила Вилли, – не могли бы вы назвать имя человека, которого нанял ваш бывший муж, чтобы следить за вами?

– О, Боже! Мисс Делайе, я так рассеяна, – вздохнула Каролина. – Оно просто вылетело у меня из головы. Что-то вроде Боба...

Вилли почувствовала глубокое разочарование.

– Позвольте мне задать вам еще один вопрос. Как долго ваш муж не платит алименты?

– Ну... Он каждый раз звонит и говорит, что испытывает недостаток в деньгах. Его чеки всякий раз запаздывают...

– А был ли случай, чтобы он не уплатил?

– Нет... Господи! Вы меня пугаете. Почему вы задаете мне эти вопросы? – захныкала Каролина. – Вы обещали мне, что я не потеряю эти алименты, мисс Делайе, вы обещали...

– Я знаю, – сказала Вилли упавшим голосом. – Я всегда держу свои обещания.

Как только лимузин Вилли свернул на Сорок вторую улицу, она увидела толпу репортеров. Замечательно, что конференция привлекла к себе такое внимание, подумала она. Какой хороший шанс

сфокусировать национальное внимание на проблеме, которой она посвятила всю свою жизнь. Но когда она вышла из машины, ее тут же окружила толпа возмущенных женщин с плакатами в руках, на которых она с ужасом увидела свое имя: "Мы не хотим возвращения старых тяжелых времен, Делайе!", "Долой Делайе!"

– Садись обратно в свой лимузин и катись домой! – крикнула ей одна из женщин.

– Нам не нужен адвокат-миллионер! Что вы знаете о простых женщинах? – кричала другая.

Прежде, чем она успела что-то сказать, репортер поднес к ее лицу микрофон.

– Я слышал, что вы выступаете против реформ законов о разводе?

Вилли почувствовала себя, словно Алиса в стране чудес.

– О чем вы говорите? – воскликнула она. – Я всегда...

Но ее слова потонули в шуме толпы.

И тут она увидела Френсиса Алоисиса Гарригана. Он был среди толпы и управлял ею, как опытный дирижер. Вилли поняла, что все происходящее подстроено умышленно. Он оправдывал свою репутацию хитрой лисицы. Он стоял перед телевизионной камерой.

– Леди и джентльмены, – сказал он зычным баритоном. – Я надеюсь, большинству из вас известны принципы, за которые борется этот адвокат. Хочу признаться вам, что хотя у нас с мисс Делайе часто бывали разногласия, но в этом вопросе мы едины. Мы оба желаем счастья детям и женщинам Америки. Разве не так, адвокат? – Он повернулся к Вилли.

– Я обо всем скажу в своем выступлении, – сказала она. – И тот, кто действительно хочет знать, за что я борюсь, пусть войдет и послушает меня.

Открыл конференцию Гарриган.

– Как президенту Адвокатуры по вопросам брака и председателю этой конференции, позвольте мне сразу же заметить, что существующий закон является несовершеннолетним. Профессия юриста возникла из нужд человеческого бытия, но она не всемогуща и, увы, несовершенно. Всем известно, какой тяжелый след оставляет развод, и какими неприятными последствиями он грозит всем, особенно женщинам и детям. И все-таки, я имею смелость утверждать, что решение проблемы заключается не в сохранении старых правил

развода или, напротив, в изменении законодательства, а только лишь в повышении уровня образования. Американские женщины храбро борются за равенство. Сейчас наше общество обязано научить их самостоятельности, и только тогда они смогут быть равными с мужчинами как в браке, так и при разводе.

Вилли пришла в ужас, видя одобрительную реакцию публики на пустословие Гарригана. Неужели они не видят, что стоит за его словами?

Закончив свое выступление, Гарриган стал представлять ораторов одного за другим, и каждый из них в той или иной форме повторял мотивы его собственного выступления. Смятение Вилли росло.

Наконец в пятнадцать минут пятого Гарриган представил ее.

– Леди и джентльмены, – сказал он. – Я оставил на конец выступление этой прекрасной леди, моей протеже, – и я говорю это с гордостью, – по весьма веским причинам. Мы прослушали сегодня блестящие выступления и, безусловно, примем рекомендации уважаемых коллег к сведению. Но пока еще закон не стал таким, чтобы защитить одних и не навредить другим, мы должны быть благодарны таким адвокатам, как Вилли Делайе, которые идут прямой дорогой к совершенству и готовы показать его нам...

Взрыв смеха и насмешливые возгласы, вызванные явно издевательским тоном Гарригана, провожали Вилли к трибуне. Она заметила группу делегатов, собирающихся покинуть конференцию, и громко сказала:

– Пойдите! Просто оставайтесь там, где стоите. Я знаю, что все вы устали, но дайте мне всего несколько минут, пожалуйста. Я так же, как и вы, весь день слушала рассуждения – ни к чему не ведущие и ничего не значащие, – о том, что было раньше – курица или яйцо.

Я не знаю, что каждый из вас слышал обо мне, но я хочу сказать, что вовсе не отстаиваю возврата к старым временам, когда развестись было почти невозможно, если вы не были богаты, когда прелюбодеяние, истинное, или выдуманное, являлось единственной причиной, допускающей развод. Но, упрощая процедуру развода, мы не учитываем одну вещь – неодинаковые условия для ведения переговоров для мужчин и женщин. Да, закон предусматривает "справедливое разделение имущества", но в действительности его нет и не будет, пока оно проводится судьями-мужчинами, рассуждающими

с мужской точки зрения. Мы творили страшное беззаконие по отношению к женщинам среднего класса, которые восприняли брак как свою единственную профессию. Когда он рушится, они остаются нищими, без средств к существованию. Если им повезет, они в лучшем случае получают половину семейного дома, что является ничтожно малой частью в условиях современного существования.

В противоположность мистеру Гарригану, я не имею дорожной карты в Утопию. Вопросы, которые у меня есть, касаются только права. Мы, юристы, создали "новых бедных". Я спрашиваю вас, что мы собираемся делать с ними?

Когда Вилли закончила свое выступление, робкие вначале аплодисменты переросли в бурную овацию.

– Хорошее начало, – с одобрением сказал Гарриган, когда Вилли проходила мимо него. – Но неужели вы в действительности надеетесь на какие-либо перемены?

– Я не знаю, Френсис, – ответила она. – Единственное, что я могу с уверенностью сказать, что закон нуждается в таких, как я, чтобы уберечь людей от таких "честных", как вы.

ГЛАВА 8

– Вот мы и встретились снова "Прекрасная женщина", – сказал Бад Хоудж, склонившись над столом, за которым Вилли сидела с Каролиной Барлет. – Честно говоря, я удивлен, что вы взялись за такое дело.

– А я не удивляюсь, Бад, – ответила Вилли. – Ведь вы всегда были сторонником мужчин. Это дело как раз вам подходит.

Бад раскрыл было рот, чтобы ответить, но передумал и вернулся к своему клиенту.

Слушание дела началось с выступления Пауля Барлета, миниатюрного мужчины, привыкшего говорить тихо и мягко. Он чем-то напомнил Вилли Ларри Кьюсака. Но она отбросила это сравнение, напомнив себе, что Кьюсак был порядочным человеком, который заботился о своих детях и бывшей жене.

– Мистер Барлет, – начал Бад. – Объясните, пожалуйста, суду, почему вы просите освободить вас от дальнейшей уплаты алиментов?

– Я полагаю, что, поскольку моя бывшая жена живет с мужчиной, я не обязан содержать их.

– Возражаю, – Вилли поднялась на ноги. – Может ли истец доказать, что мой клиент с кем-нибудь сожительствует?

– Принимается, – согласился судья. Бад попытался несколько изменить вопрос.

– Расскажите суду, почему вы были согласны платить алименты до тех пор, пока ваша бывшая жена не вступила в новый брак?

– Возражаю, – вновь встала Вилли. – Истец платил алименты не по своей воле и не в силах был решать, платить их ему или не платить.

– Принимается!

Большинство из восемнадцати возражений Вилли по ходу дела было принято. Вызванные в качестве свидетелей соседи подтвердили, что друзья бывали у Каролины практически семь дней в неделю, но Вилли удалось выкрутиться, так как никто из них не мог доказать, жил ли кто-нибудь у Каролины.

Когда подошла очередь Вилли выступать, она представила суду квитанцию об оплате за меблированную комнату, которую снимал друг

Каролины. Потом она вызвала Каролину. В розовом платье с большим белым воротником, та была похожа на ученицу воскресной школы.

– Ваша честь, – начала она, и ее глаза наполнились слезами. – Я пыталась получить работу. Я изучала стенографию и машинопись по учебникам, но с двумя малышами на руках и с моим слабым здоровьем мне это удавалось с трудом...

Пока она говорила, Вилли наблюдала за судьей и увидела в его глазах лучик симпатии к Каролине.

– Ваша честь, – сказала она, когда Каролина закончила. – Мой клиент свободный человек и имеет все права на личные отношения с женщиной. Освобождая Барлета от уплаты алиментов и облегчая тем самым его затруднительное положение, мы рушим тонкую стену уверенности, которая защищает на сегодняшний день женщину, получившую развод.

Судья согласился с доводами Вилли и после короткого перерыва вынес решение в пользу Каролины. Вдруг в зале раздался крик отчаяния. Обернувшись, Вилли увидела молодую женщину, повисшую на Барлете. По всей вероятности, это была его жена.

Вилли посмотрела на своего клиента. На лице Каролины не было ни радости, ни даже следа благодарности. Это было выражение лица Чеширского кота. К ней подошел Бад Хоудж.

– Ангелы всегда на вашей стороне, Вилли, не так ли? – сказал он с сарказмом в голосе. – Благодаря вам и тунеядцу, который вас нанял, этот скромный человек вылетел в трубу. Единственно плохое, что Пауль Барлет совершил за всю свою жизнь, это то, что он женился на этой суке и интриганке... даже трудно поверить, что за свою ошибку он должен лишиться покоя на всю жизнь. Он собирается подать апелляцию, Вилли, а я возьмусь за это дело бесплатно и выиграю его. Обещаю вам. Вероятно, к тому времени Пауль Барлет со своей женой и двумя детьми дойдут до ручки, Но я уверен, что это не растревожит вашу совесть, адвокат.

Слова Бада глубоко подействовали на Вилли. Ноющие сомнения не покидали ее ни на следующий день, ни после. Перед ней стояло лицо Пауля Барлета, и она в сотый раз прокручивала в голове процесс. И Вилли сделала то, чего еще никогда не делала. Она велела своему шоферу отвезти ее к Паулю Барлету. Выйдя из машины, она увидела

его – он грузил фургон, вынося вещи из дома, который еще недавно принадлежал ему.

– Что вы здесь делаете? – сухо спросил Он.

– Ищу правильный вердикт, – сказала Вилли, проглотив подступивший к горлу комок.

– Вы немного опоздали, – сказал он резко, но в его глазах она заметила искорку надежды.

Вилли решила во что бы то ни стало докопаться до истины, даже если ей придется принять на себя всю злость Барлета.

Барлет вытер лицо носовым платком и сказал:

– Можете войти в дом.

Гостиная была почти пуста, и Барлет пригласил ее сесть на единственный стул.

– Послушаем, что вы скажете... Это нелегко. Вы не находите?

– Да.

– Хотите послушать то, о чем вы не дали мне сказать в суде?

Вилли стало неприятно, она даже поморщилась от напоминания о том, как хорошо она справилась со своей работой.

– Я встретил Каролину, когда ей было шестнадцать. Она бросила школу и начала работать официанткой в ресторане. Я часто там завтракал, и мы с ней подружились. Мы встречались несколько месяцев, и она сказала мне, что ждет от меня ребенка. Я поверил ей. Мы поженились, но потом выяснилось, что она вовсе не была беременной.

Он горько усмехнулся.

Вилли почти физически ощутила его боль, когда он рассказывал о своей бывшей жене, для которой замужество было лишь очередным капризом. Как только он начинал разговор о разводе, она всякий раз заявляла, что беременна, и он обязан заботиться о ней и ребенке.

– После рождения наших близнецов я уже не мог просто уйти. Я прожил с ней еще несколько лет, пока ее лень и ложь не стали для меня невыносимыми. Я сам нуждался, но давал Каролине все, о чем она просила. Честно говоря, я предполагал, что она найдет себе какого-нибудь другого беднягу довольно быстро. Но сейчас, мне кажется, она собирается сделать совсем другое... она хочет и дальше жить за мой счет. Я платил и платил ей, но когда я увидел, как обделяю свою жену и новую семью, я решил, что с меня достаточно. Каролина может сама

устроиться на работу и для разнообразия поработать, как это приходится делать моей жене с того дня, как мы поженились.

Когда Пауль Барлет закончил свой рассказ, Вилли инстинктивно почувствовала, что все, о чем он ей говорил, чистая правда. Она вспомнила, как когда-то обвинила Бада в краже своей речи и как была не права тогда. Как будет ужасно, думала она, если после стольких лет ее знакомства с Бадом выяснится, что у него лучше развито чувство справедливости, чем у нее.

– Я понимаю, что совсем недостаточно сказать вам, что мне очень жаль. Но если я не скажу, что я была не права, я проиграю еще больше.

Барлет покачал головой.

– Может, это покажется безумием, но я благодарен вам за ваш визит. Теперь я знаю, что вы не просто зарабатываете на мне деньги. Вы ведь могли уйти из зала суда и забыть обо всем...

– Нет, – сказала Вилли, – я не собираюсь забывать о вас. Бад – хороший адвокат. Что касается меня, то я обещаю вам, что не буду выступать против вас на апелляции. Желаю вам удачи.

Когда ее лимузин тронулся, она обернулась. На дороге стояла груда коробок и трехколесный велосипед. Эта картина напомнила Вилли тот день, когда шериф выгнал ее с матерью из дома, и их скудные пожитки были выброшены на дорогу.

Будь осторожна в слепом рвении, не раз предупреждал ее Мэтт. Все, кто любил ее, предупреждали об этом.

Если бы Каролина Барлет была мужчиной, Вилли вела бы себя более осторожно. Она бы внимательнее изучила дело и тщательно отыскивала истину. Она всегда знала, что такое правда, всегда. Но Каролина была женщиной, и Вилли стала жертвой собственной привычки – в каждой женщине видеть жертву, а в каждом мужчине – преступника. В течение жизни у нее сложился вполне определенный стереотип мужчины как агрессора и разрушителя. Но Пауль Барлет никак не вписывался в этот стереотип. Он был щедрым и благородным, а она за это его наказала.

Да, это явилось для нее хорошим уроком. Ведь и Мэтт, и Джедд предупреждали ее... Возможно, если бы она позволила себе любить, она смогла бы уберечься от слепого гнева, который сыграл с ней страшную шутку.

Это больше не повторится, твердо обещала она себе. Джедд был прав, ей надо поговорить с ним, и, что более важно, услышать его точку зрения на то, что она узнала от Ника. И сделать это надо сейчас же, пока драгоценный момент жизни не ускользнул от нее.

Но когда она позвонила в штаб-квартиру "Фонтана Интерпрайзиз", ей сообщили, что какое-то время Джедда по этому телефону не будет.

Злясь и волнуясь, она позвонила на ранчо Фонтана, надеясь застать его там, но, когда она попросила служанку позвать Джедда, трубку взял Сэм.

– Я пытаюсь найти Джедда, – объяснила она. – Его нет в офисе, и я не знаю, где его искать.

– Его здесь нет, – сказал Сэм. – Я не думаю, чтобы он вернулся сюда.

Какой-то холод и тревожная решимость звучали в его голосе.

– Но где он? Ради Бога, пожалуйста, Сэм, скажите мне... С ним что-нибудь случилось?

– Вы знаете, Вилли, – сказал он, как будто и не слышал ее вопроса. – Мы с вами всегда недолюбливали друг друга. Но я уважаю вас... и Джедда. Я знаю, он заботится о вас. Не секрет, что вы не та, кого я хотел видеть рядом с ним... Но сейчас...

Вилли слышала, как Сэм тяжело вздохнул.

– Сейчас, Вилли, он нуждается в вас больше, чем во мне. Позаботьтесь о моем сыне, поддержите его...

– Что случилось, Сэм?

– Пусть он сам все расскажет. Пойдите к нему... Он в адвокатуре Соединенных Штатов.

Сэм повесил трубку. Обеспокоенная Вилли пыталась выяснить в офисе адвокатуры, что с Джеддом, но ей не дали никакой информации, посоветовали явиться завтра на пресс-конференцию.

Пресс-конференция собрала множество журналистов. Ведь речь шла об убийстве одного из них. Вилли заметила в этой толчее Ника Росситера.

– Как дела, Ник? – спросила она, настолько взволнованная, что даже забыла поздороваться с ним. – Я слышала, они задержали Джедда Фонтана?

– Так вот в чем дело? – сказал Ник, внимательно посмотрев в ее обеспокоенное лицо. – Я всегда чувствовал, что у тебя к этому делу не праздное любопытство.

– Ник, я обещаю тебе все рассказать позже... Только скажи мне сейчас, за что задержали Джедда Фонтана?

– У тебя ложная информация, Вилли. Его вовсе не задержали. Пресса убедила адвокатуру затребовать отчет о деятельности "Фонтана Интерпрайзиз". Поэтому Сэм решил, что как раз пришло время смыываться, и ретировался в Палм-Спрингс. Навсегда. Его единственный сын получил от него добро на управление всем его наследством. Мои источники сообщили мне, что Джедд пошел на это добровольно, нося имя человека, который замешан в убийстве Грэга Хэйвуда. Да и еще во многих темных делишках...

– Благодарю, Ник. Ты настоящий друг. Я не останусь перед тобой в долгу.

– Прошу помнить это в следующий раз, когда мне понадобится развод, – улыбнулся он.

Она протиснулась к дверям, из которых должен был выйти Джедд. Он появился в сопровождении двух мужчин, но выглядел одиноким и удрученным, казалось, будто каждый шаг давался ему с трудом.

– Джедд, – окликнула она его. – Я подумала, что тебе может понадобиться хороший адвокат. Я знала, что сам ты не попросишь об этом.

Лицо Джедда прояснилось, когда он увидел ее. Не обращая внимания на репортеров, он взял ее за руку и увлек в сторону.

– Ты была права, – сказал он. – Все не так просто, как я думал. Когда я основательнее вник в дела и увидел, как глубоко въелась грязь, я часто вспоминал тебя. Если бы не ты, я не был бы здесь...

– Я не хотела сталкивать тебя с отцом...

– Он сам сделал это. Он совсем не думал о семье, когда принимал свои авантюрные решения. Остайся со мной. Ты мне сейчас очень нужна.

– Я буду с тобой рядом в каждом твоем шаге, – пообещала она, встречая его губы, ищущие поцелуя. – Мы так долго шли друг к другу. И теперь будем идти по жизни вместе.

Она стояла недалеко от него, когда он подошел к микрофонам.

– Я всегда с гордостью носил фамилию Фонтана, – сказал он. – Эта гордость в нашей семье передавалась по наследству – от отца к сыну. Мы обосновались в этом штате, когда Он был еще совсем диким. Мы помогли освоить эти земли и сделать их процветающими. Сейчас это уже история. Сейчас не то время, когда надо управлять страной с помощью оружия. Трагедия состоит в том, что мой отец так и не смог понять этого.

Когда он закончил говорить, Вилли двинулась к нему.

– Вы представляете мистера Фонтана? – спросил ее кто-то из репортеров. Джедд опередил ее с ответом.

– Она является лидером команды моей защиты. Вилли посмотрела на него и улыбнулась. Она хорошо знала, сколько понадобится адвокатов, чтобы распутать тот клубок проблем, в котором запутался Джедд.

– Но это дело не похоже на те, которыми вы занимались раньше, не так ли, мисс Делайе?

– Возможно, здесь есть что-то новое, – заметила Вилли, беря Джедда под руку. – Хотя в общем-то это не выходит за рамки моей компетенции.

Она встретилась глазами с Джеддом. Она так их любила. Она сказала, обращаясь к нему, несмотря на массу репортеров вокруг:

– Трудно опровергнуть факт, что я всегда оказываюсь права в тех делах, за которые берусь.

Содержание

Джессика Марч Иллюзии

КНИГА ПЕРВАЯ УСПЕХ

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

КНИГА ВТОРАЯ УРОКИ

ПРОЛОГ

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

ГЛАВА 3

ГЛАВА 4

ГЛАВА 5

ГЛАВА 6

ГЛАВА 7

ГЛАВА 8

КНИГА ТРЕТЬЯ ДЕЛА

ПРОЛОГ

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

ГЛАВА 3

ГЛАВА 4

ГЛАВА 6

ГЛАВА 7

ГЛАВА 8

ГЛАВА 9

ГЛАВА 10

ГЛАВА 11

ГЛАВА 12

ГЛАВА 13

ГЛАВА 14

ГЛАВА 15

ГЛАВА 16

ГЛАВА 17

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ УБЕЖДЕНИЯ

[ПРОЛОГ](#)

[ГЛАВА 1](#)

[ГЛАВА 2](#)

[ГЛАВА 3](#)

[ГЛАВА 4](#)

[ГЛАВА 5](#)

[ГЛАВА 6](#)

[ГЛАВА 7](#)

[ГЛАВА 8](#)

[ГЛАВА 9](#)

[ГЛАВА 10](#)

[ГЛАВА 11](#)

[ГЛАВА 12](#)

[ГЛАВА 13](#)

[ГЛАВА 14](#)

[КНИГА ПЯТАЯ РЕШЕНИЕ](#)

[ГЛАВА 1](#)

[ГЛАВА 2](#)

[ГЛАВА 3](#)

[ГЛАВА 4](#)

[ГЛАВА 5](#)

[ГЛАВА 6](#)

[ГЛАВА 7](#)

[ГЛАВА 8](#)